

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ДРЕВНОСТИ

УДИВИТЕЛЬ-
НЫЕ
ИСТОРИИ
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ
и
ДРЕВНОСТИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. С. ГОЦ
Л. П. ДЕЛЮСИН
Д. Ф. МАМЛЕЕВ
Т. П. РЕДЬКО
Б. Л. РИФТИН
Е. А. СЕРЕБРЯКОВ
В. Ф. СОРОКИН
М. Л. ТИТАРЕНКО
Н. Т. ФЕДОРЕНКО
Л. Е. ЧЕРКАССКИЙ

Москва

«Художественная литература»

1988

УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ
И ДРЕВНОСТИ

Перевод с китайского

Москва

«Художественная литература»

1988

ББК 84. 5Кит
У30

Составление
и вступительная статья
И. Э. ЦИПЕРОВИЧ

Перевод стихов под редакцией
Л. Н. МЕНЬШИКОВА

Комментарии
В. А. ВЕЛЬГУСА и И. Э. ЦИПЕРОВИЧ

Оформление художника
Ю. Ф. КОПЫЛОВА

у $\frac{4703000000-049}{028(01)-88}$ 173-88

ISBN 5-280-00367-0

© Состав, вступительная статья, комментарии, художественное оформление. Издательство «Художественная литература». 1988 г.

© Сканирование и обработка: glarus63

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПОВЕСТЬ XVI — XVII ВЕКОВ

В литературе разных стран, имеющих многовековую историю, определенные исторические периоды, как правило, отмечены расцветом одного, а то и нескольких жанров, которые составляют лицо соответствующей эпохи и входят затем в сокровищницу мировой культуры. Для китайской литературы XVI — XVII веков такими жанрами стали повесть, роман и драма.

Китайские народные повести этого периода своими истоками восходят к устному народному творчеству — рассказам сказителей, образно названным Лу Синем «литературой колдцев и рынка». Написанные не на классическом литературном языке вэньянь, а на языке, близком к разговорному, обращенные к средним и низшим слоям городского населения и потому отвечающие их ощущению жизни, повести эти создавались литераторами в манере, присущей хуабэням (в переводе: основа для сказа; представляла собой запись сказа со слов исполняющего его рассказчика либо текст, по которому он вел свой сказ), и потому получили в китайском литературоведении название «подражание хуабэням».

Отдельные упоминания о народных сказителях мы находим уже в источниках VIII — IX веков, однако подлинный расцвет их творчества относится к эпохе Сун (X — XIII вв.) — периоду, когда ремесла и торговля, достигнув небывалого размаха, вызвали бурный рост городов и вовлекли в их кипучую жизнь огромные массы простого народа.

В те времена не только в столицах сунского Китая — Кайфэне и Ханчжоу, — но и в других крупных городах существовали так называемые «черепичные навесы» — специальные места для публичных представлений. Жизнь на таких площадях, где полно было винных лавок и торговых рядов, бурлила днем и ночью. Кукольники и песенники, фокусники и актеры, прыгуны с шестом и борцы — все имели специ-

ально отведенное для своих представлений место. Имели свои места и рассказчики. Одни из них пересказывали буддийские сутры, другие — любовные и фантастические истории, третьи — исторические сказы о героическом прошлом китайского народа: легендарных сражениях и известных полководцах. Чаще всего пересказывались сюжеты, взятые из книг, однако порой творцами своих историй являлись и сами рассказчики. Чтобы не оказаться хуже собратьев по ремеслу и не лишиться заработка, народные сказители вынуждены были постоянно оттачивать свое мастерство, делать повествование все более увлекательным, эмоциональным, захватывающим. Горожане любили в свободное время послушать рассказы об известных в народе героях или поучительные случаи из повседневной жизни ремесленников, торговцев, слуг, монахов. Все это было близко им по духу и не могло не задеть за живое. Популярность сказителей в ту пору была столь велика, что имена наиболее талантливых уже упоминаются в источниках, описывающих жизнь Кайфэна и Ханчжоу в сунский период.

Однако к концу XIII века деятельность народных сказителей постепенно сходит на нет. Причиной тому, с одной стороны, стали политические события в стране, приведшие почти к столетнему господству в Китае монгольской династии Юань (1271—1368), а с другой — решительное неприятие ортодоксальными литературными кругами устного народного творчества. Утерянными оказались и сунские хуабэни.

И все же этому жанру художественной прозы не суждено было кануть в Лету. Он возрождается в XVI — XVII веках, в конце династии Мин (1368—1644), но уже не в виде фольклора, а в виде авторской письменной литературы. И это было не случайным явлением, а закономерным процессом в истории китайской литературы, подготовленным всей экономической, политической и духовной жизнью страны.

В XV — XVI веках Китай представлял собой мощную феодальную империю. Позади остались хозяйственная разруха и экономический застой, вызванные монгольским нашествием. Бурный рост производительных сил, расцвет ремесел и мануфактуры, а также начавшееся знакомство Китая с европейской наукой дали мощный толчок развитию науки и техники — и минский Китай прославился трудами крупнейших ученых-энциклопедистов в области астрономии, математики, естествознания, медицины.

Однако в стране было неспокойно. В условиях крайнего феодального абсолютизма подъем экономики не мог не привести к обострению противоречий между различными классами и группировками.

Задавленные налоговым гнетом и непосильным трудом, зависимые крестьяне и ремесленники бегут от своих господ, оказываются вне закона и нищенствуют. Мелкие земельные собственники и арендаторы, лишенные земли, безнаказанно отнятой у них помещиками и прочими властью имущими людьми, покидают насиженные места и устремляются в города, где ищут способ заработать на жизнь. Но даже самые крупные города — а Китай в эпоху Мин насчитывал их более тридцати — не были настолько экономически развиты, чтобы прокормить весь этот нищий сельский люд. И вот — одни остаются в городе и продают себя в рабство, другие устремляются в горы, чтобы распахать там клочок земли, третьи, нищенствуя, бродят по стране. То тут, то там вспыхивают крестьянские восстания, которые в 1628 году выливаются в мощную крестьянскую войну, возглавленную Ли Цзычэном.

Особенно обостряется к концу династии Мин борьба внутри различных группировок господствующего класса; стремятся добиться больших свобод для своей предпринимательской деятельности и объединяются в политические партии владельцы частных мануфактур и ремесленных мастерских, крупные и средние торговцы. Растет возмущение правящей кликой и среди прогрессивной части китайской интеллигенции.

Бурной, протекающей в постоянной борьбе группировок и течений, была и литературная жизнь конца периода Мин. Спорили в основном сторонники движения «за возрождение древности» и вдохновители движения «против возрождения древности». Критикуя «возрожденцев», уверявших, что «проза должна быть такой, как при Цинь и Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), поэзия — как в период расцвета Тан» (VIII — IX вв.), передовые литераторы отвергали эпигонство и призывали к содержательности литературы, большей простоте языка и авторской индивидуальности. Возрастает интерес писателей к драме, роману, повести — именно эта увлекательная и доступная по языку литература как нельзя лучше отвечала духовным запросам ремесленников, крестьян, торговцев, мелкого чиновничества — людей, составлявших основную массу населения Китая. Ли Чжи, Юань Хундао, Фэн Мэнлун, Лин Мэнчу и их сторонники открыто выступают в защиту народных жанров, которые ортодоксальная китайская литературная критика и правящие круги никогда не признавали за литературу.

Это отнюдь не означает, что в этот период наметился упадок в художественной прозе, которая создавалась в традиционной манере, на старом, трудно воспринимаемом на слух литературном языке вэньянь и испокон веков предназначалась

для образованных людей. Как раз наоборот: огромное количество сочинений высокой прозы — исторические повествования, философские и критические трактаты, доклады, эпитафии, эссе, новеллы и многое другое было создано именно в этот период. Но и в этих произведениях наметились качественные изменения в сторону их демократизации.

Что касается народной повести, то ее развитие было столь стремительным, что конец XVI и первую половину XVII века по праву называют в Китае «золотым веком» этого жанра. Писатели и общественные деятели того времени прилагают огромные усилия, разыскивая и собирая по стране старинные песенные сочинения, либретто драм, хуабэни рассказчиков. Найденные произведения ими же литературно редактируются; известные литераторы сами пишут повести в манере старинных хуабэней. Новые повести, написанные в подражание хуабэням, вместе с найденными и отредактированными старинными хуабэнями рассказчиков собираются в сборники и издаются. Выдающаяся роль во всем этом принадлежит двум крупнейшим писателям той эпохи — прозаикам, драматургам и издателям — Фэн Мэнлуну (1574—1646) и Лин Мэнчу (1580—1647). Первый из них был уроженцем провинции Цзянсу, второй — Чжэцзян, — и это не случайно: развитые в экономическом и культурном отношении, провинции эти с давних времен были местами, где сосредоточивалась большая часть китайской прогрессивной интеллигенции. Реализации их усилий в распространении народной литературы во многом способствовало хорошо поставленное книгопечатание, одним из крупнейших центров которого с XIII века был город Сучжоу — родина Фэн Мэнлуна. О размахе книгопечатания в Сучжоу можно судить хотя бы по факту, приводимому японским исследователем минской повести Оки Ясуси: представители разных поколений только одной семьи Е держали там шесть печатень, издававших произведения народной литературы. В них было напечатано десять наименований такой литературы, в том числе повесть самого Фэн Мэнлуна, сборник собранных и отредактированных им повестей, а также конфуцианский канон «Четверокнижие» и словарь учебно-энциклопедического характера, подготовленные к изданию Фэн Мэнлуном.

Надо сказать, что издание повестей хуабэнь предпринималось еще в XV — XVI веках. В этот период было издано два сборника: «Хуабэни из собрания Хун Бяня» и «Столичное издание популярных повестей», дошедшие до нас и содержащие в общей сложности тридцать четыре повести, записанные, по всей видимости, в XIII веке или несколько позднее.

Прошло не более ста лет, и китайский рынок буквально наводнили произведения этого жанра. Так, в период между 1621 и 1644 годами вышло семь собраний народных повестей. Шесть из них были подготовлены к изданию Фэн Мэнлуном и Лин Мэнчу. Это так называемое «Троесловие» — три сборника Фэн Мэнлуна, куда вошли повести анонимных минских писателей, а также собранные и литературно обработанные Фэн Мэнлуном старинные повести: «Слово назидательное, мир наставляющее» (впоследствии опубликованное под его первоначальным названием «Повести о древнем и современном»), «Слово простое, мир предостерегающее» и «Слово бессмертное, мир пробуждающее»; два сборника повестей, написанных самим Лин Мэнчу — «Поразительное», и собрание повестей анонимного автора «Камень закивал головой», снабженное предисловием Фэн Мэнлуна. Всего в этих шести собраниях до нас дошло двести двадцать две повести, которые и составили золотой фонд произведений данного жанра. В этот же период публикуется сборник «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь гу цигуань»), куда составитель включил сорок повестей из «Троесловия» и «Поразительного».

Народные повести становятся не только популярными, но и определяют дальнейшую судьбу прозы. Положение в китайской литературе XVI — XVII веков можно сравнить с явлением, которое в XIX веке наблюдалось в России, когда, по меткому наблюдению В. Г. Белинского, вся русская литература превратилась в повесть и роман. «Вследствие каких же причин произошло это явление? — спрашивает русский критик. — Кто, какой гений, какой могущественный талант произвел это новое направление?.. На этот раз нет виновного: причина в духе времени, во всемобщем и, можно сказать, всемирном направлении»¹.

Судьба названных сборников была весьма драматична. Уже к концу XIX — началу XX века они становятся библиографической редкостью — некоторые из них уцелели частично, другие пропали полностью, оригинальные экземпляры иных оказались в Японии. Даже маститые исследователи китайской литературы ничего не знали о них вплоть до начала XX века. Так, известный специалист по истории китайских романов и повестей Сунь Кайди свидетельствует, что узнал о существовании «Троесловия» и «Поразительного» только из «Краткой истории китайской прозы сяошо» Лу Синя (то есть

¹ Белинский В. Г. О русских повестях и повестях Гоголя. — Собр. соч., т. I. М., 1953, с. 261.

не ранее 1923 г.— *И. Ц.*), а узнав, потратил не менее пяти лет, чтобы разыскать и познакомиться со всеми пятью собраниями. Единственным сохранившимся и имевшим широкое хождение во все последующие века собранием минских повестей оставались «Удивительные истории нашего времени и древности». Именно по этому памятнику вплоть до 50-х годов нашего века знакомились с народными повестями XVI — XVII веков как в самом Китае, так и за его пределами. Даже в Японии, где в отдельных государственных и частных коллекциях имелось несколько уникальных экземпляров «Троесловия» и «Поразительного», знакомство читающей публики с повестями всегда шло только через «Удивительные истории...».

«Столичное издание популярных повестей» было обнаружено и опубликовано только в 1915 году; «Повести о древнем и современном» переизданы на основании оригинала, хранящегося в Японии, лишь в 1947 году, а полный свод «Троесловия» Фэн Мэнлуна, оба сборника повестей «Поразительного» Лин Мэнчу, собрание «Камень закивал головой» стали доступны благодаря их переизданию в конце 50-х годов. Горькая судьба этих собраний — следствие не только политических потрясений в Китае в период маньчжурской династии, но и постоянных запретов и изъятий из обращения произведений подобной литературы.

В конце 70-х годов в Китайской Народной Республике интерес к изучению старинной отечественной литературы вновь возрастает, и одно за другим начинают появляться исследования по различным аспектам истории и жанровых особенностей минских народных повестей, а также справочные материалы в помощь их изучающим.

Знакомство с минскими повестями в других странах прежде всего началось в Японии, где еще в XVII веке их переводили на японский язык, черпая материал, разумеется, из «Удивительных историй...», которые, как уже отмечалось, вплоть до XX века оставались единственным сохранившимся собранием этого жанра, через который шло знакомство с повестями как в самом Китае, так и за его пределами.

Запад познакомился с китайскими повестями через их переводы еще в XVIII веке. Большая часть ранних европейских переводов минских повестей являлась скорее простым пересказом их содержания. В 20—50-е годы XX века появляются сборники переводов китайских повестей на западноевропейские языки, а примерно с конца 50-х годов переводчиками памятников средневековой китайской литературы выступают их исследователи, что не замедлило сказаться на полноте и качестве переводов.

Наибольшее количество минских повестей переведено на русский язык, причем первые переводы появляются в русской периодической печати в начале века. В 1954 году выходит первый сборник переводов минских повестей, а с 1962 года один за другим на русском языке издаются сборники, куда входят избранные повести из «Троесловия» и «Поразительного», переведенные с сохранением стиля и колорита оригинала и широко прокомментированные.

В сборник, который читатель держит в руках, вошло одиннадцать повестей из «Удивительных историй нашего времени и древности», изданных между 1632 и 1644 годами. Повести эти действительно *удивительные* и совершенно своеобразные как по своим истокам и литературной обработке, так по содержанию и языку. Перед нами — новый и особый жанр художественной прозы, сохранивший следы устного сказа, специфику содержания и формы хуабэнь. Сказать точно, когда появились первые подражательные повести, достаточно трудно. Несомненно одно: значительная часть известных нам повестей этого рода относится именно к концу XVI — середине XVII века. Датировка минских повестей, их истоки, определение возможного их авторства — проблема весьма сложная, которой уже долгие годы занимаются историки китайской литературы и в самом Китае, и в других странах. При изучении той или иной повести исследователям не всегда удается определить — хуабэнь это или подражание хуабэни, столь мало порой они отличаются по своим формальным признакам, а иногда и по художественным достоинствам. Рассматривая с этой точки зрения состав «Троесловия», большая часть исследователей склоняется к мнению, что из 120 повестей, в него вошедших, старинными можно считать лишь 45, остальные, скорее всего, написаны минскими авторами, оставшимися анонимными. Повесть «Старый сюцай воздаст за добро трем поколениям одной семьи» принадлежит перу самого Фэн Мэнлуна; ему же, по-видимому, принадлежат в этом собрании и еще несколько повестей.

Авторы подражательных повестей, следуя тематике хуабэней и их стилю, сохраняли в своих творениях основные формальные признаки прототипа: близкий к разговорному язык; обрамление рассказа стихами и вкрапление стихов в текст; предпосылка основной истории пролога-рассказа; авторские отступления, в которых писатель высказывает свое отношение к происходящему и призывает читателя или слушателя оценить его и сделать для себя вывод.

Однако наиболее важным признаком все же являлся язык произведения. О том, насколько серьезное внимание уделя-

лось языку повести, его доступности широкому кругу читателей, образно говорит Фэн Мэнлун в предисловии к своему первому собранию — «Повести о древнем и современном»: «Писатели периода Тан в большинстве своем тщательно выбирали слова для своих новелл, дабы угодить сердцу высокообразованного читателя; при Сун же повествователи проникали в простонародное, дабы угодить уху простолюдина. Однако высокообразованных сердец в Поднебесной мало, а ушей простолюдинов — много. Поэтому повестей, обращенных на избрание слов, мало, а повестей, проникающих в простонародное, много».

В минских повестях, так же как и в их ранних прототипах, ярко выражена назидательная сторона. Уже сами названия собраний — «Слово назидательное, мир наставляющее», «Слово простое, мир предостерегающее», «Слово бессмертное, мир пробуждающее» — говорят за себя. Наставить людей на путь добра, пробудить стремление следовать давно забытым нормам конфуцианской морали: преданности государю, сыновней почтительности, целомудрию — вот нравственные цели этих повестей. Назидательные по своему характеру, они должны были оказать благотворное влияние на воспитание умов. «Хорошее в них увлечет и убедит, дурное — пристыдит и наведет страх», — объяснял цель «Удивительных историй...» неизвестный нам автор предисловия к ним. Этому подчинены целые тирады авторских отступлений, вводные части и концовки повестей, где в прозе или в стихах преподносится вытекающая из повествования мораль.

И все же не дидактичности, как это может показаться с первого взгляда, подчинена каждая повесть. Как и устный сказ, литературная повесть призвана привлечь читателя близостью жизненной правде и живой занимательностью повествования. Не потому ли в повестях, как правило, рассказывается о делах жизни обывательной, обо всем, что близко и понятно людям, вызывает в них живой интерес, а героями повестей выступают люди самых различных сословий, начиная от мелких торговцев, монахов, гетер и кончая видными государственными деятелями и сановниками. Важно, что в повестях делается попытка раскрыть внутренний мир человека, дать психологическую мотивировку его поступков. Этой задаче посвящена, например, чуть ли не вся повесть «Старый сючай воздаст за добро трем поколениям одной семьи», где правдиво и остроумно излагаются причины, заставляющие образованного человека отказаться от незначительной должности.

Герои должны были быть интересны читателю — вот почему во многих рассказах повествуется об известных в народе

героях древности, знаменитых поэтах и писателях, прославившихся своей справедливостью чиновниках. Характерное для авторов повестей стремление локализовать своих персонажей, «привязать» их к определенному месту и времени объяснялось не только традициями китайской прозы, всегда тяготеющей к факту, но опять-таки желанием завладеть сердцами читателей, убедить их в достоверности повествования, а следовательно, сделать свой рассказ более доходчивым и интересным.

По содержанию минские народные повести следуют основным тематическим группам устного сказа: повесть любовная (чисто эротическая или любовно-романтически-бытовая); повесть историко-биографическая; повесть о легендарной дружбе древних; повесть, близкая к детективу; повесть чисто бытовая, рисующая события повседневные, персонажей — вполне заурядных.

Жизненная правда, разнообразие сюжетов и героев, увлекательность повествования, гуманный настрой и легкий язык минских повестей дали основание некоторым западным исследователям усмотреть нечто общее между китайскими повестями из «Троесловия» и «Поразительного» и повестями Джованни Боккаччо. В этой связи небезынтересно заметить, что одно из собраний переводов минских повестей вышло в Лейпциге в 1957 году под названием «Китайский Декамерон». Подобное сравнение не лишено определенных оснований. Вспомним, что говорит автор в своем небольшом вступлении к «Декамерону»: «В этих повестях встретятся как занятные, так равно и плачевные любовные похождения и другого рода злоключения, имевшие место и в древности, и в наше время. Читательницы получают удовольствие, — столь забавны приключения, о коих здесь идет речь, и в то же время извлекут для себя полезный урок. Они узнают, чего им надлежит избегать, а к чему стремиться. И я надеюсь, что на душе у них станет легче»¹. Что это так и в нашем случае — читатель убедится, раскрыв настоящий сборник.

Разумеется, включенные в сборник повести не равноценны по своим художественным достоинствам, но ведь и нет литературы, а в ней жанра, состоящего сплошь из шедевров. Каждая из повестей хороша по-своему. И все же, думается, читатель отметит жизненную и полную удивительных совпадений повесть «Цзян Сингэ вновь видит жемчужную рубашку», равно как другую любовную повесть, герой которой —

¹ Боккаччо Дж. Декамерон. М., Художественная литература, 1970, с. 8.

известный художник, каллиграф и поэт Тан Инь (1470—1523) прославился как яркий персонаж, впутанный в целую серию романтических приключений.

Не оставит его равнодушным и трагическая судьба государственного деятеля, ученого и патриота Шэнь Ляня (1507—1557), с такой подробностью описанная в повести «Шэнь Сяоя неожиданно видит доклады Чжугэ Ляня». Какой бы страшной и удивительной ни показалась читателю история Шэнь Ляня, переданная в рассказе, она очень близка к биографическим сведениям, которые приводятся о нем в официальных источниках. В равной мере это относится и к увлекательному рассказу, передающему эпизод из жизни прославленного поэта Ли Бо (701—762), где правдиво описываются нравы при дворе императора, подчеркивается роль Китая в развитии торговых и других взаимоотношений с иностранцами в VII — VIII веках («Ли-небожитель, пьяный, пишет письмо, устранившее варваров»), и к повествованию об известном своим бескорыстием и добрым отношением к людям чиновнике Ли Мяне (VIII в.), лишенном в результате очередного на него доноса должности и обреченном с семьей жить в нужде («Ли Мян в крайней беде встречает благородного рыцаря»).

Вряд ли не тронет читателя рассказ «Юй Боя, скорбя о друге, разбивает цитру», поэтичность которого создается и включением в него большого количества стихов, и, главным образом, вплетением музыки в историю высокой дружбы.

Впрочем, доверимся повестям и предоставим читателю возможность самому разобраться в истинных достоинствах произведений, призванных, «развлекая, поучать». Так или иначе, но любая из перечисленных повестей, как и все прочие из этого собрания, исключительно правдиво отражает психологию, религиозные верования, быт и нравы создавшего эту литературу народа и потому может служить прекрасным источником для познания культуры Китая разных эпох. Ведь ни одна историческая работа, ни один энциклопедический справочник, какого бы совершенства полноты они ни достигали, не смогут дать столь живого и образного представления о специфике национальной культуры, как литература художественная, и в первую очередь повесть, роман, драма.

И. Циперович

Цзян Сингэ
вновь видит
жемчужную рубашку

*Служба не так дорога,
пусть даже платят немало;
Возраст за семьдесят лет —
редчайший удел человека.
Многие ль вспомнят потом
о славе твоей мимолетной?!
Хлопоты в жизни, дела —
забавы одни, да и только.
Годы молодые не стоит
растрчивать на безумства.
Надо ли соблазняться
вином и прелестью женской?
Прочь от мирской суеты,
от правды ее и неправды;
С жизни уделом смирясь,
довольствуйся мудрым покоем.*

Стихотворение это написано на мотив «Луна над Западной рекой». В нем говорится о том, что надо пытаться удержать достигнутое в жизни, находя радость в сложившейся судьбе, а также избегать четырех вещей: вина, женщин, богатства и тщеславия — и не растрчивать на все это духовные силы. Потому что ведь известно: «Удовольствие, за которым погнался, обернется неудовольствием; выгода, которую обрел, обернется потерей». Но из четырех этих зол ни одно так не губительно, как женщины. Верно говорят: «Глаза — сваха в любви, желанье — похоти источник». Поначалу вас влечет к женщине лишь сердцем, а затем вы теряете и разум. Правда, если случится встретиться где-нибудь с *цветочком или с ивой¹, то в том нет беды. Другое

¹ Здесь и далее звездочка перед словом обозначает, что данное слово, выражение или собственное имя объясняется в комментариях. Комментарии помещены в конце книги и расположены в алфавитном порядке.

дело, если специально строишь на этот счет планы, нарушаешь приличия, семейные обычаи и ради мига собственного блаженства пренебрегаешь многолетними чувствами других. Подумай, что пришлось бы переживать тебе самому, если бы кто-то стал заигрывать с твоей красавицей женой или с любимой наложницей и в результате добился бы своего. В древних стихах хорошо об этом сказано:

*Бесмысленно обманывать людей —
Пути небес ты этим не изменишь:
Не покушайся на жену чужую,
И на твою никто не покусится.*

Итак, уважаемые, послушайте повесть о жемчужной рубашке. Из этой истории вы увидите, что возмездие неба неминуемо, и рассказ этот да послужит молодым людям хорошим уроком.

Рассказ начнем с одного человека, фамилия которого Цзян, *имя — Дэ, молочное имя — Сингэ; был он уроженцем города Цзаоян, что в области Сянъян. Отца его звали Цзян Шицзэ. Еще с юных лет Цзян Шицзэ стал ездить с товарами торговать в Гуандун. Но вот у него умерла жена, и он остался вдвоем с сыном, которому в то время было всего девять лет. Других детей у супругов Цзян не было. Отцу жалко было оставлять сына одного, а отказаться от поездок в Гуандун, бросить дело, которое его кормило, он тоже не мог. Цзян Шицзэ прикидывал и так и этак, думал-думал, но выхода не находил. Оставалось одно: взять девятилетнего ребенка и вместе с ним отправиться в путь. «К тому же,— рассудил Цзян Шицзэ,— мальчик чему-то научится, узнает кое-какие секреты торговли». Сингэ хоть был еще мал, но выглядел уже не ребенком:

*Четкие брови, спокойные очи,
Белые зубы, алые губы.
Вот он идет — изящен и строен,
Заговорил — умен и находчив.
Сметливее многих начитанных в книгах,
Проворен не меньше, чем парень здоровый.
Все восхищаются: «Ну и красавец!»,
Каждый завидует, как он хорош.*

Опасаясь, что люди будут ему завидовать, Цзян Шицзэ во время путешествия никому не говорил, что

Сингэ — его родной сын, а выдавал мальчика за молодого Ло, племянника жены. Следует сказать, что семья Ло тоже занималась торговлей, совершая поездки в Гуандун. Но если Цзян Шицзэ первым в своей семье взялся за это дело, то в семье Ло этим занимались уже целых три поколения. Поэтому там, в Гуандуне, и хозяева торговых подворий, и посредники в делах на протяжении многих лет были знакомы с людьми из семьи Ло и считали их чуть ли не родственниками. Кстати, и самого Цзян Шицзэ ввел в это дело Ло, отец его жены, некогда взяв его мальчиком с собой в путешествие. Но в последнее время семье Ло пришлось вести тяжбы по несправедливым обвинениям; тяжбы эти окончились для Ло неудачно, семья обеднела, и вот уже который год никто из них не ездил торговать в Гуандун. Не удивительно, что и посредники в делах, и люди на торговых подворьях всякий раз, встречая Цзян Шицзэ, расспрашивали его о семье Ло. Когда же они узнавали, что мальчик, с которым он приехал, из семьи Ло, да еще видели, какой ребенок красивый и умный, все, конечно, очень радовались. При этом они думали о том, что их деды и отцы дружили с семьей Ло, а ныне вот появился мальчик, принадлежащий уже к четвертому поколению Ло.

Однако не будем отвлекаться.

Итак, Сингэ несколько раз ездил с отцом торговать. Сообразительный мальчик быстро изучил все тонкости и ходы в торговле, все прекрасно понимал, и отец его был этим безмерно доволен. Когда Сингэ минуло семнадцать лет, отец вдруг заболел и умер. Хорошо еще, что это случилось дома, на родине, и Цзян Шицзэ не стал бродячей душой где-то в чужом краю. Сингэ долго плакал и рыдал. Но что было делать: пришлось утереть слезы и заняться всем тем, что связано с церемонией похорон и трауром по родителю. Он обрядил отца, как полагается в подобных случаях, уложил его в гроб и, само собой разумеется, заказал заупокойную молитву. *Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего и выразить соболезнование Сингэ. Явился и господин Ван, земляк и будущий тесть Сингэ. Помогая при обряде и прислуживая Вану, родственники и друзья Сингэ, разумеется, рассказывали ему, как и что. Разговор зашел и о Сингэ, о том, что он хоть и молод, но серьезен и обстоятелен, что вот сумел сам все подготовить и устроить как поло-

жено для совершения траурного обряда. Слово за слово, и кто-то из присутствующих сказал, обращаясь к Вану:

— Уважаемый господин Ван, ваша дочь уже взрослая. *Почему бы не поженить их теперь же, учитывая сложившиеся обстоятельства? И ему будет легче, и ей хорошо.

Ван с этим предложением не согласился и вскоре, распрощавшись, ушел. Когда и обряд самих похорон был завершен, родственники Сингэ завели разговор о женитьбе с Сингэ. Поначалу он отказался, но после того как с ним поговорили об этом и раз, и другой, подумал, что вот он остался теперь в доме один, рядом никого нет... и решил согласиться. Попросили пойти к Вану ту самую женщину, которая в свое время была свахой у семей Цзян и Ло. Ван отказал и ей:

— Нужно подготовить хоть какое-то приданое: сразу ведь этого не сделаешь! Кроме того, и года после похорон еще не прошло — не положено так! Дождемся конца *малого траура, тогда и поговорим.

Сваха передала все это Сингэ, и тот, понимая, что Ван прав, не стал настаивать.

Время летело словно стрела — незаметно прошел год. Сингэ совершил жертвоприношения перед *поминальной табличкой отца, снял с себя грубую пеньковую траурную одежду и снова попросил сваху пойти к Вану. На этот раз согласие было получено, и через несколько дней после совершения всех положенных предсвадебных обрядов молодую ввели в дом Сингэ. Все в общем было как в том стихотворении на мотив «Луна над Западной рекой»:

*Траурный занавес переменили на *красный,
Пеньковое платье — на пестрый наряд.
Празднично убран дом,
Свечи ярко сияют.
К торжественному пиру все готово,
И *брачные чаши их ждут.
Ничто приданого богатство
В сравнении с изяществом и красотой невесты.
Радостна будет брачная ночь,
Наутро придут с поздравленьями люди.*

Скажу еще, что новобрачная была третьей и самой младшей дочерью господина Вана, звали ее Саньда или, ласкательно, Саньдаэр. Так как она родилась

в *седьмой день седьмого месяца, ее называли также Саньцяо, то есть «Третья-удачливая». Две старшие дочери господина Вана, которых еще раньше выдали замуж, были так хороши собой, что все в городе восхищались их красотой и даже сочинили о них стишки:

*Женщин немало на свете,
Но красавиц таких, как дочери Вана,
Редко найдешь.
Откажешься стать императорским зятем,
Коль выпадет счастье
Жениться на дочери Вана.*

Поговорка не случайно гласит: «Не повезло в торговле — это временно; с женой не повезло — вот это на всю жизнь». А ведь когда в богатых, знатных семьях собираются просватать сына, то обычно стараются подыскать невесту из семьи с соответствующим положением; бывает и так: позарившись на большое состояние, без всяких раздумий совершают сговор с каким-нибудь богачом. Но вот наступает день, *молодая является в дом жениха — тут-то вдруг, бывает, и обнаруживается, что она уродлива; и когда после бракосочетания она вынуждена выйти к родственникам мужа, дабы представиться им, то тестю и теще становится очень не по себе. Муж, конечно, разочарован и тайком начинает искать любовь на стороне. Но, как правило, именно некрасивые жены умеют держать в руках своих мужей. Если будешь обходиться с такой женой так же, как и она с тобой, то начнутся ссоры, а коли сочтешь, что скандалить неловко, и уступишь ей раз-другой, она станет задираить нос да показывать себя.

Отец Сингэ понимал, что ничего хорошего в подобных браках нет; поэтому, проведая в свое время о том, что дочь у господина Вана девочка хорошая, к тому же еще и недурна собой, он совершил с ним брачный сговор; это было тогда, когда Сингэ и Саньцяо были еще детьми малышами. Теперь, когда Саньцяо вошла в дом Сингэ, он увидел, что его жена действительно хороша собой — изящна, стройна и красива, красивее даже, чем ее старшие сестры. Вот уж поистине:

*В красоте ей уступит *Си Ши из дворца князя У,
*Нань Чживэй из владения Чу — не столь хороша.
Как *Гуаньинь она, что смотрит на луну в воде,
Достойна поклонения и воскурений.*

Сингэ и сам был красив, а теперь еще и красавица жена. Это была пара, словно выточенная из нефрита искусным мастером, и любили они друг друга так, как, казалось, не любил друг друга никто из супругов. Через три дня после свадьбы Сингэ и Саньцяо сменили нарядную одежду на скромное платье. Под предлогом, что они все еще в трауре, Сингэ не занимался делами и целые дни, с утра до вечера, сидел дома со своей женой и наслаждался общением с нею. Молодые буквально не отходили друг от друга и были вместе даже в своих снах. Издревле известно: тяжкие дни тянутся долго, радости время быстро летит. Минуло лето, прошла зима. Сингэ и Саньцяо даже не заметили, как кончился период большого траура. Они сняли с себя траурное одеяние и убрали поминальную табличку. Но об этом подробно рассказывать не будем.

Однажды, подумав о том, что прошло уже более трех лет с тех пор, как отец был в Гуандуне, где осталось немало счетов, по которым он в свое время так и не успел получить, Сингэ вечером заговорил об этом с женой и сказал, что собирается съездить в Гуандун.

— Надо поехать,— согласилась она поначалу. Но когда речь зашла о том, как далек туда путь и как трудно будет им перенести разлуку, у Саньцяо невольно потекли слезы. Сингэ самому тоже было тяжело расставаться с женой, поэтому, подавленные горем и печалью, они оставили разговор о его отъезде. И так повторялось не раз.

Время текло, дни шли своим чередом, и вот прошло еще два года. Сингэ наконец твердо решил отправиться в путь и тайно от жены, вне дома, потихоньку подготавливал все необходимое. Он уже выбрал *благоприятный день и лишь за пять дней до отъезда признался жене, что решил ехать.

— Как говорится, «если сиднем сидеть и только есть, то и лес опустеет»,— сказал он ей при этом.— Нам ведь с тобой тоже надо позаботиться о том, чтобы семья была как семья и дом как дом. Неужто так и забросить дело, которое кормило меня? Теперь у нас весна, не холодно и не жарко, и если сейчас не поехать, то когда же еще? Самое время отправиться в путь.

Саньцяо поняла, что на этот раз ей не удержать мужа, и только спросила:

— Когда же ты рассчитываешь вернуться?

— Я ведь и сам не рад, что приходится теперь ехать. Удачно сложатся дела или нет, но через год вернусь. В крайнем случае второй раз съезжу туда и, если нужно будет, тогда уж задержусь.

— В будущем году, когда появятся почки на этом дереве, буду ждать твоего возвращения,— сказала Саньцяо, указывая на душистый ясень, росший перед домом, и слезы дождем полились у нее из глаз. Сингэ стал рукавом утирать их и сам невольно заплакал. Горюя о предстоящей разлуке, они были так нежны друг с другом, что в двух словах это и не передашь.

Наступил день отъезда. Всю ночь супруги, роняя слезы и рыдая, проговорили до утра, так и не сомкнув глаз. В пятую *стражу Сингэ поднялся, привел в порядок вещи, а также достал все драгоценности и украшения, которые были в его семье, и передал их жене, чтобы та сохранила. В дорогу Сингэ взял лишь необходимую на дело сумму, долговые записи, одежду и постельные вещи. Все это он уложил и упаковал. С собой он решил взять одного из двух слуг — того, что помоложе; того, что постарше, он оставлял дома, дабы тот делал покупки и все необходимое по хозяйству. В доме были еще две пожилые кухарки и две молодые служанки. Одну из них звали Цинъюнь, другую — Нуаньсюэ. Обе должны были прислуживать самой Саньцяо и не отлучаться из дома.

Распорядившись обо всем, он сказал на прощание жене:

— Ты уж потерпи, поживи одна. Только не выглядывай на улицу, чтобы не случилось чего неладного: женщина ты красивая, а молодых легкомысленных людей у нас тут хватает.

— Не волнуйся и возвращайся пораньше,— сказала она в ответ. Расстались они со слезами на глазах. Вот уж поистине:

*Нет тяжелее, горестней нет
Разлуки при жизни, прощанья перед смертью.*

В пути Сингэ только и думал о своей жене и ни на что не обращал внимания. Но вот наконец он добрался до Гуандуна и остановился в гостинном дворе. Все, кто его знали, приходили повидать его, и всем он раздавал

подарки; надо было ходить и на званые пиры, которые в честь его приезда по очереди устраивали его добрые знакомые, — так что почти три недели у него не было для дела и минуты свободной. Надо сказать, что Сингэ еще дома подорвал свое здоровье, дала себя знать и усталость от дороги, а тут еще жизнь в Гуандуне, когда волей-неволей нарушалась должная мера и своевременность в еде. В результате Сингэ заболел малярией, проболел все лето, а осенью его одолела дизентерия. Каждый день *врач шупал его пульс, назначал лекарства. Поправился Сингэ лишь в конце осени. Все дела во время болезни, разумеется, были заброшены, и стало ясно, что к обещанному сроку ему не успеть вернуться домой. Вот уж, право:

*Всего-то выгоды с мушиную головку,
А он оставил дом, от счастья ушел.*

Вначале Сингэ беспрестанно думал о доме, но со временем постепенно перестал терзать себя мыслью о нем.

Оставим теперь речь о том, как Сингэ жил в Гуандуне, и расскажем о его жене.

Саньцяо, как и велел ей муж в день отъезда, действительно несколько месяцев подряд не то что в окно не выглядывала — вниз не спускалась из своей комнаты. Между тем время мчалось стрелой, и незаметно наступил канун Нового года. В каждом дворе *трещали петарды, пылали сосновые ветки; люди собирались вместе, пили, ели, развлекались, играли в различные игры. Все это навевало на Саньцяо грусть, тоску по мужу, и в эту ночь она чувствовала себя особенно одиноко.

Точь-в-точь как в древних стихах:

*Кончился год, но нет у печали конца,
Весна возвратилась, но тот, кого ждешь,
не вернулся.*

*Утро пришло — грусть и тоска все сильнее,
Желания нет новый наряд примерять.*

Следующий день — первый день первого месяца — был Новый год, и обе служанки, Цинъюнь и Нуаньсюэ, стали уговаривать хозяйку пойти в передний дом и поглядеть, что делается на улице. Следует сказать, что дом Сингэ состоял из двух отдельных, соединенных

между собой строений. Одно выходило прямо на улицу, другое стояло в глубине и служило спальным помещением. Саньцяо обычно все время проводила во втором доме, и вот, поддавшись уговорам служанок, она наконец впервые решилась пойти в передний дом. Приказав открыть окно и опустить занавеску, она села у окна и вместе со служанками стала смотреть на улицу сквозь занавеску. Что творилось на улице в этот день: оживление, шум, толчея!

— Столько тут народу, а вот гадателя не видно,— заметила Саньцяо.— А то позвала бы его погадать, что с мужем,— добавила она.

— Сегодня Новый год, всем хочется поразвлечься да погулять. Кто в такой день выйдет гадать!— ответила на это Цинъюнь.

— Матушка, мы с Цинъюнь берем это на себя,— вмешалась в разговор Нуаньсюэ.— Ручаюсь, не позднее чем через пять дней гадатель будет у вас.

Утром в четвертый день Нового года после завтрака Нуаньсюэ приспичило выбежать во двор, и вдруг она услышала *звук ударов по медной пластине. Стремглав бросившись за ворота, она окликнула слепца-гадателя, попросила его подождать, а сама побежала наверх сообщить о нем хозяйке.

— Приведи его, пусть посидит внизу в гостиной за ширмами,— распорядилась Саньцяо.

Узнав, сколько стоит гадание, Саньцяо помолилась и спустилась вниз послушать, что ей скажет слепец. Гадатель расположил все, что нужно для гадания, и спросил, что здесь хотят узнать.

Услышав необычное оживление в доме, прибежали из кухни и обе кухарки.

— Гадание касается человека, который в отъезде,— сказала одна из них за хозяйку.

— Жена хочет знать о муже, не так ли?

— Именно так,— хором отвечали женщины.

И тут гадатель произнес:

— Ныне зеленый дракон управляет миром, и в действии сейчас символ богатства. Если жена вопрошает о муже, то человек этот уже на полпути домой. Везет он с собой сундуки золота и ценностей, и никаких у него нет тревог и волнений. Зеленый дракон соответствует древу, а дерево в расцвете весной; стало быть, где-то в начале весны человек ваш уже отправился в путь и

в конце этого или в начале будущего месяца должен вернуться, да еще с огромным богатством.

Саньцяо приказала слуге дать слепому три *фэня серебром и проводить его, а сама, безмерно счастливая, поднялась к себе наверх. Вот уж действительно, понадеяться, что можно

*Утолить жажду, глядя на сливы,
Умерить голод, рисуя лепешки.*

Обычно на что человек не надеется, о том он мало и думает; но стоит появиться надежде — тотчас рождаются бесплодные мысли, бредовые мечты, и каждая минута ожидания становится непереносимой.

После того что наговорил гадатель, Саньцяо только и думала о возвращении мужа. С этих пор она стала часто ходить в передние покои и выглядывать на улицу из-за занавески.

Шел второй месяц, на душистом ясене уже появились почки, а о Сингэ все еще ничего не было слышно. Помня обещание мужа, Саньцяо начала тревожиться и теперь уже по нескольку раз в день смотрела на улицу. И видимо, так уж должно было случиться, что она увидела молодого и красивого человека.

Поистине:

*Коль суждено — друг друга встретят,
Хоть сотни *ли их разделяют;
А не судьба — так рядом будут
И то друг с другом не столкнутся.*

Кто же он, этот молодой и красивый человек? Окажется, он не местный, а уроженец области Хуэйчжоу, уезда Синьянь. Фамилия его — Чэнь, имя — Шан. Молочное имя его было Дасигэ, но потом он сменил его на Далан. Хотя по красоте он и уступал *Сун Юю и Пань Аню, но в свои двадцать четыре года был очень собой недурен. Далан, как и Сингэ, тоже был круглым сиротой. Собрав в свое время несколько тысяч для торговли, Далан стал ездить в Сянъян закупать рис, бобы и прочее. Бывал он в Сянъяне обычно каждый год и останавливался в Цзаояне, за городом. И вот однажды направился он в город на Большую базарную улицу к некоему господину Вану, владельцу закладной лавки, чтобы узнать, нет ли каких вестей из дому. Лавка эта

находилась как раз напротив дома Сингэ. Таким образом Далан и оказался там. Вы спросите, как он был одет? В простом из белого шелка халате, на голове плетеная шапка, какие носят в Сучжоу, словом, точь-в-точь как одевался Сингэ. Увидев из окна Далана, Саньцяо издали приняла его за мужа. Она тотчас откинула занавес и, не отрывая глаз, стала смотреть на приближавшуюся фигуру. Далан, поравнявшись с домом Сингэ, заметил наверху в окне молодую красивую женщину, которая не сводила с него глаз. Он решил, что произвел впечатление, и бросил на красавицу многозначительный взгляд. Как было им знать, что каждый из них ошибался?!

Когда Саньцяо поняла, что обозналась, лицо ее от стыда залилось краской. Она тут же закрыла окно, опустила занавеску и побежала в задний дом. Долго еще, сидя у себя, она чувствовала, как сильно бьется ее сердце.

Что касается Далана, то прекрасные женские глаза просто-напросто захватили всю его душу. Вернувшись в гостиницу, он не переставал думать о красавице.

«Жена моя, конечно, тоже хороша собой, но с этой женщиной ей не сравниться,— рассуждал он про себя.— Написать бы ей записку. Но вот через кого передать? Все отдал бы, только бы она согласилась провести со мной хоть одну ночь. Тогда считал бы, что не зря прожил на свете». Молодой человек все вздыхал и вздыхал и вдруг вспомнил, что совсем рядом с Большой базарной улицей, в Восточном переулке, живет некая старушка Сюэ, которая торгует жемчугом. Как-то раз Далану довелось иметь с ней дело, и он помнил, что бабка эта находчивая и поговорить умеет. «Да и ходит она изо дня в день то к одним, то к другим — конечно, должна знать всех в округе»,— подумал Далан и решил с ней посоветоваться — может, и сумеет она что-нибудь придумать.

Всю ночь Далан переворачивался с боку на бок, едва дождавшись утра. Чуть свет он поднялся, умылся холодной водой, причесался и тотчас поспешил в город, захватив с собой сто *ланов серебром и два больших слитка золота. Не зря говорят:

*Хочешь добиться чего-то при жизни —
Нужно ль тянуть до смертного часа?*

Добравшись до города, Далан направился на Большую базарную улицу, свернул в Восточный переулок и стал стучать в ворота, где жила старуха Сюэ. Та, еще не причесанная, сидела в это время во дворе и отбирала жемчуг для продажи.

— Кто там?— спросила она, пряча жемчуг.

— Из Хуэйчжоу, Чэнь...

Этого ей было достаточно, чтобы понять, кто пришел, и она тут же бросилась открывать ворота.

— Я даже не успела причесаться. В таком виде не смею должным образом приветствовать вас,— проговорила она и спросила:— А вы что так рано? Есть дело какое?

— Да, специально по делу и пришел. Боялся, что не застану, если явлюсь позже,— ответил Далан.

— Неужели хотите оказать услугу покупкой жемчуга или каких-нибудь украшений?

— И жемчуг купить хочу, и еще дело одно, большое, выгодное, предложить.

— Но я, старая, только этим и занимаюсь и ничем другим...

— А здесь нам можно поговорить откровенно?

Старуха закрыла ворота, провела Далана в маленькую гостиную и предложила ему сесть.

— Что прикажете, господин Чэнь?

Убедившись, что они одни, Далан *вытащил из рукава сверток, развернул его и выложил на стол серебро.

— Здесь сто ланов, прошу вас принять, тогда я и осмелюсь все объяснить.

Не понимая, в чем дело, старуха отказывалась взять деньги.

— Может быть, вы находите, что этого мало?— спросил Далан и выложил на стол еще два блестящих слитка золота. — Здесь еще десять ланов. Прошу все это принять,— настаивал он.— Если, матушка, вы и теперь откажетесь, значит, просто не хотите мне помочь. Ведь это я пришел к вам с просьбой, а не вы ко мне! А пришел потому, что крупное дело, которое я задумал, без вас не получится. Не договоримся — оставьте себе это золото и серебро и делайте с ними что хотите. Требовать деньги обратно не стану. Будут у нас когда-нибудь потом еще дела — встретимся. А вообще-то, полагаю, вы знаете, я не из мелочных.

Теперь скажи, читатель, существовала ли на свете когда-нибудь хоть одна такая бабка-посредница, которая не была бы жадна до денег?! При виде этакого количества золота и серебра у старухи, как говорится, душа загорелась огнем жадности. Она вся просяла.

— Не обессудьте, я в жизни и гроша не брала, если не знала, за что мне платят. Но раз уж вы так хотите, хорошо, я пока оставляю это у себя; не смогу быть полезной — сразу же все верну,— говорила она, расплывшись в улыбке, и со словами:— Уж извините, что осмеливаюсь,— завернула золото и серебро в сверток и унесла к себе.— Не решаюсь пока благодарить вас,— сказала она, вернувшись.— Так объясните же, зачем я вам понадобилась.

— Мне срочно нужно обрести спасающую душу драгоценность,— отвечал Далан.— Ее нигде нет, кроме как в одном доме на Большой базарной улице. Вот я и хотел бы просить вас пойти туда поговорить, чтобы мне ее одолжили.

— Ну и чудеса!— воскликнула старуха, рассмеявшись.— Я живу в этом переулке уже больше двадцати лет и никогда не слыхала, чтобы здесь, у нас, на Большой базарной улице, у кого-то была какая-то душеспасительная драгоценность. Ну, ладно,— перебила она сама себя,— так скажите же, господин Чэнь, в чьем доме эта вещь?

— Кто живет в том большом двухэтажном доме, что напротив закладной лавки моего земляка Вана?— спросил в ответ Далан.

— Это дом здешнего человека по имени Цзян Сингэ,— подумав, ответила старуха.— Сам он уже больше года как в отъезде по торговым делам, и в доме теперь только его жена.

— Нужную мне драгоценность я как раз и хотел попросить в долг у этой женщины,— сказал Далан и, придвинув стул поближе к старухе, выложил ей все, что у него было на душе.

Выслушав Далана, старуха покачала головой.

— О, это невозможно!— сказала она.— Цзян Сингэ взял эту женщину в жены четыре года назад, и они, словно рыба и вода, и минуты не могли прожить друг без друга. С тех пор как он уехал, она даже вниз не спускается — так ему верна. А вот сам Сингэ — чело-

век со странностями: чуть что — смотришь, рассердил-ся. Поэтому я никогда и порога их дома не переступала и даже не знаю, какое у нее лицо — узкое или круглое. Как же смогу я взять на себя такое поручение?! Видно малая доля счастья суждена мне в жизни — не смогу я принять ваш подарок, — заключила старуха.

Тут Далан стал перед ней на колени. Старуха протянула руки, чтобы поднять его, но он схватил ее за рукава и так прижал к стулу, что она и пошевелиться не смогла.

— Вся моя жизнь теперь зависит только от вас! — взмолился Далан. — Вы должны что-нибудь придумать, чтобы эта женщина стала моей, — этим вы сохраните мне остаток моей жизни. Когда дело сладится, я дам вам еще сто ланов, а если откажетесь помочь — покончу с собой.

Старуха не знала, что делать.

— Ладно, ладно, — твердила она. — Вы сломаете все мои кости. Отпустите меня, пожалуйста, тогда поговорим.

Только теперь Далан поднялся и, поклонившись ей, произнес:

— Так что же вы придумали, говорите скорей!

— В таком деле нужно действовать не торопясь. Важно, чтобы все получилось как надо, а о том, сколько потребуется на это времени, говорить не приходится. Если вы будете настаивать на каких-то сроках, мне придется отказаться.

— Раз вы обещаете мне удачу, то днем ли раньше, днем ли позже — не так уж важно. Но скажите, что же вы все-таки придумали?

— Завтра с утра, после завтрака, но не раньше и не позже, встретимся с вами в лавке у господина Вана. Захватите с собой побольше денег. Когда придете, скажете, что ищете меня по делу, а там увидите... Считайте, что вам повезло, если моим ногам удастся войти в дом семьи Цзян. Но только после этого, — продолжала старуха, — вы должны будете сразу вернуться к себе, во всяком случае, уж не задерживаться возле их дома, иначе там могут что-нибудь заподозрить, и вы все этим испортите. Если окажется, что есть хоть какая-то надежда, я сама приду к вам и сообщу.

— Покорно повинуюсь,— ответил Далан и, зычным голосом поприветствовав Сюэ на прощанье, радостный, удалился. Вот уж действительно:

*Еще *Сян Юй не уничтожен,
Еще Лю Бан не сел на трон.
А выстроен уже помост,
Уже назначен полководец.*

На следующее утро Далан принарядился, уложил в большой кожаный короб около четырехсот ланов серебром и позвал молодого слугу. Тот взвалил короб на плечо, и они вдвоем направились на Большую базарную улицу, в закладную лавку господина Вана. Подойдя к лавке, Далан заметил, что окна в доме напротив плотно закрыты, и понял, что красавицы сейчас там нет. поприветствовав приказчика, Далан попросил у него скамейку, сел перед входом и стал поглядывать в сторону Восточного переулка. Через некоторое время он увидел старуху Сюэ, которая направлялась к лавке, держа в руках коробку из тонкого плетеного бамбука.

— Что у тебя там в коробке?— спросил Далан старуху, когда та подошла.

— Жемчуг и разные украшения. Вас, может быть, это интересует?

— Да, я как раз хотел купить что-нибудь в этом роде.

Старуха прошла в лавку, поприветствовала приказчика и, извинившись перед ним за беспокойство, раскрыла свою коробку. Там лежало пакетов десять жемчуга и несколько небольших шкатулок с головными украшениями из искусственных цветов и перьев зимородка. Сделаны они были очень красиво и переливались разными яркими цветами. Далан отобрал несколько связок самого крупного белого жемчуга, несколько женских наколок для волос и серьги.

— Вот это все я возьму,— сказал он старухе.

— Коли надо, берите,— ответила та, многозначительно глядя в лицо Далану.— Но только стоит все это очень дорого. Боюсь, не захотите потратиться,— добавила она.

Далан понял намек. Он раскрыл свой короб, выложил на прилавок целую кучу сияющего белизной серебра и умышленно громко бросил старухе:

— Неужто с этакой-то суммой мне не купить твоих безделушек?!

Тем временем у лавки собралось около десятка празднующихся людей, живших поблизости. Все они молча стояли, наблюдая за происходящей сценой.

— Я, старая, пошутила,— ответила Далану Сюэ.— Мне ли сомневаться в ваших возможностях?! А с деньгами вы бы поаккуратней! Уберите их, а мне отсчитайте столько, сколько эти вещи стоят, по справедливости.

Старуха запрашивала много, он давал ей мало, и в цене они разошлись так далеко, как небо с землей. Запрашивающая сторона не желала уступить, а Далан держал вещи, не выпуская их из рук, но и не набавляя ничего. Он нарочно вышел из лавки на улицу и стал одно за другим перебирать украшения и рассматривать их на свет: про одно скажет, что настоящее, другое назовет подделкой. Прикидывал на вес в руках то то, то это — и все среди белого дня, на виду у всех. Уже чуть ли не весь город собрался у лавки. Вещи были такие красивые, что вызывали возгласы восхищения у окружающих.

— Покупаешь — так покупай, а нет — не задерживай! — заголосила тут старуха.

— Конечно, покупаю,— отвечал Далан.

И верно:

*Из-за цены возникший спор и крик
Встревожил ту, что словно яшма иль цветок.*

Шум и гам у ворот невольно заставили Саньцяо пройти в передний дом. Она открыла окно и стала подглядывать на улицу. Жемчуг и другие украшения, которые так и сияли, очень ей понравились. Видя, что старуха спорит с покупателем и что они никак не сойдутся в цене, Саньцяо приказала служанке позвать старуху, чтобы поглядеть на ее вещи.

Цинъюнь тут же вышла на улицу.

— Хозяйка наша приглашает тебя,— сказала она старухе, дернув ее за рукав.

— Кто это ваша хозяйка? — спросила та, делая вид, что не знает, кто ее зовет.

— Из семьи Цзян, в доме напротив,— ответила Цинъюнь.

Тут старуха выхватила вещи из рук Далана и то-ропливо стала укладывать их в коробку.

— Нет у меня, старой, времени зря с тобой валандаться,— говорила она при этом.

— Ладно, прибавлю еще немного, покупаю!— сказал Далан.

— Не отдам,— заявила старуха.— За ту цену, что ты назначаешь, я давно бы их продала.— С этими словами она заперла коробку с драгоценностями и пошла за служанкой.

— Дайте я понесу,— предложила Цинъюнь.

— Не надо,— ответила старуха и, даже не повернув головы в сторону Далана, прямехонько направилась к дому напротив.

Далан, довольный в душе, тоже собрал свое серебро и, распрощавшись с приказчиком, пошел обратно в гостиницу. Вот уж о ком можно сказать:

*Очи видят стяг, возвестивший победу,
Уши слышат столь долгожданную весть.*

Итак, Цинъюнь повела старуху наверх к Саньцяо.

«Воистину божественна!— подумала старуха, увидев Саньцяо.— Не удивительно, что Далан сошел с ума. Будь я женщиной, тоже поволочилась бы за ней».

— Давно я, старая, наслышана о вас, о вашей добродетельности; жаль только, не было случая познакомиться и поклониться вам,— сказала Сюэ, обращаясь к хозяйке.

— Как величать вас, матушка?— спросила Саньцяо.

— Фамилия моя Сюэ, живу я тут, в переулке, и мы, можно сказать, соседи.

— Вы только что отказались продать свои вещи. Почему это?— спросила Саньцяо.

— Если бы я не желала продать их, мне незачем было бы их и выносить,— улыбаясь, ответила старуха.— Но, смешно сказать,— продолжала она,— тот приезжий торговец только выглядит таким представительным и образованным человеком, а в вещах ну ни-сколечко не разбирается.— С этими словами она раскрыла коробку, вынула оттуда несколько наколок и серег и передала их хозяйке.

— Вот посмотрите. Одна работа чего стоит! А цена, которую он предлагал, это же просто безобразие! Разве

хозяин, у которого я беру эти вещи на продажу, поверил бы, что я понесла такой убыток.— Затем старуха вынула несколько связок жемчуга:— А этот первосортный жемчуг! Да такие, как этот покупатель, ничего подобного и во сне не выдывали!

Саньцяо поинтересовалась, сколько старуха просит за украшения и за сколько покупатель соглашался взять их.

— Да, действительно, маловато он давал за них,— заметила Саньцяо, услышав ответ старухи.

— Уж, конечно, в подобных делах разбираются лучше женщины из богатых семейств. Куда там мужчинам до них!— проговорила старуха.

Саньцяо велела служанкам подать чай.

— Не беспокойтесь,— отказывалась старуха,— у меня есть одно важное дело, и я, собственно, и шла-то туда, да вот встретила этого торговца, и проморочил он меня целых полдня. Действительно, «договариваться купить или продать — только время терять». А вот коробку мою хочу просить разрешения оставить пока у вас. Я скоро вернусь за ней.

Старуха направилась к выходу, и Саньцяо велела служанке проводить ее.

Украшения, которые увидела Саньцяо, очень понравились ей, и она с нетерпением ждала возвращения старухи, чтобы договориться о цене. Но та целых пять дней не появлялась. На шестой день после обеда вдруг разразился ливень. Через некоторое время раздался стук в ворота. Саньцяо велела служанке открыть и посмотреть, кто там. Это оказалась старуха Сюэ, вся промокшая, с дырявым зонтом в руке. Со словами:

*В погожий час сидишь, не вылезая;
Польется дождик — выйдешь за ворота! —*

она поставила зонт возле лестницы, поднялась наверх, поздоровалась с Саньцяо, кланяясь, как подобает, и извинилась:

— Хозяюшка, я ведь в тот день не сдержала слова, так и не вернулась.

— Где же вы пропадали все эти дни?— поспешно отвечая на приветствие, спросила Саньцяо.

— Дочь моя, благодарение небу, родила мне внука, и я отправилась к ней. Провела там несколько дней и только сегодня вернулась. В пути меня застиг дождь,

пришлось завернуть к знакомым одолжить зонтик, а он оказался дырявым. Ну и везет же мне!

— А сколько у вас детей?— поинтересовалась Саньцяо.

— Один сын, уже женат, и дочерей четверо. Вот внук родился у самой младшей, а выдали мы ее *второй женой за господина Чжу из Хуэйчжоу. Он держит соляную лавку у нас тут, возле Северных ворот.

— А вы, матушка, совсем не цените своих дочерей. Разве здесь, в нашем краю, мало мужчин, которые имеют по одной жене? И не жаль вам было отдавать собственную дочь за человека из другого, далекого края?

— Знаете, женщине куда выгодней выходить замуж за торгового человека из чужих краев,— проговорила в ответ старуха и продолжала:— Вот, к примеру, первая-то его жена у него дома, на родине, а моя дочь хоть и является второй женой, но живет здесь при лавке как полноправная хозяйка. И слуги в ее распоряжении, и пользуется она теми же благами и правами, какие имеет старшая жена. Всякий раз, когда я бываю у них, ее муж встречает меня с большим почтением, относится ко мне словно к старшей в семье. А теперь, когда родился внук, будет и того лучше.

— Значит, вам повезло, удачно выдали,— заметила Саньцяо.

Тем временем Цинъюнь подала чай.

— Раз сегодня день такой дождливый да и дел у меня никаких нет,— заговорила старуха, попивая чай,— то хотела бы попросить вас позволить мне взглянуть на ваши украшения, чтобы хоть запомнить, как некоторые из них сделаны.

— Только не смейтесь, пожалуйста,— отвечала Саньцяо,— у меня они все очень простой работы.

Она достала ключ, открыла сундук и стала вынимать из него головные наколки, шпильки, булавки, ожерелья и прочее.

— Ну, знаете, после таких драгоценностей, что могут стоить мои в ваших глазах!— глядя на все это, восхищалась Сюэ.

— Ну что вы! Я как раз хотела осведомиться о цене некоторых из ваших вещей.

— В подобных делах вы ведь сами прекрасно разбираетесь, и мне, старой, не к чему зря молоть языком.

Саньцяо убрала свои вещи, затем принесла коробку старухи.

— Откройте, матушка, и проверьте,— сказала Саньцяо, поставив коробку на стол и передав старухе ключ от нее.

— Вы уж слишком щепетильны,— ответила на это старуха, открыла коробку и стала одну за другой вынимать оттуда вещи. Саньцяо рассматривала их и оценивала. Цены, которые она называла, были в общем вполне подходящими, и торговаться старуха не стала.— Коли так, я не останусь в обиде,— радостно заявила она.— Пусть даже чуть меньше заработаю, зато получу удовольствие, имея дело с таким покупателем.

— Только вот что, мне не набрать сразу всей суммы,— призналась Саньцяо.— Сейчас я могу предложить вам лишь половину, а когда муж вернется, тотчас рассчитаюсь. Он через день-другой должен вернуться.

— Не беда, если и попозже отдадите. Но коли я уступаю в цене, то уж прошу уплатить серебром качественным.

— Ну, об этом не беспокойтесь,— ответила Саньцяо, убирая отобранные украшения и жемчуг, и тут же приказала служанке подать вино. Услышав это, старуха заявила:

— Я и так обеспокоила вас, надоела. Смею ли еще доставлять хлопоты?

— Как раз очень хорошо, что вы зашли; я ведь целыми днями сижу без дела, вот и побеседуем. И если не сочтете, что принимаю вас без должного внимания, то приходите почаще.

— Благодарю вас, не заслужила я такого милостивого отношения с вашей стороны,— отвечала старуха.— Но как у вас здесь тихо, спокойно! А у меня так шумно, так шумно — просто невыносимо.

— Чем же у вас там дома занимаются?— поинтересовалась Саньцяо.

— Да вот принимаем всяких торговцев жемчугом и драгоценностями. То вина им подай, то отвара... и до того все это хлопотно. До смерти надоело! Хорошо еще, что мне приходится ходить по делам в разные места и я мало бываю дома. Крутись я с утра до ночи на нашем пяточке, так меня уж давно доконал бы этот шум.

— Вы ведь живете неподалеку от нас. Когда бу-

дет неумоготу, приходите, потолкуем,— предложила Саньцяо.

— Не решусь так часто тревожить вас.

— Ну что вы, матушка!

Пока они разговаривали, служанки поставили на стол две рюмки, положили две пары *палочек и расставили закуски к вину: два блюда куриных, два из солонины, два рыбных, несколько блюд из зелени — всего шестнадцать.

— Зачем же такое богатое угощение!

— Все это приготовлено из того, что нашлось в доме. Уж не обессудьте.— С этими словами Саньцяо налила вина, встала и подошла к старухе. Та, в свою очередь, поднявшись, поднесла вина хозяйке, после чего обе сели.

Саньцяо выпить, оказывается, могла, и немало. А в старуху вино лилось ну прямо как в винный жбан. Пока ели да пили, они все больше и больше нравились друг другу, и обе только и сожалели, что не довелось им раньше встретиться. Просидели они за вином почти до самого вечера. К этому времени дождь прекратился, и старуха стала прощаться. Тогда Саньцяо достала большие серебряные чары и уговорила старуху выпить еще. После этого они поужинали.

— Вы, матушка, посидите еще немножко,— сказала Саньцяо.— Сейчас я приготовлю ту сумму, которая у меня есть, захватите ее с собой.

— Поздно уже,— ответила старуха.— И не стоит вам беспокоиться. Разве обязательно сейчас? Завтра утром зайду за деньгами. И коробку свою тоже не стану брать,— на улице скользко, идти трудно.

— Буду вас завтра ждать,— сказала на прощанье Саньцяо.

Старуха спустилась вниз, взяла зонт и ушла.

Да, действительно:

*Лишь бабки-сводницы язык
Мог обмануть столько людей на свете.*

Но вернемся к Далану. Прождал он у себя несколько дней, а известий от старухи так никаких и не получил. И вот в тот день, когда полил дождь, он решил, что старуха наверняка должна быть дома, и, шагая по лужам и грязи, поплелся в город, надеясь что-нибудь разузнать о своих делах. Но дома старухи не оказалось. Он зашел в винную лавку, закусил, выпил несколько

чарок и снова отправился к Сюэ. Ему сказали, что она еще не вернулась. Время было позднее, и Далан уже собрался было в обратный путь, но тут заметил, как из-за угла появилась старуха. Она шла, вся раскрасневшаяся, ноги у нее заплетались. Далан направился ей навстречу.

— Ну как?— поклонившись ей, спросил Далан.

— Рано, рано еще,— отвечала та, отмахиваясь от него.— Только-только посеяла семя, и нет еще ростка. Вот лет через пять-шесть расцветут цветы, пойдут плоды, тогда и попробуешь. А пока нечего тут вертеться да выведывать,— продолжала она.— Я, знаешь, не из тех, кто занимается всякими там чужими делюшками.

Видя, что старуха пьяна, Далану ничего не оставалось, как вернуться к себе.

На следующий день старуха купила фрукты, свежую курицу, рыбу, мясо, многое другое и пригласила повара, чтобы тот приготовил все как полагается. Когда все блюда были готовы, она уложила их в два *короба, купила жбан хорошего крепкого вина, попросила соседского парня взять коробки на *коромысло, и они вместе направились к дому Сингэ.

Саньцяо ждала старуху с утра, а та все не шла. Тогда Саньцяо велела Цинъюнь пойти за ворота поглядеть. Цинъюнь вышла на улицу как раз в тот момент, когда Сюэ подходила к их дому. Старуха велела парню занести коробка в дом, оставить их внизу, а самому отправляться обратно. Тем временем Цинъюнь уже доложила о ней хозяйке.

Спустившись вниз, Саньцяо встретила старуху как дорогую гостью и повела ее наверх. Старуха долго благодарила, приветствовала хозяйку дома, а затем сказала:

— У меня, у старой, сегодня случайно оказалось простенькое вино, и я захватила его с собой, чтобы за чаркой с вами развлечься.

— Выходит, я ввожу вас еще и в расходы! Не следовало бы мне принимать все это,— ответила Саньцяо.

Тут старуха попросила служанок занести наверх коробка и вино, и они расставили все блюда на столе.

— Уж слишком вы роскошествуете!— воскликнула Саньцяо.

— Что мы, бедные люди, можем приготовить хорошего!— улыбаясь, ответила старуха.— Это, собственно, не больше, чем угостить чаем.

Цинъюнь отправилась за чарками и палочками, а Нуаньсюэ разожгла маленькую печурку, и *вино тут же было подогрето.

— Сегодня хоть скромно, но угощаю я, старая, поэтому прошу вас занять почетное место гостя.

— Конечно, вам пришлось из-за меня похлопотать, но все-таки ведь это вы у меня в доме. Как я могу допустить такое!

Они долго препирались, и Сюэ в конце концов пришлось занять место гостя.

Это была уже их третья встреча, и потому они стали ближе друг другу, чувствовали себя свободнее.

— Что это хозяин ваш все не возвращается?— попивая вино, спросила старуха.— Уже и времени-то многовато прошло, как он уехал,— продолжала она.— И как это он решился оставить вас?

— Говорил, что вернется через год, а вот почему-то задержался,— ответила Саньцяо.

— По мне, хоть груды золота, хоть горы нефрита сулит торговля, не стоит она того, чтобы оставлять такую вот, как цветок, как яшма, жену. А вообще,— продолжала старуха,— кто разъезжает по торговым делам, тот в чужих краях живет словно дома, а дома — словно в гостях. Вот, к примеру, мой четвертый зять, господин Чжу: женился на моей дочери, и вечером-то они счастливы, и утром радостны, а о доме он и думать не думает. Съездит раз в три или в четыре года домой к старшей жене, побудет там месяц-другой и возвращается обратно. Она у него там, словно вдова, страдает от одиночества. И разве знает она, как он живет на стороне?

— Нет, мой муж не такой,— отвечала Саньцяо.

— Ну что вы, я ведь просто так говорю,— оправдывалась старуха.— Разве посмею я сравнивать небо с землей?

Обе женщины долго сидели за вином, загадывали друг другу загадки, играли в кости и расстались совсем пьяные.

На третий день старуха Сюэ с тем же соседским парнем зашла забрать короба, посуду и заодно взяла половину денег за украшения, проданные Саньцяо. Саньцяо уговорила ее остаться позавтракать.

С тех пор старуха Сюэ часто заходила к Саньцяо. Всякий раз она спрашивалась, нет ли известий от Сингэ. Было ясно, что причина ее прихода — желание получить остальную сумму, однако вслух она об этом не говорила. У старухи был хорошо подвешен язык, она умела сообразить, где что сказать, что ответить, и, прикидываясь не то глуповатой, не то простоватой, постоянно остряла и шутила со служанками. Поэтому в доме Цзян ее полюбили. Дошло до того, что если она день не заходила, Саньцяо начинала скучать, чувствовать себя одинокой. Она велела слуге узнать, где живет Сюэ, и нет-нет да посылала за ней. Так она стала привязываться к старухе все сильнее и сильнее.

На свете есть четыре сорта людей, с которыми не стоит иметь дела: свяжешься с ними — потом уж и отказать им неудобно. Что это за люди? Странствующие монахи-бродяги, нищие, бездельники и посредницы-сводни. Первые три — еще полбеда, а вот посредницы-сводни — те бывают вхожи то в одни дома, то в другие, и женщины, когда им скучно, в девяти случаях из десяти сами приглашают их к себе. И вот бабка Сюэ — существо далеко не из добродетельных — сладкими речами да ласковыми словами вкралась в доверие к Саньцяо, и они стали лучшими друзьями, так что Саньцяо и часа не могла прожить без старухи. Вот уж поистине:

*Когда рисуешь тигра ты —
Что там, под шкурой, не покажешь;
Когда знакомишься с людьми —
Лицо ты видишь, а не сердце.*

Надо сказать, что за это время Далан не раз навещался к Сюэ, пытаясь узнать, как идут его дела, но та только и твердила, что еще рано.

В середине пятого месяца началась жара, дни становились все более знойными. Как-то раз, беседуя с Саньцяо, старуха заговорила о тесноте в своем доме, о том, что дом ее обращен окнами на восток, поэтому летом у нее невыносимо, не то что в доме Саньцяо — таком высоком, просторном и прохладном.

— Если вы сможете оставить домашних, приходите сюда ночевать, это было бы только хорошо, — предложила Саньцяо.

— Хорошо-то хорошо, да боюсь, как бы ваш хозяин не вернул, — ответила старуха.

— Если даже он и вернется, то уж, наверное, не среди ночи,— отвечала Саньцяо.

— Ну, если я вам не буду в тягость,— а я обычно с людьми легко уживаюсь,— то сегодня же вечером перенесу сюда постель и буду ночевать у вас. Не возражаете?

— Постель и все прочее у нас есть, так что переносить ничего не надо. Сходите только домой и предупредите своих. А вообще, лучше всего, живите здесь все лето.

Старуха, не долго думая, пошла предупредить домашних и вернулась, захватив с собой только туалетную шкатулку.

— Да вы что, матушка,— возмутилась Саньцяо,— неужто у нас здесь не нашлось бы гребенки?! Зачем было такие вещи брать с собою?!

— Я, старая, больше всего в жизни боюсь мыть лицо из одного таза с другими и причесываться чужим гребешком,— отвечала старуха.— Конечно же, лично у вас есть и прекрасные гребенки, и прочее, но я бы не посмела до них дотронуться, а пользоваться вещами других женщин вашего дома мне бы не хотелось. Поэтому-то я и принесла все свое. Только скажите, в какой комнате мне поселиться?

Указывая на небольшую плетеную тахту возле своей постели, Саньцяо сказала:

— Я уже заранее приготовила вам место, чтобы мы были ближе друг к другу. Если ночью вдруг не будет спать, сможем поболтать.

С этими словами она достала зеленый полог из тонкого шелка, чтобы старуха повесила его себе над тахтой. Затем они выпили вина и легли.

После отъезда мужа в комнате Саньцяо всегда ночевали две ее служанки, но теперь она отправила их спать в соседнюю комнату.

С этих пор старуха днем, как всегда, ходила по своим делам, вечером же, на ночь, возвращалась к Саньцяо. И не раз, а довольно часто она прихватывала с собой вина, угощала хозяйку, и они весело проводили время. Кровать Саньцяо и тахта старухи Сюэ стояли углом друг к другу, и спали они, собственно, голова к голове, хотя и разделенные пологом. Ночью они заводили разговор: одна спросит, другая ответит, и говорили они о чем угодно, даже о самых непристойных слухах, которые ходили по городу. Частенько, притворяясь

совсем пьяной или охваченной безумием, старуха рассказывала о том, какие у нее были в молодости, тайком от мужа, любовные похождения. Делалось это с расчетом возбудить в Саньцяо соответствующие весенние чувства. Рассказы старухи доводили Саньцяо до того, что ее прекрасное нежное лицо то бледнело, то заливалось краской. Старуха поняла, что добилась своего, но как заговорить о порученном ей деле, все еще не знала.

Время летело быстро, и вот наступил седьмой день седьмого месяца — день рождения Саньцяо. Старуха с раннего утра приготовила два короба яств в подарок Саньцяо. Поблагодарив ее, та стала уговаривать ее поесть вместе лапши.

— Сегодня у меня много дел, тороплюсь, — отказалась Сюэ. — Уж вечером будем вместе с вами наблюдать, как *Пастух встречается с Ткачихой.

С этими словами она попрощалась и только вышла из ворот, как тут же натолкнулась на Далана. Разговаривать здесь было неудобно, и поэтому они свернули в тихий переулочек.

— Матушка, ну и тянешь же ты! — упрекнул ее Далан, нахмутив брови. — Прошла весна, настало лето, теперь уж осень, а ты все твердишь свое: «рано» да «рано». А ведь день для меня словно год. Пройдет еще несколько дней, вернется ее муж, тогда вообще всему конец. Ты меня просто живьем на тот свет отправляешь! Но ничего, я и с того света до тебя доберусь, — пригрозил Далан.

— Да не выходи ты из себя! — прервала его старуха. — Ты очень удачно мне попался, я ведь как раз собиралась найти тебя. Получится что или не получится — зависит от сегодняшнего вечера, но только ты должен делать все так, как я тебе прикажу.

Объяснив ему, как и что, старуха под конец добила:

— Только делай все тихо, бесшумно — иначе поведешь меня.

— Великолепный план! Великолепный! — восклицал Далан, кивая головой в знак согласия. — Если все получится, щедро отблагодарю!

И, радостный, он удалился. Вот уж поистине:

**Разложены украденные яшма, благовонья:
Продумано все, чтобы встречи любовной добиться.*

Итак, старуха Сюэ договорилась с Даланом, что в этот вечер они попытаются добиться успеха. Во второй половине дня заморосил дождь, и когда наступил вечер, ни луны, ни звезд не было видно. Далан в темноте следовал за старухой. Подойдя к дому Саньцяо, она велела ему притаиться, а сама стала стучать в ворота. Цинъюнь зажгла *бумажный фонарик, вышла во двор и открыла ворота. Тут старуха умышленно стала шарить в рукавах.

— Обронила где-то *полотенце,— сказала она. И, обращаясь к служанке, попросила:— Доченька, уж потрудись, поищи-ка, пожалуйста!

Цинъюнь пошла с фонариком вперед, а старуха, улучив момент, махнула рукой Далану, и тот проскользнул в ворота. Она провела его в дом, спрятала внизу, в проеме за лестницей, и тут закричала:

— Нашла,шла! Не ищи!

— Вот хорошо, а то свеча у меня как раз догорела,— ответила ей служанка.— Пойду возьму другую, чтобы посветить вам.

— Не нужно,— возразила старуха,— я хорошо знаю, как у вас тут пройти.

Вдвоем с Цинъюнь они заперли внизу дверь и ощупью поднялись наверх.

— Что это вы потеряли?— спросила Саньцяо.

— Вот эту вещичку,— проговорила старуха, показывая полотенце.— Она хоть ничего не стоит, зато это подарок от одного продавца из Пекина, а ведь, как говорится, «легок пух, привезенный в подарок издалека, да дорого вниманье».

— Уж не старый ли ваш дружок подарил вам его на память?— пошутила Саньцяо.

— Вы недалеки от истины,— улыбаясь, ответила старуха.

В тот вечер они смеялись, шутили, пили вино.

— У нас так много закусок и вина. Не дать ли чего-нибудь кухаркам?— предложила старуха.— Пусть им тоже будет весело, пусть и у них будет праздник.

Саньцяо тут же велела служанке отнести вниз, на кухню, четыре блюда закусок и два *чайника вина. Кухарки с пожилым слугой выпили, и вскоре все трое разошлись — каждый к себе отдыхать.

За вином, во время разговора, старуха спросила:

— Что это господин ваш все не возвращается?

— Да, уж полтора года прошло,— ответила Саньцяо.

— Пастух и Ткачиха и те раз в год встречаются, а вы, получается, уже на полгода больше ждете. Впрочем, известно ведь, что «чиновник — первая фигура, за ним — разъезжающий торговец». Так есть ли такой край, где бы они не нашли себе *«ветерок, цветы, снег и луну», когда оказываются вдали от дома?

Саньцяо вздохнула, склонила голову, но ничего не ответила.

— Ой, кажется, я лишнее сболтнула,— проговорила старуха.— Сегодня ночь встречи Пастуха и Ткачихи, надо пить и веселиться, а не заводить разговор о том, что расстраивает человека.— С этими словами старуха налила вина и поднесла его Саньцяо.

Обе уже сильно захмелели, когда старуха налила вина и поднесла прислуживавшим за столом Цинъюнь и Нуаньсюэ.

— Выпейте за радостную встречу Пастуха и Ткачихи,— предложила им старуха.— Да пейте побольше: потом выйдете замуж за любимого и любящего вас человека и будете с ним неразлучны.

Предлагала она так настойчиво, что служанкам, хоть они того и не хотели, пришлось выпить. Пить они не привыкли и потому сразу опьянели. Тогда Саньцяо приказала им запереть входные двери на втором этаже и отправляться спать, а сама продолжала пить со старухой.

Старуха пила и не переставая говорила то о том, то о сем.

— Сколько вам было лет, когда вы вышли замуж?— спросила она, между прочим, Саньцяо.

— Семнадцать,— ответила та.

— Поздно вы лишились девственности. Можно сказать, не пострадали. А вот со мной это случилось уже в тринадцать лет.

— Почему это вы так рано вышли замуж?

— Вышла-то я, когда мне было восемнадцать,— ответила старуха.— Но, откровенно говоря, задолго до того соблазнил меня сын соседей, у которых я училась шитью. Увлекла меня его красота, я и поддалась. Сначала было очень больно, но после двух-трех встреч я познала удовольствие. А у вас тоже так было?— спросила она хозяйку.

Саньцяо в ответ лишь улыбнулась.

— В этом деле, пожалуй, лучше и не понимать всей прелести: поймешь, потом не бросить — такое с тобой творится, что места не находишь. Днем еще куда ни шло, а ночью — просто невыносимо!

— Вероятно, когда вы жили у своих родных дома, многих повстречали людей,— проговорила Саньцяо.— Но как же вам удалось выйти замуж и утаить, что вы не невинный цветок?

— Видите ли, мать моя кое о чем догадывалась и, чтобы избежать позора, научила меня, как притвориться девственницей. Вот и удалось скрыть правду.

— Но пока вы не были замужем, вам, наверное, приходилось часто спать и одной?— спросила Саньцяо.

— Да, приходилось. Но помню, когда брат уезжал куда-нибудь, я спала с его женой.

— Какой же, собственно, интерес спать с женщиной?

Тут старуха подсела к Саньцяо и сказала:

— Вы не знаете, милая; если обе женщины понимающие, то это так же приятно и это тоже, как говорится, «укрошает огонь».

— Не верю! Врете вы!— воскликнула Саньцяо, хлопая старуху по плечу.

Сюз, видя, что страсти у Саньцяо разгораются, нарочно стала подливать масла в огонь:

— Мне вот, старой, пятьдесят два года уже, и то ночью часто, бывает, глупости всякие лезут в голову, да так, что просто не сдержат себя. А вы ведь молодая... Хорошо, что вы из скромных.

— Неужели вы все еще знаете с мужчинами когда, как вы говорите, вам бывает трудно удержаться?

— Ну что вы! Увядший цветок, засохшая ветка ивы — кому я теперь нужна?— ответила на это старуха и продолжала:— Да уж ладно, не буду скрывать от вас, милая: я знаю способ, как самой находить удовольствие,— это на крайний случай.

— Неправду вы говорите! Что это еще за способ?

В ответ на это старуха сказала:

— Ладно! Погодя ляжем спать — все объясню.

В это время залетевшая бабочка стала кружиться возле светильника, и старуха хлопнула по ней с расчетом, чтобы погас свет.

— Ой!— воскликнула она, когда стало темно.— Пойду схожу за огнем.

Она направилась к входной двери на второй этаж и сняла запор. К тому времени Далан уже сам потихоньку пробрался наверх и давно стоял возле входа. Пока все шло как было задумано. Открыв дверь, она вернулась назад.

— Ох, забыла лучину захватить!— громко сказала старуха, ведя за собой Далана. Уложив его в спальне на свою тахту, Сюэ спустилась вниз, а возвратясь, заявила:

— Уже поздно, на кухне все огни загасили. Как быть?

— Я привыкла спать при свете. Ночью, когда темно, мне страшно.

— Ну, тогда я, старая, лягу с вами. Как вы?

Саньцяо, которой очень хотелось расспросить ее о способе на крайний случай, ответила:

— Хорошо.

— Тогда вы ложитесь первая,— сказала старуха,— а я запру входные двери наверх и вернусь.

Саньцяо разделась и легла.

— Ложитесь и вы поскорее,— попросила она.

— Сейчас иду,— ответила старуха, а сама тем временем подняла Далана с тахты и подтолкнула его, уже раздетого, к постели Саньцяо.

Коснувшись голого тела, Саньцяо проговорила:

— Вы, матушка, хоть и в летах, но, оказывается, такая гладкая.

Далан, разумеется, молча залез под одеяло.

Саньцяо выпила лишнего, и глаза у нее уже слипались. К тому же старуха так раздражила ее разговорами, разожгла в ней чувства, что она была сама не своя... И потому свершилось то, чего хотел Далан.

*Одна — молода и полна чувств весенних,
жила, как затворница в доме, скупая;
Другой — гость заезжий из дальних краев,
мыслью о встрече любовной томился.*

*Одна — уже долго ждала и терпела
и, словно *Вэньцзюнь, повстречала Сянжу;*

*Другой — уж давно помышлял о красоте
и обнял свою *Цзяолянь, как Бичжэн.*

*И счастливы, будто в долгую засуху
сладкий пролился дождь;*

*Их встреча похожа на встречу друзей
далеко, на чужбине.*

Далан, этот бывалый человек, изведавший сладость любовных встреч, знал все тонкости в подобных делах и довел Саньцяо до того, что у нее буквально «душа рассталась с телом». И только когда, как говорится, «прекратилась буря и тучи рассеялись», Саньцяо наконец спросила:

— Кто ты такой?

Далан подробно рассказал ей, как случайно ее увидел, как она понравилась ему и он не мог оставить мысли о ней, как умолял старуху что-либо придумать.

— И вот теперь, когда свершилось то, чего я хотел больше всего в жизни, я могу *умереть с закрытыми глазами.

Тут к кровати подошла сама Сюэ.

— Так просто я не осмелилась бы решиться на такое,— сказала она, обращаясь к Саньцяо.— Мне было жаль смотреть, как в одиночестве уходят ваши молодые годы; да и господина Чэня я хотела спасти. Можно сказать, что я тут ни при чем,— продолжала она,— так уж, по-видимому, было суждено вам обоим.

— Что случилось, то случилось,— ответила Саньцяо.— Но как быть, если муж узнает?

— Об этом знаем лишь я да вы. А кроме служанок, кто еще может проболтаться? Поэтому надо сделать так, чтобы Цинъюнь и Нуаньсюэ не смели распускать язык... Положитесь на меня — и встречаться будете каждую ночь,— продолжала старуха.— Все будет гладко. Но уж вспоминайте иногда и меня, старую.

Раздумывать Саньцяо уже не приходилось. Всю ночь они предавались бурным страстям. Уже светало, а им все еще было не расстаться. Тут старуха стала торопить Далана, заставила его подняться и выпроводила.

С тех пор не было ночи, чтобы молодые люди не встречались. Далан то один приходил к ней в дом, то со старухой. Что касается обеих служанок, то старуха сумела и сладкими речами задурить им голову, и запугать угрозами. Саньцяо по совету старухи дарила им то одни, то другие платья, а когда приходил Далан, он обычно давал им на сладости какую-нибудь мелочь серебром. Словом, втроем они так сумели прибрать к рукам Цинъюнь и Нуаньсюэ, что те, довольные, стали заодно с хозяйкой. Поэтому, приходил ли Далан

вечером, уходил ли утром, никто ему не чинил препятствий: одна из служанок всегда встречала и провожала его.

Саньцяо и Далана влекло друг к другу, и они любили друг друга больше, чем муж и жена. Далану очень хотелось быть еще ближе любимой женщине, поэтому он часто заказывал для Саньцяо красивые платья, дарил ей украшения и вернул старухе деньги, которые осталась должна ей Саньцяо. Старухе же в знак благодарности он подарил еще сто лан серебром. В целом Далан отдал Сюэ около тысячи ланов, а Саньцяо — ланов тридцать различными подарками. Именно на такую богатую прибыль и рассчитывала старуха, соглашаясь быть сводней и посредницей между ними.

Но оставим все это.

Еще древние говорили: «Не бывает на свете пира, который бы не кончился», и, казалось,

*Едва прошел веселый *праздник фонарей,
А уж настал *день поминанья предков.*

Далан стал подумывать о том, что давно забросил дела и пора бы ему возвратиться домой. И вот как-то ночью он поделился этим с Саньцяо. Но настолько были сильны их чувства, так их влекло друг к другу, что расстаться они были не в состоянии. Саньцяо шла даже на то, чтобы собрать вещи, сбежать с милым куда угодно и стать его женой.

— Нет, это не годится, — говорил Далан. — О наших отношениях до малейших подробностей знает старуха Сюэ. Кроме того, и хозяин гостиного двора, почтенный Люй, мог что-то заподозрить, видя, как я каждый вечер отправляюсь в город. Да и джонка, на которой нам пришлось бы ехать, как всегда, будет набита торговцами из разных краев — разве удастся уехать незамеченными? А Цинъюнь и Нуаньсюэ? Мы ведь не можем взять их с собой. А когда вернется твой муж и обо всем узнает, вряд ли он оставит так это дело. Прошу тебя, потерпи: в следующем году в эту пору я снова буду здесь, найду укромный уголок, сообщу тебе и мы тайком уедем. Тут уж ни боги, ни дьяволы — никто ничего не узнает. Так будет вернее.

— А если все-таки вдруг случится, что ты в будущем году не приедешь, тогда как? — спросила Саньцяо.

Далан поклялся, что непременно вернется.

— Ну ладно, раз ты мне искренне предан,— сказала Саньцяо,— я тоже буду тебе верна. Только прошу, когда вернешься домой, напиши мне письмо и, как только представится случай, попроси доставить его старухе Сюэ, чтоб я не тревожилась.

— Не беспокойся, я и сам хотел так поступить.

Несколько дней спустя Далан подрядил джонку, погрузил в нее закупленное зерно и пришел к Саньцяо проститься.

В эту ночь они были особенно нежны друг с другом, и предстоящая разлука казалась им невыносимой. Поговорят они, поговорят и заплачут, потом безудержно предаются любви. Ночью они так и не сомкнули глаз. В пятую стражу оба поднялись. Саньцяо достала из сундука дорогую вещь, которую называли «жемчужная рубашка», и поднесла ее Далану.

— Эта рубашка передавалась из поколения в поколение в семье моего мужа,— сказала она ему.— В знойные дни, когда надеваешь ее, ощущаешь приятную прохладу. Сейчас, когда с каждым днем становится жарче, она тебе как раз пригодится. Дарю ее тебе на память, и, когда наденешь ее, пусть тебе кажется, что это я прильнула к твоей груди.

Далан разрыдался. Он и слова не мог произнести в ответ и сидел поникший. Тут Саньцяо собственноручно надела на Далана рубашку, приказала служанке открыть ворота и сама вышла проводить его до ворот. Они расстались, без конца прося друг друга беречь себя.

Стихи говорят:

*Когда-то, роняя слезы,
супруга она провожала;
А нынче, рыдая, расстаться
с новым любимым не может.
Изменчивы женские чувства,
словно текущие воды:
Сегодня — с дивною птицей,
с птахой залетною — завтра.*

Но поведем наш рассказ дальше. Далан каждый день теперь надевал эту жемчужную рубашку, да и во-

обще ни на минуту с ней не расставался: даже ночью, когда ложился спать, держал ее при себе в спальном мешке.

С попутным ветром через каких-то два месяца Далан уже добрался до города Фэнцзяо, что в области Сучжоу. Фэнцзяо был центром, где сосредоточивалась торговля деревом, зерном и многими другими товарами. Чтобы сбыть свой товар, он, разумеется, остановился в одном из торговых подворьев, куда обычно заезжали торговцы зерном и где они хранили свою кладь.

Но оставим подробности по этому поводу.

Однажды, на пиру у своего земляка, Далан встретил торговца из Сянъяна. Непринужденный в своих манерах, красивый молодой человек был не кем иным, как Сингэ. Оказывается, Сингэ закупил в Гуандуне жемчуг, панцири черепах, сапановое и орлиное дерево и вместе с попутчиками выехал из Гуандуна; все, с кем он ехал, собирались сбыть свой товар в Сучжоу. Сингэ давно уже слышал, что «рай — на небесах, а на земле — *Су, Хан», и знал к тому же, что это большие портовые города. Не мудрено, что ему очень хотелось побывать там, продать товар, и уж тогда возвращаться домой. В Сучжоу он прибыл еще в минувшем году, в десятом месяце. Поскольку некогда в торговых делах он скрыл свою настоящую фамилию и все называли его молодым господином Ло, то при встрече с Сингэ у Далана не возникло никаких подозрений. Сингэ и Далан были ровесниками, оба были схожи и по внешнему виду, и в манерах. Случайно познакомившись, они разговорились и прониклись взаимной симпатией. Узнав, где кто остановился, они потом довольно часто навещали друг друга и вскоре стали друзьями.

Покончив с делами и получив все, что ему полагалось по счетам, Сингэ собрался уезжать и зашел к Далану проститься. Далан подал вино, угощение; они сидели и вели дружескую, откровенную беседу. Был уже конец пятого месяца, дни стояли жаркие, оба за вином скинули с себя верхнюю одежду, и тут Сингэ увидел на Далане свою жемчужную рубашку. Крайне удивленный, он не осмелился сказать, что рубашка эта его, и только заметил, какая она, мол, красивая.

Поскольку молодые люди стали друзьями, то Далан решил спросить:

— В вашем городе, на Большой базарной улице, живет некто Цзян Сингэ. Знаете ли вы его, брат Ло? Сингэ, уже настоороженный, ответил:

— Я давно не был дома, но помню, что там есть такой человек; правда, сам я с ним не знаком. А почему вы спрашиваете о нем, брат Чэнь?

— Не буду скрывать от вас, я в некотором отношении с ним связан,— ответил Далан и рассказал Сингэ всю историю его любовных отношений с Саньцяо. При этом он дотронулся рукой до жемчужной рубашки и, глядя на нее, прослезился:— Это она подарила ее мне. Прошу вас, раз вы возвращаетесь туда, сделайте мне одолжение — передайте письмо, которое я написал. Завтра я его принесу.

— Пожалуйста, пожалуйста,— отвечал Сингэ, а сам про себя подумал: «Бывают же такие невероятные вещи! Но доказательство — жемчужная рубашка. Значит, это не пустая болтовня». В груди у него словно иглами закололо; под каким-то предлогом он отказался пить, быстро поднялся, простился и ушел. Вернувшись к себе, он не переставал обо всем этом думать, и чем больше думал, тем сильнее выходил из себя. Как хотелось ему овладеть магическим способом сокращать расстояния, чтобы в мгновение ока очутиться дома. В ту же ночь он собрался, а рано утром был на джонке.

Когда они готовы были уже отчалить, Сингэ увидел, как вдоль берега, запыхавшись, бежит человек. Это был Далан. Он передал Сингэ огромный пакет-письмо и настойчиво просил во что бы то ни стало его доставить. От злости лицо Сингэ стало землистым, сказать он ничего не мог, не мог ответить, умереть не мог, и жить не хотелось. Только когда Далан ушел, Сингэ взглянул на пакет. «Прошу доставить матушке Сюэ. Восточный переулок. Большая базарная улица» — было написано на пакете. Ярость охватила Сингэ. Он разорвал пакет — внутри оказалось длинное шелковое полотенце нежно-розового цвета и картонная коробка, в которой лежала шпилька для волос из чисто-белого нефрита с украшением в виде головы феникса. В самом письме говорилось: «Эти две ничтожные вещицы прошу вас, матушка, передать любимой госпоже Саньцяо, лично ей, в знак того, что помню ее и что встреча наша непременно состоится будущей весной. Прошу ее беречь себя, очень прошу». Вне себя от

злости, Сингэ разодрал на мелкие клочки письмо и бросил их в воду, а шпильку с такой силой швырнул на палубу, что она разломалась пополам. Но тут он спохватился: «Какой же я дурак! Надо все это оставить как доказательство». Он поднял шпильку, завернул ее вместе с полотенцем в один пакет, и пакет припрятал. Затем он стал торопить лодочников, чтобы они отчаливали.

Вскоре он оказался в родном городе. Когда он увидел ворота своего дома, невольно слезы потекли у него из глаз. «Как мы любили друг друга тогда,— думал он.— И надо было мне из-за ничтожной, величиной с мушиную головку, выгоды, на которую я позарился, оставить молодую жену одну-одинешеньку, чтобы получился такой вот позор. Но сожалеть об этом теперь уже поздно!»

Надо сказать, что в пути Сингэ не терпелось поскорей добраться домой, а теперь, когда он оказался здесь, возле дома, так ему стало горестно, так тяжело, что он едва передвигал ноги. Однако, переступив порог своего дома, он взял себя в руки и, сдерживая гнев, через силу поздоровался с женой. Больше Сингэ ни слова не произнес, а Саньцяо, чувствуя за собой вину и краснея от стыда, не решилась подойти к мужу и заговорить с ним, проявить должную приветливость. Когда весь багаж был перенесен в дом, Сингэ сказал, что идет навестить тестя и тещу, а сам отправился обратно на джонку и там переночевал.

На следующий день утром он вернулся домой.

— Мать и отец твои больны, и очень тяжело,— сообщил он Саньцяо.— Вчера мне пришлось там остаться, и я провел возле них всю ночь. Они только и думают что о тебе и хотели бы с тобой повидаться. Я уже нанял паланкин, он у ворот — так что побыстрее собирайся и поезжай, я отправлюсь вслед за тобой.

Саньцяо, охваченная тревогой и подозревая что-то недоброе после ночи, когда муж не вернулся домой, услышав теперь, что отец и мать больны, конечно, поверила в это и всполошилась. Второпях она передала мужу ключи от сундуков, велела одной из кухарок быстро собраться, чтобы сопровождать ее, а сама направилась к паланкину. Тем временем Сингэ задержал кухарку, вытащил из рукава письмо и сказал ей, чтобы она передала его господину Вану.

— Как только отдашь письмо, сразу же возвращайся с паланкином,— добавил он, вручая письмо.

Саньцяо приехала к своим родителям, нашла их обонх в добром здравии и не на шутку перепугалась. Отец ее, господин Ван, увидев дочь, которая вдруг ни с того ни с сего приехала к ним домой, тоже всполошился. Распечатав письмо, которое ему передала кухарка, он увидел, что это *отпускная. В ней было написано:

*«Составитель настоящей отпускной — Цзян Дэ родом из Цзаояна, области Сянъян. В свое время был совершен сговор о том, что он берет в жены девицу из семьи Ван. Однако, уже живя в доме мужа, эта женщина совершила немало проступков, которые входят в *семь статей, дающих повод для развода. Память о прежних супружеских чувствах удерживает от того, чтобы назвать эти проступки. Посему дается согласие на возвращение ее в свой прежний род, а также на вторичное ее замужество по вашему усмотрению.*

*Настоящая отпускная является подлинной. *Второй год правления под девизом «Чэн-хуа», такой-то месяц, день. Отпечаток руки в качестве свидетельства».*

Вместе с письмом в пакете находился еще и сверток, в котором лежали розовое шелковое полотенце и поломанная головная шпилька из чистого белого нефрита. Увидев все это, Ван, встревоженный, призвал дочь и стал допытываться, что произошло. Когда Саньцяо узнала, что муж отказался от нее, она горько заплакала, но так ничего отцу и не объяснила. Разгневанный, Ван тут же направился к зятю. Сингэ встретил его поклоном, Ван ответил на приветствие.

— Дорогой зять,— без промедлений начал Ван,— дочь моя была чиста и невинна, когда вошла в твой дом. Какой же проступок она совершила, что ты от нее отказываешься? Ты должен мне объяснить.

— Нет, мне об этом говорить неудобно,— отвечал Сингэ.— Спросите вашу дочь и узнаете.

— Да она только плачет и рта не желает раскрывать,— вот мне и приходится переживать и думать невесть что! Ведь дочь моя с детства была умной,— продолжал Ван.— Не могла она пойти на прелюбодеяние или кражу; а если и допустила какую малую оплошность, то уж ради меня, старика, простил бы ее. Ведь сговор о браке был совершен, когда вам обоим было лет восемь, а после свадьбы вы жили мирно, спокойно,

ни разу не поссорились. Теперь ты только вернулся из поездки, не прожил и двух дней — что же неладное ты заметил? Если ты так жестоко поступаешь, то станешь посмешищем, люди будут говорить о тебе, что ты не знаешь чувства жалости и чувства долга.

— Уважаемый тесть, я не осмелюсь много говорить, — отвечал Сингэ, — скажу только, что у меня еще от далеких предков осталась жемчужная рубашка, которую я просил вашу дочь сохранить. Спросите у нее, есть сейчас эта рубашка в доме или нет. Если есть, то все в порядке, и разговору конец. Если нет, тогда извините, не обессудьте.

Ван тут же отправился домой.

— Муж твой только спрашивает о какой-то жемчужной рубашке, — сказал он дочери. — Отдала ты ее кому-то, что ли?

Поняв, что речь идет о самой ее сокровенной тайне, Саньцяо от стыда залилась краской. Сказать в ответ ей было нечего, и она так разрыдалась, что старик Ван растерялся, не зная, как ему поступить.

— Перестань ты без конца реветь, — уговаривала ее мать. — Лучше расскажи всю правду, как она есть, чтобы мы с отцом знали, в чем дело, и могли за тебя хоть слово сказать.

Но Саньцяо упорно молчала и продолжала рыдать. Наконец Ван, отчаявшись, передал бумагу о разводе, полотенце и шпильку жене, велел ей успокоить дочь и постараться выведать у нее, что же произошло, а сам так расстроился, что решил уйти из дому и пошел к соседям, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

Саньцяо все плакала, глаза ее распухли от слез. Мать, боясь, как бы дочь совсем не извелась, всячески утешала ее, потом отправилась на кухню согреть вина, надеясь хоть вином отвлечь ее от тяжелых мыслей.

Тем временем Саньцяо сидела у себя в комнате одна. Она все думала и думала и никак не могла понять, каким образом история с жемчужной рубашкой дошла до Сингэ. Не могла она также понять, что это за полотенце и шпилька. «Пожалуй, — наконец решила она, — сломанная шпилька означает разбитое счастье, а полотенце — намек на то, чтобы я повесилась. Во имя нашей былой супружеской любви он не пожелал об

этом говорить прямо, хотел сберечь мою честь. Да,— продолжала она мысленно рассуждать,— четыре года любви и, увы, такой конец! В этом виновата я сама — пренебрегла чувствами мужа, изменила ему. Теперь, если я даже и останусь жить на свете, не видать мне счастливых дней. Действительно, уж лучше повеситься, по крайней мере со всем будет покончено». Придя к этой мысли, она снова расплакалась. И вот она взяла табуретку, положила на нее первое, что попало под руку, чтобы стать повыше, и закинула на балку то самое полотенце — оставалось только сунуть голову в петлю. Но, видимо, не суждено было тому случиться. Дверь в комнату Саньцяо не была запертой, и как раз в этот момент ее мать вернулась из кухни, держа в руках чайник с подогретым вином. Увидев, что надумала дочь, она настолько растерялась, что бросилась к ней прямо с чайником в руках, обхватила дочь свободной рукой, пытаясь удержать ее, при этом задела за табуретку и опрокинула ее. Обе женщины повалились на пол. Тут же лежал чайник, из которого лилось вино. Поднявшись, мать стала поднимать дочь, приговаривая:

— Пришло ж тебе в голову этакое! Всего-то тебе каких-то двадцать лет — можно сказать, бутон, еще полностью не распутившийся! Как же ты решилась на подобную глупость?!— продолжала она.— Муж-то твой, может, еще и одумается. Ну а если даже и окончательно решил отказаться от тебя, так что?! Неужто тебя, такую красивую, никто другой не возьмет! Ничего, выйдешь еще замуж и будешь счастлива. Так что не расстраивайся, живи себе спокойно!

Когда Ван вернулся домой и узнал, что Саньцяо пыталась покончить с собой, он тоже сказал ей несколько слов в утешение, а жене наказал не спускаться с дочери глаз.

Прошло какое-то время, предпринять Саньцяо ничего не могла и наконец оставила мысль о смерти. Поистине:

*Жена и муж — совсем как птицы,
живут в одном лесу;
Но вот *великий срок приходит,—
тогда им врозь лететь.*

А теперь вернемся к Сингэ. После ухода тестя он связал Цинъюнь и Нуаньсюэ и стал допрашивать обеих

служанок. Сначала они отпирались, но, когда он начал их бить, не выдержали и выложили все начистоту. Узнав, что историю с Даланом подстроила старуха Сюэ и что все это дело только ее рук, Сингэ на следующее же утро собрал десяток молодых и направился с ними к ее дому. Там они разнесли у нее все в пух и прах, разве что только дом не сломали. Сама Сюэ, сознавая свою вину, заранее скрылась, и никто из людей не посмел сказать и слова в ее защиту.

Возвратясь к себе, он велел привести посредницу и продал ей обеих служанок. Каждый из шестнадцати сундуков с вещами и драгоценностями,— больших и малых,— которые стояли наверху в доме, он опечатал двумя полосами бумаги и больше к ним не прикасался. Почему? Да потому, что Сингэ очень любил жену, и хоть отказался от нее, но на душе у него было тяжело. Глядя на вещи, как известно, вспоминаешь человека. Так мог ли он раскрывать сундуки и заглядывать в них?

Теперь рассказ пойдет еще об одном человеке — о некоем У Цзе, *цзиньши из Нанкина. Получив назначение на должность начальника уезда Чаоянсянь в провинции Гуандун, он отправился туда водным путем и проезжал через область Сянъян. Жена у него осталась дома, и он решил подобрать себе молодую наложницу. На пути к месту службы он встречал немало молодых женщин, но ни одна не пришлась ему по душе. Как-то он прослышал о дочери старика Вана из Цзаояна: говорили, что она хороша собой и славится красотой на весь уезд. Он пригласил сваху и в качестве сговорного подарка дал ей пятьдесят ланов золота. Ван был этому рад, но, боясь, как бы его прежний зять не стал протестовать, сам пошел к Сингэ и рассказал ему о сватовстве. У того никаких возражений не было. В день свадьбы Саньцяо Сингэ нанял людей, которые перенесли все шестнадцать сундуков на джонку У Цзе. Опечатанные бумагой сундуки, до которых Сингэ так и не дотронулся, были отданы вместе с ключами к ним. Все это отдавалось Саньцяо в качестве приданого, и ей, конечно, было не по себе. Когда стало известно, как поступил Сингэ, одни хвалили его, говорили, что он великодушен; другие смеялись над ним, называли дураком; иные поносили его за бесхарактерность. Вот уж поистине, «сколько людей, столько и мнений»!

Но не будем отвлекаться и вернемся теперь к Далану.

Сбыв свой товар в Сучжоу, Далан приехал к себе домой, в Синьянь, и все его мысли только и были что о Саньцяо. Утром ли, вечером ли, глядя на жемчужную рубашку, он постоянно вздыхал. Жена его, госпожа Пин, недоумевая, откуда взялась эта рубашка, и заподозрив что-то неладное, однажды, когда муж спал, тайком унесла ее и спрятала на чердаке. Утром Далан хотел надеть рубашку, ее не оказалось, и он стал требовать ее у жены. Та ни в чем не признавалась. Далан рассвирепел, перевернул вверх дном сундуки и коробка, обшарил все углы и, нигде не найдя ее, набросился на жену с руганью. Госпожа Пин разрыдалась, началась перебранка, и они ссорились несколько дней подряд. В полном смятении чувств Далан наспех собрал деньги, взял с собой молодого слугу, сел на джонку и направился обратно в Сянъян. Случилось так, что, когда они подъезжали уже к самому Цзаояну, на джонку напала шайка разбойников. Лодку ограбили, все деньги, которые он вез с собой, украли, слугу убили. Далан благодаря своей сообразительности и ловкости успел спрятаться на корме за рулем и тем спас себе жизнь. Понимая, что домой ему теперь нельзя возвращаться, он решил, что поселится в прежней гостинице, свидится с Саньцяо, одолжит у нее какую-то сумму, а когда наладит дело, вернет свой долг. Тяжело вздохнув, он оставил джонку и сошел на берег.

Оказавшись за городом, Далан добрался до гостиницы и поведал хозяину, господину Люю, обо всем, что с ним приключилось. При этом он признался, что собирается попросить старуху Сюэ, которая торгует жемчугом, одолжить у одного его знакомого кое-какую сумму для дела.

— О, вы не знаете, — отвечал ему на это старик Люй. — Эта старуха совратила жену Цзян Сингэ, подстроила там грязное дело. В прошлом году, когда Сингэ вернулся из поездки, он стал требовать у жены какую-то «жемчужную рубашку». А жена, оказывается, подарила эту рубашку любовнику и ей нечего было сказать в свое оправдание. Сингэ тотчас же отказался от жены и отправил ее обратно к родным, а теперь она в качестве второй жены вышла за господина У Цзе из Нанкина. Сингэ разнес дом старухи Сюэ, да так, что целой черепицы на нем не осталось. Продолжать здесь жить

старуха, конечно, не могла и переехала в соседний уезд.

Услышав такое, Далан был потрясен, словно холодной водой его окатили. Всю ночь его бросало то в жар, то в холод, и он заболел. Причиной болезни была удроченность и тоска по любимой, а также отчасти — переутомление и неожиданное потрясение. Более двух месяцев пролежал он в постели — слуге хозяина даже надоело за ним ухаживать. Доведенный до отчаяния, Далан собрался с духом и написал письмо домой. Пригласив хозяина, он попросил, чтобы тот при первой возможности переслал его письмо жене, и добавил, что просит в письме прислать ему денег на дорогу и приехать кого-нибудь из близких, чтобы присмотреть за ним в пути. Это было именно то, чего хотел сам хозяин гостиницы. В гостинице как раз очень кстати остановился посыльный, направлявшийся с документами в Хуэйнин. Расстояния он преодолевал быстро, пользуясь услугами водных и сухопутных почтовых станций, поэтому старик Люй передал ему письмо Далана, дал за него некоторую сумму посыльному и попросил, чтобы тот заодно доставил это послание по адресу. Известно, что

*Когда идешь по делам своим —
бродишь, сколько хочешь,
А коль по службе нарочным послан —
мчишься, как комета.*

Не прошло и нескольких дней, как посыльный был уже в уезде Синьянь. Разузнав, где находится дом Далана, он доставил письмо и тут же помчался дальше. И вот:

*Всего лишь было
что письмо к жене,
А вышло так —
что вдруг сыграли свадьбу.*

Госпожа Пин вскрыла письмо и узнала почерк мужа. В письме говорилось:

«Милая жена, госпожа Пин! Тебе кланяется Далан. После того как я уехал из дому, на меня в Сянъяне напали бандиты, ограбили меня и убили слугу. Сам я от потрясений заболел и вот уже больше двух месяцев ле-

жу все в той же гостинице у господина Люя. Когда это письмо дойдет до тебя, прошу направить ко мне надежного человека, дабы он побыстрее приехал присмотреть за мной, и передай с ним побольше денег на дорогу. Пишу кое-как, лежа на подушке».

Госпожа Пин раздумывала над письмом, не зная, верить ли тому, что в нем говорилось.

«В последний раз, когда он вернулся домой, он, видите ли, потерпел убыток на целую тысячу ланов серебром. А эта жемчужная рубашка? Наверняка ведь досталась ему каким-то нечестным путем. Теперь убеждает, что его ограбили, и просит прислать побольше денег на дорогу. Боюсь, врет он все!» Еще поразмыслив, она рассудила: «Он просит надежного, близкого человека побыстрее явиться ухаживать за ним, значит, действительно тяжело болен, и вполне вероятно, что все это правда. Но кого же послать?» Чем больше она думала, тем сильнее овладевало ею беспокойство. Она рассказала обо всем своему отцу, господину Пину, решила собрать все ценности, какие были в доме, взять с собой слугу Чэнь Вана и его жену, а также попросила отца поехать вместе с ней. Наконец была нанята лодка, и она отправилась к мужу в Сянъян. Но едва они добрались до Цзинкоу, как у старого господина Пина начался удушающий кашель, и его пришлось отправить домой. Сама госпожа Пин вместе с Чэнь Ваном и его женой продолжала путь дальше.

В конце концов они добрались до Цзаояна и там разузнали, где подворье господина Люя. Оказалось, Далан еще десять дней тому назад скончался. Лежал он в простеньком гробу, на который пожертвовал какую-то сумму Люй. Госпожа Пин, рыдая, упала на землю и долго не могла прийти в себя. Она надела грубую траурную одежду, стала уговаривать господина Люя открыть гроб, чтобы взглянуть на мужа, и собиралась, как подобает, уложить его тело в другой, хороший гроб, но Люй ни за что не соглашался. Пин оставалось только купить материал и сделать наружный гроб. Затем она пригласила монахов, было совершено молебствие о спасении души усопшего и сожжено огромное количество *бумажных денег. Старик Люй, получивший от Пин в благодарность за все его хлопоты двадцать ланов серебром, разрешал ей делать, что она хочет,

и без единого слова упрека переносил шум и суматоху в доме.

Прошло больше месяца. Госпожа Пин решила выбрать благоприятный день и отправиться с гробом на родину. Между тем старик Люй задумывался над тем, не удержать ли здесь эту женщину: молода, недурна собой — вряд ли до конца своей жизни будет вдовствовать, да и деньги у нее кой-какие водятся, а сын его, *Люй Второй, еще не женат. Так почему бы не совершить благое дело, устраивающее обе стороны? Он купил вина, пригласил Чэнь Вана и попросил, чтобы его жена попробовала поговорить с госпожой об этом; разумеется, Люй пообещал щедро его отблагодарить. Жена Чэнь Вана была женщиной глупой, деликатностью не отличалась и потому без всяких обиняков сказала обо всем своей госпоже. Пин вышла из себя. Ругая старуху, она несколько раз ударила ее по щеке, при этом недобрыми словами понося и самого хозяина гостиницы. Получив по носу этакий щелчок, старик Люй обозлился, но сказать ничего не посмел. Вот уж поистине:

*Бараньих пампушек поест не поел,
Только воню бараньей насквозь пропитался.*

После этого случая Люй стал подговаривать Чэнь Вана сбежать от хозяйки. Чэнь Ван поразмыслил, что хорошего ему теперь уже не видать, посоветовался с женой, и, действуя вдвоем — одна в доме, другой вовне, они сумели прибрать к рукам все деньги и драгоценности хозяйки, после чего однажды ночью сбежали. А Люй, прекрасно знавший подоплеку этого дела, обвинил во всем госпожу Пин, говоря, что не следовало ей брать с собой таких негодяев, что, мол, хорошо еще, что обокрали одну ее, а не многих других. Тут же Люй заявил, что гроб в гостинице мешает ему, и попросил поскорее его убрать. Помимо прочего, он стал торопить госпожу Пин с отъездом, объясняя это тем, что она молодая вдова и жить здесь ей не особенно приличествует. Старик до того допекал Пин, что ей пришлось снять отдельный домик. Она наняла людей, и гроб перенесли туда. О том, как она при всем этом убивалась, излишне и говорить.

По соседству с Пин жила некая Чжан Седьмая. Женщина она была общительная и, когда слышала, как госпожа Пин плачет, нередко приходила утешать ее.

Пин время от времени просила ее то продать, то заложить что-нибудь из вещей и была очень благодарна соседке за заботы.

Не прошло и нескольких месяцев, как вся одежда оказалась заложеной. Тогда Пин подумала о том, что раз она с детства хорошо вышивает, то могла бы для начала найти какую-нибудь состоятельную семью, где стала бы учить вышиванию — это ее пока прокормит, а дальше видно будет. Как-то она поделилась своими мыслями с Чжан Седьмой.

— Мне не очень удобно говорить вам то, что я собираюсь сказать, — отвечала ей Чжан Седьмая. — Богатые семьи — не те места, куда следует ходить молодой женщине. И вообще, кто умер, тот умер, а кто жив, тому все-таки надо жить. У вас ведь все еще впереди, — продолжала Чжан Седьмая, — так неужели же всю оставшуюся жизнь быть вышивальщицей? Да и репутация за этой профессией не больно-то хорошая: люди к вышивальщицам относятся с пренебрежением. И еще одно — как быть с гробом? Без конца снимать помещение для гроба — не выход.

— Да я обо всем этом сама думала, — отвечала Пин, — только не знаю, что и предпринять.

— Есть у меня одно соображение, — сказала Чжан Седьмая, — только не обижайтесь на мои слова. Вы здесь за тысячу ли от родных мест, одна, без денег, и думать о том, чтобы увезти гроб на родину, — пустая мечта. Я уж не говорю о том, что и одеться-то вам почти не во что, да и питаться нечем — так долго не продержишься. А если какое-то время и продержитесь так вот, соблюдая вдовство, какая в том польза? Вот мне и кажется, не лучше ли, пока вы молоды и красивы, найти себе хорошего человека и последовать за ним, как жена за мужем? Появятся у вас кой-какие деньги в виде свадебных даров, купите клочок земли, похороните мужа да и себе жизнь обеспечите. И получится тогда, что и мертвый не в обиде, и живому не в чем себя упрекнуть.

Госпожа Пин понимала, что Чжан Седьмая права.

— Что ж, пусть так, — подумав немного, со вздохом произнесла Пин. — Если я продам себя ради того, чтобы похоронить мужа, люди надо мной не станут смеяться.

— Если вы действительно решитесь на это, то у меня как раз есть на примете подходящий человек. Ему

примерно столько же лет, сколько и вам, выглядит он привлекательно, к тому же очень богат.

— Ну, если богат, вряд ли захочет взять себе в жены женщину, которая уже была замужем,— сказала Пин.

— Он тоже женится вторично,— отвечала Чжан Седьмая.— Он говорил мне, что ему не важно, была или не была женщина замужем, лишь бы была красивой. А вы, с вашей внешностью, не можете ему не понравиться.

Оказывается, это Цзян Сингэ просил Чжан Седьмую подыскать ему жену. И так как его первая супруга — Саньцяо — была необыкновенная красавица, он непременно хотел найти подобную ей. Что касается госпожи Пин, хоть она и уступала в красоте Саньцяо, но ловкостью, сообразительностью и трезвостью ума превосходила первую жену Сингэ.

На следующий же день после этого разговора Чжан Седьмая отправилась в город и рассказала Сингэ о госпоже Пин. Когда Сингэ узнал, что эта женщина к тому же, как и он, из низовья Янцзы, он остался очень доволен. Пин отказалась от каких-либо денежных свадебных даров и только высказала пожелание, чтобы была куплена земля, на которой она могла бы похоронить мужа. Не один раз пришлось Чжан Седьмой ходить то от Сингэ к госпоже Пин, то от нее к нему, пока в конце концов обе стороны не пришли к полному согласию.

Однако не будем многословны. Скажем только, что госпожа Пин предала земле гроб с телом мужа, совершила жертвоприношение и долго плакала возле могилы. Вслед за этим, само собой разумеется, все траурное в доме было убрано, и Пин сняла траурное одеяние. К определенному сроку Сингэ прислал госпоже Пин одежду и украшения, а также выкупил из закладной лавки все, что она в свое время заложила. В вечер, когда состоялось бракосочетание, как положено, играла музыка, брачные покои были празднично украшены, всюду горели свечи. Поистине:

*Справляли свадьбу оба не впервые,
Но каждый счастлив был как в первый раз.*

Видя, как скромно и с каким достоинством держит себя Пин, Сингэ питал к ней большое уваже-

ние. Однажды, вернувшись откуда-то домой, Сингэ застал жену за тем, что она укладывала сундуки. И вдруг среди вещей он увидел свою жемчужную рубашку.

— Откуда у тебя эта рубашка?— в крайнем недоумении спросил он.

— Не знаю, какими судьбами она оказалась у мужа,— отвечала Пин и рассказала о том, как однажды, возвратясь из поездки домой, странно вел себя ее бывший муж Далан, как они повздорили и как он, рассердившись, уехал. Затем добавила:— В былые дни, когда мне было особенно трудно, я не раз помышляла о том, чтобы заложить или продать эту рубашку, но так как не знала, откуда она взялась, то и не решалась показывать ее людям — боялась, как бы не вышло чего неладного. Ведь я до сих пор так и не знаю, откуда она у него.

— Твой муж Чэнь Далан, он же Чэнь Шан, не так ли? Без усов, с чистой гладкой кожей на лице, с длинным ногтем на левом мизинце?

— Да,— отвечала Пин.

Сингэ даже рот раскрыл от удивления и, сложив перед грудью руки и подняв глаза к небу, произнес:

— Если так, то действительно пути небесные всеведущи и справедливы. Страшно даже!

Пин стала расспрашивать, в чем дело.

— Эта жемчужная рубашка давно принадлежит моей семье,— отвечал Сингэ.— Твой муж совратил мою жену, и она подарила ему эту рубашку на память. Обо всем этом я узнал в Сучжоу, когда встретился там с твоим мужем и увидел на нем свою жемчужную рубашку. Поэтому, возвратясь домой, я отказался от своей жены. И нужно же было так случиться, что твой муж умер на чужбине, а я решил жениться вторично. Но я знал только, что ты жена некоего купца Чэня из Хуэйчжоу, и все. Кто мог подумать, что твой муж — тот самый Чэнь Шан! Вот уж, поистине: «Тем же тебе и воздастся!»

Пин похолодела, услышав рассказ Сингэ. С тех пор они еще больше стали любить друг друга.

Вот это и есть подлинная история о том, как «Цзян Сингэ снова увидел жемчужную рубашку». Стихи говорят:

*Очевидно, что небеса
ни в чем нельзя обмануть:
Двое женами обменялись —
кому от этого прок?!
Мы увидим, как взятое в долг
уплачено за проценты,
И судьба, дарованная навек,
переменилась вмиг.*

Остается добавить следующее. Сингэ, у которого была теперь в доме хозяйка, спустя год снова отправился по торговым делам в Гуандун. И видимо, суждено было случиться тому, что случилось. Однажды он продавал жемчуг в городе Хэпу. В одном доме он уже договорился о цене, сделка была совершена, но тут покупатель-старик взял и упрятал самую большую жемчужину и ни за что не хотел в этом признаться. Возмущенный, Сингэ схватил старика за рукав с намерением обыскать его да так резко дернул, что тот повалился наземь, а упав, не произнес ни звука. Сингэ бросился поднимать его, но оказалось, что тот уже мертв. Сбежались родственники старика, соседи. Кто плакал, кто кричал. Сингэ схватили, не желая ничего слушать, жестоко избили и заперли в пустом помещении. В тот же вечер была написана жалоба, а на следующее утро Сингэ поволокли к начальнику уезда на утренний прием. Начальник уезда принял жалобу, но так как в этот день у него были другие дела, то велел преступника запереть, с тем чтобы учинить допрос на следующее утро.

И кто, как вы думаете, был этот начальник уезда? Это, оказывается, был тот самый У Цзе из Нанкина, который взял себе второй женой Саньцяо. Он прослужил начальником уезда в Чаоянсяне, и высшее начальство, учтя его бескорыстие, перевело его сюда, в Хэпу, где промышляли добычей жемчуга. В тот же день, вечером, когда начальник, у себя дома, при лампе просматривал жалобы, Саньцяо сидела подле него. Случайно она обратила внимание на жалобу некоего Сун Фу об убийстве. Убийцей в документе значился Ло Дэ, торговец из Цзаояна. Ну кто же это мог быть иной, как не Цзян Сингэ! Саньцяо вспомнила об их былой любви, сердце у нее невольно сжалось, и она со слезами обратилась к мужу:

— Ло Дэ — мой родной брат, усыновленный дядей по матери. Подумать только, что на чужбине он мог совершить такое преступление! Очень прошу вас, ради

меня — спасите его и помогите ему вернуться на родину.

— Там видно будет в ходе допроса. Если он действительно убил человека, трудно мне будет дать ему поблажку.

Саньцяо, рыдая, опустилась на колени и продолжала молить.

— Ладно, успокойся, найду какой-нибудь выход, — сказал У Цзе.

На следующий день, когда У Цзе собрался выйти на утренний прием, Саньцяо схватила его за рукав и снова, плача, взмолилась:

— Если брата нельзя будет спасти, я покончу с собой, и больше мы не увидимся.

Утренний прием начальник уезда начал именно с жалобы на Сингэ. Братья Сун Фу и Сун Шоу — оба, плача, просили о том, чтобы убийца понес должное наказание за смерть их отца.

— В споре из-за жемчужины он по злобе побил отца, тот свалился на землю и умер, — доложили они. — Просим вас решить это дело.

Начальник уезда стал допрашивать свидетелей: одни говорили, что старика били и он упал, другие — что его просто толкнули.

Сингэ показал следующее:

— Отец жалобщика украл у меня жемчужину, я возмущен, и мы заспорили. Старик, оказывается, плохо держался на ногах, сам упал, ушибся и умер, так что я не виноват.

— Сколько лет было твоему отцу? — спросил начальник уезда у Сун Фу.

— Шестьдесят семь.

— Такой пожилой человек вполне мог упасть в обморок, и вполне возможно, что его и не били, — сказал начальник уезда.

Но оба брата упорно настаивали на том, что отец их умер от побоев.

— Раз вы говорите, что его избili до смерти, то надо проверить, есть ли на теле следы побоев или ран, — ответил на это начальник уезда и распорядился: — Отправьте тело на казенное кладбище, а во второй половине дня совершим официальное *освидетельствование трупа.

Надо сказать, что семья Сунов была из богатых, пользующихся хорошей репутацией семей, а сам старик

одно время был даже старостой их квартала. Поэтому сыновья его, разумеется, не могли допустить, чтобы отца повезли на казенное кладбище и ковырялись там в его теле. Опустившись на колени, оба они земно кланялись и говорили:

— Очень многие видели, каким образом отец скончался. Поэтому просим вас побывать у нас дома и там все расследовать, а официального освидетельствования на кладбище не совершать.

— Разве преступник признается в своей вине, если не будет обнаружено следов увечья?! Да и как я могу без официальной бумаги об освидетельствовании трупа отправить дело начальству на утверждение?

Но братья продолжали молить его, настаивая на своем.

— Не желаете освидетельствования трупа, значит, и не надеетесь на продолжение расследования дела!— в гневе воскликнул начальник уезда.

Тут оба брата, в замешательстве, кланяясь, говорили:

— Полагаемся во всем на ваше решение.

Тогда начальник произнес:

— Человеку уже под семьдесят: в этом возрасте смерть — дело вполне естественное. Если только он умер не от побоев, то зря пострадает невинный человек, и это ляжет виной на самого же скончавшегося. А вы, его дети, которые, конечно, хотели, чтобы отец жил подольше, обвинением этим сослужите ему плохую службу, будто скончался он недоброй смертью. Так неужели же вы, его родные сыновья, решитесь пойти на такое?! И еще должен сказать,— продолжал начальник,— что умер он от побоев — это ложь. А вот что обвиняемый толкнул твоего отца и он упал — похоже на правду. Но если со всей строгостью не наказать обвиняемого Ло Дэ, то вы будете все-таки в обиде. Так вот, я полагаю, надо заставить обвиняемого надеть на себя грубую пеньковую траурную одежду, совершить обряды, как полагается в подобном случае родному сыну, и все расходы, связанные с похоронами, также возложить на Ло Дэ. Согласны ли вы с таким решением?

— Не посмеем не согласиться с вашим распоряжением,— отвечали в один голос братья.

Сингэ был безмерно счастлив, что начальник уезда не прибегнул к пыткам и решил дело таким образом, что он остался незапятнанным. Поэтому и жалобщики,

и Сингэ — все земно кланялись и благодарили начальника.

— Ну, раз так, то и никакого официального документа по этому делу составлять не буду, — заключил начальник и, обращаясь к Сингэ, добавил: — Тебя будут сопровождать служащие *ямэня, и, когда ты все совершишь, как должно, я просто аннулирую жалобу. Вот уж поистине:

*Власть предержавшие очень легко
зло нанесут человеку;
И доброе дело им совершить
тоже труда не составит.
Вот, например, как начальник У Цзе
дело решил справедливо:
Выяснил суть, разобрался во всем —
и стороны обе довольны.*

Надо сказать, что с того момента, как У Цзе направился в зал присутствия разбирать дело, Саньцяо сидела словно на подстилке из иголок. И как только ей стало известно, что присутствие закончилось, она сразу же пошла навстречу мужу и стала его расспрашивать, как и что.

— Дело я решил следующим образом... — начал У Цзе и, рассказав Саньцяо, как все было, добавил: — Ради тебя я пощадил Сингэ, даже не наказал его ни единым ударом.

Саньцяо благодарила и благодарила мужа.

— Я давно рассталась с братом, — сказала она под конец, — и очень хотела бы его повидать, порасспросить об отце и матери. Не сделали бы вы одолжение и не разрешили бы нам как-то встретиться? Это было бы величайшей милостью с вашей стороны.

— Ну, это нетрудно, — ответил начальник уезда.

Читатель! Ведь Сингэ сам отказался от Саньцяо и порвал с ней всякие отношения. Почему же, по-вашему, она так беспокоилась о его судьбе и проявляла такую о нем заботу? Дело в том, что они ведь очень любили друг друга, и Сингэ именно по вине Саньцяо пришлось от нее отказаться, хоть и расставаться с ней ему было очень больно и тяжело. Вот почему в день ее вторичного замужества Сингэ в качестве подарка отправил ей все шестнадцать сундуков с вещами и драгоценностями. Уже одного этого было вполне достаточно,

чтобы смягчить ожесточение Саньцяо против Сингэ, если у нее в свое время и возникало подобное чувство. И вот сегодня, когда сама она была знатна и богата, а Сингэ очутился в беде, как же ей было не помочь ему! Это и есть, что называется: «Помнить о добре и отвечать добром».

Но вернемся к Сингэ. Неукоснительно придерживаясь решения, которое вынес начальник уезда, он совершил все положенные обряды, нисколько не жалея на это денег, так что у братьев Сун не оставалось больше повода для претензий или недовольства. После похорон служащие ямэня привели Сингэ к начальнику уезда, чтобы доложить о выполнении вынесенного по делу решения. Начальник уезда пригласил Сингэ на свою жилую половину, провел его в гостиную и предложил сесть.

— Уважаемый свояк!— заговорил начальник, обращаясь к Сингэ.— В этой тяжбе, если бы не ваша сестра, я чуть было не оказался неправым по отношению к вам.

Сингэ не мог понять, о чем идет речь, и потому не нашелся, что ответить. Через некоторое время, после чая, начальник предложил Сингэ пройти в его кабинет и приказал, чтобы позвали младшую госпожу. Представляете себе эту неожиданную встречу! Настоящий сон! Саньцяо и Сингэ, даже не поприветствовав друг друга и не сказав друг другу ни слова, бросились в объятия и громко разрыдались. Так горько не плачут даже по матери или по отцу.

Начальнику уезда, стоявшему тут же в стороне, стало так жаль молодых людей, что он наконец сказал:

— Ну, будет, хватит вам убиваться! Как я вижу, вы не походите на брата и сестру. Расскажите мне сейчас же всю правду, и я что-нибудь предприму.

Сингэ и Саньцяо пытались сдержать себя, однако это им не удавалось, и они продолжали рыдать, не выдавая тайны. Начальник уезда снова потребовал разъяснений, и наконец Саньцяо, не выдержав, опустилась перед ним на колени.

— Я, ничтожная, во всем виновата и заслуживаю тысячи и тысячи смертей,— проговорила она.— Человек, который перед вами,— мой первый муж.

Сингэ, пристыженный, тоже опустился на колени и подробно рассказал начальнику уезда об их прежней

любви, о разводе, о ее вторичном замужестве. И тут они с Саньцяо опять разрыдались и бросились обнимать друг друга. Глядя на них, и сам начальник уезда невольно уронил слезу.

— Раз вы так любите друг друга, как могу я вас разлучить?!— сказал он и продолжал:— Вам повезло, что за эти три года у нас так и не было детей, так что вы, Цзян Сингэ, возьмите ее и живите снова вместе.

Саньцяо и Сингэ без конца били земные поклоны начальнику, словно ставили свечи перед божеством.

Начальник уезда тут же приказал подать паланкин для Саньцяо. Затем он позвал людей и велел вынести все шестнадцать сундуков приданого Саньцяо и передать их в распоряжение Сингэ. Помимо того, он распорядился, чтобы один из служащих его канцелярии сопровождал супругов Цзян до границ соседнего уезда. Это был великодушный и поистине добродетельный поступок со стороны начальника У Цзе. Да,

** Жемчуг вернулся в Хэпу,
вновь засиял нежным блеском;
* Встретились снова мечи,
мощь проявили былую.
Добрым поступком У Цзе,
право же, нас восхищает.
Можно ль людьми называть
падких до женщин и денег?!*

У Цзе постоянно печалился о том, что у него не было сыновей. Но потом, когда его перевели в Пекин, в ведомство гражданских чинов, он нашел там себе другую младшую жену, и она родила ему подряд трех сыновей. Впоследствии все трое, один за другим, выдержали экзамены на высшую ученую степень. Люди говорили, что это было вознаграждением за добро, содеянное в свое время У Цзе. Но это уж мы заглянули вперед.

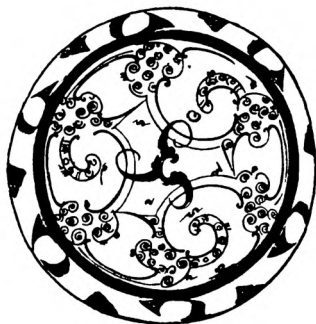
Вернемся к Сингэ, который увез к себе домой Саньцяо и представил ее госпоже Пин. Если учесть, что Саньцяо была первой женой Сингэ, то ей следовало бы быть старшей. Но так как в свое время Сингэ от нее отказался, а брак с госпожой Пин был совершен по всем должным правилам и с соблюдением всех обрядов, да еще к тому же госпожа Пин была на год старше Саньцяо, то Саньцяо стала теперь младшей женой Сингэ,

а госпожа Пин — старшей. Женщины называли друг друга сестрами, и с этих пор муж и обе его жены жили вместе до самой старости.

Вот слова, которые можно привести в подтверждение этой истории:

*Хотя до конца своих дней
супругами нежными были,
Но, право, позорно жене
наложницей вдруг оказаться.
Воздастся за зло иль добро
лишь так, как положено будет:
От нас ведь вершок до него —
до чистого, синего неба.*

Ли Мянъ
в крайней беде
встречает
благородного рыцаря

*Как в шахматах, все сложно в этом мире:
Кто ход игры предусмотреть сумеет?!
Но если ты душою прост и честен,
Добро от зла сумеешь отличить.*

Жил в *Чанъани при *танском императоре *Сюань-цзуне в годы его правления под девизом *«Тянь-бао» один образованный человек по фамилии Фан, по имени Дэ. Это был высокий, крепкого сложения мужчина лет за тридцать с широким благородным лицом. Семья была бедной, ему самому вечно не везло, и жить приходилось только на то, что выручала своей прялкой его жена, урожденная Бэй. Стояла уже глубокая осень, а Фан Дэ все еще носил на голове рваную косынку и ходил в старом летнем платье, которое совсем обветшало, висело клочьями и скорее походило на дождевик из травы. «Становится все холоднее. Как в таком виде показываться людям на глаза?» — подумал Фан Дэ и, вспомнив, что жена приберегла два куска холста, решил выпросить их у нее себе на платье.

Госпожа Бэй была женщиной ограниченной, бессердечной и злой. К тому же еще сварливой и языкастой: язык у нее был острее ножа, за словом она в карман не лезла — на все у нее был готов ответ, и своими разглагольствованиями она могла мертвого поднять на ноги, а живого вогнать в гроб. Она часто обрушивалась на Фан Дэ за то, что он ни к чему не пригоден, дармоед, мол, сидит у нее на шее. А тому все не везло, сказать в ответ было нечего, приходилось постоянно ей уступать, и постепенно дошло до того, что он стал даже ее побаиваться.

Когда зашел Фан Дэ, жена его как раз размышляла о своей горькой доле, о том, что с таким ничтожеством, как ее муж, не дожидаться ей лучших дней, и сето-

вала на то, что родители так неудачно выдали ее замуж и сгубили ей жизнь. От этих мыслей она пришла в дурное расположение духа, а тут еще Фан Дэ со своей просьбой.

— Этаким верзила, а заработать ничего сам не может, живет за счет женщины!— выведенная из себя, набросилась она на мужа.— Теперь, оказывается, я еще и одевать его должна! Да как у тебя, бесстыжего, язык повернулся выговорить этакое?

Фан Дэ побагровел. Но выхода не было, пришлось стерпеть обиду.

— Госпожа, я всегда был тебе глубоко признателен за то, что ты делаешь,— смиренно отвечал он.— Теперь я беден и ничего собой не представляю, но ведь наступят и хорошие дни; если ты одолжишь мне это полотно, то потом, когда я получу должность и разбогатею, я щедро отблагодарю тебя за твою доброту.

— В твои-то годы да еще с такой вот рожей! Где уж тебе разбогатеть!— замахала на него руками жена.— Разве что с неба посыпятся деньги или ограбишь кого! Уже столько лет дурачишь меня этими сладкими речами, что больше я тебе не верю. А на полотно не рассчитывать: из этих двух кусков я себе сошью платье на зиму.

Итак, Фан Дэ ничего не получил. Мало того, ему пришлось еще выслушать столько неприятных слов, что он готов был сам обрушиться с бранью на жену. Однако, зная, какой у нее язык и какая глотка, побоялся, как бы не услышали соседи, а потому не стал с ней спорить, сделав вид, что ничего не произошло. Как говорится, «злись, да помалкивай», и Фан Дэ, с обидой в душе, ушел из дому, надеясь занять немного денег у родных или знакомых.

Долго ходил он по городу, но денег так и не раздобыл. Даже погода в этот день была против него: как назло, вдруг поднялся ветер, полил дождь. Ветер трепал его лохмотья, и они шуршали, как падающая листва, а все тело от холода покрылось гусиной кожей. Впереди был старый храм, и Фан Дэ побежал к нему, чтобы укрыться там от непогоды. Храм этот назывался Буддийский храм заоблачного сияния. Оказавшись в воротах храма и оглядевшись, он заметил, что на пороге, под навесом левой галереи, сидит какой-то высокий мужчина. В зале храма монах нараспев читал молитвы. Фан Дэ присел возле правой галереи и устался на

небо. Дождь понемногу стихал. «Надо идти,— сказал он сам себе,— того и гляди, снова припустит». Он уже поднялся и собрался было выйти на улицу, но, обернувшись, вдруг заметил на стене изображение птицы: крылья, туловище, лапы, хвост,— все было выведено, не хватало только головы. И есть же на свете такие безмозглые люди: сам ходит голодный, холодный, о себе не может позаботиться, а увидел — на стене нарисована птица, позабыл обо всем и давай разглядывать рисунок и рассуждать про себя: «Странно, я не раз слышал, что, когда рисуют птицу, начинают с головы. Отчего же здесь ее рисовали не так, как обычно? И почему не дорисовали ее до конца?» Раздумывая над этим, Фан Дэ продолжал разглядывать рисунок и ему даже стало казаться, что птица изображена весьма удачно. «Хоть я и профан в этом деле,— продолжал рассуждать Фан Дэ,— но подрисовать голову птице не сложно. Почему бы мне и не закончить этот рисунок?»— решил он и тут же пошел в зал, попросил у монаха кисть и, напитав ее тушью, подрисовал птице голову. Вышло, в общем, не так уж плохо. «Учись я этому делу, из меня бы вышел художник»,— довольный собой, подумал Фан Дэ.

Надо сказать, что едва Фан Дэ взялся за кисть, как мужчина, которого он заметил на левой галерее, подошел и стал наблюдать за ним. И вот теперь, окинув Фан Дэ с ног до головы внимательным взглядом, незнакомец, приветливо улыбаясь, обратился к нему:

— *Сюцай, разрешите поговорить с вами?

— Кто вы такой?— удивленно спросил Фан Дэ.— И что вы хотите мне сказать?

— Не спрашивайте меня, сюцай. Следуйте за мной, и вы не прогадаете.

Фан Дэ, который именно в этот день оказался в очень тяжелом положении, обрадовался, когда услышал, что ему сулят какую-то выгоду. Он тут же вернул монаху кисть, оправил платье и последовал за незнакомцем. Дождь к тому времени прекратился, ветер стих; правда, на улице еще было мокро и грязно, но Фан Дэ это ничуть не тревожило. Выйдя из храма, они пошли прямо через ворота Шэнпинмэнь и вскоре оказались в районе Лэююань. Это было пустынное и безлюдное место. Возле маленьких боковых ворот одного дома спутник Фан Дэ остановился и трижды постучал. Вскоре какой-то человек открыл ворота и вышел им навстречу. Это тоже был здоровый высокий мужчина.

Увидев Фан Дэ, он просиял, подошел к нему и стал его приветствовать. «Что это за люди — тот и другой и зачем я им понадобился?» — недоумевал Фан Дэ и спросил:

— Чей это дом?

— Пожалуйста, пройдите, и вы все узнаете, — ответили ему.

Фан Дэ прошел вперед, за ним заперли ворота и повели за собой. Фан Дэ огляделся: это был запущенный сад — кругом высокий бурьян да густые заросли терновника. Петляя по извилистым тропинкам сада, они дошли до старой полуразрушенной беседки. Оттуда навстречу им вышли человек пятнадцать — все как на подбор рослые детины со свирепыми лицами и здоровенными ручищами. Увидев Фан Дэ, они радостно заулыбались: «Просим, сюжай, проходите!»

«Странные они какие-то, — размышлял Фан Дэ. — Интересно, о чем они хотят говорить со мной?»

Фан Дэ провели в беседку. Когда обычная при встрече гостя церемония приветствий была закончена, Фан Дэ усадили на скамейку и осведомились о его фамилии.

— Моя фамилия Фан. Но скажите, о чем вы хотели поговорить со мной?

— Не стану скрывать от вас правды, — начал тот, что привел сюда Фан Дэ. — И я и мои собратья — *рыцари рек и озер, и занимаемся мы делом, которое не требует капитала. Все мы тут только смелые и отважные люди, и вот недавно дело обернулось так, что мы чуть не поплатились жизнью. Мы решили обратиться с мольбою к небу, чтобы оно ниспослало нам сметливого и мудрого удалца, которого мы могли бы признать нашим старшим братом и которому во всем стали бы подчиняться. Птица без головы на стене в Буддийском храме заоблачного сияния — это наша просьба к небу и наша клятва. Этим изображением мы хотели сказать, что есть у нас и крылья и оперение, а головы не хватает. Если нам суждено процветание, то небо пошлет нам смелого молодца, который дорисует нашу птицу, и мы поклялись пригласить его и признать своим атаманом. Прождали мы не один день, но такой человек не являлся. И вот наконец небо услышало нашу просьбу и, к нашей радости, послало нам вас. Глядя на вас, вашу величественную осанку, сразу можно понять, что вы — человек, в котором непременно должны сочетаться и ум

и отвага. Поистине, само небо велит вам быть атаманом! С этого дня мы будем у вас в полном подчинении, и все теперь у нас пойдет спокойно и хорошо. Что вы на это скажете?— спросил он под конец и крикнул своим:— А ну-ка, поскорей зарежьте барана, и мы принесем жертву небу и земле.

Трое или четверо молодцов выбежали из беседки и помчались в глубь сада.

«Так вот они кто! Это, оказывается, шайка бандитов!— с душевным трепетом подумал про себя Фан Дэ.— Но как же я, честный человек, возьмусь за такое?..» И он ответил:

— Если бы вы, храбрые люди, поручили мне какое другое дело, я бы согласился, а такого я не посмею взять на себя.

— Это почему же?— в один голос спросили люди.

— Я образованный человек и все-таки надеюсь когда-нибудь выбиться в люди,— заявил Фан Дэ.— Как же я могу пойти на такое противозаконное дело?

— Вы ошибаетесь, уважаемый!— возразил ему один из молодцов.— Теперь, когда первым министром стал *Ян Гочжун, звания и титулы продаются, и сделаться крупным чиновником можно, только если у вас есть деньги, а коли их нет, то даже такому таланту, как *Ли Бо, приходится терпеть всякие несправедливости — ведь не удалось же ему сдать экзамены, и не знай он языка варваров, пожалуй, так до сих пор и оставался бы простым сюцаем без степени. А вы, сюцай, не в обиду будь вам сказано, не очень-то похожи на состоятельного человека. На что же вы надеетесь? Уж лучше присоединяйтесь к нам — по крайней мере вино будете пить кубками, мяса поедите вдоволь, приоденетесь, как положено, и серебро будете перебирать крупными слитками. К тому же мы вас назначаем нашим атаманом, так что жизнь вас ждет веселая и беззаботная. А потом, если нам повезет и вы захотите обожноваться где-нибудь в горном стане и объявить себя князем или властелином,— воля ваша!

Фан Дэ глубоко вздохнул, но ничего не ответил.

— Что ж, если вы окончательно отказываетесь,— продолжал тот же разбойник,— не смеем вас принуждать. Но только прийти к нам можно было, а вот уйти... Не хотите оставаться с нами — придется расстаться с жизнью. Не пеняйте на нас!— Бандиты, все, сколько их было, выхватили из-за голенищ ножи. У Фан Дэ от

страха душа ушла в пятки, он отскочил назад и закричал:

— Пойдите, господа! Давайте поговорим!

— Согласен или не согласен — одно слово, — настаивали бандиты. — О чем еще разговаривать?!

«В таком глухом месте, как это, и не подчиниться им — значит, ни за грош отдать свою жизнь, — подумал про себя Фан Дэ. — Никто даже знать ни о чем не будет. Лучше соглашусь, а завтра удеру и донесу в *ямэнь». Придя к такому решению, он заявил:

— Уважаемые, я очень вам благодарен за расположение ко мне, но я ведь трусоват. Боюсь, с таким делом мне не справиться.

— Пустяки, лиха беда начало, а потом и сам черт не брат.

— Ну что ж, — проговорил Фан Дэ, — придется подчиниться. Я остаюсь с вами.

Разбойники обрадовались, спрятали ножи за голенища.

— Теперь мы — одна семья и будем называть друг друга братьями, — сказал один из них, обращаясь к Фан Дэ, и тут же распорядился: — Принесите платье для старшего брата, и мы совершим поклонение небу и земле.

Фан Дэ поднесли парчовое платье, новую шапку и новые сапоги. Он переоделся и совершенно преобразился.

— Да такому, как наш старший брат, не то что атаманом, впору самим императором быть! — раздались вокруг возгласы восхищения.

С древних времен существует поговорка: «Соблазна нет — не будет и в душе смятенья». И вот теперь, когда Фан Дэ, образованный человек, который был беден и которому в жизни не доводилось носить такого парадного платья, переоделся во все новое, роскошное и блестящее, отношение его к происходящему несколько изменилось. Он стал раздумывать над тем, о чем ему только что говорил бандит, и, взвесив каждый его довод, в конце концов решил, что, пожалуй, тот был прав.

«Действительно, теперь, при министре Ян Гочжуне, повсюду подкуп и взятки, и невесть сколько ученых и высокоодаренных людей не у дел, — думал он. — Где уж такому заурядному человеку, как я, рассчитывать на должность? А если мне не удастся стать чиновником, то всю жизнь и проживу в нищете... так уж лучше вос-

пользоваться тем, что предлагают эти люди... Да и вот еще что,— вспомнил Фан Дэ.— В такую холодную осень, как эта, я все еще хожу в каком-то летнем рванье. Просил у жены холста на платье — не получил, обратился к родным да знакомым — ни один не помог. Скорее у этих разбойников найдешь дружелюбие и душевное благородство: видят меня в первый раз, а уж так раздели да еще сделали главарем. Ладно, останусь-ка с ними, уж как-нибудь... Хоть конец дней своих проведу в довольстве и радости! Нет, нельзя! Нельзя! — спохватился он тут же.— Чего доброго, схватят, тогда и жизни конец!»

Сомнения терзали Фан Дэ, от бесконечных мыслей голова шла кругом, но прийти к какому-нибудь решению он так и не мог.

Тем временем люди суетились — устраивали жертвенный стол, притащили свинью, барана. Когда все было готово, все восемнадцать, в том числе и сам Фан Дэ, разом опустились на колени, возожгли фимиами, произнесли клятву, а затем в знак верности помазали себе губы жертвенной кровью. Когда обряд жертвоприношения небу и земле был завершен, бандиты побратались с Фан Дэ и каждый сообщил ему свою фамилию и имя. Вскоре принесли вино и закуски и попросили Фан Дэ занять почетное место. Стол ломился от лакомых яств, изысканных вин, и каждый ел и пил вволю.

Заметим здесь, что Фан Дэ всю свою жизнь довольствовался самой грубой и невкусной пищей, да и такая бывала не всегда. Случалось, конечно, что ему перепало немного вина и мяса, но вдоволь выпить или поесть не доводилось. Теперь, когда он мог есть и пить сколько ему было угодно, он был на седьмом небе от счастья. Но этого мало, ему еще каждый по очереди подносил чарку, за ним ухаживали, то и дело величали старшим братом и оказывали столько почета и уважения! Фан Дэ сиял. И если раньше он еще сомневался, как ему поступить, то теперь бесповоротно решил остаться с этими людьми. «Кто его знает,— думал он,— может быть, мне самую судьбою предназначено какое-то везенье, и с помощью этих людей я совершу что-нибудь великое. А если нет, то, на худой конец, схожу с ними раз-другой на дело, раздобуду деньжонок, и на этом конец. Думаю, что никто не узнает... Потом подкуплю Ян Гочжуна, стану чиновником — тоже недурно! А если не повезет... ну что ж, к тому времени я уже достаточно

отведаю счастья, и пусть меня убивают, пусть четвертуют — я охотно приму любую кару. Лучше так, чем всю жизнь нищенствовать и помереть от голода и холода». Стихи говорят по этому поводу следующее:

*Ночь холодна,
ветер и ливень шумят;
Утлый челнок
прямо несется на мель.
Как же мне быть:
злобы валов избегу,
Холод и голод
тотчас настигнут меня.*

Пир затянулся до глубоких сумерек.

— Сегодня наш старший брат присоединился к нам, — сказал один из шайки. — Почему бы нам не иметь от этого нынче же выгоды?

— Верно! — в один голос поддержали его остальные. Кого бы лучше навестить на этот раз?

— Во всей столице нет человека богаче, чем Ван Юаньбао, что живет за воротами Яньпинмэнь, — сказал Фан Дэ. — Кроме того, это за городом, нет там ни стражников, ни караульных; а все пути и дорожки туда мне хорошо знакомы. Один этот дом стоит десяти. Как вы полагаете?

— Не скроем, брат наш, что этот человек давно у нас на примете, — обрадованные, ответили они Фан Дэ. — Только до сих пор все как-то было не с руки. Очень хорошо, что и вы о нем подумали, — значит, наши мысли совпадают.

С пиршеством тут же было покончено. Разбойники достали серу, селитру, факелы, оружие, прочие вещи, и все, как один, начали одеваться, чтобы идти на дело:

*Волосы стянуты белой повязкой,
На ногах — сапоги.
Лица намазаны черным и красным,
В руках — топоры и ножи.
Штаны чуть пониже колен —
Поясом стянуты туго;
Короткие тесные куртки —
Мышцы играют под ними.
Словно дьяволов свора на землю сошла,
Словно сбежались в лесу леопарды и тигры.*

Когда все было подготовлено, разбойники дождались, пока совсем стемнеет, вышли из сада, заперли за

собой ворота и, как шквал, понеслись к Яньпинмэнь. До ворот было всего шесть-семь *ли, и бандиты вскоре оказались у цели.

Следует заметить, что Ван Юаньбао был старшим братом Ван Хуна, губернатора столичного округа. Богатство Ван Юаньбао могло сравниться с государственной казной, а его имя было известно всей стране; в свое время богача принимал сам император Сюаньцзун. И вот случилось так, что за три дня до того, как эта шайка решила его ограбить, в дом богача пробрались воры и унесли с собой немало ценностей. Ван Юаньбао поставил об этом в известность Ван Хуна. Тот приказал сыщикам найти и задержать преступников, а брату для охраны послал тридцать дюжих и отважных молодцов. Так что Фан Дэ и его людям не повезло — они попали в заранее расставленный капкан.

Подойдя к дому Ван Юаньбао, бандиты зажгли факелы. Вокруг стало светло как днем. С занесенными над головой ножами они ринулись к воротам, выломали их и ворвались во двор. Стражники и все, кто был в доме, проснулись. Перепуганные люди стали бить в гонг, подняли крик и, вооружившись палками, бросились ловить грабителей. На шум и крики со всех сторон на помощь сбежались соседи. Испугавшись такой толпы, бандиты подожгли дом и стали пробиваться к воротам. Тогда часть слуг и стражников бросилась тушить огонь, остальные кинулись вслед за разбойниками и окружили их. Те отчаянно дрались, ранили нескольких стражников, но устоять перед противником, который превосходил их числом, не смогли. Кончилось тем, что одних бандитов сбили с ног и тут же схватили, другим удалось бежать. В числе захваченных оказался и Фан Дэ. Пойманных связали и утром отправили в ямэнь губернатора столичного округа.

Ван Хун распорядился, чтобы дознание вел начальник уголовного следствия столичного уезда. Пост этот тогда занимал Ли Мянью, человек знатного происхождения, связанный родством с членами императорской семьи. Ли Мянью отличался справедливостью, честностью, талантом в управлении, и все его силы и стремления были направлены на то, чтобы в стране всегда царил порядок и народ жил спокойно. Но бывшие тогда у власти министры, Ли Линьфу, а затем Ян Гочжун, всячески вредили стране и народу, не терпели умных, незаурядных людей, поэтому Ли Мянью приходилось

занимать только низшие чиновные должности, и его способности и таланты не находили себе достойного применения.

Скромная и незаметная должность начальника уголовного следствия была в то же время очень ответственной и важной. Начальник уголовного следствия лично вел дознание о разбоях, грабежах, и вообще все уголовные дела, как правило, поступали к нему. Люди, занимавшие этот пост, обычно были жестокими чиновниками и часто прибегали к самым страшным и изощренным пыткам, вроде тех, которые в свое время вводили *Чжоу Син, *Лай Цзинчэнь, *Со Юаньли. Пытками и истязаниями эти безжалостные чиновники хотели, с одной стороны, внушить людям страх, а с другой — вызвать к себе уважение. Часто начальники уголовного следствия вели дела по поручению высшего начальства или людей власть имущих и, чтобы добиться нужных им показаний, каждый раз применяли жестокие пытки, меньше всего думая о том, где правда, где ложь. Будь ты бесстрашным молодцом, будь у тебя жилы из стали и тело из железа, все равно, раз попал к ним в лапы, душу твою вгонят в пятки и вытравят из тебя всю смелость и отвагу. Не счесть, сколько честных и благородных людей, справедливых и верных долгу чиновников ни за что ни про что отправили они на тот свет! Только один Ли Мянью отличался в этом отношении от своих собратьев. Он придерживался справедливости и человечности, никогда не прибегал к жестоким пыткам; пытаясь вынести решение, он изучал самую суть вопроса, и потому никогда не было за ним несправедливо решенных дел.

Рано утром, когда в ямэне только началось присутствие, к Ли Мянью по приказу губернатора привели более десяти бандитов и человек пять-шесть раненых охранников; они опустили перед начальником на колени; тут же положили отнятое у разбойников оружие. Ли Мянью обвел всех взглядом и заметил, что среди разбойников один выделяется величественной и весьма благородной внешностью. «Такой мужчина! Неужели и он разбойник?» — подумал Ли Мянью, и у него невольно зародилась жалость к этому человеку. Начав с караульных и стражников из дома Ван Юаньбао, которых Ли Мянью опросил по поводу обстоятельств бандитского налета, он затем обратился к разбойникам — узнал фамилию и имя каждого и стал их допрашивать.

К пыткам прибегать не пришлось — пойманные на месте преступления бандиты признались во всем и даже выдали свое логово. Ли Мянью тут же послал людей с приказом схватить и арестовать остальных.

Когда очередь дошла до Фан Дэ, тот на коленях подполз к столу начальника и со слезами на глазах стал рассказывать:

— Я с детства учился, изучал *классические книги, и вовсе я не разбойник. Живу я бедно... Вчера нужда заставила меня пойти по знакомым и родственникам одалживать деньги. И вот, когда я скрывался от дождя в Буддийском храме заоблачного сияния, меня заманили к себе разбойники и угрозами заставили вступить в их шайку. Мне волей-неволей пришлось согласиться...— И Фан Дэ подробно рассказал о том, как он подрисовал голову птице и что произошло потом.

Ли Мянью, который с первого взгляда сочувственно отнесся к Фан Дэ, теперь, после его искреннего признания, проникся к нему жалостью и был склонен отпустить его. Но он подумал: «Все они в равной степени виновны, отпустить его одного — значит вызвать справедливые упреки. К тому же дело это поручено мне губернатором, и если я так поступлю, что доложу тогда начальству? Нет, придется действовать иначе»,— решил он и тут же умышленно стал распекать бандитов, приказал, чтобы на каждого недели *кангу, всех отвели в тюрьму и держали там до тех пор, пока не будут пойманы и допрошены остальные из этой банды. Раненых охранников он отпустил, приказав оказать им помощь, а отличившихся стражников занес в список для представления к награде. Покончив со всем этим, он вызвал к себе в ямэнь тюремщика Ван Тая.

Заметим здесь, что Ван Тай когда-то навлек на себя гнев начальника, на него состряпали дело, и он был приговорен к смерти; только благодаря Ли Мянью, который расследовал его дело, Ван Тай был освобожден и остался служить при ямэне. Признательный Ли Мянью, он всегда с большим усердием выполнял любые его поручения, поэтому Ли Мянью назначил его старшим надзирателем.

Когда Ван Тай явился, Ли Мянью сказал ему:

— Среди разбойников, которых сейчас привели, есть некий Фан Дэ. Внешность у него благородная, говорит он честно, искренне. Он произвел на меня впечатление достойного человека, которому просто не пред-

ставился случай выдвинуться. Я намерен был его освободить, но у всех на глазах неудобно было это сделать. Поручаю это тебе — улучи подходящий момент и дай ему возможность бежать.— При этом Ли Мянью вынул слиток серебра в три *лана, велел Ван Таю передать его Фан Дэ и предупредить того, чтобы он бежал куда-нибудь подальше, иначе в этих краях его снова схватят.

— Не осмелюсь не выполнить вашего распоряжения,— сказал Ван Тай,— боюсь только, что этим подведу остальных надзирателей. Как тут быть?

— Когда отпустишь его, переберешься с женой и детьми ко мне и спрячешься у меня в ямне, а в донесении я свалю все на тебя. Тогда другие не будут за это в ответе. Ты останешься со мной и служить будешь лично мне. Это, пожалуй, лучше, чем находиться здесь на таком незавидном посту. Как на это посмотришь?

— Если господин возьмет меня к себе в услужение, то лучшего я и желать не могу,— ответил Ван Тай и, спрятав серебро, поспешил в тюрьму. Там он сказал надзирателю:

— Преступников, которых сейчас доставили к нам, не пытали, так что сил у них хватает. А ждать от этих верзил можно чего угодно, поэтому нельзя держать их вместе.

Надзиратели тут же развели арестованных по разным камерам. Ван Тай сам повел Фан Дэ и поместил его в наиболее отдаленной и безлюдной части тюрьмы. Тут он рассказал Фан Дэ о добром намерении начальника и отдал ему серебро. Фан Дэ был тронут до глубины души.

— Передайте, пожалуйста, начальнику мою искреннюю признательность,— сказал он Ван Таю,— и заверьте его, что если я не смогу отплатить ему за добро в этой жизни, то после смерти превращусь хоть в коня, хоть в пса, но буду служить ему, чтобы отблагодарить за все.

— Разве начальник спасает тебя, рассчитывая на какую-то благодарность? Он делает это, следуя собственным добрым побуждениям,— заметил Ван Тай.— Хотелось бы только,— продолжал он,— чтобы ты после этого случая бросил подобные дела и стал порядочным человеком, иначе добродетельный поступок начальника пропадет даром.

— Благодарю вас за наставление,— сказал Фан Дэ,— я непременно последую ему.

Вечером Ван Тай наблюдал за тем, как надзиратели разводили преступников по камерам. Начали они с Фан Дэ, затем по очереди развели и приковали к постелям всех остальных и ушли. Улучив момент, когда надзиратели суетились, каждый занятый каким-то своим делом, Ван Тай вернулся в камеру Фан Дэ, освободил его от оков, снял с него кангу, надел на Фан Дэ свою старую куртку и шапку и повел его за собой к выходу. К счастью, по дороге им никто не встретился, и, быстро открыв ворота, Ван Тай выпустил Фан Дэ из тюрьмы.

Чуть ли не бегом, не разбирая дороги, мчался Фан Дэ по улицам. Домой заходить он не решился. Вскоре Фан Дэ оказался за городом и шел дальше всю ночь.

«Начальник спас мне жизнь,— думал он,— но куда же мне теперь направиться?» Тут он вспомнил об *Ань Лушане, который пользовался большой благосклонностью и доверием императора и держал двери своего дома широко открытыми для смелых и талантливых людей. «Почему бы не попытаться найти прибежище у него?» И Фан Дэ направился прямо в *Фаньян.

Там очень кстати он встретил своего старого друга Янь Чжуана, который служил секретарем правителя округа. Янь Чжуан представил его Ань Лушаню. Надо сказать, что Ань Лушань уже давно замышлял серьезное дело против царствовавшего дома и охотно принимал всяких беглецов и недовольных. Он обратил внимание на внушительную внешность Фан Дэ, поговорил с ним, рассуждения и высказывания Фан Дэ пришлись ему по душе, и он оставил его у себя. Прожив там несколько дней, Фан Дэ тайно послал людей за женой, и она приехала в Фаньян. Поистине:

*Наконец он сквозь сети прорвался
и ушел от всего — от небес,
от земли, от тяжелых цепей,
печали, лишений, забот.*

*В достатке живя, на покое,
он доволен сегодняшним днем
и только при случае вспомнит
о прошлой жизни своей.*

Но вернемся к Ван Таю. В тот вечер, когда Ван Тай освободил Фан Дэ, он, сославшись на дела, которые якобы ожидали его дома, и, распорядившись, чтобы как следует присматривали за арестованными, отдал над-

зрителям ключи и ушел из тюрьмы. Дома он собрал свои пожитки и в ту же ночь вместе женой переехал в ямэнь к Ли Мяню.

На следующее утро, когда надзиратели выводили арестованных во двор, они обнаружили, что канга Фан Дэ валяется на полу, и не могли понять, когда он успел удрать.

— Так крепко его заковали!.. Как этот бандит сумел высвободиться из канги и убежать!— без конца повторяли насмерть перепуганные надзиратели.— Отвечать-то за него нам придется. И все-таки как же ему удалось отсюда выбраться?

Стали осматривать кругом стены, пол, но нигде ничего не обнаружили — ни кирпича, ни даже какого-нибудь осколочка.

— Мерзавец этакий!— ругались они.— Еще врал вчера начальнику, что это его первое дело, а сам, оказывается, из бывалых да умелых.

— Пойду сообщу старшему надзирателю, пусть доложит начальству, чтобы немедленно послали людей на розыски,— сказал один из тюремщиков и бегом бросился к дому Ван Тая. Но двери оказались запертыми, сколько он ни барабанил,— все безрезультатно. На стук, посмотреть, в чем дело, вышел сосед Ван Тая.

— Они всю эту ночь без конца возились,— сказал он.— Наверное, переехали.

— Старший надзиратель не говорил, что собирается переселяться. Не должно этого быть! — усомнился надзиратель.

— Как же он может не слышать шума?— говорил сосед.— Не спит же мертвым сном!

Надзиратель решил, что сосед прав. Тогда он приналег плечом на дверь, и дверь сразу же поддалась — оказывается, она просто была подперта изнутри палкой. В комнате Ван Тая стояло только несколько громоздких вещей, и ни живой души в ней, конечно, не было.

«Странно! Почему же и он исчез?— недоумевал надзиратель.— Тот сбежавший арестант — уж не его ли рук это дело? Ладно, черт с ним, он или не он. Но свалить надо будет все на него».

Надзиратель закрыл дверь и, не возвращаясь в тюрьму, направился прямо в ямэнь к начальнику. Ли Мянэнь как раз в это время вел утреннее присутствие. Когда надзиратель доложил о случившемся, начальник сделал вид, что крайне поражен.

— Я всегда считал Ван Тая осторожным человеком,— проговорил он.— Никогда не думал, что он решится за взятку отпустить такого важного преступника. Полагаю, что он скрывается где-нибудь поблизости. Ищите повсюду! Найдете — будете награждены.

Надзиратель поклонился и вышел.

Ли Мянъ составил донесение и послал его в область Ван Хуну. А тот написал императору донесение, в котором обвинил Ли Мянъ в нерадении по отношению к своим служебным обязанностям, в том, что он по халатности не принял надлежащих мер предосторожности. В результате Ли Мянъ лишили должности, чина, и он был низведен в простолюдины. Одновременно вывесили указ о повсеместном розыске Фан Дэ и Ван Тая. Не медля, Ли Мянъ *сдал дела и грамоту, собрал вещи и отправился на родину. Ван Тая он повез с собой, спрятав его среди женщин.

*Если б не ради того,
чтоб в беде человеку помочь,
Мог бы устроить побег
тому, кто свершил преступленье?!*

Надо заметить, что семья Ли Мянъ жила бедно. За годы своей службы Ли Мянъ никогда ни у кого не взял ни гроша, и поэтому теперь, покидая ямэнь, он оставался таким же бедняком, как и прежде.

Возвратившись на родину, он сам со своими слугами обрабатывал землю и этим кормился. Два с чем-то года Ли Мянъ провел в деревне. С каждым днем жить становилось все труднее. В конце концов он простился с женой, взял с собой Ван Тая и еще двоих слуг и отправился в путь, с тем чтобы разыскать и навестить старых друзей.

Из Дунду он поехал прямо в Хэбэй и там узнал, что его старый приятель Янь Гаоцин недавно получил должность правителя области Чаншань. Ли Мянъ направился прямо туда, чтобы нанести ему визит. Он уже добрался до Босяни, местности, которая находилась в двухстах с чем-то ли от Чаншани и, когда проезжал по городу, навстречу ему попала какая-то процессия. Впереди шли служащие ямэня с белыми палками в руках, освобождая дорогу следующему за ними чиновнику.

— Едет начальник уезда, а ну-ка, слезайте с лошадей!— закричали они Ли Мяню и его спутникам.

Ли Мянъ спешился и стал в стороне. Между тем Ван Тай еще издали обратил внимание на начальника уезда — он ехал верхом на белом коне, над головой колыхался черный зонт, вид у начальника был величественный, внешность благородная, внушительная. Ван Таю показалось невероятным: начальник был очень похож на того самого разбойника Фан Дэ, которого он выпустил из тюрьмы.

— Господин!— обратился он тут же к Ли Мяню.— Этот начальник уезда ни дать ни взять Фан Дэ, которого мы тогда выпустили из тюрьмы.

Ли Мяню лицо начальника уезда тоже показалось знакомым, и, когда Ван Тай сказал ему об этом, он сразу все вспомнил.

— Действительно, похож на него,— согласился Ли Мянъ.— Я ведь говорил,— продолжал он, обрадованный,— что это талантливый и выдающийся человек, которому просто не повезло в жизни. Так оно и оказалось. Непонятно только, как ему удалось получить должность.

Ли Мянъ хотел было подойти к начальнику уезда и расспросить его, но подумал: «Если это действительно Фан Дэ, то решит, что я разузнал, что он здесь на должности и приехал сюда в расчете на благодарность. Нет, лучше не надо». Ли Мянъ предупредил Ван Тая, чтобы тот молчал, а сам отвернулся, дожидаясь, пока начальник проедет мимо. Между тем, поравнявшись с ними, начальник сразу признал в человеке, стоящем спиной к дороге, Ли Мянъ; заметил и находившегося рядом Ван Тая. Радость и удивление изобразились на его лице. Приказав свите остановиться, он спрыгнул с коня и подошел к Ли Мяню.

— Благодетель!— обратился он к Ли Мяню.— Почему же вы не захотели окликнуть меня и даже отвернулись? Ведь я чуть было не проехал мимо.

— Я не знал, что вы здесь,— с поклоном ответил Ли Мянъ,— боялся, что отвлеку начальника от важного дела, и потому не решился подойти.

— Ну что вы!— воскликнул Фан Дэ.— Я рад, что мой благодетель приехал сюда, мне просто повезло... Прошу вас ко мне в ямэнь — посидим, поговорим.

Ли Мянъ устал с дороги и, поскольку приглашение Фан Дэ казалось ему вполне искренним, ответил:

— Вы очень любезны. Я, конечно, с удовольствием найду к вам поговорить.— И, сев на коня, он поехал

рядом с Фан Дэ. За ними следовали Ван Тай и слуги Ли Мян. Вскоре они подъехали к ямэню, сошли возле самых ворот, и Фан Дэ пригласил Ли Мян пройти во внутренние покои. Свернув налево, они оказались в кабинете. Тут Фан Дэ отослал сопровождавших его слуг, оставив при себе лишь управляющего Чэнь Яня, которому велел находиться у входа, и распорядился, чтобы приготовили торжественный обед. Всех четырех коней Ли Мян он велел поставить в стойло и задать им корм, Ван Таю и другим слугам приказал внести багаж. Кроме того, Фан Дэ распорядился, чтобы двое людей из ямэня были отданы в услужение Ли Мяню. Эти двое были Лу Синь и Чжи Чэн. Обоих Фан Дэ купил во время пребывания на должности в этом уезде.

Почему же Фан Дэ не пожелал, чтобы слуги вошли в кабинет? Дело в том, что в уезде он выдавал себя за родственника министра Фан Сюаньлина и хвастал перед другими своей родословной; никто в этих краях подлинной его биографии не знал, все верили ему и очень уважали. И вот нынче, когда произошла эта встреча и предстояла беседа с Ли Мянem, Фан Дэ опасался, что в разговоре речь может зайти об истории с разбойничьей шайкой, и не хотел, конечно, чтобы другие об этом слышали. Он понимал, что если люди узнают о его прошлом, начнут об этом болтать, станут издеваться над ним — и тогда прощай должность. Поэтому-то он и удалил слуг.

Покои, в которых оказался Ли Мян, состояли из трех комнат, обращенных на юг; по бокам к ним прилегли два флигеля. Комнаты были просторными, с большими светлыми окнами. Здесь обычно начальник отдыхал, проводил свой досуг, и потому все было обставлено умело, со вкусом: аккуратные и опрятные столики и диваны, чистая, изящная утварь, красивые безделушки, на полках — книги; дворик благоухал цветами.

Итак, Фан Дэ, Ли Мян и Ван Тай вошли в кабинет. Фан Дэ взял кресло, поставил его в центре комнаты на почетном месте, предложил Ли Мяню сесть, а сам опустился перед ним на колени. Ли Мян поспешил поднять его.

— Что вы? Зачем такие торжественные церемонии?

— Я был преступником, которого ожидала смертная казнь,— говорил Фан Дэ.— Вы, благодетель, спасли меня, даже денег дали на дорогу, я очутился здесь и своим нынешним положением обязан вам. Вы мой

второй отец, вы дали мне новую жизнь, и вы должны разрешить мне земно поклониться вам.

Ли Мянъ был человеком прямым, в котором всегда преобладало чувство справедливости и долга, и, понимая, что Фан Дэ прав, принял от него два земных поклона. Затем Фан Дэ поблагодарил Ван Тая и провел гостей в боковой флигель. На ходу он предупреждал Ван Тая:

— Если мои служащие будут расспрашивать вас о чем-нибудь, не говорите им о том, что было когда-то.

— Не стоило предупреждать, я сам это прекрасно понимаю,— ответил Ван Тай.

Фан Дэ усадил Ли Мяня на почетное место, а сам взял кресло и сел в стороне, как подобает хозяину.

— Я денно и ночью с благодарностью думал о вас, о том, что вы спасли меня,— заговорил он.— Но не довелось мне отблагодарить вас. Никак не ожидал, что небо дарует мне эту встречу!

— Вы случайно попали в беду,— говорил ему Ли Мянъ,— и если я вам чем-то помог, в этом нет особой добродетели — просто выказал таким образом добрые чувства.

— Позвольте осведомиться, какое высокое назначение вы теперь получили, что путь ваш лежит через наш уезд?— спросил Фан Дэ, предлагая гостю чай.

— После того как я отпустил вас, губернатор столичного округа обвинил меня в нерадивом отношении к службе, и меня отставили от должности. Я вернулся на родину, но дома мне было тоскливо, не по себе, и я решил поездить по стране, полюбоваться природой, чтобы немного развеяться. Сейчас я направляюсь в Чаншань, хочу поведать своего старого друга господина Яня, ныне начальника области,— вот и оказался в ваших краях. Да, не ожидал я, что встречу с вами, не думал, что вы уже получили должность. Очень рад за вас.

— Значит, вы из-за меня лишились должности и чина, а я, недостойный, оказался здесь, на служебном посту. Мне, право, просто очень стыдно перед вами.

— В древности случалось, что ради справедливости люди жертвовали даже своей собственной семьей, а о каких-то чинах и должностях стоит ли говорить! Но только расскажите,— продолжал Ли Мянъ,— куда вы потом направились после всей этой истории и как случилось, что получили должность начальника в этом уезде?

— Когда вы освободили меня, я бежал в Фаньян. Там, на мое счастье, я встретил одного старого знакомого, который представил меня губернатору Ань Лушаню. Ань Лушань принял меня и очень благосклонно отнесся ко мне. Через полгода я получил назначение в этот уезд на должность начальника по уголовным делам, а недавно скончался начальник уезда, и меня рекомендовали на его пост. Я стыжусь своей бесталанности и терзаюсь тем, что незаслуженно удостоился чести править народом и этой землей, поэтому прошу вас, друг мой, не откажите мне в наставлениях и советах.

Хотя Ли Мяннь давно уже не служил, но до него доходили слухи о бунтарских помыслах Ань Лушаня. Услышав, что Фан Дэ получил должность благодаря рекомендации Ань Лушаня, и подумав о том, что впоследствии этот человек может оказаться в числе изменников государю, Ли Мяннь решил предостеречь Фан Дэ на будущее, тем более что Фан Дэ просил у него советов и указаний.

— Получить чин и должность — в этом, собственно никаких особенных трудностей нет,— начал Ли Мяннь,— но нужно суметь оправдать доверие правительства и не причинять вреда народу. Даже когда решается вопрос о жизни и смерти, когда дело сулит почести и завидные государственные чины или же грозит публичной казнью и плахой,— что бы там ни было, человек должен оставаться верным своим принципам. Ни в коем случае не следует поддаваться соблазну, которым вас могут искушать недостойные люди, и зариться на мелкие выгоды. И если вы измените долгу и чести, то пусть вы и станете пользоваться какими-то благами, все равно люди последующих поколений будут вспоминать о вас с презрительной усмешкой. А если вы будете тверды в своих честных убеждениях, то вам не то что начальником этого уезда, но и министром можно стать!

— Ваши золотые слова я всю жизнь буду хранить в памяти,— отвечал Фан Дэ и благодарил Ли Мяння за совет.

Так — один спросит, другой ответит,— они говорили, хорошо понимая друг друга. Но вскоре пришел Лу Синь, доложил, что все уже готово, и попросил их к столу. Фан Дэ поднялся и повел Ли Мяння во внутренние покои.

Стол был накрыт, как подобает — для хозяина

и почетного гостя. Но Фан Дэ велел отодвинуть пригтовленный ему прибор.

Видя, что Фан Дэ хочет сесть скромно в стороне, Ли Мянью сказал:

— Вы ставите меня в неловкое положение. Прошу вас занять подходящее вам место.

— Даже сидеть возле вас считаю слишком большой дерзостью с моей стороны и позволить себе окончательно выйти за рамки приличия не смею.

— Мы с вами стали друзьями, к чему же излишняя скромность и церемонии!— возразил Ли Мянью и велел поставить прибор хозяина на прежнее место. Фан Дэ не стал спорить. Слуги поднесли гостю и хозяину вино. Тут пришли музыканты, заиграла музыка. Стол был роскошно убран, уставлен самыми разными угощениями.

*Хоть и не было тут
зажаренных фениксов и драконов,
Но было полно
редчайших даров лесов и морей.*

Хозяин и гость, довольные обществом друг друга, вволю пили, и лишь поздно ночью закончился пир. Не стоит говорить, что в это же время угощали Ван Тая и других сопровождавших Ли Мянью слуг.

За время пиршества Фан Дэ и Ли Мянью прониклись друг к другу таким глубоким чувством дружбы, что рука об руку возвратились в кабинет. Фан Дэ велел Лу Синю принести для гостя постель, которая предназначалась для начальства, когда оно здесь останавливалось, и сам стал стелить Ли Мянью.

— Ведь это дело прислуги,— остановил его Ли Мянью.— Зачем же вы утруждаете себя?

— Вы оказали мне такое благодеяние, что если я всю свою жизнь буду служить при вас конюхом или простым слугой, и то не смогу хоть в какой-то малой мере отблагодарить вас,— говорил Фан Дэ.— Разве желание хоть как-то выразить свои чувства можно считать беспокойством!

Когда все было устроено, Фан Дэ велел слугам принести лежанку для него самого и поставить ее рядом с постелью Ли Мянью.

Искренность, с которой говорил Фан Дэ, не позволяла Ли Мянью усомниться в том, что Фан Дэ — человек благородный, верный чести и долгу, и он проникся

к нему еще большим уважением. Уже зажгли светильники, а они все еще сидели вдвоем, изливая в откровенной беседе свои чувства. Они говорили о своих стремлениях и цели своей жизни, во всем между ними было полное понимание, и теперь они стали задушевными друзьями, которые только сожалели о том, что не встретились раньше. Спать они легли лишь глубокой ночью.

На следующий день сослуживцы Фан Дэ, узнав о приезде почетного гостя, явились с визитом. После того как пришедшие поздоровались с Ли Мянem и представились ему, Фан Дэ представил Ли Мяня.

— Это мой благодетель. В свое время он удостоил меня чести, рекомендовал на должность, и я очень обязан ему.

Желая угодить начальнику уезда, каждый из местных чиновников устраивал пир и приглашал к себе начальника и его гостя. Но не будем об этом распространяться.

С тех пор как Ли Мянь остановился у Фан Дэ, они целые дни проводили за вином и беседой. Фан Дэ забросил дела и даже не появлялся в присутственном зале ямэня. Внимание, которое он оказывал Ли Мяню, его предупредительность превосходили все, что мог проявить самый почтительный сын в отношении родителей. Ли Мяню от всего этого даже стало как-то неловко, и дней через десять он начал поговаривать об отъезде. Но Фан Дэ ни за что не хотел его отпускать.

— Вы оказались здесь, нам представился такой удачный случай побыть вместе. Какой же резон уезжать!— говорил он.— Поживите здесь хотя бы месяц-другой, а там я предоставлю в ваше распоряжение погонщиков и лошадей, и вас проводят до самого места.

— Видя ваше доброе отношение ко мне, мне, конечно, тяжело было говорить вам об отъезде,— отвечал Ли Мянь.— Но вы ведь хозяин целого уезда, а с тех пор как я приехал сюда, вы забросили все свои дела, и если ваше начальство узнает об этом, будет не очень удобно. К тому же я уже решил ехать, и мне не хотелось бы менять свои планы.

Фан Дэ понял, что удержать его не удастся.

— Ну, раз вы твердо решили ехать, мне, конечно, неловко насильно удерживать вас,— сказал он.— Но только кто знает, когда еще нам доведется свидеться, поэтому разрешите мне попотчевать вас завтра на прощание чаркой вина. Весь завтрашний день мы проведем

вместе, а послезавтра утром вы уедете. Как вы отнесетесь к этому?

— Ну, раз вы достаиваете меня такой любезности, я, конечно, задержусь на день.

Довольный, что ему удалось уговорить Ли Мяня, Фан Дэ позвал Лу Синя и вместе с ним направился домой, чтобы приготовить дорогому гостю подарок к его отъезду. И вот из-за этого-то, надо сказать, Ли Мянью чуть было не поплатился жизнью.

*Беда — это то, в чем заложено счастье,
а в счастье таится беда;
Вот почему все беспечные люди
спокойны, не знают хлопот.*

Но расскажем все по порядку, и речь теперь поведем о жене Фан Дэ, урожденной госпоже Бэй.

В свое время, когда Фан Дэ был неудачником, она так привыкла всем распоряжаться, что и теперь, когда он стал важным чиновником, хотела, чтобы во всех делах ее слово было решающим. И сейчас, когда ее муж увел с собой двух домашних слуг и десять дней подряд где-то пропадал, она решила, что он тайком от нее занимается невесть какими делами, и была возмущена до предела.

Когда она увидела Фан Дэ, первым ее побуждением было устроить скандал, но она решила, что сначала надо выведать, что произошло.

— Какие у тебя там дела, что ты так долго не показывался?— спросила она мужа, притворно расплывшись в улыбке.

— И не говори! Мой благодетель оказался здесь,— отвечал Фан Дэ,— я чуть было не прозевал его. Хорошо, что глаз у меня острый... Я пригласил его в ямэнь и все эти дни провел с ним. Сейчас пришел с тобой посоветоваться: надо что-нибудь приготовить ему в подарок.

— О каком благодетеле ты говоришь?

— Ай! Как ты могла забыть! — воскликнул Фан Дэ.— Да это тот самый начальник уголовного следствия, господин Ли, который тогда спас мне жизнь. Я-то убежал, а он, оказывается, из-за меня потерял чин и должность. Сейчас он направляется в Чаншань к правителю области, а здесь проездом. Старший надзиратель Ван Тай тоже при нем.

— Ах, вот это кто!.. И много ты собираешься дарить ему?

— Это мой благодетель, мой второй отец, вторая мать, подарок должен быть щедрый.

— Десяти кусков шелка хватит?

Фан Дэ громко расхохотался:

— Ну и шутница ты! Моему-то благодетелю! Твоих десяти кусков шелка в подарок его слуге и то будет мало.

— Глупости! Ты вот начальник уезда, но твоим собственным слугам ни разу не выпадало счастье получить в подарок десять кусков шелка, а тут, извольте, какому-то слуге проезжего просителя — и целых десять кусков! Нет уж, шелк мне самой нужен, ничего из этого не выйдет... Прибавлю еще десять кусков, и пусть он побыстрее убирается!

— Как можно быть такой бездушной! — возмутился Фан Дэ. — Ведь он спас мне жизнь, мало того — дал мне денег на дорогу, а сам потерял должность и чин. Что двадцать кусков шелка по сравнению со всем этим?!

Жена Фан Дэ была женщиной скаредной, ей и с двадцатью кусками было жаль расставаться. Только потому, что Ли Мянью спас ее мужа, она великодушно согласилась отдать их и то считала это невесть какой жертвой, а ему, видите ли, все было мало.

— Ну, а сто кусков хватит? — спросила она умышленно.

— Ста кусков хватит только на подарок Ван Таю, — ответил Фан Дэ.

«Сто кусков Ван Таю! Сколько же тогда нужно Ли Мянью?» — подумала жена Фан Дэ и уже с явным раздражением сказала:

— Ну, если Ван Таю сто, то в подарок начальнику уголовного следствия надо по крайней мере пятьсот кусков!

— И этого будет мало, — заявил Фан Дэ.

Женщина разозлилась не на шутку:

— Раз так, может быть, дашь тысячу?

— Ну, это еще куда ни шло.

Слышать такое было сверх ее сил.

— Ну и ну! Да ты рехнулся! — завопила она и плюнула мужу в лицо. — Давно ли ты стал начальником и много ль принес мне в дом добра, чтобы так его разбазаривать?! Да если ты даже меня самое продашь, и то не наберешь и половины!.. Где нам взять столько шелку, чтобы одаривать людей?!

— Госпожа, можно ведь поговорить по-хорошему, посоветоваться. Зачем злиться?— говорил Фан Дэ, видя, что жена окончательно выходит из себя.

— О чем тут советовать!— кричала она.— Есть у тебя — иди и дари! Меня нечего спрашивать!

— Ну, раз ничего нет, придется взять из казны,— пробормотал Фан Дэ.

— О-хо-хо! Ишь какой храбрый! Казна — это государственные деньги. Как смеешь ты брать их для себя лично? А если вдруг нагрянет ревизия, что тогда отведишь?

Фан Дэ смутился.

— Ты, конечно, права,— ответил он.— Но ведь благодетель наш скоро уезжает... Как же быть?— Он уселся в стороне и задумался.

А у жены Фан Дэ, которая поняла, что муж во что бы то ни стало решил преподнести Ли Мянью дорогой подарок, сердце разрывалось на части. Пожалуй, если бы от нее кусок мяса отрезали, и то не было бы ей так больно. И недобрая мысль пришла ей на ум.

— Какой же ты мужчина!— бросила она мужу.— Если ты подобные дела не можешь решить, то где тебе быть большим начальником! Вот что — я знаю хороший выход: потрудишься раз, зато уж навсегда избавишься от забот.

Фан Дэ решил, что жена придумала что-то дельное, и поспешил спросить:

— Что же ты предлагаешь?

— Есть такое старинное изречение: «За великие благодеяния не благодарят»,— сказала она.— Так вот тебе мой совет: сегодня же ночью подкараулить его, прикончить, и дело с концом.

— Дрянь ты этакая!— багровея от ярости, закричал Фан Дэ.— Ведь это из-за тебя я тогда чуть не расстался с жизнью: просил у тебя материи — не дала, пошел по знакомым — заманили в шайку. Если бы не этот мой благодетель, который, рискуя потерять должность, выпустил меня из тюрьмы, разве сейчас мы сидели бы здесь с тобой? Вместо того чтобы посоветовать мне сделать какое-нибудь доброе дело, наущаешь на злодейство и подстрекаешь убить моего благодетеля!.. Да как же ты можешь! Какое же у тебя сердце?!

Видя, что Фан Дэ все больше и больше распаляется, женщина приветливо заулыбалась и сказала:

— Да я ведь из хороших побуждений. Чего ты рас-
свирепел? Выслушай меня: права я — согласишься, нет —
не надо, что тут особенного?

— Ну, говори, в чем твоя правота?

— Вот ты до сих пор обижен на меня за то, что
я тогда не дала тебе материи. Но поразмысли сам: сем-
надцати лет я пошла за тебя, и с тех пор изо дня в день
все, что нужно, в доме — ну есть ли хоть что-нибудь,
что бы не делалось именно благодаря мне? Так неужели
я пожалела бы для тебя каких-то двух кусков материи?
Разве в этом дело? Я слышала, что некогда был такой
*Су Цинь. Когда ему не везло, домашние умышленно
обращались с ним худо, чтобы подзадорить его; и
в конце концов именно благодаря этому он потом добил-
ся поста министра. Вот я тогда и понадеялась на этот
пример и решила таким же путем подзадорить тебя. Но
тебе уж слишком не везло... Ты угодил к разбойникам, а
ни воли, ни решительности Су Циня у тебя не было —
вот ты и остался у бандитов, пошел с ними безобразни-
чать. И если получил по заслугам, то во всем сам и вино-
ват. При чем тут я?! И потом, неужели ты думаешь, что
твой Ли Мянъ из одного благородства и человечности
отпустил тебя?

— Ты хочешь сказать, что это не так?

Женщина рассмеялась:

— Эх, что толку, что голова у тебя на плечах, если
ты даже таких вещей не можешь понять. Ведь все эти
чиновники по уголовным делам, как правило, люди
жадные и жестокие. Попадись к ним в руки их лучшие
друзья и ближайшие родственники, они и их не поща-
дят. С какой стати было такому чиновнику жалеть тебя,
постороннего человека, добровольно жертвовать своей
должностью и за здорово живешь освобождать важного
преступника?! Просто когда он узнал, что ты главарь
шайки, решил, что наверняка у вас запрятано добро
и что у тебя найдется чем отблагодарить, если он тебя
отпустит. Он дал бы подчиненным, преподнес начальст-
ву, и хорошим считался бы на своем посту, и в карман
себе кое-что положил бы. Иначе с чего ради стал бы он
из всей шайки отпускать тебя одного? Разве мог он
предположить, что ты последний бедняк, что впервые
пошел на такое дело, что удерешь и больше не пока-
жешься ему на глаза и что он сам лишится должности?
А нынче разузнал, что ты здесь начальник, — и тут как
тут.

Фан Дэ только качал головой.

— Этого быть не может. Он отпустил меня из добрых побуждений, ничего другого в мыслях у него не было. Ехал он сейчас в Чаншань, а не ко мне, и встретился здесь со мной случайно. И то, когда заметил меня, отвернулся, не пожелал подойти — не хотел отвлекать меня от дел. Нет, не явился он сюда специально, чтобы найти меня, и не нужно такими подозрениями порочить хороших людей.

— Эх! — вздохнула женщина. — Да ведь он врал, когда говорил, что направляется в Чаншань. Как же ты мог этому поверить? Достаточно того, что он взял с собой Ван Тая. Этим одним он выдал себя с головой.

— И что с того, что он взял с собой Ван Тая? — недоумевал Фан Дэ.

— Ну и болван же ты! Если Ли Мяннь знаком с губернатором Янем, то, может быть, и вправду едет навестить его. Ну, а этот Ван Тай, тюремщик столичного округа, — он что, по-твоему, тоже старый друг губернатора Яня и едет к нему в гости? Вот они вместе и отправились! А в том, что Ли Мяннь отвернулся, как раз и был коварный расчет — посмотреть, подойдешь ты к нему или нет. Если бы он действительно направлялся в Чаншань, разве согласился жить здесь так долго?

— Да он и не соглашался, — возразил Фан Дэ. — Это я его просил остаться и в конце концов уговорил.

— И здесь он хитрил — просто хотел испытать, искренне твое отношение к нему или нет.

Фан Дэ вообще был человеком нерешительным, и слова жены зародили в нем сомнение. Он тяжело вздохнул, но не проронил ни слова.

— Как бы там ни было, а за это добро не отблагодаришь! — твердила свое жена Фан Дэ.

— Что значит — «не отблагодаришь»?

— А то и значит: мало ему преподнесешь — он разозлится, возьмет да и выложит все дело, где надо. Прощай тогда твоя должность. Да что там должность... Схватят, как беглеца-разбойника, так, пожалуй, и с жизнью придется распрощаться! А щедро отблагодаришь — сделает правилом: так и будет от одного раза до другого приходиться и требовать свое. Конечно, если ты собираешься всякий раз преподносить ему дорогие подарки, все будет в порядке, но если хоть в чем-то не угодишь ему, он опять-таки выдаст тебя, и тоже от ответа тебе будет не уйти. Разве не ясно, что надо поло-

жить этому конец? Исстари говорят: «Силен тот, кто первым бьет». Если сейчас ты не поступишь так, как я советую, придет время — и слова мои сбудутся. Только жалеть-то будет уже поздно!

Фан Дэ слушал жену, молча кивая головой: теперь он уже был иначе настроен. Но, еще и еще раз поразмыслив, он сказал:

— Ведь это я сам хотел отблагодарить его за добро, которое он для меня сделал, а он и словом ни разу об этом не обмолвился. Думаю, что не это у него на уме.

— Не говорил, потому что не видел пока, чтобы ты собирался расщедриться,— с усмешкой ответила женщина.— Не беспокойся, придет время — заговорит. И еще должна тебе сказать: теперь, после его визита к тебе, что бы там ни было — все равно карьере твоей уже конец.

— Это почему?

— Все видели, как тепло, как сердечно ты отнесся к Ли Мянью, когда он сюда приехал. А почему — никто в ямэне не знает, и, разумеется, люди начнут расспрашивать об этом слуг Ли Мяня. Ну а тем — какая нужда тебя выгораживать? Ясно, расскажут все, как было. Вот и подумай: языки у людей ох какие злые; как узнают в ямэне, что их начальник в прошлом был разбойником, то уж, конечно, о таком чрезвычайном происшествии пойдут сплетни. Твои сослуживцы, может быть, и не посмеют в лицо насмеяться над тобой, но с тебя-то вполне хватит пересудов за твоей спиной — уж из-за одного стыда ты не сможешь здесь оставаться доле. Но это еще полбеды. Раз Ли Мянь и губернатор Янь — большие друзья, то когда Ли Мянь будет у него, разумеется, поделится с ним и расскажет ему о тебе. А я слышала, что старик Янь — человек с большими причудами, и кто знает, что ему взбредет в голову, тем более что ты его подчиненный. Ну а если разнесется слух по всей провинции Хэбэй, тогда уж беги отсюда без оглядки. Опять станешь нищим, так и проживешь в бедности остаток своих дней. Чем ждать, пока тебя опозорит губернатор Янь, лучше действовать первым.

Фан Дэ с самого начала и сам опасался, как бы слуги Ли Мяня не проговорились, потому тайком и предупредил Ван Тая. Ну а когда жена наговорила ему таких страстей, страх и вовсе обуял его. О благодарности за добро, которое ему сделали, он теперь и не помышлял.

— Да, хорошо, что ты подумала обо всем этом,— сказал он жене.— Иначе я бы сам погубил себя. Но только вот что: все в ямэне знают, что он здесь гостит, и если на завтра он вдруг исчезнет, это ведь вызовет у людей подозрение. Да и труп нелегко будет упрятать.

— Это как раз ерунда. Немного погодя ты пойдешь к нему, с собой возьмешь только нескольких верных людей, а остальных ушлешь. Напоишь его и его слуг, а ночью поручишь кому-нибудь убить их и поджечь кабинет. Утром ты найдешь их останки, поплачешь для приличия и положишь их в гроб. Все будут думать, что они погибли при пожаре. Какие могут быть у людей еще подозрения?!

— Великолепно придумано!— радостно воскликнул Фан Дэ. Он хотел было встать и уйти, но жена удержала его. Она знала слабохарактерность мужа: чего доброго, засидится с Ли Мянem, заговорится с ним, симпатии к Ли Мяню снова возьмут верх, и он еще переживает.

— Еще рано, посиди, пойдешь позже,— сказала она.

Фан Дэ послушался и остался. Поистине:

*В пасти свирепого тигра клыки
И жало в хвосте у осы
Не так опасны и ядовиты,
Как злое сердце жены.*

Исстари говорят: «У стен есть уши, и за окном найдется человек». Супруги говорили у себя в комнате, и, когда жена Фан Дэ без конца спорила с мужем о том, сколько материи дать Ли Мяню, а кончила тем, что стала подговаривать его на убийство, ей и в голову не приходило, что их могут подслушать, тем более здесь, в их покоях, куда она знала, никто из посторонних не заходит. Поэтому она дала волю языку, восстанавливая мужа против его благодетеля. Но случилось так, что слуга Лу Синь, который пришел сюда вместе с Фан Дэ, выходя из помещения, услышал доносившийся из комнаты начальника раздраженный голос госпожи Бэй. Лу Синь приник к стене и стал подслушивать. Все, о чем они спорили, их ругань и, наконец, разговор о том, чтобы поджечь кабинет,— все это он слышал до мельчайших подробностей и был потрясен.

«Вот, оказывается, кем был мой хозяин в прошлом! Господин, который гостит у нас, спас его, а он теперь

хочет отплатить ему злом за добро. Да где же такое слыхано?!— возмутился Лу Синь.— Если он может допустить такое по отношению к своему благодетелю, чего ждать от него нам, слугам?! Приведись сделать что не так, живо расправится — убьет не задумываясь. Какая польза служить таким подлым и жестоким людям!» Затем он подумал: «Говорят, спасти жизнь человеку — лучше, чем воздвигнуть семиэтажную пагоду Будде. Спасу их — по крайней мере за мной будет хоть какое-то доброе дело. Но если я предупрежу их, чтобы они отсюда бежали,— продолжал размышлять Лу Синь,— вряд ли меня пощадят, значит, надо будет и самому отсюда убираться». Лу Синь тут же взял деньги, какие оказались под рукой, спрятал их понадежнее и, улучив удобный момент, потихоньку, никем не замеченный, выскользнул из покоев начальника и прямым путем побежал в кабинет. Возле флигеля он увидел Чжи Чэна. Слуга сидел на пороге и заваривал чай, обмахиваясь веером. Не желая испугнуть его, Лу Синь зашел в кабинет с другой стороны.

Ни Ван Тая, ни кого другого там не было. Возле стола сидел один Ли Мянью и рассматривал книги. Лу Синь подошел к столу и прошептал:

— Господин, вас ждет беда. Бегите отсюда скорей! Не медлите!

Ли Мянью не на шутку перепугался.

— Откуда грозит мне беда?— взволнованно спросил он.

Лу Синь отвел его в сторону и подробно рассказал ему все, что только что услышал.

— Я знал, что вы ни в чем не повинны, что пострадаете ни за что,— добавил он в заключение,— потому я и пришел предупредить вас. Если вы сейчас же не уйдете, беды вам не миновать.

После всего, что рассказал Лу Синь, Ли Мянью, не переставая дрожать от страха так, будто его опустили в ведро с ледяной водой, благодарил Лу Синя.

— Если бы не вы, не ваши благородные побуждения, я погиб бы... За ваше благодеяние и милость я не останусь неблагодарным. Вот уж не ожидал, что он окажется таким предателем.

— Прошу вас, тише, а то услышит Чжи Чэн, выдаст нас, и тогда не уберечься ни вам, ни мне,— шептал Лу Синь взволнованно, кланяясь без конца в ответ.

— Но я не могу со спокойной душой уйти,— говорил Ли Мянью.— Ведь если я уйду, я подведу вас.

— У меня нет ни жены, ни семьи, и, когда вы уйдете, я тоже подамся отсюда куда-нибудь подальше. Пусть это вас не беспокоит.

— Раз так, почему бы вам не отправиться со мной в Чаншань?

— Если вы согласны оставить меня при себе, то я охотно буду вам служить.

— Зачем говорить так! Ведь вы — мой спаситель. Но вот беда — Ван Тай и оба мои слуги ушли покупать туфли. Как же нам быть?

— Подождите, я сейчас пойду разыщу их.

— Да и кони мои стоят в стойле на заднем дворе,— растерянно продолжал Ли Мянью.— Как с этим поступить?

— Тоже придется подождать — я подговорю конюха привести коней сюда,— сказал Лу Синь и поспешно вышел из кабинета. Во дворе он оглянулся, чтобы взглянуть на Чжи Чэна, но того на прежнем месте не оказалось. Тогда Лу Синь зашел посмотреть, нет ли его в комнате во флигеле,— и там его не было. На самом деле Чжи Чэн отлучился по нужде, а Лу Синь, решив, что тот их подслушал и пошел доносить Фан Дэ, всполошился и побежал обратно к Ли Мянью.

— Господин, беда! Наверное, Чжи Чэн подслушал нас и пошел донести хозяину. Скорей уходите! Ждать Ван Тая мы уже не можем!

Ли Мянью охватил такой страх, что он слова не мог выговорить. Бросив все свои пожитки, он в чем был, шатаясь, выбежал из кабинета и последовал за Лу Синем.

При появлении Ли Мянью сидевшие у ворот служащие ямэня встали. Ли Мянью торопливо прошел мимо них и оказался за воротами. На его счастье, тут же, у восточного прохода, стояли привязанными три коня, которых держали здесь наготове, на случай если они понадобятся начальству.

Лу Синь быстро смекнул, как этим воспользоваться.

— Живо, подавай господину лошадей!— крикнул он конюху.— Господин едет с визитом!

Конюх тотчас подвел им двух коней. Он не посмел ослушаться: перед ним стоял почетный гость начальника уезда да и сам доверенный слуга начальника Лу Синь отдал ему приказание. Только успели они сесть на коней, как прямо перед ними вырос Ван Тай.

— Вы очень кстати вернулись, Ван Тай,— сказал ему Лу Синь.— Торопитесь присоединиться,— господин Ли едет с визитом.— Лу Синь тут же приказал подать еще одного коня, и они все вместе выехали за ворота ямэня. Конюх, разумеется, неотступно следовал за ними. Лу Синь и тут сумел его одурачить, бросив ему на ходу:

— Господин Ли завтра с утра уезжает в область, и начальник хотел, чтобы ты сегодня вечером почистил его лошадей, так что скоро тебя позовут. Можешь не сопровождать нас.

Конюх поверил и остановился.

— Благодарю, что предупредили,— сказал он в ответ.

Они уже проехали мост и свернули на запад, когда навстречу им попались возвращавшиеся слуги Ли Мянля.

— Куда это едет господин наш?— спросили они.

— Я и сам не знаю,— сказал Ван Тай.

— Следуйте быстрее за мной, нечего болтать!— крикнул им Ли Мянль.

Ли Мянль и Лу Синь подстегнули коней. Ван Тай был в недоумении, не понимая, почему его хозяин так спешит и куда едет с визитом, но ему ничего не оставалось, как тоже подхлестнуть коня. Слуги, не щадя себя, бежали за ними вдогонку. У западных ворот Ли Мянль и его спутники увидели трех всадников, гуськом въезжавших в город. В одном из них Лу Синь еще издали узнал управляющего Чэнь Яня. С ним ехал писарь канцелярии и кто-то третий, незнакомый Лу Синю. Чэнь Янь и писарь при виде Ли Мянля поспешили сойти с коней, чтобы приветствовать его.

Поговорка гласит: «В минуту опасности быстро находишься», и Лу Синь, обращаясь к Ли Мянлю, громко сказал:

— Господин Ли, ведь вашим управляющим не на чем ехать, можно было бы взять коней у Чэнь Яня.

Ли Мянль понял его.

— Да, было бы очень кстати,— проговорил он, останавливая коня.

Тогда Лу Синь обратился к Чэнь Яню:

— Господин Ли едет с визитом. Дай-ка твоих коней для его управляющих. Мы ненадолго, скоро вернемся.

Чэнь Янь и писарь были рады случаю угодить Ли Мянлю. Ведь он мог потом замолвить за них доброе словечко перед начальником.

— Если господину Ли нужно, пожалуйста!— сказали они в один голос.

Через минуту-другую подбежали следовавшие за Ли Мянem слуги — они едва переводили дыхание, пот градом катился с них. Двое из группы Чэнь Яня поспешили передать им плетки и поводья. Слуги вскочили на лошадей и вслед за Ли Мянem и остальными выехали из города. Тут только люди отпустили поводья, и двадцать копыт, поднимая пыль, зацокали по проезжей дороге и понеслись по направлению к Чаншани. Вот уж действительно:

*Сломана клетка из яшмы —
и феникс в небо взлетел,
Разорвана цепь золотая —
и в море унесся дракон.*

Оставим теперь Ли Мянem и его спутников и скажем о Чжи Чэне, который сходил в уборную, вернулся, заварил чай и понес его в кабинет. Однако Ли Мянem там не оказалось. Чжи Чэн обошел все комнаты, но Ли Мянem и след простыл.

«Два дня уже сидит здесь, не выходя,— наскучило, наверное, пошел прогуляться»,— решил Чжи Чэн. Прождал он почти целую *стражу, но Ли Мянem все не возвращался. Выйдя на улицу взглянуть, нет ли его где-нибудь поблизости, Чжи Чэн у ворот столкнулся с Фан Дэ. Надо сказать, что Фан Дэ, которого задержала жена, просидел с ней довольно долго и теперь, очень кстати встретив Чжи Чэна, спросил у него:

— Тебе не попадался Лу Синь?

— Нет, не видел его,— ответил тот.— Наверное, пошел пройтись с господином Ли.

Фан Дэ показалось это странным. Он собрался было послать Чжи Чэна на розыски Лу Синя, но как раз в это время к ним подошел Чэнь Янь.

— Не видел ли господина Ли?— обратился к нему Фан Дэ.

— Только что встретил его и Лу Синя возле западных ворот,— ответил Чэнь Янь.— Лу Синь говорил, что они собрались к кому-то в гости, я даже дал управляющим господина Ли своих коней. Они поехали впятером, неслись как вихрь. Не знаю, что у них за спешное и важное дело!

Фан Дэ догадался, что Лу Синь выболтал Ли Мянem его тайну, и если бы мог, закричал от досады. Никого ни о чем больше не расспрашивая, он пошел снова

в свои покои и рассказал обо всем жене. Та перепугалась.

— Худо! Худо!.. Теперь беда не заставит себя долго ждать!— причитала она.

Видя волнение жены, Фан Дэ совсем растерялся.

— Что будем делать, если он не появится? Это ты все — наплела невесть что, теперь вот и получилось!— упрекал он жену.

— Ладно, не волнуйся. Исстари говорят: «Начал дело — доводи до конца». Что случилось, то случилось, толковать тут не о чем. Думаю, что далеко они не ушли. Пошли-ка надежных людей, пусть они их нагонят, нападут на них под видом бандитов, и дело с концом.

Фан Дэ вызвал Чэнь Яня к себе, выложил ему свой план и стал с ним договариваться.

— Нет, такое дело, знаете, нам не с руки,— сказал Чэнь Янь, выслушав начальника.— Прислуживая вам, мы можем куда-нибудь сбегать, а пускаться на мошеннические проделки, с тем чтобы убить человека,— таких вещей мы никогда себе не позволяли. Но пусть я и пошел бы на это, а вдруг случится так, что кто-нибудь придет ему на помощь и меня схватят, тогда уж не он, а я погибну. Я предложу вам другое. И людей не надо будет посылать, и беглецы не уйдут.

Фан Дэ обрадовался.

— Ну, говори, что ты придумал?

— Месяц назад по соседству со мной поселился один человек,— начал Чэнь Янь.— Ни фамилии своей, ни имени он никому не называет, ничем определенным не занимается, каждый день куда-то уходит и возвращается домой пьяным. Прошлого его показалось мне подозрительным, поведение — загадочным, и я решил проследить за ним. И вот однажды я увидел, как один удалец, парадно одетый, подъехал к его дому на лошади. Несколько людей сопровождали его. Вся эта компания прошла к нему в дом, и там три дня подряд они пили. Я пытался выведать у слуг, что за человек их хозяин и что за люди приезжали к нему в гости, но никто упорно не хотел говорить. И только один шепотом рассказал мне следующее: «Человек этот — благородный *рыцарь; он может послать по воздуху свой меч и снять любому голову, он умеет летать и за одно мгновение способен преодолеть сотни ли. К тому же человек он в высшей степени справедливый. В свое время в городе Чанъань, мстя за кого-то, он среди бела

дня убил человека и теперь тут скрывается». Вы могли бы явиться к нему с подарками,— продолжал Чэнь Янь,— сказать, что Ли Мянъ хочет вас погубить, и просить его отомстить за вас. Если только он согласится, дело будет сделано.

Жена Фан Дэ, которая слышала весь разговор из-за ширмы, воскликнула:

— Великолепный план! Иди, немедленно проси его!

— Сколько же нужно будет дать в качестве подарка?— спросил Фан Дэ.

— Это благородный человек. Он дорожит чувствами, а не вещами,— сказал Чэнь Янь.— Трехсот ланов золотом будет вполне достаточно.

Жена Фан Дэ настаивала на том, чтобы поступить именно так, как советует Чэнь Янь, и тут же приготовила триста ланов. День уже клонился к вечеру, когда Фан Дэ, переодетый в простое платье, пешком, стараясь остаться никем не замеченным, в сопровождении Чэнь Яня и Чжи Чэна, направился к дому Чэнь Яня. Наконец они очутились в безлюдном переулке, где было всего пять-шесть домов. Вокруг стояла полная тишина. Чэнь Янь провел Фан Дэ к себе в дом, усадил, зажег светильник, а сам пошел к выходу и стал ждать. Вскоре он увидел, что сосед возвращается, на этот раз тоже вдребезги пьяный. Чэнь Янь поспешил доложить об этом Фан Дэ.

— Приготовьтесь к разговору. А лучше всего станьте перед ним на колени и просите,— сказал он под конец.

Фан Дэ кивнул головой в знак согласия.

Они вместе подошли к соседнему дому и тихонько два раза постучались.

— Кто здесь?— слышалось в ответ, и дверь открылась.

— Начальник нашего уезда с визитом к вам, благородный рыцарь,— тихим голосом доложил Чэнь Янь.

— Нет у меня здесь никакого благородного рыцаря,— ответил хозяин, собираясь захлопнуть дверь.

— Постойте!— остановил его Чэнь Янь.— Надо кое-что вам сказать.

— Спать я хочу. Какие там разговоры!— пробурчал тот в ответ.— Хотите поговорить, приходите завтра.

— Я только на минутку...— вмешался Фан Дэ.

— Ну, если на самом деле так надо поговорить, проходите!

Все трое вошли. Хозяин прикрыл за ними дверь и провел их в маленькую гостиную. Здесь Фан Дэ опустился перед незнакомцем на колени.

— Я не знал, что вы, благородный рыцарь, соблаговолили посетить наш скромный уезд, и виноват, что не встретил вас; но после того, что сегодня мне выпало счастье повидаться с вами, я могу спокойно прожить всю оставшуюся жизнь.

— Вы же хозяин всего уезда!— поднимая Фан Дэ с колен, сказал незнакомец.— Разве подобает вам становиться на колени? Ведь этим вы роняете свое достоинство. Тем более что я вовсе не какой-нибудь там рыцарь, так что вы просто ошиблись.

— Я специально явился с визитом к благородному рыцарю, и никакой ошибки здесь нет,— ответил Фан Дэ и тут же велел Чэнь Яню и Чжи Чэну поднести незнакомцу подарок.

— Это скромное подношение пусть будет вам на вино, благородный рыцарь,— говорил тем временем Фан Дэ.— Прошу принять благосклонно.

Тот в ответ расхохотался.

— Я ведь бродяга бездомный, без роду, без племени,— сказал он.— Нет у меня никаких необычайных способностей и талантов, не заслуживаю я того, чтобы меня величали рыцарем, и подарки эти ни к чему. Прошу, возьмите их сейчас же назад.

Фан Дэ снова согнулся в поклоне.

— Мой подарок, конечно, скромн,— сказал он,— но подношу я его от искреннего сердца и потому прошу вас принять.

— Почему вы склоняетесь перед простолудином, преподнесите ему щедрые дары, в чем дело?— спросил человек.

— Примите, пожалуйста, тогда мы поговорим.

— Хоть я и беден, но клянусь, не беру от людей ничего, если не знаю, с какой целью мне преподносят. Объясните, в чем дело,— иначе ни за что не возьму.

Фан Дэ залился притворными слезами и, земно кланяясь, стал рассказывать:

— Я давно уже терплю обиду, и ныне враг мой совсем рядом, а я не могу ему отомстить. Мне говорили о вас как о справедливом и отважном человеке, который своей храбростью превосходит *Не Чжэна и *Цзин Кэ. Поэтому я и решил обратиться к вам. Прошу вас, сжальтесь надо мной, ведь я так несправедливо оби-

жен. Помогите уничтожить негодяя, и я вовек не забуду вашего благодеяния!

Но человек покачал головой.

— Я ведь говорил, что вы ошиблись. Мне ль помогать другим в серьезных делах, когда я сам себе зарабатывать на жизнь не умею... Тем более замышлять убийство — ведь это не шутка! Если только нас сейчас подслушают, мне будет несдобровать. Так что, прошу вас, уходите скорей.— При этом человек повернулся и сам направился к выходу. Фан Дэ схватил его за рукав.

— Я слышал, что вы человек справедливый, что в вас живет дух древних рыцарей, что вы всегда боретесь против злодеев и угнетателей, помогаете несчастным и обиженным,— говорил Фан Дэ.— А вот ко мне не хотите проявить сочувствия, хотя обида мне нанесена величайшая. Видимо, так мне и не придется отомстить моему врагу!— заключил Фан Дэ и опять пустил слезу.

Глядя на Фан Дэ, человек решил, что тот говорит правду, и спросил:

— С вами действительно поступили несправедливо?

— Если бы это не было величайшей несправедливостью, я не осмелился бы обратиться к вам.

— Раз так, садитесь и расскажите подробно, кто вас обидел, как все это случилось и где сейчас ваш обидчик. Можно будет что-нибудь сделать — сделаю, а нет — значит, нет.

Чэнь Янь и Чжи Чэн остались стоять в стороне, а незнакомец и Фан Дэ сели друг против друга, и Фан Дэ стал сочинять историю:

— В свое время Ли Мянью ни за что ни про что обвинил меня в разбое, нещадно бил, пытал и посадил в тюрьму. Не раз он посылал ко мне тюремщика Ван Тая, чтобы тот прикончил меня, но так замысел его и не удался — каждый раз кто-нибудь мешал. На мое счастье, чиновник, сменивший Ли Мянью, толком расследовал мое дело, я был освобожден и получил должность в этом уезде. Но на днях Ли Мянью вместе с Ван Таем явился сюда, стал мне угрожать и вытянул из меня тысячу ланов золотом. Но и этого ему показалось мало — подговорил моего слугу убить меня. Но дело у них сорвалось, и они оба бежали. Сейчас Ли Мянью направился в Чаншань — хочет подговорить там губернатора Яня, чтобы тот разделался со мной.

— Вот как!— в негодовании закричал человек, вы-

слушав рассказ Фан Дэ, в котором тот нагородил бог весть сколько жестоких поступков Ли Мяня.— Какая подлость! Нет, уж тут сидеть сложа руки я не могу!.. Пожалуйста, возвращайтесь домой, я все беру на себя. Нынче же ночью я отправлюсь в Чаншань, разыщу этого негодяя и отомщу за вас. В полночь я буду в ямэне и отчитаюсь перед вами.

— Очень признателен вам за ваше искреннее сочувствие!— сказал Фан Дэ.— Буду ждать вас, а когда дело сделается, особо щедро вас отблагодарю.

— Всю свою жизнь я бросался на помощь с обнаженным мечом, если видел, что совершается несправедливость. Полагаете, что я рассчитываю на ваш щедрый подарок?! И этот ваш сегодняшний подарок я тоже не приму,— возмущенный, сказал ему на это в ответ человек и, не успев еще договорить, с быстротою ветра и с легкостью птицы устремился к выходу и в мгновение исчез.

Фан Дэ, Чжи Чэн и Чэнь Янь застыли, уставившись в одну точку и раскрыв рты от удивления.

— Действительно, необыкновенный человек!— в один голос восклицали они.

Фан Дэ приказал слугам взять обратно деньги, решив, что поднесет их рыцарю, когда тот вернется.

Стихи по этому поводу говорят:

*Он ударом меча
готов отомстить за зло;
Справедливость ценя,
о деньгах не думает он.
Кто бы мог ожидать:
ведь изменника злой язык
Чуть не ввел в заблужденье
отважное сердце его!*

Но вернемся снова к Ли Мяню.

Ван Тай и оба слуги Ли Мяня не могли понять, почему их хозяин покинул город, так и не заехав ни к кому с визитом, и почему несется во весь дух. Ведь они, не переводя дыхания, проскакали более тридцати ли, уже наступали сумерки, но не похоже было, чтобы Ли Мянь собирался останавливаться где-нибудь на ночлег.

Это была ночь тринадцатого числа; светлый диск луны давно уже сиял на небе. При свете луны, не обращая никакого внимания на то, хороша дорога или нет, Ли Мянь, не шадя себя, мчался вперед, опасаясь, что

его настигнет погоня. В пути он не проронил ни слова и только подстегивал коня.

Наступила уже вторая стража. Позади осталось более шестидесяти ли, когда они въехали в какое-то селение уезда Цзинсинсянь. Уже и люди утомились, и кони выбились из сил.

— Мы отъехали уже далеко, думаю, теперь все будет в порядке,— обратился Лу Синь к Ли Мянью.— Давайте переночуем здесь, а завтра утром поедем дальше.

Ли Мянь согласился, и они отправились искать ночлега. Стояла уже глубокая ночь, ворота всюду были на запоре, и остановиться было негде. Лишь на самой окраине селения им удалось найти постоянный двор. Все спешили, вошли во двор, расседлали коней, завели их в стойла и задали им корм.

— Хозяин, отведи нам чистое помещение, чтобы мы могли отдохнуть,— сказал Лу Синь слуге.

— По правде говоря, у нас тут все комнаты чистые, но свободна сейчас только одна,— ответил тот. И, зажег огонь, ввел их в комнату. Ли Мянь, еле дыша, сразу повалился на скамейку. Только тут Ван Тай не выдержал и наконец спросил:

— Господин, осмелюсь спросить, что случилось? Ведь начальник уезда так сердечно уговаривал нас остаться, завтра он дал бы коней, выделил сопровождающих, и мы преспокойно уехали бы. Разве было бы плохо?! Так нет, мы словно беглецы какие-то: бросили вещи, всю ночь скакали до потери сил. Да и управляющий начальника Лу Синь едет с нами...

— Как тебе знать!— вздохнув, ответил Ли Мянь.— Если бы не Лу Синь, все мы погибли бы и тела наши валялись бы неизвестно где. Мы, можно сказать, вырвались из самой пасти тигра. Благодарение богу, что живы остались. Не до вещей и не до усталости!

— Как это так?— недоумевал Ван Тай.

Ли Мянь собрался было объяснить, в чем дело, но в это время в комнату вошел хозяин постоянного двора. Обеспокоенный тем, что пятеро молодцов приехали глубокой ночью, верхами, без всякого багажа, он заподозрил, уж не разбойники ли это, и решил зайти к ним расспросить, кто они такие.

— Чем вы занимаетесь? И откуда едете, что так поздно явились сюда?— спросил он новых постояльцев.

— Это очень длинная история,— ответил Ли Мянь,— присядьте, и я вам подробно объясню.—

И, переполненный невысказанной обидой, Ли Мянью поведал хозяину, как в свое время Фан Дэ был разбойником и совершил преступление, как он, Ли Мянью, пожалел Фан Дэ, который показался ему образованным человеком, и велел Ван Таю тайком выпустить его из тюрьмы, как лишился из-за этого должности и как случайно встретил Фан Дэ в этих краях. Рассказал о том, как Фан Дэ гостеприимно его принял, как вдруг сегодня днем случайно выяснилось, что по наущению жены Фан Дэ решил убить его, и как благодаря Лу Синю он узнал об этом и бежал,— словом, подробно по порядку рассказал обо всем.

Слушая его, хозяин постоянного двора то и дело сокрушенно вздыхал, а Ван Тай во весь голос клял и ругал Фан Дэ.

— Уважаемый,— обратился Ван Тай к хозяину постоянного двора, когда Ли Мянью кончил свой рассказ.— Господин утомился, велите, чтобы поскорей принесли вина и что-нибудь поесть. Мы поспим немного и снова двинемся в путь.

Только хозяин вышел, как из-под кровати вдруг выскочил какой-то здоровенный мужчина в легкой, плотно прилегающей одежде, с кинжалом в руке. Вид у него был грозный, устрашающий. У Ли Мянью и других от страха чуть душа не покинула тело.

— Рыцарь, пощадите! Пощадите!— закричали они, пав ниц перед ним.

— Не пугайтесь! Я должен вам кое-что сказать,— промолвил человек, беря Ли Мянью за руки и поднимая его с колен.— Я — поборник справедливости, заступник обиженных, я освобождаю землю от бесчестных и неблагодарных. Фан Дэ только что наврал мне, что вы возвели на него напраслину, задумали погубить его, и просил меня расправиться с вами. Мог ли я знать, что у этого мерзавца волчье сердце и собачья душа, что он лишен благородства и не помнит добра! Хорошо, что вы только что рассказали все хозяину, а то я по ошибке чуть было не убил достойного человека.

— Благодарю вас, благородный человек, что вы сохранили мне жизнь,— говорил Ли Мянью, земно кланяясь.

— Не надо, не благодарите,— сказал человек, поднимая Ли Мянью с колен.— Я ненадолго оставляю вас, а позже вернусь.

Он вышел из комнаты, поднялся на крышу и тотчас с легкостью птицы взлетел. Мгновенье — и его не было видно. Ли Мян и его слуги стояли в оцепенении от удивления и страха, никто не знал, зачем он еще вернется. Опасаясь, нет ли во всем этом злого умысла, они не решались лечь спать; к еде, которую им принесли, не притронулись. Вот что об этом можно сказать в стихах:

*Бежали со страхом в душе,
долгий проделали путь,
Как вдруг из-под ложа
вороненый клинок показался.
Когда ж рассказали
подробности этого дела,
Как будто от сна пробудился
таинственный незнакомец.*

Но обратимся снова к жене Фан Дэ. Когда Фан Дэ возвратился и она узнала, что дело сделано, да еще и подарок не тронут, она так и сияла от радости. Тут же был накрыт стол, зажжены свечи, и муж с женой стали ждать возвращения рыцаря. Чэнь Янь тоже остался у них. В третью стражу они вдруг услышали страшный крик испуганных птиц перед домом, шуршание падающих с деревьев листьев, и тут же в дверях появился какой-то человек. Фан Дэ поднял на него глаза и узнал в нем того самого рыцаря. Но теперь тот скорее походил на какое-то божество, чем на его недавнего знакомца. Страх и радость охватили Фан Дэ. Он пошел рыцарю навстречу, а тот без всяких принятых при встрече учтивостей и церемоний, со свирепым видом широкими шагами решительно прошел в комнату и сел посредине.

Фан Дэ и его жена опустились перед ним на колени и стали благодарить его. Они собрались было расспросить его о деле, как тот, разъяренный, резким движением выхватил кинжал и, тыча пальцем в Фан Дэ, обрушился на него:

— Мерзавец! Начальник Ли — твой благодетель, он спас тебе жизнь, а ты не то что не подумал отблагодарить его, а еще решил отплатить ему злом за добро, поверив навету жены. Раскаяться должен был, раз уж твои планы провалились и он сбежал. Куда там! Пустился врать, подговаривая меня убить человека. Да если бы господин Ли не рассказал своей истории хозяину гостиницы, я был бы обесчещен. Казнить тебя надо,

неблагодарного, лютой казнью, чтобы хоть как-то избавить себя от кошмара несправедливости.

И не успел Фан Дэ пошевелиться, как голова его уже лежала на полу. Жена Фан Дэ съежилась от ужаса. У этой сварливой и языкастой бабы от страха перекоксился рот, она даже губами не могла пошевелить.

— Дрянь ты этакая! — набросился на нее рыцарь. — Вместо того чтобы советовать мужу сделать добро, подговаривала его погубить вашего благодетеля. Посмотреть бы, из чего у тебя сердце и печень!

Пинком он свалил женщину на пол, одной ногой наступил ей на волосы, другой придавил ноги к полу.

— Пощадите! — завопила жена Фан Дэ. — Никогда больше не буду!

— Продажная тварь! Я простил бы тебя, только ты-то людям не прощаешь! — сказал рыцарь и вонзил кинжал ей в грудь... Он отсек ей голову, положил ее вместе с головой Фан Дэ в кожаный мешок, вытер от крови руки, спрятал кинжал, взвалил мешок на плечи, вышел во двор, перелез через стену и исчез. Поистине:

*При словах таких справедливость
обнимала небо и землю;
А расскажешь об этом, отвага
пробудится в чертах и духах.*

Ли Мянью и его люди всю ночь не спали, ждали, что будет. В пятую стражу на небе вдруг появился яркий луч, который тотчас золотистым снопом влетел в комнату.

В испуге они повскакали с мест. Перед ними стоял тот самый рыцарь.

— Этих негодяев я прикончил. Вот здесь их головы, — сказал он, бросив на пол мешок и вывалив из него две головы.

Радость и страх охватили Ли Мянью, он повалился наземь и, кланяясь, говорил:

— Такого благородства еще не знали века! Прошу вас назвать мне вашу фамилию и имя, надеюсь, что когда-нибудь смогу вас отблагодарить.

Рыцарь засмеялся:

— Нет у меня ни фамилии, ни имени, и не нужно мне никакой благодарности. Вылез я тут у вас из-под кровати, поэтому, если еще доведется встретиться, то так и называйте меня «Рыцарь из-под кровати».

Говоря так, он вынул из-за пазухи пакет с каким-то порошком и, взяв порошок на кончик ногтя, посыпал им

отрубленные головы. Затем он поклонился, вскочил на окно и взлетел на крышу. Никто даже остановить его не успел: миг — и он исчез. Ли Мянть растерянно смотрел на две головы, валявшиеся на полу, не зная, как ему с ними быть. Но, к его великому удивлению, головы стали постепенно уменьшаться, и скоро на том месте, где они лежали, осталась лишь лужица. Ли Мянть облегченно вздохнул.

Утром Лу Синь расплатился с хозяином постоянного двора, и, оседлав коней, все двинулись в дорогу. Два дня они еще провели в пути и наконец добрались до Чаншани.

Ли Мянть явился прямо в ямэнь к губернатору Яню. Тот встретил приятеля с радостной улыбкой и оставил его отдыхать у себя. Губернатора удивило, что друг его приехал без всяких вещей, и когда он сказал об этом Ли Мянью, тот поведал ему обо всем, что с ним приключилось. Губернатор был поражен тем, что ему довелось услышать.

Через два дня к губернатору Яню пришло донесение из Босяни об убийстве начальника уезда и его жены.

Надо сказать, что в ту ночь Чэнь Янь, Чжи Чэн и некоторые другие слуги видели, как рыцарь расправляется с их начальником, но в страхе все они, как крысы, разбежались кто куда и только утром решились вновь показаться в ямэне. К своему ужасу, на месте преступления они обнаружили в луже крови два обезглавленных трупа... Посуда и все, что было на столе, оставалось нетронутым. В ямэне все без конца охали и плакали, а когда о случившемся доложили начальнику канцелярии и начальнику по уголовным делам, те не на шутку перепугались, тут же поехали освидетельствовать трупы и учинить допросы. Чэнь Яню пришлось подробно рассказать о том, как Фан Дэ решил уничтожить Ли Мянтя и как просил человека убить его. Тогда начальники созвали людей, велели им вооружиться, заставили Чэнь Яня быть проводником и направились схватить убийцу. Весь город был взволнован этим происшествием, и народ толпой следовал за ними. Оказавшись в безлюдном переулке, где жил рыцарь, они ворвались в его дом, но нашли одни пустые комнаты, и тени человеческой там не было. Начальники стали советоваться, как им теперь писать донесение. Им уже было известно, что Ли Мянть — друг губернатора Яня, и потому излагать дело так, как оно было в действи-

тельности, они сочли неудобным — тень падала на Ли Мяня. С другой стороны, для них стало ясно, каким неблагоприятным человеком был их начальник уезда. Поэтому, умолчав об истинных обстоятельствах убийства, они сообщили лишь, что в ту ночь бандит забрался в дом к начальнику уезда, убил его и его жену, унес их головы и что разыскать убийцу не удалось. Затем они распорядились о похоронах.

Губернатор Янь, согласно донесению, в свою очередь написал донесение вышестоящему начальству. Надо сказать, что в то время вся провинция Хэбэй находилась под властью Ань Лушаня. Узнав, что убили Фан Дэ и таким образом лишили его одного из доверенных лиц, Ань Лушань в ответ прислал распоряжение во что бы то ни стало найти убийцу. Когда Ли Мяню стало это известно, он побоялся, что его могут впутать в это дело, простился с губернатором Янем и вернулся к себе на родину в Чанъань. А тут как раз случилось так, что в то время Ван Хуна посадили в тюрьму и всем, кто по его донесению в свое время был лишен должности, вернули их посты. Ли Мянь снова был назначен на прежнюю должность начальника уголовного следствия, а потом не прошло и полгода, как он получил повышение и стал цензором.

Однажды, проезжая по одной из улиц Чанъани, Ли Мянь заметил человека в желтой куртке верхом на белом коне. Двое слуг-иноземцев следовали за ним. Человек перебирался на другую сторону перекрестка. Не считаясь с тем, что идет процессия начальника, он пытался прорваться прямо через строй свиты Ли Мяня. Окрики служителей ямэня на него не действовали. Присмотревшись к этому человеку, Ли Мянь узнал в нем рыцаря, отомстившего за него Фан Дэ. Ли Мянь тут же спрыгнул с коня, поклонился своему благодетелю и сказал:

— Благородный рыцарь, как поживаете вы?

— О! Вы еще помните меня! — улыбаясь, проговорил тот.

— Денно и ночью вспоминаю о вас. Как мог я вас не признать! — сказал Ли Мянь и тут же предложил: — Прошу зайти ко мне в ямэнь посидеть.

— В другой раз непременно нанесу вам визит, а сегодня никак не могу. Но, — добавил он, — если не пренебрежете, может быть, поедем вместе ко мне. Как вы на это посмотрите?

Ли Мяннь охотно принял приглашение, и они поехали рядом.

В переулке Цинъюаньфан они спешили, вошли в небольшие ворота какого-то дома, прошли еще несколько ворот, и вдруг перед ними вырос огромный особняк и ряд высоких зданий, вздымавшихся к самому небу. Слуг в усадьбе были целые сотни.

«Действительно, необыкновенный человек!» — подумал про себя Ли Мяннь. Рыцарь пригласил его войти в зал; они снова приветствовали друг друга и сели, как подобает гостю и хозяину.

Вскоре был накрыт стол, по богатству и роскоши превосходивший столы князей. Тут же позвали девиц, которые стали играть на музыкальных инструментах, и все это были ясноокие и сверкавшие белизною зубов красавицы.

— Прошу не обижаться, что на столе скромное угощение, недостойное вас, знатного человека, — говорил рыцарь, потчуй Ли Мяння.

Ли Мяннь еще и еще благодарил его; за столом они говорили о героях и храбрых мужах древности и нынешних времен и лишь поздно вечером разошлись.

На следующий день Ли Мяннь приготовил подарки и опять явился с визитом к рыцарю, но на этот раз дом был пуст, и никто не знал, куда переехал его владелец. Вздыхая, Ли Мяннь отправился к себе.

Впоследствии Ли Мяннь дослужился до поста советника при дворе, и ему был пожалован титул князя удела Цяньго. Ван Тай и Лу Синь благодаря Ли Мянню тоже получили небольшие должности.

В стихах говорится:

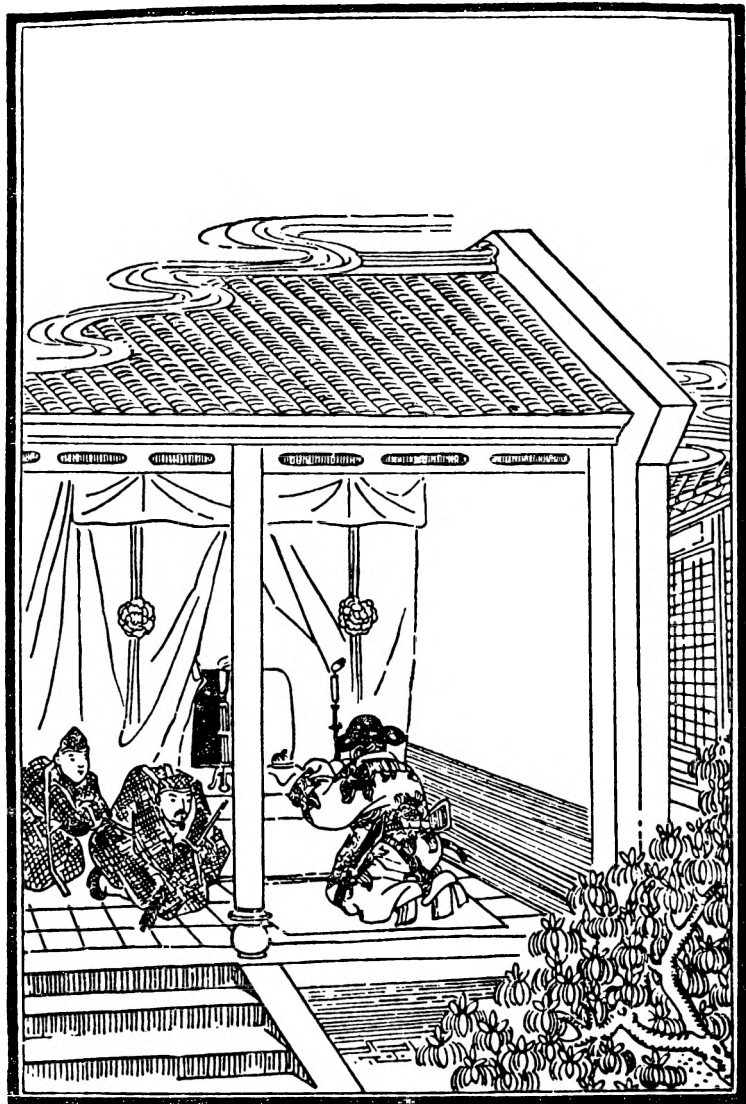
*Всегда старайтесь распознать,
что есть добро, а что — злодейство;
Нет хуже, злом воздать тому,
кто сделал для тебя добро.
Где рыцарей набрать с мечом —
таких, как тот «из-под кровати»,
Чтобы смести со всей земли
людишек злых, несправедливых!*

Старый сюцай
воздает за добро
трем поколениям
одной семьи

*Куплю быка себе,
пахать начну учиться
И хижину построю
в лесу, у ручейка.
Уж стар я нынче стал,
жить много ли придется?
Оставшиеся годы
пускай пройдут в горах.
Богатство и чины —
лишь суета пустая,
В одном блаженство есть —
в поэзии, в вине.
На все растет цена,
все нынче дорожает,
И только знания старцев
не стоят ни гроша.*

Эти стихи написал один умный человек. Но по поводу последних строк: «И только знания старцев не стоят ни гроша» — следует еще потолковать.

Рано ли удастся человеку служебная карьера или поздно — зависит, как правило, от того, что ему написано на роду. Если один начинает преуспевать рано, а другой добивается своего поздно, это еще не значит, что первый достигнет в жизни многого, а второй не выдвинется потом. Глупо зазнаваться лишь потому, что ты молод, и неразумно махнуть на себя рукой только из-за того, что ты стар.

Нельзя судить о том, молод человек или стар, исходя только из его возраста. Вот, скажем, *Гань Ло: в двенадцать лет он стал министром, а в тринадцать умер.

Значит, двенадцать лет для него были порой седины, беззубого рта, старческой сутулости, и в двенадцать лет его уже, собственно, нельзя было считать молодым; а после того его жизнь очень скоро оборвалась. Или возьмем *Люй Шана: тому было восемьдесят лет, когда его, уносящего рыбу на берегу реки Вэй, увидел Вэнь-ван, увез в собственной колеснице и возвел в ранг своего наставника. После смерти Вэнь-вана, при У-ван, Люй Шан стал военным советником, помог У-вану одолеть *Чжоу Синя, основать династию Чжоу, которая царствовала восемьсот лет, и был награжден уделом в княжестве *Ци. Править уделом он послал своего сына, а сам остался при дворе государя и умер в сто двадцать лет. Кто мог предположить, что восьмидесятилетнему рыбаку суждено будет сотворить столько великих дел и прожить так долго! Выходит, что в восемьдесят лет Люй Шан, собственно, был в поре юнца, начинающего по-взрослому зачесывать волосы и носить шапку совершеннолетия, в поре, когда юноша держит первые экзамены в училище и становится *сюцаем, в поре молодого жениха. И, конечно, его нельзя было называть стариком даже в его восемьдесят лет.

Но люди над всем этим не задумываются и обычно считаются только с теми, кто богат и знатен сегодня. Повстречают юнца из знатных и богатых и давай льстить ему, заискивать перед ним, а к пожилому неудачнику относятся неуважительно. Это и называется «судить поверхностно и мало понимать». К примеру, крестьяне, бывает, сажают ранний рис, а бывает — поздний, и никогда нельзя заранее знать, какой из них даст лучший урожай. Не случайно древние говорили:

*Персик и слива
в соседнем саду
Дали цвет рано,
но рано увяли;
Сосна над ручьем
в зелени пышной
До осени поздней
хранит красоту.*

Но оставим эти рассуждения и поведем речь вот о чем. При *нашей династии, в годы *«Чжэн-тун», в провинции Гуанси, в области Гуйлиньфу, в уезде Синъаньсянь, жил один сюцай, по фамилии Сяньюй, по

имени Тун. В восемь лет он выдержал *экзамен для талантливых отроков, в одиннадцать стал сюцаем уездного государственного училища — и сразу же был зачислен на стипендию. По своим знаниям, начитанности и дарованию человек этот мог бы поспорить хоть с самим *Дун Чжуншу и *Сыма Сянжу, так что уж к нему действительно применимы были выражения: «хранит в груди десятки тысяч книг» и «кистью сокрушит сотысячное войско». Ну а если говорить о его душевных стремлениях и вере в себя, то они были таковы, что он не видел ничего особенного в *Фэн Цзине или Шан Лу, которые все три экзамена выдерживали первыми, и в этом он, как говорится, поистине «несся на крыльях ветра и туч и высоко парил в облаках». Но получилось так, что хоть и был он безмерно талантлив, а ему все не везло; и хоть воля его была непоколебимой, а судьба складывалась незавидно: каждый раз на областных экзаменах он терпел неудачу, и имя его так и не появлялось в списке выдержавших.

Когда Сяньюй Туну исполнилось тридцать лет, он мог бы как *гуншэн быть представленным к вступлению на должность. Но такое будущее Сяньюй Туна, человека способного и настойчивого, вовсе не привлекало. Уходить из училища он тоже не хотел. «Для такого нищего сюца, как я, несколько *ланов стипендии — это единственный капитал, на который я могу учиться,— рассуждал он.— Уйти из училища — значит лишиться этого дохода. Правда, можно было бы поступить в *Гоцзыцзянь, но для этого нужно еще раздобыть денег на дорогу. К тому же,— думал Сяньюй Тун,— выдержать экзамены в области гораздо легче, чем в Гоцзыцзянь, в столице».

Как-то раз он поделился этими соображениями с приятелями, и сюцай, которому вслед за Сяньюй Туну подходила очередь быть представленным к получению должности, стал уговаривать его уступить ему свою очередь, выражая при этом готовность отблагодарить Сяньюй Туна десятью ланами серебра.

Совершив сделку, Сяньюй Тун решил, что поступил совсем неглупо. Первый раз это получилось как бы одолжение с его стороны. После второго раза это уже вошло в обыкновение — каждый хотел получить какое-нибудь место и каждый дрался за то, чтобы получить его раньше других. С тех пор как Сяньюй Туну исполнилось тридцать лет, он восемь раз подряд уступал

свою очередь на должность и в сорок шесть лет все еще оставался простым сюцаем, неудачником. Одни посмеивались над ним, другие жалели его, третьи уговаривали образумиться и пойти служить. На тех, кто смеялся над ним, он не обращал внимания, сочувствий не принимал, но когда его начинали уговаривать поступить так, как все поступают, он выходил из себя.

— Ты уговариваешь меня только потому, что я стар, и думаешь, что мне не выдержать областных экзаменов!— гневно восклицал он в таких случаях.— Ты забываешь, что первые места на экзаменах все-таки принадлежат знающим и опытным. *Лян Хао, например, первым выдержал столичный экзамен на восемьдесят втором году жизни и по крайней мере отстоял честь людей, упорных в своем желании учиться. Если бы я захотел получить какую-нибудь незначительную должность, я мог бы получить ее и в тридцать лет. Стоило только постараться, пролезть к кому следует, найти покровителей, ну и в конце концов, конечно, добился бы какого-нибудь места при начальнике области, а то стал бы и начальником уезда. А действуй я и далее против совести, вполне мог бы и славу себе добыть, и семью обогатить. Но мы живем в такое время, когда высшие экзамены — это все. В наши дни если бы сам *Конфуций провалился на этих экзаменах, никто не стал бы и поминать о его учености и таланте. Зато какой-нибудь мальчишка из деревеньки в три дома вы зубрит десяток-другой затасканных сочинений в стиле *«ба гу» да попадетя ему еще бестолковый экзаменатор, понаставит в его работе *кругов и точек — глядь, и юнец этот неожиданно-негаданно получает степень *цзиньши. Сразу находятся у него ученики, величают его «наставником», сам он позволяет себе болтать о том, рассуждать о сем... Кто посмеет такому молодцу дать тему и еще раз экзаменовать его, коль скоро на нем чиновничья шапка? Но и это не все,— не унимался Сяньюй Тун.— Сколько несправедливости на самой службе! Коль вступаешь на должность, имея степень цзиньши, то карьера твоя, можно сказать, выкована из меди и вылита из чугуна: что бы ты ни творил, никто не посмеет слова против тебя сказать. А вот когда получаешь должность, не имея этой степени, то с оглядкой переходишь каждый мостик, и все равно начальство к тебе придирается. Или, скажем, областной суд подаст доклад

в столицу на какого-нибудь чиновника-цзиньши. Пусть в докладе его изобразят крайне алчным, жестоким, корыстным. И что же? В лучшем случае, чтобы все выглядело справедливо, арестуют его, допросят и в конце концов — словно опасаясь, как бы не перевелись корыстные и жестокие чиновники,— вынесут заключение, что чиновник сей, хоть и осквернил свое звание, но, по-неже молод и впервые на должности, уповательно, что исправится и вступит на стезю добродетели; а посему, мол, «за халатность» или «за несоответствие» понизить его в должности. Пройдет год-другой — глядишь, а он уж опять на видном месте. Ну а если такой цзиньши наскребет денег и начнет где надо ходатайствовать, то просто переведут его служить в другой город, и дело с концом. Иное дело чиновник, получивший должность как гуншэн: ошибись он на вершок — припишут все десять! И если, на твою беду, какой-нибудь влиятельный да со связями цзиньши попадет впросак, все свалят на тебя, и хочешь не хочешь, а придется тебе для господина ученого быть козлом отпущения. Тут столько несправедливости, что, пока не выдержал экзамена на звание цзиньши, и не думай служить. Предпочитаю околеть старым сюцаем: по крайней мере перед владыкой ада можно будет поднять вопль обиды и заручиться успехом в следующем *перерождении. Это лучше, чем мириться с незавидной должностью, терпеть бесконечные обиды и изо дня в день глотать успокоительные пилюли.

И вот однажды после такой тирады Сяньюй Тун громко проскандировал стихи:

*С древних времен дворцовая знать
держала в оковах таланты,
Ценила лишь тех, кто экзамены сдал,
способны ли, нет, не смотрела.
Давно уже в песне *Цзе Юй говорил:
путь службы чиновника труден;
Все знают, *Цзыгао драконов любил,
но разве любил настоящих?
Пусть в списке достойных средь прочих имен
себя никогда не найду я,
Учиться до старости лет предпочту,
сюцаем простым оставаясь.
Но камень для туши до дыр протереть
под силу лишь истинно стойким,
Таким, например, как князь *Гунсунь Хун,
«Чуньцю» до седин изучавший.

Надо сказать, что Гунсунь Хун до пятидесяти лет изучал «Чуньцю», а в шестьдесят, отвечая самому императору на экзаменах во дворце, первым выдержал испытания. Он дослужился до должности министра, и ему был пожалован титул удельного князя. Сяньюй Тун впоследствии тоже в шестидесятилетнем возрасте выдержал столичные экзамены, и поэтому люди считали, что эти стихи его были пророческими.

Но не будем забегать вперед.

Несмотря на то что Сяньюй Тун все больше укреплялся в своем решении, ему по-прежнему не везло: исполнилось уже пятьдесят, а, как говорится, *«Су Цинь все оставался Су Цинем», и ничего он в своей судьбе изменить не мог. Прошло еще несколько лет, и Сяньюй Тун даже на дополнительных экзаменах, то есть на переэкзаменовках, стал терпеть неудачи. Но каждый раз, как только подходил срок экзаменов в области, он первым среди желающих экзаменоваться протискивался в зал, чем вызывал немало насмешек.

В *шестой год правления под девизом «Тянь-шунь» Сяньюй Туну было уже пятьдесят семь лет, он поседел, а все еще терся в толпе молодых сюцаев и без устали рассуждал о литературе, толковал на ученые темы. Некоторые вообще считали его ненормальным и избегали встречи с ним, другие видели в нем чудака и насмехались над ним.

Но оставим пока Сяньюй Туна.

Начальником уезда Синъаньсянь был в то время уроженец уезда Сяньцзюйсянь, что в области Тайчжоуфу, в провинции Чжэцзян. Фамилия его была Куай, имя Юйши, *второе имя Шуньчжи. Совсем молодым он выдержал столичные экзамены и был известен своими познаниями. Он любил поговорить о литературе, побеседовать на ученые темы, потолковать о древности и о делах современных. Но был у него один недостаток: любил молодых и не терпел стариков — и в этом никак не мог оставаться беспристрастным. Встречая молодого и способного человека, он всегда хвалил его, а на пожилых и старых людей смотрел словно на падаль, и хоть неизменно величал их «почтенными коллегами», однако в его устах это звучало злой насмешкой.

В этом году накануне областных экзаменов Куай Юйши получил распоряжение от инспектора-экзаменатора провинции самому провести в уезде предварительные отборочные экзамены. Куай Юйши провел экзамены для всех сюцаев, и когда *сочинения с заклеенными фамилиями и именами принесли ему, он, полагаясь на свой собственный опытный глаз в оценке, честно выделил среди всех работ наилучшую.

— На этот раз я счел лучшей работой такую, в которой поистине чувствуется *цзянсу-чжэцзянский дух,— крайне довольный, похвастался он перед сюцаями.— Я уверен, что тот, кто написал эту работу, пройдет успешно все экзамены и никто из сюцаев всего уезда не сравнится с ним.

Сюцаи почтительно склонили головы, но так же как *никто не знал, кого назначит полководцем ханьский Гао-цзу, так никто из них не знал, кто же этот выдающийся сюцай. А когда начали согласно номерам работ выкликать фамилии, то на первую лучшую экзаменационную работу отозвался и стал пробираться через толпу, как бы вы думали, кто?

*Низенький-низенький,
Толстенький, кругленький,
Виски, борода вполовину седы.
В старой шапке сюцай,
Халат, весь залатанный,
Рвется по швам.
И вот на него все глядят и глядят:
Шапку и пояс сменить бы ему —
Точь-в-точь чернолицый толстяк,
Судья из подземного ада.
Начальник уезда хвастал не зря
Уменьем талант отбирать,
«Коллегой почтенным» придется теперь
Величать старика толстяка.
Но зависть отбросьте,
Зря не вздыхайте:
Время придет — каждый из вас
«Почтенным коллегой» станет.
Хлопотать, волноваться не нужно:
Самыми старшими будете вы —
Ваш тоже наступит черед.*

Итак, лучше всех выдержавших экзамен оказался не кто иной, как тот самый пятидесятисемилетний чудак по имени Сяньюй Тун — предмет насмешек и издевок.

— «Почтенный коллега» Сяньюй Тун снова пошел в гору! — не удержавшись, громко смеясь, восклицали в один голос все, кто с ним вместе был в экзаменационном зале.

Даже начальник уезда залился краской и от стыда не мог вымолвить ни слова: сам ошибся при отборе, а теперь перед всеми брать свои слова назад было уже неудобно. С досадой в душе Куай Юйши продолжал снимать наклейки с остальных сочинений и вызывать экзаменовавшихся по именам. К счастью, все остальные выдержавшие экзамен были людьми молодыми, и это немного его успокоило. Отпустив экзаменовавшихся и закончив дела, Куай Юйши, недовольный собой, возвратился домой.

Однако вернемся к Сяньюй Туну. Заметим, что Сяньюй Тун был выдающимся по таланту сюцаем, и хоть постоянные невезения не сломили его воли, но все же он,

*Как *Цюй Юань на озере,
печали предавался
И, как Су Цинь,
стыдился неудач.*

А тут вдруг нежданно-негаданно он выдержал экзамен первым. Это сразу приподняло его настроение. Если бы экзаменовал сам инспектор-экзаменатор, скорее всего тому не понравилось бы его сочинение, а тут экзамен проводил начальник уезда, и вот выпала удача. Непомерно счастливый, Сяньюй Тун отправился в область сдавать экзамены на степень *цзюй-жэня.

Его товарищи по училищу готовились, зубрили, и только Сяньюй Тун, прекрасно начитанный и обладающий широкими познаниями, целые дни гулял по городу. Глядя на него, другие сюцаи думали: «Старик, наверно, привез сына или внука на экзамены. Разгуливает себе преспокойно по городу, не ведая никаких забот. Хорошо ему!» Знай они, что он сам сюцай, приехавший сдавать экзамены, наверняка поиздевались бы над стариком.

День шел за днем, и наконец в седьмой день восьмого месяца на улицах города громко затрубили в трубы, забили в барабаны — это встречали экзаменаторов, направлявшихся к экзаменационному двору. Разгля-

дывая их, Сяньюй Тун увидел начальника уезда Синьяньсянь, господина Куай Юйши. Оказывается, он был приглашен в качестве одного из помощников главного экзаменатора и должен был ведать группой, экзаменуемой по *«Книге обрядов».

«Я иду по «Книге обрядов», то есть попадаю к господину Куай Юйши,— рассуждал Сяньюй Тун.— На предварительных экзаменах он оценил мое сочинение как лучшее, вероятно, нравится моя манера и стиль. А раз экзаменует он, девять шансов из десяти за то, что меня опять ждет удача».

Куай Юйши, однако, шел экзаменовать с предвзятой точкой зрения:

«Если я проведу кого-нибудь из молодых, то учеником моим станет человек, у которого все впереди. Такой прослужит чиновником гораздо дольше, чем старый, и мне, как его учителю-экзаменатору, будет на кого в делах опереться. А старых брать ни к чему»,— рассуждал он и затем подумал: «На предварительных экзаменах я, как слепой, по ошибке признал первым «почтенного коллегу» Сяньюй Туна. Самому было стыдно. Пропусти я его и на этот раз, просто будет смех и позор. Хватит! Если увижу, что все три сочинения написаны толково, значит, наверняка это опытный ученый, которому немало лет. Такого пропускать не буду. Отберу только сочинения, где почувствую неопытную руку юнца — не совсем складный стиль, робкие суждения, несмелые выводы. Так, конечно, напишут молодые. Не беда, что познания молодого человека будут не самыми обширными,— пока дойдет дело до следующих экзаменов, можно будет его поднатаскать. По крайней мере хоть отделаюсь от этого Сяньюй Туна».

Просматривая сочинения, Куай Юйши придерживался именно этого своего решения и отбирал как лучшие не то чтобы блестящие, но и не лишённые дарования работы. Разметив в них крупными кругами и точками неплохие места, он подал сочинения главному экзаменатору, и тот написал на них: «Выдержал».

В двадцать восьмой день восьмого месяца главный экзаменатор и его помощники собрались в зале Высшей справедливости, где по номерам были найдены оригиналы оцененных работ и на доску заносились имена

выдержавших. Лучшим по группе «Книга обрядов» оказался учащийся уезда Синъаньсянь сюцай по фамилии Сяньюй, по имени Тун.

Опять повезло пятидесятисемилетнему чудаку.

Куай Юйши был ошеломлен. Заметив выражение недовольства на лице своего помощника, главный экзаменатор осведомился, в чем дело.

— Сяньюй Тун слишком уж стар. Если занести его в список среди первых, боюсь, как бы это не вызвало осуждений и недовольства со стороны молодых сюцаев,— ответил Куай Юйши и добавил:— Охотно поставил бы на первое место по моей группе кого-нибудь другого.

Но главный экзаменатор, указывая на доску, висевшую на стене, заявил:

— Здесь сказано, что это зал Высшей справедливости. Посмеем ли мы в зале, который носит такое название, допустить несправедливость из-за каких-то личных чувств приязни или неприязни к людям преклонного возраста! Ведь исстари известно: «Первое место на экзаменах принадлежит опытным и знающим». К тому же если среди первых мы дадим место человеку преклонного возраста, то тем самым поднимем дух учащихся по всей стране.

И, не пожелав заменить Сяньюй Туна никем другим, главный экзаменатор оставил его в числе лучших. Куай Юйши волей-неволей пришлось смириться.

Поистине:

*Как бы и сколько вы ни старались,
что бы ни делали вы,
Коль уж написано что на роду,
того не изменишь никак.
Пусть и хотелось бы всею душой
дорогу дать молодым,
Волей-неволей пришлось старика
среди лучших вновь пропустить.*

Да, но ведь Куай Юйши решил во что бы то ни стало не пропускать «почтенного коллегу» Сяньюй Туна и поэтому выбирал сочинения, которые не отличались совершенством, а Сяньюй Тун был умным и знающим сюцаем, и писал он, конечно, превосходно. Как же могло случиться, что его работа опять была выбрана как лучшая?

А дело вот в чем. Оказывается, когда Сяньюй Тун

увидел среди экзаменаторов Куай Юйши и решил, что наверняка выдержит, он на радостях перехватил *холодного вина и расстроил желудок. Через силу пришел он в экзаменационный зал, и, пока обдумывал и писал сочинение, у него так схватило живот, что он еле дышал. Поэтому, кое-как закончив работу, он сдал ее и ушел. То же было с ним и на второй, и на третий день экзаменов, когда он писал на остальные темы. Во все эти сочинения он не вложил и десятой доли своих знаний и был уверен, что на этот раз, конечно, провалится. Однако, благодаря тому, что Куай Юйши не хотел пропускать работ, написанных безукоризненно, Сяньюй Тун занял первое место по его группе. Видно, в судьбе Сяньюй Туна наступал конец полосе невезений и приходила пора удач. Поэтому необычный отбор сочинений на этих экзаменах был ему только на пользу. Надо сказать, что на этот раз из всех сюцаев уезда Синъаньсянь выдержал областные экзамены только он один. В тот день на общем пиру выдержавших экзамены сюцаев выяснили, кому сколько лет, и Сяньюй Тун был признан «почтенным старейшиной». Каждый экзаменатор с радостью знакомился со своими новыми учениками, приветливо встречал их, и только Куай Юйши визиты Сяньюй Туна не доставляли удовольствия. А Сяньюй Тун, благодарный учителю за то, что тот дважды на экзаменах отметил его как достойного, относился к Куай Юйши с особым уважением. Но чем больше внимания и почтения выражал он своему учителю, тем сильнее это раздражало Куай Юйши, который не проявлял ни малейших забот о Сяньюй Туна в связи с предстоящими экзаменами в столице, не давал ему ни советов, ни указаний.

На следующий год Сяньюй Тун — ему было уже пятьдесят восемь лет — держал экзамены в столице на звание цзиньши и не выдержал. Когда после этого он увиделся с Куай Юйши, тот, не говоря ни о чем другом, дал ему один совет — определиться на должность.

Но мог ли Сяньюй Тун, который больше сорока лет оставался сюцаем и не желал служить, согласиться на какую-нибудь незначительную должность лишь только потому, что сдал экзамен на звание цзюйжэня? И, возвратясь домой, Сяньюй Тун принялся заниматься с еще большим усердием. Всякий раз, когда ему становилось

известно, что где-то собираются на литературный вечер местные сюцан, он непременно являлся туда с бумагой и письменными принадлежностями, садился и вместе с молодыми людьми писал сочинения. И как бы над ним ни потешались, как бы ни дразнили его и ни пренебрегали им, он никогда не обращал на это внимания. Написав свое сочинение, он непременно просматривал сочинения других и лишь после этого, радостный и счастливый, уходил. Посещать такие вечера вошло у него в обихование.

Время летело быстро, три года прошли незаметно, и вот уже подошел срок очередных столичных экзаменов. Сяньюй Туну в ту пору перевалило за шестьдесят, но он был по-прежнему бодр.

Однажды, когда он находился в столице, ему приснился сон, будто он выдержал экзамены и его имя стоит в списке среди первых. Но под именем значилась не группа «Книга обрядов», по которой он обычно экзаменовался, а *«Книга песен». Сяньюй Тун был из тех эрудитов, которые знали отлично любую классическую книгу, притом жажда успеха была в нем слишком велика, чтобы он не поверил в свой сон. И он решил экзаменоваться на этот раз по «Книге песен», а не по «Книге обрядов».

Между тем Куай Юйши за безупречное управление уездом получил повышение по службе и должность в столице. На этот раз он опять входил в число экзаменаторов. Перед самыми экзаменами Куай Юйши подумал: «Дважды я допустил ошибку, и первым по моей группе проходил «почтенный коллега» Сяньюй Тун. Теперь он уже совсем стар, и если здесь, в столице, он пройдет у меня, то я опозорен на всю жизнь. Буду просматривать работы не по «Книге обрядов», а по «Книге песен». Тогда, пройдет ли «почтенный коллега» Сяньюй Тун или не пройдет, я к этому не буду иметь никакого отношения».

И Куай Юйши попросил, чтобы его назначили просматривать работы по «Книге песен». «Пожалуй, на свете найдется не один «почтенный коллега», вроде Сяньюй Туна,— размышлял он между тем.— И если у меня пройдет не он, а какой-нибудь другой старик, получится, что я «от громовержца удрал, а от грома не спасся». Но ничего. Ведь всякий старый опытный ученый отлично знает содержание любой классической книги. А молодежь обычно направляет свои силы толь-

ко на *«Четвероқнижие»; что касается глубины понимания текстов *«Пятиқнижия», то тут она слабовата. Я не буду строг в отношении тем, связанных с толкованием положений «Пятиқнижия», а буду отбирать именно такие работы, в которых при отсутствии четкого ответа чувствовалось бы определенное дарование. Можно быть уверенным, что написавший такое сочинение — человек молодой».

И вот Куай Юйши просмотрел экзаменационные работы и подал их главному экзаменатору. Когда составлялись списки выдержавших экзамены, первая работа, сданная по группе «Книга песен», оказалась одиннадцатой среди лучших. Работа эта снова принадлежала сюаю уезда Синъаньсянь Сяньюй Туну — чуду, которому шел шестьдесят первый год.

Куай Юйши остолбенел от досады:

*О, если б он мог заранее знать —
где счастье его и судьба,
Не стал бы стараться он так,
не стал бы себя утруждать.*

«Конечно, на свете много однофамильцев, однако в уезде Синъаньсянь нет второго Сяньюй Туна, — рассуждал Куай Юйши. — Но Сяньюй Тун всегда занимался «Книгой обрядов», почему же теперь он вдруг перешел на «Книгу песен»? Ничего не понимаю!»

И, дождавшись, когда Сяньюй Тун явился к нему с визитом, он спросил его, почему тот стал экзаменоваться по другой группе. Тогда Сяньюй Тун рассказал ему о своем сне.

— Значит, самой судьбой вам предназначено быть цзиньши! — воскликнул Куай Юйши. — Самой судьбой!

С тех пор между Куай Юйши и Сяньюй Туном, учителем и учеником, установились совсем неплохие отношения. Сяньюй Тун выдержал затем дворцовые экзамены, на которых он снова оказался среди лучших, и получил должность начальника канцелярии в Палате наказаний. Люди возмущались тем, что человеку, выдержавшему экзамен уже в преклонном возрасте, дают такую в общем-то незначительную должность. Но сам Сяньюй Тун остался доволен.

После перевода в столицу Куай Юйши служил в Палате обрядов. Он всегда смело высказывал свое

мнение и не боялся осуждать то, что ему казалось неверным и несправедливым. Однажды в своем докладе он выразил неодобрение по адресу члена Придворной Академии Лю Цзи, и тот, найдя предлог придраться к Куай Юйши, засадил его в тюрьму. В ту пору чиновники Палаты наказаний заискивали перед Лю Цзи и потому хотели приговорить Куай Юйши к смерти.

Но на счастье, ниспосланное Куай Юйши самим небом, Сяньюй Тун оказался тут как тут: хлопотал за него у себя в канцелярии, заботился о нем и сделал все, что от него зависело, чтобы Куай Юйши не пришлось испытывать особенных страданий и лишений, пока он сидел в тюрьме. Затем Сяньюй Тун привлек к этому делу и других выдержавших вместе с ним экзамен, и все они стали хлопотать за Куай Юйши. Благодаря этому Куай Юйши отделался сравнительно легко.

«Цветы я думал посадить, цветы не привились. Иву не хотел растить, но ива тень дала», — сказал сам себе Куай Юйши, очутившись на свободе. — Если бы не этот старый ученик мой, я бы погиб».

И он отправился с визитом к почтенному коллеге Сяньюй Туну, чтобы поблагодарить его.

— Вы трижды облагодетельствовали меня, дорогой учитель, — отвечал ему Сяньюй Тун. — Мне удалось оказать вам лишь небольшую услугу и тем самым хоть как-то отблагодарить вас за экзамены. Но то, что вы сделали для меня, и то, что я сделал для вас, — небо и земля!

В тот вечер гость и хозяин весело провели время за вином и беседой. С тех пор Куай Юйши, где бы ни находился, непременно раз, а то и два раза в год посылал кого-нибудь с подарками к Сяньюй Туну осведомиться о здоровье своего ученика; и хотя подарки были скромными, они выражали его чувства.

Быстро текло время. Сяньюй Тун по-прежнему служил в Палате наказаний, занимая то один, то другой пост. Прошло шесть лет, и вот наконец он должен был получить назначение на должность правителя области.

В столице все относились с почтением к его учености и талантам, уважали за честность, а потому в Палате чинов непременно хотели подыскать ему хорошее место. Сам Сяньюй Тун несколько этим не интересовался. Но однажды из уезда Сяньцзюйсянь, родины Куай Юйши,

пришло известие о том, что Куай Цзингун, сын Куай Юйши, поссорился из-за межей кладбищенской земли с одним из местных богачей, неким господином Ча. Случилось так, что как раз в это время от богача сбежал его слуга. Ча обвинил Куай Цзингуна в убийстве слуги и дал делу ход. Куай Цзингун не мог доказать свою невиновность и бежал в провинцию Юньнань, где тогда служил его отец, и там скрывался. Между тем уездные власти рассудили, что раз Куай Цзингун исчез, значит, он виновен в убийстве, и издали приказ об его аресте. Все его домашние были в панике, тем более что арестовали кое-кого из его родни.

Узнав, что в Тайчжоу — в области, в ведении которой находился уезд Сяньцзюйсянь, как раз свободна должность правителя, Сяньюй Тун обратился к знакомым, и те стали ходатайствовать, чтобы эту должность предоставили ему. В Палате чинов хорошо знали, что назначение в Тайчжоу не из заманчивых, но раз человек сам просит, зачем ему отказывать? И тут же Сяньюй Тун был представлен к повышению и назначен правителем области Тайчжоу.

На третий день после прибытия Сяньюй Туна на место назначения господин Ча уже знал, что новый правитель области — ученик Куай Юйши, знал, что он специально выпросил это назначение, и понимал, что при решении дела начальник будет не на его стороне. Богач стал в ямэне клеветать на нового начальника, но Сяньюй Тун делал вид, что ничего об этом не знает. И даже когда семья Куай подавала ему жалобы, он тоже вел себя так, будто не придает делу ни малейшего значения. А сам тем временем тайно послал людей на поиски беглого слуги из дома Ча, приказав схватить его и доставить к нему в ямэнь.

Прошло месяца два, и слуга был схвачен в Ханчжоу. Сяньюй Тун лично допрашивал его. Тот показал, что просто сбежал от своего хозяина и что все это не имеет никакого отношения к семье Куай. Сяньюй Тун тотчас же велел богачу Ча забрать слугу под расписку. Членов семьи Куай немедленно после этого освободили, а через день-другой Сяньюй Тун сам отправился проверить межи кладбищенских земель.

Понимая, что дела ему теперь уже не выиграть и что в убытке от тяжбы наверняка будет он сам, Ча попросил знакомых походатайствовать за него перед правителем области, а семье Куай передать, что согласен

пойти на мировую. Тем тоже не хотелось судиться и наживать врагов, раз обвинение отпало. Сяньюй Тун разрешил Ча пойти на мировую, наложил на него небольшой штраф и доложил о решении дела по начальству. Обе стороны остались довольны. Поистине:

*Если умный правитель на месте —
То и плутни людей не страшны.*

После этого Сяньюй Тун отправил в Юньнань со своим человеком письмо Куай Юйши. Узнав обо всем, тот очень обрадовался и подумал: «Посадишь терновник — получишь терновник, посадишь персик — тень обретешь». Если бы не этот дряхлый ученик мой, нам бы несдобровать».

В ответном письме, посланном с Куай Цзингуном, он от всей души искренне благодарил Сяньюй Туна.

— Я до самых седин пребывал в неизвестности, и мир меня не признавал, — говорил Сяньюй Тун, когда к нему явился Куай Цзингун. — Ваш отец трижды облагодетельствовал меня, благодаря ему я прошел на экзаменах. Единственно, о чем я все беспокоился, — это о том, что могу умереть, не успев отблагодарить его за содеянное им добро. Вас нынче оклеветали, и так или иначе вас должны были оправдать, так что я лишь немного помог вам: как говорится, «при ветре раздувал огонь». Это такой пустяк — я только в самой малой мере отблагодарил вашего отца и еще в большом долгу перед ним.

Поскольку Куай Цзингун вел дома только хозяйственные дела, то Сяньюй Тун посоветовал ему уединиться и взяться за книги.

Три года прослужил Сяньюй Тун правителем Тайчжоу. Слава о нем разнеслась далеко за пределы Тайчжоу, и он был повышен в должности — назначен на пост военного инспектора в округ Хуэйнин. Затем он вторично получил повышение и стал главным судьей в провинции Хэнань. Служил он, как всегда, прилежно и ревностно. Ему было уже восемьдесят лет — правда, он чувствовал себя куда бодрее иных молодых, — когда он снова получил повышение и был назначен губернатором провинции Чжэцзян.

«На шестьдесят втором году жизни я выдержал экзамен на цзиньши, и хоть путь моей учебы был долог и тернист, но зато служебный оказался гладок: пока

что все обходилось без волнений и бурь,— рассуждал про себя Сяньюй Тун.— Нынче я дослужился до губернатора. Какого же почета и какой славы еще желать? Я всегда честно и усердно относился к службе и не посрамил себя на доверенных мне постах. Было бы вполне разумно, собственно, на этом и остановиться. Но я еще не отблагодарил господина Куая за все то добро, которое он мне сделал. Назначен я теперь как раз в Чжэцзян, на его родину. Кто знает, может, смогу ему быть полезным».

И, выбрав *благоприятный день, он отправился к месту нового назначения. На всем пути его ожидали торжественные и почетные встречи и проводы, но это, разумеется само собой, и об этом говорить нечего.

Не один день прошел, пока он добрался до *Ханчжоу.

Куай Юйши к тому времени уже дослужился до должности помощника правителя области, но из-за болезни глаз ему пришлось устраниваться от дел и вернуться на родину. Узнав, что Сяньюй Тун назначен губернатором в их провинцию, Куай Юйши взял с собой двенадцатилетнего внука и отправился к нему в Ханчжоу с визитом. И хоть Куай Юйши являлся учителем-экзаменатором Сяньюй Туна, но был он моложе его на двадцать с лишним лет. Теперь этот почтенный полуслепой старик в отставке вызывал сочувствие, а Сяньюй Тун в свои восемьдесят лет выглядел бодро, словно молодой, и вступал в должность губернатора. Нет, не возрастом определяются успех и процветание! Куай Юйши часто об этом думал и, как бы в ответ своим собственным мыслям, вздыхал.

Поистине:

*Зачем кипарисам и соснам
завидовать персику, сливе?
Взгляните в зимнюю пору —
что́ будет на ветках у них!*

Прибыв в Ханчжоу, Сяньюй Тун собрался было послать человека проведать о здоровье Куай Юйши, но тут ему доложили, что Куай Юйши сам явился к нему. Сяньюй Тун, крайне обрадованный, поспешил встретить гостя, пригласил его в свои личные покои и приветствовал, как подобает приветствовать учителя. Куай Юйши подозвал внука.

— Поклонись господину!— сказал он мальчику.

— Кто это? Кем он вам приходится?— спросил Сяньюй Тун о мальчике.

— Вы меня спасли когда-то, потом выручили сына из беды, и благодарность к вам всегда остается при мне. Ныне счастливая звезда опять засияла над нашей провинцией. Я уже стар, болен, и недолго мне жить на свете. Сын учился, но ничего из этого не получилось, и теперь все мои надежды на этого мальчика, моего внука. Зовут его Куай У. Мальчик довольно смышлен, и вот я специально привел его с собой, чтобы просить вас позаботиться о нем.

— Я уже в таком возрасте, что служба — не моя тропа, и если я приехал сюда на должность, то только потому, что до сих пор еще не сумел в полной мере отблагодарить вас за все,— говорил Сяньюй Тун.— А раз вы поручаете моим заботам своего мальчика, то случай этот как раз мне теперь и представляется. Будет ли у вас спокойна душа, если внук ваш будет жить здесь, при мне, и заниматься вместе с моими внуками?

— Если вы сами станете его обучать, я смогу *умереть с закрытыми глазами.

И, оставив двух отроков на услужение внуку, Куай Юйши простился и ушел.

Куай У действительно оказался очень способным мальчиком. Он прилежно учился и так преуспел, что осенью того же года Сяньюй Тун рекомендовал его к очередным экзаменам для талантливых отроков. Куай У, выдержав экзамены, был принят в училище, зачислен на стипендию, но жил и занимался по-прежнему у Сяньюй Туна. Так прошло три года, и Куай У обрел познания, необходимые для прохождения дальнейших экзаменов.

«Ну что ж, этот мальчик уже может держать экзамены, и, если он выдержит, это будет моя благодарность Куай Юйши»,— сказал как-то себе Сяньюй Тун.

Он дал юноше триста ланов серебром, как говорится, «на кисти и бумагу» и сам проводил его к деду. Они прибыли в Сяньцзюйсянь три дня спустя после кончины Куай Юйши. Совершив обряд поклонения и оплакав покойного, Сяньюй Тун обратился к Куай Цзингуну:

— Не наказывал ли учитель чего-нибудь перед кончиной?

— Он сказал, что жалеет, что сам выдержал экзамены в молодые годы, а потому любил молодых и не ценил стариков, и что совершенно случайно ему встретился такой высоконравственный ученик, как вы. Говорил, что после вас у него было много молодых учеников, одни более способные, другие — менее, одни вознеслись высоко, другие нет, но ни один из них так не заботился о нем и не помог ему так, как вы. Он завещал нам, чтобы все мы, и сыновья его, и внуки, никогда не относились свысока к людям преклонного возраста.

— Стремясь всем трем поколениям вашей семьи воздать за добро, которое мне сделал мой учитель, я именно и хотел, чтобы люди поняли, что поддерживать пожилых тоже стоит и нельзя любить молодых и не ценить стариков,— сказал Сяньюй Тун, улыбаясь.

Вскоре он простился и уехал.

Вернувшись в Ханчжоу, Сяньюй Тун написал прошение об отставке. Императорским указом ему было разрешено уйти на покой, и он возвратился на родину. Там он жил в тиши и свободное от занятий с внуками время проводил с почтенными старцами за вином и сочинением стихов.

Восемь лет спустя его старший внук Сяньюй Хань среди первых выдержал областные экзамены, и когда прибыл в Пекин на столичные экзамены, то встретил там Куай У, который тоже выдержал у себя в области на цзюйжэня и теперь, как и он, приехал на столичные экзамены.

Внуки старых друзей, теперь молодые одногодки по экзаменам, стали вместе готовиться к предстоящим испытаниям. И когда был объявлен список выдержавших, оба они поздравляли друг друга с получением звания цзиньши.

Да, Сяньюй Тун пятидесяти семи лет выдержал областные экзамены, в шестьдесят один год — столичные, прослужил двадцать три года, дошел до высокого ранга, получил немало пожалований и наград и отплатил за добро трем поколениям семьи благодетеля. Уйдя в отставку и возвратясь на родину, ему еще довелось увидеть, как его внук выдержал столичные экзамены.

Сяньюй Тун прожил девяносто семь лет, и последние сорок лет были для него годами процветания и славы.

В Чжэцзяне и поныне люди охотно учатся и сплошь

и рядом до шестидесяти, а то и до семидесяти лет продолжают сидеть за книгами. Поэтому нередко случается, что иные из них достигают успеха уже в почтенные годы.

Впоследствии кто-то написал об этом стихи:

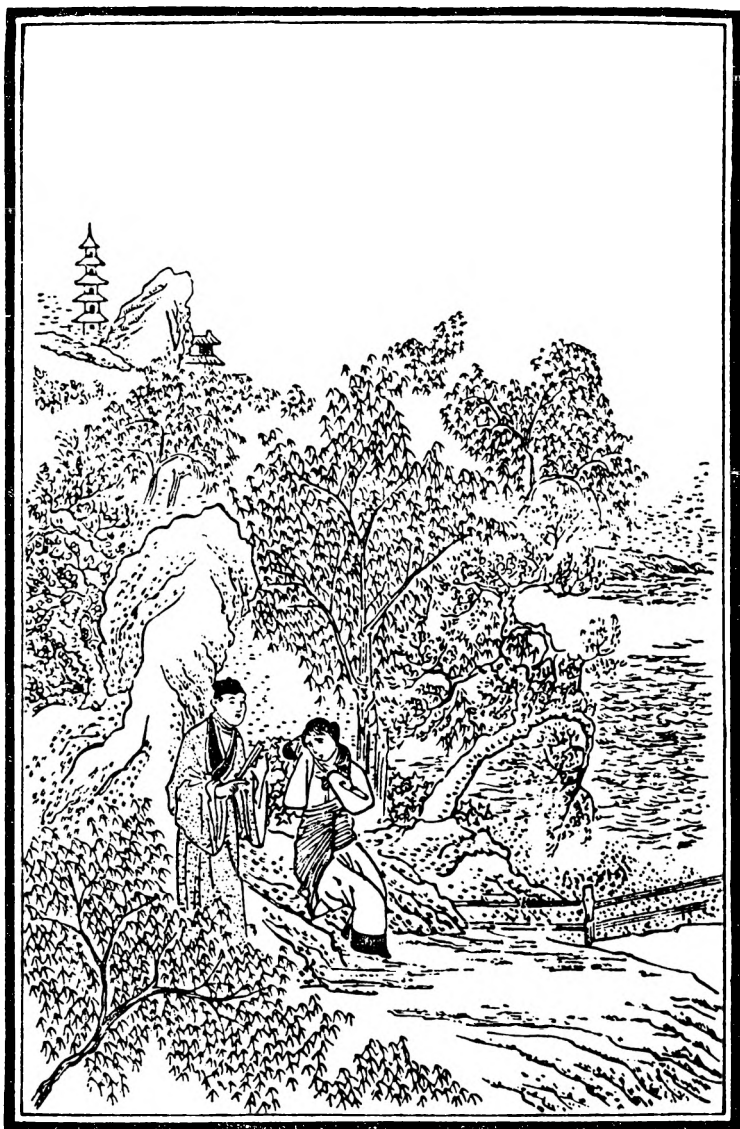
*Стоит ли, жизненных сил не щадя,
к успеху и славе стремиться:
Поздно иль рано их обретешь —
только от неба зависит.
Если б суметь не спеша вызреть,
как *персик на древе священном,
Целых три тысячи лет пусть пройдет —
и то не покажется долго!*

Продавец масла
покоряет
Царицу цветов

Юноши ради любовных услад
Ссорятся между собой,
Но в *царстве веселья, словно назло,
Препоны одна за другой:
С внешностью скромной,
Пусть даже с деньгами,
Знай, что ты будешь немил;
И с красотой одной, но без денег,
Напрасно б любви ты просил...
Пусть ты даже богатством владеешь,
Пусть на редкость красив,
Чуток останься к желаньям любимой,
Капризы девичьи прости.
Много ль из вас, в любви искушенных,
Признайтесь честно, друзья,
Поняли истину эту глубоко,
Прочувствовав все, как и я?!

Стихотворение это написано на мотив «Луна над Западной рекой» и раскрывает тайну тайн любовной игры.

Известно ведь: «гетере нравится тот, кто красив, хозяйке — деньги милы». Поэтому, если среди посетителей публичного дома появляется человек, красотой подобный *Пань Аню и с богатством несметным *Дэн Туна, то, естественно, мир и любовь окружают его, и он становится владыкою в стане прелестных цветов.

Все это так, однако необходимо еще и другое — банчэнь. Бан — это борта туфли, а чэнь — подкладка, но «банчэнь» как целое слово означает «поддержать». Любая девица, обладающая хоть какими-то положительными качествами, становится в глазах людей совершенством, если находится человек, который умеет выгодно оттенить эти ее достоинства. Такой человек прибавит, где не хватает, поддержит, где шатко, при-

кроет недостатки, и, если ко всему этому он окажется еще мил и сдержан в обращении с девицей, будет говорить с ней приветливым голосом, постарается зимой согреть, а летом навеять прохладу, окружить ее тем, что ей приятно, оградить от того, что ей не по душе, и, наконец, всем сердцем будет стремиться проникнуть в ее настроения, постичь ее переживания, — как такого не полюбить? Вот это и называется «банчэнь». А в царстве «ласкового ветра любви и нежного сияния луны» выгадывает всегда тот, кто умеет угодить. Он некрасив, но в нем находят красоту; он беден, но об этом забывают.

К примеру, напомним историю *Чжэн Юаньхэ. Когда у него мошна опустела и он стал нищим, выглядел он уже, конечно, не таким, каким был прежде. Как-то в снежный зимний день его случайно увидела Ли Ясянь, и ее охватило чувство жалости. Она одела Юаньхэ в роскошное платье, подносила ему изысканные яства и в конце концов стала его женой. Нечего и говорить, что не деньги и не внешность привлекли ее, — Юаньхэ был чуток, любезен, понимал человеческую душу, умел предупредить желания другого, угодить, и потому Ясянь очень привязалась к нему. Вспомните хотя бы, как Ясянь во время болезни захотелось бульона из конской требухи и как Юаньхэ убил своего любимого пегого, чтобы сварить и преподнести ей бульон. Одного этого уже было достаточно, чтобы Ясянь всегда помнила о глубине его чувств. Впоследствии Чжэн Юаньхэ первым выдержал *государственные экзамены, а Ясянь был пожалован почетный титул дамы Бяньго. Да! Песни нищих прежде напевал он, но стал доклады, как министр, подавать; кварталы для бродяг сменил на чистые и светлые хоромы. И вот в один прекрасный день они укрылись брачным одеялом, и рассказ о них превратился в красивейшее предание. Поистине:

*Судьба отвернется —
 золото цвет потеряет,
Удача придет —
 железо и то заблестит.*

Итак, начну рассказ. При великой *сунской династии, с той поры как положил ей начало *Тай-цзу, на протяжении правления семи императоров — самого Тай-цзу, затем Тай-цзуна, Жэнь-цзуна, Ин-цзуна, Шэнь-цзуна и Чжэ-цзуна — войны были забыты, куль-

тура расцвела, народ спокойно занимался своим делом и мир царил в стране.

Но вот на престол вступил *Хуэй-цзун. Полностью доверяясь Цай Цзину, Гао Цю, Ян Цзяню, Чжу Мяню и подобным им коварным царедворцам, он окружил себя ограниченными людьми, предался развлечениям, пренебрегая делами правления, и вызвал сильное недовольство в народе. Этим не замедлили воспользоваться *чжурчжэни, которые с большим войском вторглись в страну и разорили цветущее царство. И лишь после того как чжурчжэни пленили императоров Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна, а император *Гао-цзун переправился через реку Янцзы верхом на глиняном коне, обосновался в Ханчжоу и страна разделилась на север и юг, — лишь тогда настала передышка. Но сколько горя и лишений перенес народ за эти годы! Действительно:

*Бились за жизнь в гуще пик и мечей,
Не знали, где дом, где семья;
Стали занятием разбой и грабеж,
Игрою потешной — резня.*

В ту пору в *Бяньляне, за городом, в селе Аньлю-цунь, жил вместе со своей женой один человек, по фамилии Синь, по имени Шань. Муж и жена держали зерновую лавку, где глазным образом торговали рисом, но можно было в ней купить и чай, вино, масло, соль, а также другие товары. Жили они в общем безбедно. Супругам перевалило уже за сорок, но у них была лишь одна дочь — Яоцинь. Девочка росла красивой. С семи лет она стала учиться в сельской школе и могла в день запомнить наизусть сотни строк, а в десять лет уже сочиняла стихи и писала ритмической прозой. В предании сохранились ее стихи «Девичьи чувства»:

*С золотого *зацепа
замавес бисерный
тихо, бесшумно скользит.
Одинокая девушка
в тереме дальнем
молча в раздумье сидит.
Подвинет подушку —
и *уточек пару
словно боится спугнуть.
Подправит светильник —
и двуглавое пламя
жаль ей иглою смахнуть.*

В двенадцать лет Яоцинь уже играла на цитре, была искусна в шахматах, рисовании, *каллиграфии; с поразительным умением она владела иглой. И все это давалось ей без большого труда — просто она была очень способной и одаренной от природы.

Так как у Синь Шаня не было сыновей, он намеревался взять к себе в дом зятя, на которого мог бы опереться в старости. Но человека, достойного дочери, трудно было найти, и потому хоть многие и приходили к ней свататься, но еще никто не получил согласия.

На беду, в то время вторглись в страну чжурчжэни и осадили Бяньлян. И хотя повсюду уже стояли наши войска, готовые к сражению, первый министр, желая пойти на мирные переговоры с врагом, запрещал им вступать в бой. В результате противник обнаглел, ворвался в столицу, захватил в плен обоих императоров и увез их. Народ в панике покидал родные места, спасаясь бегством.

Синь Шань с женой и двенадцатилетней дочерью, закинув узлы и котомки за плечи, бежали вместе с другими; словно собаки, оставшиеся без хозяина, словно рыбы, выскользнувшие из сети, метались в растерянности эти люди. Они все шли и шли, страдая от голода и холода, преодолевая мучительную усталость. Но кто из них знал, куда они спешат, где обретут дом и покой? Вопли, призывы к небу, земле, предкам и все мольбы были лишь о том, чтобы не встретить чжурчжэней. И действительно:

*Лучше быть в мирную пору щенком,
Чем в смутное время скитальцем!*

Чжурчжэней по пути они не встретили, но столкнулись с разбитым отрядом правительственных солдат. Увидев беженцев с узлами, солдаты устроили вдоль дороги пожар и подняли крик: «Чжурчжэни! Чжурчжэни!» Яркое пламя и страшные крики в наступивших сумерках навели на беженцев такой страх, что, позабыв друг о друге, они в панике бросились бежать кто куда. Пользуясь переполохом, солдаты принялись грабить беженцев, а если кто-нибудь сопротивлялся, убивали на месте. Это было горем в горе, бедою в беде.

Но вернемся к Яоцинь. Она была сбита с ног солдатами-грабителями и, когда поднялась, не могла найти ни отца, ни матери. Кричать она не решалась и, укрывшись в стороне от дороги в старом склепе, переждала

ночь. На рассвете она вышла из своего убежища и увидела лишь следы пожара да валявшиеся повсюду трупы. Вокруг не было ни одной живой души.

Думая об отце и матери, Яоцинь горько рыдала. Она не знала, где их искать, не знала дороги и пошла наобум на юг. Плача и останавливаясь чуть ли не на каждом шагу, она прошла около двух *ли, когда увидела высокое здание. Теперь к терзавшему ее горю добавилось и мучительное чувство голода. «Наверно, есть же там люди»,— подумала она и направилась к дому, намереваясь попросить хотя бы попить. Но оказалось, что дом пуст,— обитатели его, как видно, тоже бежали. Яоцинь присела возле стены и снова разрыдалась.

Исстари говорят: «Без случайностей нет и расказа».

Именно в это время мимо проходил человек. Это оказался Бу Цяо, сосед Синь Шаня, бездельник, который не желал утруждать себя каким-нибудь определенным занятием. Он был один из тех молодцов, что привыкли есть даровой харч и тратить легко достававшиеся деньги. Однако величали его все не иначе как «уважаемый Бу». Во время нападения солдат он тоже потерял своих попутчиков и шел теперь один. Услышав плач, он решил посмотреть, в чем дело. Яоцинь знала Бу Цяо с детства и теперь, очутившись в беде одна, обрадовалась соседу, как родному. Она тотчас утерла слезы, встала, поздоровалась с ним и спросила:

— Дядюшка Бу! Вы не видели моих родителей?

Бу Цяо тем временем раздумывал про себя: «Узлы у меня отняли вчера солдаты, денег на дорогу нет, и надо же, кусок сам идет мне в руки. Да и товар-то из редких, стоит попрिдержать».

— Мать с отцом не нашли тебя,— соврал он,— и так горевали, так горевали... Они пошли дальше, а мне наказали привести тебя к ним, если я тебя встречу. Обещали даже щедро отблагодарить меня за это.

Яоцинь хоть и была девочкой сообразительной, но сейчас, оказавшись в безвыходном положении, даже не заподозрила ничего дурного, да и вообще бесхитростного и порядочного человека легко обмануть, поэтому Яоцинь, нимало не раздумывая, пошла за Бу Цяо. Вот уж действительно:

*Я знаю, он мне не попутчик,
Но все же идти надо с ним.*

Бу Цяо дал Яоцинь немного из того, что у него было с собой съестного, и сказал:

— Мать и отец твои еще ночью двинулись дальше. Если мы не нагоним их в пути, то сможем увидеться с ними лишь после того, как переправимся через Янцзы и доберемся до *Цзянькана. В дороге ты зови меня отцом, я же буду выдавать тебя за дочь, иначе могут подумать, что я подбираю потерявшихся детей, а это нехорошо.

Яоцинь согласилась. И вот, «по суше шагая одною тропею и в лодке одной через реки плывя», они добрались до самого Цзянькана. Но еще на пути туда они узнали, что Учжу, четвертый сын повелителя чжурчженей, переправляется с армией через Янцзы, и поняли: в Цзянькане будет неспокойно. Узнали они также, что на престол вступил император Гао-цзун, что он остановился в *Ханчжоу и переименовал этот город в Линьянь. Поэтому, не задерживаясь в Цзянькане, они водным путем направились в *Жуньчжоу, а оттуда через Сучжоу, Чанчжоу, *Цзясин и Хучжоу — в Линьянь. Прибыв туда, они на время остановились в гостинице.

Надо сказать, что Бу Цяо таскал свою жертву за собой целых три тысячи ли, пока в конце концов все-таки не добрался с ней до самого города Линьянь. В пути он израсходовал то небольшое, что имел при себе, пришлось расстаться даже с халатом, чтобы уплатить за гостиницу. Оставался у него теперь только живой товар — Яоцинь, которую надо было как можно скорее сбыть.

Разузнав о том, что некая *Ван Девятая, владелица одного из веселых домов на озере *Сиху, собирается взять к себе на содержание еще одну «приемную дочь», Бу Цяо привел матушку Ван в гостиницу, чтобы показать ей свой товар и договориться о цене.

Яоцинь была недурна собой, и Ван Девятая согласилась дать за нее пятьдесят *ланов серебром. Получив деньги сполна, Бу Цяо доставил девочку к ней.

Бу Цяо был человек смысленый — хозяйке заведения он сказал:

— Яоцинь — моя родная дочь. Лишь нужда заставляет меня отдать ее в ваш дом. Обращайтесь с ней мягко, наставляйте, убеждайте, и она будет во всем послушной. Только не торопитесь, не проявляйте нетерпения.

Яоцинь же он говорил:

— Матушка Ван Девятая — моя близкая родственница, тебя я временно оставляю у нее и приеду за тобой, как только разыщу твоих родителей.

Таким образом, ничего не подозревая, Яоцинь охотно отправилась к матушке Ван.

*Как жаль эту девочку с редким умом,
Попавшую в сети веселых домов.*

Когда Яоцинь очутилась в руках Ван, та сразу же с ног до головы одела ее во все новое, поселила в одной из дальних комнат, стала вкусно кормить, поить прекрасным чаем и подбадривать теплыми, ласковыми словами.

Так Яоцинь провела несколько дней, не проявляя ни нетерпения, ни тревоги. Но при этом она не переставала тосковать по родителям и, обеспокоенная тем, что Бу Цяо все не возвращается за ней, как-то, в слезах, спросила Ван Девятую:

— Почему дядюшка Бу не приходит проведать меня?

— Какой дядюшка Бу?— удивилась Ван.

— Тот самый, что привел меня к вам.

— Он сказал, что он твой родной отец,— недоумевала Ван.

— Да ведь его фамилия Бу, а моя — Синь.

И тут Яоцинь подробно рассказала о том, как они всей семьей бежали из Бяньляна, как она потеряла родителей, как встретила Бу Цяо, который привез ее в Линьань, как он обещал ей разыскать ее родителей и сказал, что здесь он ее оставляет временно, у родственницы.

— Вот как...— протянула изумленная Ван.— Так, значит, ты одинокая, беспомощная девушка, настоящий краб безногий. Ну что ж, расскажу-ка я тебе тогда все, как есть. Этот Бу Цяо продал тебя мне за пятьдесят ланов серебром — и все. А у нас тут «дом открытых дверей» — здесь обитают пудренные головки, торгующие своим телом, и этим мы кормимся. У меня несколько девушек, но ни одна из них не отличается особой красотой. Ты же понравилась мне, потому что хороша собой. Я решила взять тебя и буду относиться к тебе, как к родной дочери. Можешь не сомневаться, когда вырастешь, будешь ходить разодетой в шелка, есть луч-

шие блюда и до конца дней своих проживешь припеваючи.

Только теперь Яоцинь поняла, что ее обманули. Она так разрыдалась, что Ван пришлось долго ее успокаивать. После этого разговора матушка Ван дала девочке *новое имя — Мэй, так что теперь Яоцинь стали называть *Ван Мэй, а свои в доме называли ее просто *Мэйнян. Ее обучали игре на музыкальных инструментах, пению, танцам, и все это она постигла в совершенстве. В четырнадцать лет она была необычайно красива, и чуть ли не все сыновья линьяньских богачей, плененные ее красотой, приходили с богатыми подарками добиваться знакомства с ней и просить о встрече. Среди почитателей Мэйнян было немало и достойных мужей, ценителей красоты и таланта. Один за другим они приходили, чтобы получить в дар от Мэйнян сочиненный ею стих или пару иероглифов, выведенных ее рукой, и славу о ней вознесли до небес. Теперь ее уже не называли Мэйнян, а величали Царицей цветов. Молодые повесы сочинили даже песенку, восхвалявшую ее достоинства:

*Среди девиц
кто может с Ван Мэйнян
сравниться красотой!
Умеет писать,
рисовать
и стихи сочинять.
А петь, играть иль плясать —
для нее это легкое дело.
Часто в Сиху красоте
видят *Си Ши красоту,
но что по сравнению с нею Си Ши!
Счастливец, который коснется ее,
смерть с улыбкою встретить готов.*

Слава, которую обрела Мэйнян, привела к тому, что о ее *«прическе» стали заговаривать уже тогда, когда девочке исполнилось лишь четырнадцать лет. Но Мэйнян и слушать об этом не хотела, а Ван боялась настаивать: дорожа Мэйнян, словно золотом, она не осмеливалась ей ни в чем перечить и принимала ее отказы как высочайшие повеления.

Так прошел еще год. Мэйнян исполнилось пятнадцать.

Надо сказать, что в самих увеселительных заведениях и у их завсегдатаев сложились определенные

взгляды на то, в каком возрасте следует приобщать девицу к таинствам любви: в тринадцать лет считалось слишком рано, и называлось это «узнать цветок» — такие случаи бывали главным образом по жадности мамок, которые не жалели девушек, а молодые люди не получали при этом наслаждения и обретали лишь пустую славу; в четырнадцать лет считалось самым подходящим, так как в этом возрасте девушка уже созревала вполне, и называлось это «раскрыть цветок»; в пятнадцать лет это называлось «сорвать цветок», и если вообще девушку пятнадцати лет обычно считали еще не созревшей для брака, то в заведениях говорили, что лучшая пора для нее уже миновала.

И вот из-за того что Мэйнян в свои пятнадцать лет оставалась еще без «прически», про нее сочинили песенку:

*Ван Мэйнян —
плод пустой!
Зря цветет
красотой.
Ей пятнадцать уж лет,
а она недотрога.
Славу снискала,
а толку-то нет.
На что ж это, право, похоже?!
Иль каменной девой
она родилась,
Или, наверно, двупола:
Не бойся она
перед людьми осрамиться,
Разве ждала бы так долго?!*

Песенка эта дошла до Ван Девятой. Опасаясь за репутацию заведения, она стала уговаривать Мэйнян принимать гостей, но та упорно отказывалась.

— Если вы хотите, чтобы я принимала гостей, — говорила она, — то пусть отец и мать прикажут мне это.

Ван в душе негодовала, однако обижать Мэйнян не хотела и потому на некоторое время оставила ее в покое.

Как-то раз один богач, некий Цзинь Второй, изъявил желание отдать двести ланов серебром за «прическу» Мэйнян. Соблазнившись огромной суммой, Ван придумала хитрый план.

Был пятнадцатый день восьмого месяца. Цзинь Второй пригласил Мэйнян прокатиться на лодке и полюбо-

ваться приливом на озере. Вместе с ним в лодке оказалось еще несколько человек, «помощников в безделии», посвященных, конечно, в план матушки Ван. За вином мужчины затеяли обычные застольные игры, вовсю ухаживали за Мэйнян и, напоив ее до бесчувствия, доставили домой. Ван сама принялась прислуживать ей. Время года было теплое, одежды на Мэйнян было не так много, и Ван, быстро раздев девушку, предоставила ее Цзиню Второму в полное распоряжение...

В пятую *стражу Мэйнян очнулась. Она поняла, что это мамка подстроила все так, чтобы ее лишили девственности, и с болью в душе стала думать о своей горькой судьбе и о жестокости, которую проявили к ней в тот день. Она встала, оделась, но затем опять легла на бамбуковую лежанку, повернулась к стене и заплакала. А когда Цзинь Второй подошел к ней и стал приставать со своими нежностями, она с такой яростью вцепилась ему в лицо, что расцарапала его в кровь. Тому, конечно, стало не по себе. Едва дождавшись утра, он ушел от Мэйнян, причем так торопился убраться из этого дома, что матушка Ван даже не успела его задержать и только слышала, как он на ходу пробурчал, что уходит.

Обычно, когда девица впервые делала «прическу», мамка и все обитательницы заведения с утра приходили поздравлять счастливица и не один день пировали и распивали вино в честь этого события. Виновник торжества проводил у них по меньшей мере пятнадцать — двадцать дней, а то месяц и два. И еще никогда не бывало, чтобы кто-нибудь уходил на следующее же утро, как это случилось с Цзинем Вторым.

— Странно... странно... — пробормотала Ван и, бросив халат, поднялась наверх.

Вся в слезах, Мэйнян по-прежнему лежала. Чтобы вызвать ее на разговор, Ван начала винить себя во всем случившемся. Но Мэйнян упорно молчала, и той пришлось уйти.

Весь день Мэйнян проплакала; она даже не притронулась ни к еде, ни к чаю. С того времени, ссылаясь на болезнь, она отказывалась спускаться вниз и вообще не желала видеть посетителей. Ван теряла терпение, однако принять жестокие меры не решалась, так как боялась, что Мэйнян со своим характером ожесточится и окончательно отобьется от рук. «Но позволять девице поступать так, как ей вздумается, тоже нельзя, — рас-

суждала Ван.— На то она и здесь, чтобы зарабатывать. А если не будет принимать гостей, то хоть сто лет ее держи, какой толк?»

Несколько дней Ван пребывала в нерешительности и никак не могла придумать, что ей предпринять, пока не вспомнила о своей названной сестре Лю Четвертой. Обе женщины часто ходили друг к другу, и Ван знала, что говорить та мастерица и что Мэйнян любила с ней поболтать. «Почему бы не позвать ее?— подумала Ван.— Пусть потолкует с Мэйнян, и, если Мэйнян одумается, не пожалею, как говорится, жертвенных свечей за успех».

И она тотчас послала за сестрой. Когда та явилась, Ван усадила ее и рассказала о своих неудачах.

— В этом деле ты можешь целиком положиться на меня,— заверила ее Лю Четвертая.

— Если только тебе это удастся, буду земно тебе кланяться,— проговорила Ван.— Выпей-ка побольше чайку, а то во рту пересохнет, пока будешь ее уговаривать.

— Да ведь глотка моя — это море безбрежное, могу хоть до завтра говорить — не пересохнет!

Выпив чаю, матушка Лю направилась к Мэйнян. Двери комнаты оказались запертыми. Лю легонько постучалась и позвала:

— Племяннушка! А племяннушка!

Узнав по голосу Лю Четвертую, Мэйнян отворила двери. Женщина вошла и села возле стола. Мэйнян тоже присела. Взглянув на стол, Лю увидела, что на нем разостлан кусок тонкого шелка, а на шелку — набросок женского лица, на который еще не положены краски.

— Хорошо нарисовано! Ловкая рука!— стала хвалить ее Лю.— И повезло же моей сестричке — найти такую дочь, как ты! И собой хороша, и мастерица на все руки. Да выложи хоть тысячи ланов серебром и город весь обойди, другой такой не найдешь.

— Не смейтесь, пожалуйста,— остановила ее Мэйнян.— Скажите лучше, какой попутный ветерок занес вас сегодня к нам, тетушка?

— Я, старая, давно уже собиралась взглянуть на тебя, да все домашние дела мешали. А тут услышала — поздравляю,— что ты уже с «прической», ну и решила урвать минутку да и зайти поздравить сестрицу.

При упоминании о случившемся Мэйнян покраснела

и опустила голову. Понимая, что она стыдится, матушка Лю придвинула стул и, взяв ее за руку, сказала:

— Доченька, ведь женщина не яичко с тонкой скорлупкой, к чему же быть такой неженкой? Если так стыдиться, никогда не заработать много денег.

— А на что мне деньги?— возразила Мэйнян.

— Доченька, милая, тебе самой пусть даже они и не нужны, но разве мамке твоей не хочется возместить все то, что она на тебя затратила? Она ведь взрастила тебя. Исстари известно, что «возле горы кормишься горой, возле воды — водой». У сестрицы немало девок, но разве хоть одна из них стоит пятки твоей? Тыквами огород ее полон, да семенная-то одна ты. И подумай, разве относится она к тебе так, как к другим? Я слышала,— продолжала Лю,— что после первого гостя ты никого больше не желаешь принимать. Что же это значит? А если бы и другие вели себя, как ты? Был бы полон дом ваш шелкопрядов, да только кто вас тутовыми листочками-то накормит? Ведь хозяйка о тебе заботится, ну, и ты помоги ей, чтобы хоть девки-то не судили да не рядили.

— Пусть себе судят и рядят, мне-то что?!

— Ой, не скажи! Если б одни только пересуды, это еще ничего. Но знаешь ли ты, что в наших заведениях существуют определенные порядки?

— Ну и что?

— А то, что для нас девушка — это все. Она нас кормит и поит, одевает и греет. Ты ведь знаешь, для нас взять себе в дом благообразную девицу все равно что для состоятельного человека купить плодородную землю. Пока такая девица еще малолетняя, так и хочется, чтобы каждое дуновение ветерка помогало ей поскорее расти. Когда же она начинает носить прическу, приходит для нас пора урожая с плодоносного поля. Тут уже ждешь, что денежки будут сыпаться тебе в руки, что едва успеешь через черный ход проводить одного гостя, как у парадного будешь встречать нового, что один гость пришлет рис, другой — дрова, что весь дом будет полон оживления и заведение станет действительно прославленным.

— Какой стыд!— воскликнула Мэйнян.— Нет! Этим я заниматься не буду.

Лю прикрыла рот рукой и выдавила из себя смешок.

— Ха, «этим заниматься не буду»,— передразнила она Мэйнян.— Как бы не так. К твоему сведению, рас-

порягается в доме хозяйка. Что она прикажет, тому и быть. И если иная девица осмелится ее послушаться, то так плеткой ее отстегает, что та будет ни жива ни мертва. Вот и попробуй пойти не той дорожкой, какую она велит. А ведь сестрица моя, — продолжала Лю, — никогда тебя не обижала. Все жалела тебя, такую красивую и умную, понимала, что ты с детства избалована, да и вообще хотела поберечь твое достоинство и честь. Сейчас она мне много говорила о тебе, сказала, что ты не понимаешь доброго слова и добрых отношений и даже задуматься не хочешь над тем, что пушинка легка, а жернов тяжел. Она очень недовольна и просила меня потолковать с тобой. Если ты будешь продолжать упорствовать и выведешь ее из терпения, она с тобой заговорит по-иному. Начнутся тогда брань, побои... И куда ты от нее денешься? На небо, что ли, улетишь? Ведь лиха беда начало, а уж коль начнут бить, не выдержать тебе таких мучений. Волей-неволей придется смириться и принимать гостей. И тогда не только унизишь себя в глазах посторонних, но твои же подружки будут насмехаться над тобой. На мой взгляд, «упало ведро в колодец — само не поднимется», так лучше броситься с улыбкой в объятия мамки твоей, по крайней мере жить будет веселее.

— Я из порядочной семьи, — сказала Мэинян, — сюда меня привели обманом. И если бы вы, тетушка, помогли мне вернуться к достойному образу жизни, это было бы большей добродетелью, чем воздвигнуть девятирусную пагоду Будде. А вы хотите, чтобы, с гостем простившись одним, я встречала бы гостя другого и, опершись на ворота, улыбки привета дарила. Нет, я предпочту умереть, чем пойти на такое!

— Что и говорить! Стремление к порядочной жизни — вещь достойная. Но только стремятся и возвращаются к ней по-разному.

— Как это по-разному? — удивилась Мэинян.

— Бывает, стремятся к достойному образу жизни искренне, бывает — притворно, лицемерно; бывает, возвращаются к достойной жизни по доброй воле, бывает — поневоле; иногда приходят к новой жизни, пользуясь благоприятным случаем, иногда — просто потому, что нет иного выхода; бывает, переходят к иной жизни окончательно, бывает — временно. Наберись терпения, дочь моя, и послушай. Я сейчас все тебе объясню.

Что называется искренним возвращением к достойной жизни? Обычно человек с талантом ищет себе в жены красавицу, и красавице нужен в мужья талант, тогда получается прекрасная пара. Но доброе дело не так-то легко делается: обычно ищут-ищут, а обрести желанного не могут. Но вот счастливая случайность сводит наконец достойных друг друга людей. Тот любит, эта льнет, и обойтись друг без друга они не могут. Он желает взять ее в жены, она согласна идти замуж за него. Они словно пара бабочек-шелкопрядов, которые умирают, но не расстаются. Вот в этом случае стремление возвратиться к достойному образу жизни будет называться стремлением искренним.

Что же называется лицемерно, притворно стремиться к достойному образу жизни?

Бывает, молодой человек полюбит девицу, а девица его не любит и замуж выходить за него не собирается. Однако при этом она обманывает его, скрывает от него свои истинные намерения, разговорами о свадьбе поддерживает в нем пыл только для того, чтобы он направо и налево тратил на нее деньги, а в последний момент отказывает ему под тем или иным предлогом. И некоторые безумцы, прекрасно зная, что на уме у девицы, все же хотят непременно взять ее в жены и предлагают огромную сумму хозяйке, разжигая в ней жадность. Ну а тогда о согласии девицы думать не приходится. И вот девица нехотя, затаив в душе недовольство, идет в дом мужа. Она умышленно не соблюдает семейных устоев, ведет себя строптиво, разнузданно, бывает, и открыто заводит любовные шашни. Держать ее в доме становится невыносимо, и через полгода, самое большее, через год ее отпускают, и та опять становится гулящей девкой. Для таких девиц стремление к порядочной жизни — только вывеска, под которой они могут получать побольше денег и жить в свое удовольствие. Вот это и называется притворным, лицемерным стремлением.

Что же называется возвращаться к достойному образу жизни поневоле?

Молодой человек любит девицу, а она его — нет. Тогда он насильно принуждает ее покинуть публичный дом и стать его женой. Хозяйка заведения боится неприятностей, дает свое согласие, и девица, не вольная распоряжаться своей судьбой, со слезами идет замуж. А уж как вошла в знатный дом, словно на дно погрузи-

лась морское: порядки домашние строги, голову не поднимешь, и вот она полуналожницей, полуприслугой влачит свою жалкую жизнь. Вот это и называется по-неволле.

Что же называется по доброй воле, по охоте?

Девушка находится как раз в том возрасте, когда ей надо на ком-то остановить свой выбор. Случай сводит ее с человеком мягкого и доброго нрава. У человека этого покладистая *старшая жена, нет детей, и живет он в полном достатке. Девушка предполагает, что, попав в дом к такому человеку, она станет матерью и сможет рассчитывать на полноправное положение хозяйки. Она идет за него в надежде на отдых и покой в настоящем, на подходящее положение в будущем. Вот это и есть по доброй воле.

Что же такое перейти к достойному образу жизни, пользуясь благоприятным случаем?

Девушка вдоволь пожила веселой, бездумной жизнью, слава ее в расцвете, и она привлекает множество искателей. Но она решает выбраться из бурного потока и выходит замуж за кого-нибудь из ее поклонников — того, кто больше всего пришелся ей по душе. Таким образом, она своевременно возвращается к честной жизни, чтобы впоследствии люди не относились к ней с презрением. Это и называется отойти от старого и пойти по пути порядочной жизни, пользуясь благоприятным случаем.

Что называется перейти к достойному образу жизни по безвыходности положения?

Девушка и не думала изменять своего образа жизни, но по причине ли судебных преследований, грубого ли насилия или из-за накопившихся долгов, которые — она знает — не сумеет заплатить, она, долго не раздумывая, ни на что не глядя, выходит замуж при первом же представившемся ей случае, чтобы оградить себя от неприятностей и обрести покой. Вот это и называется по безвыходности положения.

Что означает окончательно перейти к порядочному образу жизни?

Цветущие годы девушки на исходе, она испытала уже все жизненные бури. И вот ей встречается порядочный одинокий человек. У них находятся общие стремления, и тогда она сворачивает паруса, и дружную четую живут эти двое до глубоких сединок. Вот это и называется окончательно перейти к порядочному образу жизни.

Что называется перейти к достойному образу жизни на время?

Опять-таки: он любит, она льнет и тут же решает идти за него. Однако решение это она приняла в порыве чувств, под влиянием момента, не взвесив всего, что ждет ее в замужестве. Она попадает в дом мужа. Но тут или родители не хотят ее терпеть, или старшая жена ревнует, и кончается тем, что после нескольких скандалов ее отправляют назад и забирают внесенный за нее выкуп. Бывает и так, что семья по скудости средств не в состоянии содержать такую женщину, а она не в силах вынести лишения и потому идет искать кратковременных встреч и случайных удач. Вот это значит перейти к достойному образу жизни на время,— закончила матушка Лю.

— А я как раз и хотела бы начать достойную жизнь,— заметила Мэйнян.— Как же мне быть?

— Доченька, я укажу тебе самый верный путь.

— Если вы научите меня, как мне быть, я до самой смерти не забуду вашей милости.

— Видишь ли, лучше всего, конечно, начинать порядочную жизнь с того, что выйти замуж. Но над твоим телом уже надругались, и выйди ты замуж хоть сегодня вечером, все равно уже не будешь считаться «нетронутым цветком». Случайность там или не случайность, а сюда ты не должна была попадать. Но что поделаешь, коли так сложилась твоя судьба! Кроме того, хозяйка-то твоя в свое время хлопотала, старалась, заботилась о тебе, и теперь, пока ты ей за год-другой не поможешь заработать несколько тысяч, она, конечно, не отпустит тебя. Ну а потом, пусть ты и решила начать достойную жизнь, так надо сначала присмотреть подходящего человека. Не выходить же за первое поганое рыло. А ты вот никого не принимаешь, откуда же тебе знать, за кого стоит идти, за кого — нет? Допустим, ты будешь и дальше упорствовать в своем нежелании принимать гостей, тогда и хозяйке твоей ничего не останется, как найти человека, который, не жалея денег, дал бы за тебя порядочный выкуп и взял в младшие жены. Это тоже будет переходом к достойному образу жизни. Да человек-то может оказаться стариком, уродом, тупым, невежественным быком — и загублена твоя жизнь навек! Чем так, лучше в воду. Но насколько я, старая да глупая, разумею, надо покориться воле матушки и принимать гостей. При твоей красоте не всякий посмеет около

тебя увиваться. Искать свиданий с тобой будут потомки князей, сыновья богачей и сановников. Это тебя не унижит, и ты при ласковом ветре, среди нежных цветов, при чистом снеге и ясной луне будешь наслаждаться жизнью, пока молода; кроме того, ты этим поможешь хозяйке и, наконец, сделаешь для себя кое-какие сбережения, чтобы в будущем не зависеть от людей. Пройдет так лет пять — десять, встретишь кого-нибудь, кто придется по сердцу, и тогда, помяни мои слова, я, старая, тебя сосватаю, и ты, как подобает, пойдешь замуж. Тут-то и хозяйка тебя отпустит. Так будет лучше и для тебя, и для нее.

Мэйнян выслушала ее, улыбнулась, но ничего не сказала. И все же Лю поняла, что «лед тронулся».

— Каждое мое слово проникнуто желанием сделать тебе добро,— сказала она, вставая.— Если ты поступишь так, как советую, потом благодарить будешь.

Ван на протяжении всего разговора стояла за дверью и слышала каждое слово. Когда Мэйнян вышла проводить гостью, она лицом к лицу столкнулась с хозяйкой. Вспыхнув от стыда, Мэйнян отпрянула, а Ван повела сестрицу к себе.

— Ну и упряма же племянница,— сказала Лю, когда они сели.— И так и этак уговаривала ее — железо бы, пожалуй, расплавилось. А ты вот что: сейчас же, не теряя времени, найди ей какого-нибудь второго гостя — теперь она согласится. Вот тогда я снова зайду поздравить тебя.

Ван не переставала благодарить ее, тут же велела подать обед, и, выпив изрядно, они расстались.

Молодежь района Сиху сложила песенку и об изворотливости матушки Лю:

*Ну, язычок у тебя,
Четвертая матушка Лю,
Вряд ли даже *Суй Хэ и Лу Цзя
таким обладали талантом.
Говоришь ли о том,
говоришь ли о сем,
никогда не оставишь прорехи ни в чем.
От твоих увещаний
очнется и пьяный;
От твоих заверений
найдет помраченье
даже на тех, кто умен.*

*Какая девица!
Как стойка и упорна она,
Но и ее
языком ты своим оплела!*

Однако вернемся к Мэйнян. Решив, что матушка Лю права, Мэйнян после этого разговора охотно стала принимать тех, кто добивался встречи с ней. Гости один за другим, словно на ярмарку, стали стекаться в дом, и у Мейнян ни минуты не бывало свободной.

Теперь она еще больше прославилась, и, чтобы добиться свидания с ней, мужчины платили по десять ланов серебром, и то ссорились и спорили друг с другом. Ван была счастлива — она уже успела заработать немало денег. Но Мэйнян все никак не удавалось встретить человека, который пришелся бы ей по сердцу. В самом деле:

*Легче добыть бесценную вещь,
Чем друга найти по душе.*

Поведем теперь рассказ о другом. В Линьани, недалеко от ворот Цинбо, жил некий старец Чжу Шилао. Старик держал лавку и торговал маслом. Года три тому назад он усыновил молодого парня, который, как и Мэйнян, бежал из Бяньляна. Фамилия этого парня была Цинь, имя — Чжун. Мать его умерла рано, и отец, Цинь Лян, продал сына, когда тому исполнилось тринадцать лет, Чжу Шилао, а сам пошел в прислужники в буддийский монастырь Тяньчжу.

Чжу Шилао, оставшийся на старости лет совсем одиноким — детей у него не было, жену он недавно потерял, — смотрел на Цинь Чжуна, как на родного сына. Приняв мальчика в дом, он дал ему свою фамилию и держал его при лавке, с тем чтобы тот научился торговать.

Вначале они вполне справлялись с делами вдвоем, но потом у старика начала болеть поясница, он почти не мог двигаться, и заниматься лавкой ему стало не по силам. Пришлось нанять приказчика. Приказчика звали Син Цюань.

Время летело стрелой, и незаметно прошло четыре с лишним года. Цинь Чжун стал теперь семнадцатилетним красивым юношей, считался совершеннолетним, но не был еще женат. Надо сказать, что Чжу Шилао держал еще в доме служанку по имени Ланьхуа, которой

было уже за двадцать. Цинь Чжун ей приглянулся, и она не раз пыталась завлечь его. Но скромный юноша не поддавался на ее уловки. Ланьхуа была так некрасива и до того неопрятна и грязна, что не вызывала в нем никаких чувств. Поэтому и получилось, что

*С нежной любовью слетал лепесток,
Но был равнодушен текущий поток.*

Видя, что с молодым хозяином ничего не выходит, служанка избрала себе другого — стала заигрывать с приказчиком. Тому было уже под сорок, жены он не имел, так что стоило ей однажды чуть поманить его, как «дело» сразу пошло на лад. Не раз тайком предавались они любовным утехам, но присутствие Цинь Чжуна мешало им. Тогда они стали думать о том, под каким бы предлогом выжить его из дому. И вот Ланьхуа стала перед Чжу Шилао разыгрывать из себя чистейшую невинность.

— До чего же молодой хозяин непорядочно ведет себя. Который уже раз пристаёт ко мне,— пожаловалась она как-то старику.

И так как Чжу Шилао сам, бывало, забавлялся с Ланьхуа, то в нем заговорила ревность. А тут еще приказчик, утаив деньги от выручки и свалив недостачу на Цинь Чжуна, заявил старику:

— Молодой хозяин играет в азартные игры и занимается непутевыми делами. В кассе уже не один раз недоставало денег. И это все он — берет оттуда тайком.

Вначале Чжу Шилао не поверил, но жалобы повторялись, а Чжу Шилао был стар, мало в чем разбирался и потому как-то позвал к себе Цинь Чжуна и выбрал его.

Цинь Чжун был умный малый и понимал, что все это козни Син Цюаня и Ланьхуа. «Если я стану оправдываться да объяснять,— думал он,— старик не поверит, лишь прослышу подлецом». Но тут в голову пришла мысль, и он сказал Чжу Шилао:

— Торговля в лавке идет вяло, и вдвоем там делать нечего. Пусть Син Цюань справляется в лавке, а я пойду продавать масло вразнос. Сколько выручу за день, столько и сдам. Так мы будем зарабатывать вдвое больше.

Чжу Шилао готов был согласиться, но Син Цюань снова стал ему наговаривать:

— Думаете, он будет таскаться с *коромыслом? За

эти несколько лет он достаточно наворовал! При этом еще недоволен и в душе таит на вас обиду за то, что до сих пор не соизволили его просватать. Потому он и не хочет помогать вам здесь, в лавке. У него только одно на уме: как бы отделаться от вас, найти себе жену и зажить самостоятельно.

Старик тяжело вздохнул и сказал:

— Видит небо — я всегда относился к нему, как к родному сыну, а у него вон что на уме. Ну что ж, плоть не моя — насильно к себе не приклеишь. Пусть уходит!

Кончилось тем, что старик дал Цинь Чжуну три лана серебром и отпустил его, разрешив при этом Цинь Чжуну забрать все его летние и зимние платья, а также постель. Старик, нужно сказать, был все-таки добрым человеком.

Цинь Чжун понимал, что Чжу Шилао уже не оставит его у себя. Зарыдав, он земно поклонился старику и простился с ним. И действительно:

**Сяо И был погублен наветом,
Неповинный *Шэнь Шэн — клеветою убит;
Так с родными детьми получилось,
Что же в том, что обижен приемный был сын?!*

Покинув дом Чжу Шилао, Цинь Чжун снял маленькую комнатку возле моста Чжунъаньцяо, оставил там постель и прочие вещи, купил замок, повесил его на двери и отправился бродить по улицам в надежде, что, может быть, удастся узнать что-нибудь об отце. А следует упомянуть, что Цинь Лян ушел прислужником в храм, не сказав об этом сыну. Цинь Чжун бродил несколько дней подряд, но так ничего и не смог узнать, и поиски пришлось прекратить.

За четыре года, проведенных в доме Чжу Шилао, Цинь Чжун, будучи юношей преданным и порядочным, не отложил для себя ни гроша. Все, что у него было, — это те три лана серебром, которые ему дал на прощание старик и которых, конечно, не могло хватить на какое-нибудь дело. Он стал думать, за что бы взяться, и, поразмыслив, решил: «Единственное, с чем я хорошо знаком, так это с торговлей маслом; поэтому самым верным будет — коромысло на плечо и ходить продавать масло, тем более что почти во всех лавках меня знают». Он сразу закупил все необходимое для этого дела,

а оставшиеся деньги отдал хозяину лавки, в которой собирался брать масло.

В лавке его знали как порядочного человека, совсем еще молодого, который недавно сам торговал у Чжу Шилао, а теперь оказался вынужденным бродить с ношей по улицам; знали, что из дома Чжу Шилао его выжил приказчик своими интригами, были этим возмущены и желали помочь юноше. Ему отпускали лучшее масло, притом отвешивали всегда с походом. Это давало Цинь Чжуну возможность, в свою очередь, быть уступчивым с покупателями. В конечном счете по сравнению с другими торговцами маслом ему было легче сбывать свой товар, и он ежедневно имел небольшую прибыль. Жил он очень скромно, зря денег не тратил и на свои небольшие сбережения покупал только необходимые вещи и одежду.

На сердце у него теперь оставалась лишь одна забота, которая не давала ему покоя: как разыскать отца?

«Все эти годы меня называли Чжу Чжуном,— рассуждал он,— и теперь вряд ли кто-нибудь знает, что моя настоящая фамилия — Цинь, так что если отец станет меня разыскивать, то не найдет».

И он решил снова носить фамилию Цинь.

«Послушай, рассказчик!— скажете вы.— Когда человек высшего общества, с положением желает восстановить свою старую фамилию, то он подает прошение императору или уведомляет об этом Палату обрядов, Государственное училище и другие ведомства, дабы внесли соответствующие исправления в реестры, и всем это становится известно. Но когда восстанавливает свою прежнюю фамилию какой-то продавец масла, как об этом узнают другие?»

И все же Цинь Чжун нашел выход. На бочонках для масла он вывел с одной стороны огромный иероглиф «Цинь», с другой — «Бяньлян», чтобы каждый, кто ни взглянул, сразу узнал, что фамилия продавца Цинь и что родом он из Бяньляна. И действительно, вскоре в Линьани все знали его настоящую фамилию и звали «Цинь, продавец масла».

Шел второй месяц года, дни были не холодные и не жаркие. Проведав, что в монастыре Чжаоцин собираются проводить девятидневную службу, и решив, что там потребуется много масла, Цинь Чжун отправился туда со своими бочонками. Монахи этого монастыря

уже слышали о нем и знали, что масло у него не только дешевле, но и лучше, чем у других, поэтому они и отдали ему предпочтение. Все девять дней Цинь Чжун почти целиком провел в монастыре. Верно говорят:

*Кто скареден в жизни,
богатства не скопит;
Кто щедр душою,
в убытке не будет.*

Шли уже девятые сутки моления, когда Цинь Чжун, распродав все масло, с пустыми бочонками на коромысле покинул монастырь.

День выдался солнечный, ясный, гуляющих было что муравьев, и Цинь Чжун, не торопясь, пошел вдоль берега озера. Вдали, где тянулась плотина Шицзин, виднелись персиковые деревья, красневшие в цвету среди зелени ив. С разрисованных лодок, сновавших взад и вперед по озеру, доносились звуки свирели и флейты. Действительно, глядеть на все это можно было без конца и без конца наслаждаться прелестью природы вокруг.

Пройдя немного по берегу, Цинь Чжун почувствовал усталость. Он свернул вправо от монастыря, оказался в менее людном месте и, опустив ношу, присел на камень, чтобы дать ногам отдых. В стороне, совсем неподалеку, он увидел какой-то дом, обращенный фасадом к озеру. Ворота были покрыты золотистым лаком. Во дворе за красной изгородью виднелась роща тонкого бамбука. Трудно было судить, каков этот дом внутри, но внешне он выглядел очень опрятным.

Из дома вышли несколько мужчин, все в *шапках. Их провожала девушка. Дойдя до выхода, мужчины откланялись, и девушка, распрощавшись с ними, исчезла.

Пока девушка прощалась, Цинь Чжун не сводил с нее глаз. Лицо ее было нежным и прекрасным, сама она — легка и изящна; такой красавицы Цинь Чжун отродясь не видывал. Пораженный, он замер. Скромный юноша не имел представления о веселых заведени-ях — о том, какие они бывают и как там себя люди ведут, и потому задумался над тем, кто бы мог здесь жить. В это время из дома вышла женщина средних лет в сопровождении молоденькой служанки. Прислонившись к двери и поглядывая по сторонам, женщина заметила вдруг бочонки Цинь Чжуна.

— Ой, да ведь масло у нас кончилось,— спохватилась она,— а тут сам торговец. Надо будет взять у него.

Служанка исчезла, затем вернулась с бутылкой и подошла к Цинь Чжуну.

— Есть масло?— обратилась она к нему.

Только теперь Цинь Чжун опомнился.

— Кончилось,— ответил он и тут же добавил:— Но, если желаете, я завтра принесу.

Служанка, как видно, умела читать, потому что, увидев на бочонках иероглифы, сказала, обращаясь к хозяйке:

— А фамилия продавца — Цинь.

Женщина, оказывается, уже слышала от кого-то, что есть продавец масла по фамилии Цинь, очень честный в деле, и потому сказала ему:

— Масло нам бывает нужно каждый день. Если согласишься носить, будем твоими постоянными покупателями.

— Сделайте одолжение,— ответил Цинь Чжун.— Все, что прикажете, будет доставлено.

И женщина со служанкой ушли.

«Интересно, кем приходится эта женщина той молодой?— думал Цинь Чжун.— Не ради заработка, а уж просто ради того, чтобы поглядеть на ту девицу, стоит носить им масло каждый день».

Он уже собрался было поднять коромысло и двинуться дальше, но в это время увидел, как двое носильщиков с паланкином, занавешенным голубым шелком, и двое слуг позади чуть ли не бегом примчались к дому. Носильщики остановились и опустили паланкин, а слуги зашли в дом.

«Любопытно! За кем это они?»— подумал Цинь Чжун.

Вскоре из дома вышли две служанки. Одна несла сверток, завернутый в ярко-красную шерстяную ткань, другая — шкатулку из пятнистого бамбука с инкрустациями. Все это они передали носильщикам, и те уложили вещи под сиденье в паланкине. Затем вышла та, которую Цинь Чжун уже видел, и следом за ней те же двое слуг. Один нес цитру в футляре, другой — несколько свитков и флейту. Красавица села в паланкин, носильщики подняли его и понесли. Служанки и слуги следовали сзади.

На этот раз Цинь Чжуну удалось хорошо разглядеть девицу, и он стал еще больше недоумевать, кто

она и чей это дом. Взяв коромысло с пустыми бочонками, он медленно побрел прочь.

Пройдя немного, он увидел возле самого озера какую-то харчевню. Обычно Цинь Чжун не пил, но сегодня, после того как он увидел девицу, на душе у него было радостно и в то же время тоскливо. Поэтому, оставив у входа бочонки с коромыслом, он зашел в харчевню и выбрал небольшой столик.

— Ждете гостя или одни будете пить?— обратился к нему человек.

— Принеси хорошего вина. Пить буду один! Свежих фруктов дай немного. Мясного ничего не нужно.

И когда человек наливал ему вина, Цинь Чжун спросил:

— Что за дом там с блестящими, покрытыми золотистым лаком воротами?

— Это загородный дом господина Ци. Там живет теперь матушка Ван Девятая,— ответил тот.

— Я видел сейчас, как одна девица садилась в паланкин. Кто это такая?

— Это известная пудренная головка Ван Мэйнян, которую все называют Царицей цветов. Родом она из Бяньляна и заброшена в эти края горькой судьбой. Она прекрасно играет на музыкальных инструментах, хорошо поет, танцует, искусна в каллиграфии, живописи, отлично играет в шахматы. Все, кто бывает у нее,— люди видные. Чтобы провести с нею ночь, нужно десять ланов чистого серебра, так что тем, кто попроще да победнее, к ней и не подступиться. Вначале она жила недалеко от ворот Юнцзинь, но там было тесно, и господин Ци, который очень дружен с ней, полгода назад отдал в ее распоряжение весь этот дом с садом.

Когда Цинь Чжун услышал, что она тоже из Бяньляна, он вспомнил свои родные места, и красавица стала еще милее его сердцу.

Выпив несколько чарок, он уплатил за вино и пошел дальше, размышляя про себя: «Есть же на свете такие красавицы! И попала вот в веселый дом. Жаль.— Но он тут же усмехнулся:— А если бы не попала, разве тогда мне, продавцу масла, довелось бы ее увидеть?» И чем больше он думал, тем дерзновеннее становились его мысли и желания. «Траве дано расти лишь год, человеку жить — лишь раз! Одну бы ночь провести с такой красавицей, держа ее в своих объятиях! Не пожалел бы жизнь отдать за это». Затем он словно очнулся: «Тьфу!

Чего надумал! Таскаюсь весь день с этой ношей, зарабатываю какие-то гроши — мне ли мечтать о несбыточном! Совсем как жаба в сточной канаве, которой захотелось отведать лебединого мяса. Как же, жди! Так оно тебе в рот и попало! И потом: ведь общается-то она только с богатыми да знатными, так что, если бы даже у меня, простого продавца, завелись большие деньги, все равно она не приняла бы меня». Но тут пришла ему в голову другая мысль: «Говорят, что содержательницам таких домов важно лишь, чтобы деньги были: с деньгами — и нищий хорош. Так неужели же меня, честного и порядочного продавца, не примут, имея деньги? Примут! Только как раздобыть их?» И он шел, разговаривая сам с собой, перебирая в уме то одно, то другое и пытаюсь разобраться в мыслях, беспорядочно пронесившихся у него в голове.

Вы скажете: «Да найдется ли на свете такой чудак?! Какой-то мелкий торговец, у которого всего-навсего было три лана, вздумал за десять ланов повеселиться со знаменитой гетерой. Ведь это же несбыточный сон, и только!»

Да, но давно ведь известно: «кто стремится, тот добьется». И вот после бесконечных раздумий он все-таки решил: «Начиная с завтрашнего дня, каждый день буду оставлять себе из выручки только необходимую на торговлю сумму, остальные деньги стану откладывать. Если каждый день откладывать по *фэню, за год наберется три лана и шесть *цяней, так что всего за три года можно будет собрать нужную сумму. Если же в день откладывать по два фэня, то понадобится лишь полтора года, а если откладывать побольше, хватит, наверно, и года».

Размышляя так, он незаметно дошел до дома, снял замок и вошел в комнату. В пути он слишком уж размечтался, и потому, когда увидел свою одинокую постель, ему сразу сделалось тоскливо и грустно. У него даже пропала охота ужинать, и он улегся спать.

Но где ему было уснуть в эту ночь? Он только ворочался с боку на бок и все думал о красавице, которую повстречал днем. Действительно:

*Облик — прелестней луны!
Образ — прекрасней цветка!
Сердце и мысли — в смятенье,
покою лишилась душа.*

Еле дождавшись утра, он встал, наполнил бочонки маслом, позавтракал и, замкнув двери, отправился с ношей прямо к вчерашней заказчице.

Он вошел в ворота, но дальше идти не посмел и стал смотреть, нет ли кого во дворе. В это время Ван, только недавно вставшая с постели и еще не причесанная, давала распоряжения служанке, которую посылала на базар. Цинь Чжун узнал ее по голосу и крикнул:

— Матушка Ван!

Увидев Цинь Чжуна, Ван заулыбалась.

— Вот честный человек! Сдержал слово,— проговорила она и велела ему войти в дом.

Она взяла полную бутылку масла весом более пяти *цзиней и уплатила по обычной цене. Цинь Чжун не торговался, и матушка Ван, довольная, сказала:

— Этого масла нам хватит на два дня; приходи через день, тогда я не буду покупать у других.

Цинь Чжун согласился и вышел, досадуя лишь на то, что не удалось ему увидеть Царицу цветов.

«Хорошо, что они будут постоянными покупателями,— думал он.— Один раз не увижу ее, увижу в другой. Не увижу в другой — так в третий. Но из-за одной матушки Ван тащиться в такую даль совсем не дело. Тут ведь рядом монастырь Чжаоцин, пойду им предложу. Если из каждой кельи кто-нибудь возьмет масло, этого будет достаточно, чтобы сразу сбыть все, и не придется тогда продавать по пути».

Когда Цинь Чжун явился в монастырь и осведомился, не нужно ли там масла, то оказалось, что монахи только что вспоминали о нем: он пришел как раз вовремя. Много ли, мало ли, но каждый взял масла, и Цинь Чжун договорился, что будет приходить через день.

День этот был четный, и с этого дня по нечетным числам Цинь Чжун торговал в другой части города, а по четным направлялся по дороге через ворота Цяньтан и прежде всего шел к матушке Ван в надежде увидеть Царицу цветов. Продажа масла была для него только предлогом. Иной раз удавалось ему повидать Царицу цветов, а иной раз — нет. Не увидит — значит, зря мечтал, а увидит — только новую печаль наживет, ибо действительно:

*И небу, бескрайнему небу,
и давность забывшей земле
Когда-то иль где-то,
но есть или будет предел.*

*А этой безбрежной любви,
этой щемящей тоске
Печалью вечною жить,
бессмертную болью во мне!*

Цинь Чжун столько раз уже побывал в доме матушки Ван, что все там, от мала до велика, знали его.

Время летело быстро. Незаметно прошло больше года. Изо дня в день Цинь Чжун откладывал то три, то два фэня, уж самое малое — один. Когда набиралось несколько цяней, он выменивал их на более крупные куски серебра, и в конце концов у него накопился их целый узел; сколько там было, он и сам не знал.

Как-то в нечетный день полил дождь, и Цинь Чжун не пошел торговать. Довольный тем, что ему удалось скопить порядочную сумму, он решил: «День сегодня свободный, надо воспользоваться этим и пойти проверить на весах, сколько же все-таки у меня серебра».

Взяв зонт, он пошел в лавку напротив, где торговали серебряными изделиями, и попросил весы, чтобы взвесить серебро.

«Сколько может быть серебра у какого-то продавца масла, что ему нужны весы? — подумал серебряных дел мастер, пренебрежительно взглянув на посетителя. — Дать ему пятилановый безмен, и то, пожалуй, не придется держать за первую петлю».

Цинь Чжун развязал узел — в нем оказалось множество раздробленных мелких кусков серебра и несколько цельных слитков. Когда мастер, человек мелочный и недалекий, увидел столько серебра, его словно подменили. Он вспомнил, что «о людях по виду судить не годится, так же как море ковшом измерять», и засуетился с весами, вытащив целую кучу больших и малых гирь.

Цинь Чжун взвесил все, что было в узле, и получилось ни больше ни меньше, как шестнадцать ланов.

«Оставлю три лана на масло, — решил Цинь Чжун, — остальное пойдет на то, чтобы провести ночь среди *ив и цветов, да и то, пожалуй, будет излишек». Затем он подумал: «Такую мелочь вынимать неприлично; покажешь ее, станут смотреть на тебя искоса. Лучше переплавить все в цельные ситки. Так будет солиднее. Да как раз здесь это и удобно сделать».

Тогда он отвесил десять ланов и попросил переплавить мелкие куски в большой, десятилановый слиток,

а один лан и восемь цяней — в малый слиток. Из остальных четырех ланов и двух цяней он оставил небольшой кусок мастеру за труды, а еще несколько цяней истратил на туфли с окантовкой, носки и шапку.

Он выстирал свою одежду, купил ароматный ладан и старательно обкурил ее. В первый же погожий, солнечный день Цинь Чжун тщательно принарядился и выглядел

*Человеком хотя небогатым,
Но милым весьма и изящным.*

*Запрятав в рукав серебро, он запер комнату и отправился к Ван. Настроение у него было приподнятое. Но когда он подошел к дому, в нем заговорила его обычная робость.

«Я всегда приходил продавцом,— думал он,— а сегодня вдруг явлюсь «гостем»... И сказать-то им об этом неловко».

Пока он стоял в нерешительности, ворота вдруг со скрипом распахнулись и показалась матушка Ван.

— Что же ты сегодня не торгуешь, молодой господин Цинь?— заговорила она, увидев Цинь Чжуна.— И так принарядился! Куда же это ты собрался, по каким делам?

Цинь Чжуну пришлось набраться смелости и подойти к ней с приветствием. Ван ответила тем же.

— У меня, собственно, нет никакого дела, я просто пришел навестить вас.

Но матушка Ван — хозяйка из старых и бывалых, ей достаточно было взглянуть на человека, чтобы понять, в чем дело. Видя, как Цинь Чжун приоделся, да услышав еще, что, мол, пришел «навестить», она подумала: «Ну, конечно, понравилась какая-нибудь из моих девиц и решил позабавиться, а может, и ночь провести. Ну что ж, хоть и не самый он великий из богов, но все же: положишь его денежки в корзину — зеленю станут, бросишь в сумку — крабом будут к обеду. Так что заработать у него мелочь на базар — тоже дело».

И, заулыбавшись во все лицо, она сказала:

— Коль скоро молодой господин Цинь решил навестить меня, старую, то меня ждет, вероятно, что-то хоршее.

— Да, мне, видите ли, хотелось бы вам кое-что сказать... С моей стороны это будет большой нескромностью, даже как-то неловко начинать...

— Говори, пожалуйста. Что ж тут такого? Но прошу, пройди в гостиную — там мы обо всем и потолкуем.

Хотя Цинь Чжун сотни раз уже бывал в этом доме, но кресло в гостиной еще не было знакомо с его задом, и теперь предстояла их первая встреча.

В гостиной они сели, и матушка Ван крикнула, чтобы подали чай.

Через некоторое время служанка принесла на подносе чай. Но когда она увидела, что в гостиной сидит продавец масла Цинь и матушка почему-то принимает его как гостя, она захихикала.

— Чего тут смешного! — прикрикнула на нее Ван. — Вести себя не умеешь перед гостем.

Служанка перестала смеяться, подала чай и ушла. Тогда Ван спросила Цинь Чжуна:

— Так что же ты собирался сказать мне, господин Цинь?

— Собственно, ничего другого, как то, что хотел бы пригласить одну из ваших девушек выпить со мной чарку вина.

— Что ж, так и будете пить вино, и больше ничего? — сказала на это Ван с лукавой усмешкой. — Наверно, поразвлекься задумал? А ты ведь человек тихий и скромный. С каких это, скажи, пор появилось у тебя такое игривое настроение?

— Сокровенную эту мечту я очень давно уже лелею.

— Всех девиц моих ты знаешь, интересно, какая же из них тебе приглянулась?

— Ни о ком другом не думаю, и единственно, с кем хочу побыть вечер, — это с Царицей цветов.

Решив, что он смеется над ней, Ван сразу же переменила тон:

— Ты понимаешь, что говоришь? Или издеваешься надо мной?

— Вы знаете, что человек я прямой и говорю то, что думаю.

— Гм, даже у ночного горшка два ушка, так неужели ты не слышал, сколько я беру за мою Мэйнян? Да тебя со всем твоим скарбом не хватит на то, чтобы провести с ней хотя бы полночи. Уж лучше как-нибудь отведи душу с другой.

Цинь Чжун изобразил притворное изумление на лице.

— Не думал, что вы так любите похвастать!— сказал он.— И все-таки осмелюсь спросить, сколько же тысяч ланов нужно, чтобы провести ночь с Царицей цветов.

Ван снова заулыбалась — она полагала, что продавец, конечно, шутит, и в ответ сказала ему:

— «Сколько тысяч»? Ну, зачем так много, всего десять ланов чистого серебра, помимо угощения и прочих расходов.

— Вот как. Ну, это пустяки,— заявил Цинь Чжун и, вынув из рукава сверкающий белизной большой слиток серебра, подал его хозяйке:— Этот десятилановый слиток прошу вас оставить себе.— Затем он вынул маленький слиток.— Здесь около двух ланов,— сказал он.— Прошу приготовить на них угощение. Помогите мне, а я до конца жизни не забуду этого и не премину потом доказать вам свое почтение и благодарность.

Когда Ван увидела большой слиток, ей стало жаль упускать его из рук, но в то же время она подумала: не минутная ли это блажь, не будет ли этот продавец потом, когда останется без денег, раскаиваться? Поэтому она сочла за благо на всякий случай предупредить его.

— Тебе, скромному продавцу,— сказала она,— не легко было скопить эти деньги, и нужно трижды подумать, прежде чем решиться на такое.

— Я уже решил, и прошу вас об этом не беспокоиться.

Тогда Ван спрятала серебро в рукав и сказала:

— Ну, ладно, решил так решил, однако трудностей предстоит еще много.

— Вы ведь здесь главная, какие же могут быть трудности? — возразил Цинь Чжун.

— Видишь ли, у моей Мэйнян бывают знатные да богатые люди, и действительно можно сказать, что здесь «виднейших ученых услышишь в веселой беседе и среди массы гостей не найдешь никого без чинов»; а она знает, конечно, что ты мелкий торговец, и навряд ли пожелает принять тебя.

— Очень надеюсь, что вы уж как-нибудь постараетесь довести дело до желанного конца, а я этого благодеяния никогда не посмею забыть.

Видя, что Цинь Чжун непоколебим в своем решении, Ван сдвинула брови и задумалась. Но вот какая-то мысль пришла ей на ум, и, засмеявшись, она сказала:

— Я придумала, как быть, но все зависит от твоего счастья; получится — хорошо, не получится — не вини. Вчера Мэйнян была приглашена почтенным ученым господином Ли к вину и еще не вернулась; сегодня господин Хуан условился с ней о прогулке по озеру; завтра она приглашена уважаемым господином Чжаном и другими любителями возвышенного и прекрасного на вечер стихов; а на послезавтра уже несколько дней назад ее пригласил на обед сын министра, господин Хань. Так вот, загляни после этого. А пока не появляйся у нас с маслом — так будет лучше. И вот еще что, — вспомнила Ван, — одежда на тебе из простой ткани и ты не походишь на блестящего, богатого посетителя; поэтому, когда придешь к нам в следующий раз, оденься получше, чтобы девицы тебя не узнали. Тогда и мне будет легче что-нибудь придумать.

— Я понял вас, — сказал Цинь Чжун и откланялся.

После этого разговора Цинь Чжун три дня подряд не ходил торговать маслом. Надев на себя поношенное, но еще совсем приличное шелковое платье, которое он купил в зеленой лавке, Цинь Чжун бродил по городу, подражая манерам ученых и знатных людей. Вот уж действительно:

*Чтоб в тайны цветников проникнуть,
Решил манерам должным обучиться.*

Но не будем говорить о тех трех днях. На четвертый день, поднявшись чуть свет, Цинь Чжун сразу отправился к матушке Ван. Явился он туда очень рано — ворота еще были закрыты, и юноша решил прогуляться, а потом прийти опять. В монастырь Чжаоцин он не осмеливался идти в таком виде, боясь осуждения монахов, и потому направился к дамбе Шицзин. Прогуливался он довольно долго, и когда вернулся, то ворота дома были уже открыты. Возле ворот Цинь Чжун увидел паланкин и лошадей, а в подворотне — множество слуг. Цинь Чжун был скромным и к тому же сообразительным человеком: он не стал заходить внутрь, а тихонько подозвал к себе погонщика и спросил:

— Чьи это лошади и паланкин?

— Это из дома почтенного Ханя приехали за молодым господином.

Цинь Чжун понял, что тот ночевал здесь и еще не уехал. Тогда он пошел в харчевню перекусить, посидел там и опять направился к дому. Паланкина уже не было. Когда он вошел в дом, его встретила Ван и тут же сказала:

— Виновата я перед тобой: сегодня Мэйнян опять занята. Только что молодой господин Хань увез ее с собой любоваться ранними цветами *мэй. Он у нас постоянный гость, и я не решилась отказать ему. Но это еще не все. Я слышала, как он говорил, что завтра они собираются поехать в монастырь Линъинь повидать одного мастера шахматной игры и сыграть с ним партию. Кроме того, уже несколько раз приходил договариваться господин Ци. Он хозяин этого дома и сада, так что тоже нельзя отказать. А когда он приезжает, то живет по три, по пять дней кряду, и тогда даже я сама не могу ничего определенного обещать заранее. Послушай, господин Цинь, если ты действительно решил добиться своего, то уж потерпи еще некоторое время. А не то я должна буду вернуть тебе твои подношения.

— Самое главное — это чтобы у вас было желание помочь мне,— ответил Цинь Чжун.— Я десять тысяч лет согласен ждать, только бы встреча состоялась.

— В таком случае я готова взять это на себя,— ответила та и, когда Цинь Чжун простился и собрался уходить, добавила: — Вот еще что, господин Цинь. Когда соберешься в следующий раз навеститься к нам, не являйся рано, а приходи днем, после полудня, ближе к вечеру, и я всегда тебе точно скажу, будут или не будут гости на следующий день. И вообще, чем позже придешь, тем лучше. Это мои особые соображения, пойми меня правильно и не обижайся.

— Что вы, что вы!— ответил Цинь Чжун.

В этот день Цинь Чжун не торговал. А на следующий день он привел в порядок свою ношу и отправился с ней в другие места. Теперь он уже не ходил с маслом в сторону ворот Цяньтан, к дому матушки Ван Девятой. Туда он являлся только вечером, после работы, тщательно приодетый. Каждый день он справлялся, но Мэйнян все бывала занята. Так он безуспешно проходил туда более месяца. И вот настал пятнадцатый день двенадцатого месяца. После большого снегопада подул западный ветер, и снег обледенел. Был страшный мороз, зато не было грязи.

В этот день Цинь Чжун торговал маслом, а вечером, как обычно, приоделся и пошел в веселый дом. На этот раз хозяйка вышла к нему навстречу, умильно улыбаясь.

— Сегодня тебе повезло,— сказала она.— Кажется, все девяносто девять «за».

— А единичка, которой недостает, это что?— спросил Цинь Чжун.

— Это она сама — ее еще дома нет.

— А вернется она?

— Сегодня она любителю снегом у начальника Военной палаты господина Юя. Угощение устроено прямо в лодке на озере. Господин Юй — это семидесятилетний старец, и его пора наслаждаться любовью уже прошла. Он говорил, что с наступлением вечера доставит ее обратно. А ты пока пройди к ней в комнату, согрейся кубком вина и дождайся ее там.

— Тогда прошу вас провести меня.

Ван повела его лабиринтами коридоров мимо множества комнатушек, пока они наконец не оказались в светлом, просторном помещении из трех комнат. С левой стороны была комната для прислуги — здесь стояли кровать, лежанка и еще какая-то простая мебель; с правой — спальня Мэйнян. Двери спальни были заперты на замок. Посередине находилась гостиная. На стене, прямо против входа, висел пейзаж кисти известного художника. На столике для курения фимиамов стояла бронзовая *бошаньская курильница, в которой курились ароматные свечи, а по обе стороны от этого столика стояли еще столики с дорогими безделушками. Множество написанных от руки стихов украшало стены. Цинь Чжун, слабо владевший грамотой, не решался задерживать на них своего взгляда.

«Если здесь так опрятно,— думал он,— представляю, какой прекрасной должна быть ее спальня. Да, это будет ночь моего полного блаженства, и десять ланов за такую ночь — не много, нет».

Ван усадила Цинь Чжуна на место гостя, а сама заняла место хозяйки. Через некоторое время служанка внесла лампу, поставила на стол и подала шесть блюд свежих фруктов. Затем она принесла короб с тончайшими яствами и великолепное вино, аромат которого щекотал ноздри. Когда налили вина, Ван подняла чару и стала потчевать гостя.

— У всех девиц моих сегодня посетители, и составлять тебе компанию приходится мне самой. Так прошу, дай волю душе и пей без всякого стеснения.

Цинь Чжун вообще-то редко пил, к тому же на уме у него было совсем другое, и потому, пригубив несколько раз и чуть отпив, он оставил чарку.

— Ты, наверное, проголодался, поешь немного, а потом еще выпьешь,— сказала хозяйка.

Служанка тут же подала белый как снег рис и поставила перед Цинь Чжуном чашку бульона. Ван пить могла много, а потому не приступала к еде и, занимая гостя, продолжала потягивать вино. Цинь Чжун съел чашку риса и положил *палочки.

— Ночь-то длинная. Поешь еще немного,— угсаживала его Ван.

Цинь Чжун съел еще полчашки. Подошла служанка с фонарем в руках и доложила:

— Вода нагрелась, прошу господина гостя мыться.

И хотя Цинь Чжун, перед тем как прийти сюда, успел помыться, отказаться он не посмел и, помывшись ароматной водой и душистым мылом, оделся и снова вернулся к столу. Ван велела убрать прежние закуски и подать к вину *блюда на угольках.

К этому времени сумерки уже начали переходить в ночь, в монастыре Чжаоцин отзвонил колокол, а Мэйнян все не возвращалась.

*Ты все веселишься,
красавица, где-то,
А юный влюбленный
глаза проглядел.*

Как говорится, «кто ждет, тому не ждется». И Цинь Чжун приуныл.

Ван, как могла, занимала его болтовней, потчевала, уговаривала пить. И вдруг снаружи донесся шум, слышались оживленные голоса — вернулась Царица цветов. Служанка прибежала доложить об этом. Хозяйка поспешно встала и вышла встретить Мэйнян. Цинь Чжун тоже поднялся.

Через некоторое время служанки под руки ввели Мэйнян. Остановившись у двери, она пьяными, помутневшими глазами смотрела на ярко горевшие свечи, на тарелки и чарки, которые так и не были убраны со стола.

— Кто здесь пил?— спросила она.

— Дитя мое, это тот молодой господин Цинь, о котором я тебе не раз говорила. Он давно восхищается тобой, поднес подарок, но тебе было все некогда, и он ждет уже больше месяца. К счастью, ты сегодня свободна, вот я и удержала его, чтобы он смог повидаться с тобой.

— Что-то не слышала, чтобы в Линьани говорили о каком-то молодом господине Цине,— ответила Мэйнян.— Нет, я не приму его.

Она повернулась, чтобы уйти, но Ван, раскинув руки, быстро преградила ей путь.

— Послушай! Мать не подведет тебя. Молодой господин Цинь — это порядочный человек, человек искренней души.

Постояв немного, Мэйнян вошла в гостиную. Что ей еще оставалось?! Но, едва переступив порог, она подняла взгляд на сидящего гостя и тотчас остановилась: лицо молодого человека показалось ей знакомым. Пьяная, она никак не могла только вспомнить, кто это, и сказала:

— Матушка, этого человека я знаю. Он вовсе не из видных, известных людей. Надо мной будут смеяться, если я проведу с ним вечер.

— Дочь моя,— ответила Ван,— не прими его за кого-нибудь другого. Ведь это господин Цинь, владелец той самой лавки возле городских ворот Юнцзинь, в которой торгуют шелком. Когда мы жили там поблизости, ты, вероятно, его встречала, поэтому его лицо тебе и знакомо. Я была тронута искренностью чувств молодого человека и пообещала, что ты примешь его. Отказать теперь уже неловко. Хотя бы из уважения ко мне удели ему вечер. Я же признаю свою вину и завтра принесу тебе извинения.

Говоря это, Ван подталкивала Мэйнян вперед.

Мэйнян пришлось подойти и поздороваться с гостем. Сушая правда,

*Коль сводница рот свой раскроет,
в сети ты к ней попадешь;
Коль сводница руки наложит,
знай — никуда не уйдешь.
И сколько ни бейся, бедняжка,
как ни хитри, ни мудри,
Одно лишь тебе остается —
за сводницей следом идти.*

Цинь Чжун, конечно, слышал весь разговор Ван с Мэйнян, но сделал вид, что ничего не знает.

Поздоровавшись с Цинь Чжуном, Мэйнян села и стала внимательно разглядывать его. Она была очень недовольна, ее одолевали сомнения, и потому она все время молчала. Потом позвала служанку, велела подать горячего вина и наполнила большую чару. Ван думала, что она собирается поднести вино гостю, но Мэйнян залпом выпила всю чару сама.

— Дитя мое, ты охмелела уже, поменьше пей,— заметила хозяйка, но Мэйнян и слушать ее не хотела.

— Нет, я не охмелела,— возразила она и одну за другой выпила подряд чарок десять.

Всего этого вместе с выпитым за день было для нее больше чем достаточно. Почувствовав, как она отяжелела, Мэйнян приказала служанке открыть спальню и засветить серебряный светильник. Не раздеваясь, не снимая с головы украшений, сбросив с себя лишь башмаки, она повалилась на постель.

Поведение Мэйнян пришлось не по душе хозяйке.

— Ох, и капризная же,— говорила она Цинь Чжуну.— Это все потому, что я ее вечно баловала. Не знаю уж, чем она сегодня недовольна, но только вы тут ни при чем и потому не обижайтесь, пожалуйста.

— Что вы! Не посмею!— ответил Цинь Чжун.

Ван уговаривала молодого человека выпить еще, но тот решительно отказался. Тогда она провела его в спальню.

— Пьяна. Надо помягче, поласковее с ней,— шепнула она на ухо Цинь Чжуну и затем громко окликнула Мэйнян:— Дочь моя, поднимись, разденься и укладывайся как следует.

Мэйнян ничего не отвечала — она уже спала. Хозяйке оставалось только покинуть спальню. Служанка, убрав со стола, тоже собралась уходить.

— Располагайтесь, господин Цинь,— сказала она на прощание.

— Принеси горячего чаю, если есть,— попросил Цинь Чжун.

Служанка поставила на стол чайник густо заваренного чая и удалилась в боковую комнату, прикрыв за собой дверь.

Цинь Чжун посмотрел на Мэйнян. Она лежала поверх парчового одеяла, повернувшись лицом к стене, и крепко спала. Цинь Чжун подумал о том, что пьяный

человек всегда чувствителен к холоду. И тут он заметил на спинке кровати еще одно большое шелковое одеяло и, тихонько сняв его, заботливо укрыл Мэйнян. Затем он поправил светильник, взял чайник с горячим чаем, сбросил туфли и примостился возле Мэйнян, положив на нее правую руку, а левой держа возле себя чайник. Так он лежал, не решаясь сомкнуть глаз. И действительно:

*Пусть не было бурного ливня страстей,
Пусть дух не витал в облаках,
Но дивную яшму он нежно ласкал
И сладкий вдыхал аромат.*

В полночь Мэйнян проснулась от давящей тяжести в груди. Хмель еще не прошел. Она приподнялась, села на постели и, склонив голову, пыталась сдержать приступ тошноты. Цинь Чжун, понимая, что ее тошнит, тотчас приподнялся, поставил в сторонку чайник и стал тереть ей спину. Наконец Мэйнян не выдержала: ее стало рвать. Боясь, что она может запачкать одеяло, Цинь Чжун подставил ей рукав своего халата. Мэйнян не понимала, что происходит. Когда рвота наконец прекратилась, она, не раскрывая глаз, попросила чаю.

Цинь Чжун встал с постели, осторожно снял с себя халат и положил его на пол. Пощупал чайник — он оказался еще теплым. Тогда он налил чашку густого ароматного чая и подал Мэйнян. Та выпила залпом две чашки подряд и вроде бы почувствовала облегчение. Но тут же она снова повернулась лицом к стене и, утомленная, мгновенно заснула. Свернув свой халат грязным рукавом внутрь, Цинь Чжун сунул его под кровать и опять лег рядом с Мэйнян, обняв ее одной рукой.

Мэйнян пробудилась ото сна, только когда уже рассвело. Повернувшись, она увидела, что кто-то лежит возле нее.

— Кто вы такой?— удивилась красавица.

— Моя фамилия — Цинь,— ответил Цинь Чжун.

Мэйнян тщетно стала припоминать, что было с нею минувшей ночью.

— Ну и пьяна же была я вчера,— проговорила она.

— Нет, не очень,— сказал Цинь Чжун.

— А меня тошнило?

— Нет.

— Ну, тогда еще ничего. А мне что-то помнится, что тошнило. Помню еще,— добавила Мэйнян, немного по-

думав,— что я пила чай. Неужели мне все это приснилось?!

— Да, тошнило,— сказал тогда Цинь Чжун.— Я видел, что вечером вы выпили лишнее, и боялся, что это может с вами случиться. Поэтому я держал возле себя теплый чайник. Когда вас вырвало, вы попросили чаю, я вам налил, и вы были так любезны, что выпили две чашки.

— И где же это все?— в испуге спросила Мэйнян.— Какая гадость!

— Я боялся, что запачкается одеяло, и подставил свой рукав.

— Ну и куда же вы все это девали?

— Завернул и убрал.

— Жаль, испортила вам халат.

— Считаю, что халату моему повезло.

«Как он тонок в обращении»,— подумала про себя Мэйнян, чувствуя уже некоторое расположение к молодому человеку.

Тем временем совсем рассвело. Мэйнян поднялась с постели, привела себя в порядок, взглянула на гостя и тут вдруг вспомнила, где она видела этого человека. Не сомневаясь в том, что перед ней продавец масла Цинь, она спросила его:

— Кто вы такой и почему оказались здесь вчера ночью? Прошу вас, скажите мне откровенно,— добавила она.

— Раз вы удостоили меня этим вопросом, то я не посмею солгать. Я — Цинь Чжун, тот самый продавец, который обычно приходил к вам сюда с маслом.

И тут Цинь Чжун подробно поведал ей о том, как увидел ее в первый раз, когда она провожала гостей, как видел ее вторично, когда она садилась в паланкин, как его душой завладело неодолимое влечение к ней, и, наконец, о том, как стал копить деньги на свидание с нею.

Подробно рассказав обо всем, он добавил:

— Мне довелось в милой близости с вами провести эту ночь, я почитаю это счастьем всей моей жизни и вполне этим удовлетворен.

Мэйнян была тронута его рассказом.

— Вчера я была пьяна и не оказала вам должного приема,— сказала она,— и вы, конечно, сожалеете о том, что зря потратили столько денег.

— Вы небесная фея, и беспокоит меня лишь одно: быть может, я не проявил должного внимания, ухаживая за вами. И если только вы не станете осуждать меня — это уже беспредельное счастье, ни на что большее я даже надеяться не смею.

— Но вы ведь простой торговец. Почему бы не приберечь для семьи то, что вам удастся скопить? Ведь такому, как вы, здесь бывать вовсе не следует.

— Я одинокий человек, у меня нет ни жены, ни детей,— ответил Цинь Чжун.

Мэйнян на минуту задумалась, затем спросила:

— Сегодня вы уйдете, а в другой раз придете еще?

— Милая близость прошедшей ночи утешила меня на всю жизнь, и я не смею лелеять в себе безумные мечты.

«Редкий человек,— подумала Мэйнян.— Честен, скромен и еще так обходителен, скрывает чужие недостатки и восхваляет чужие достоинства. Из ста, из тысячи не встретишь одного такого! Как жаль, что он человек рынка и лотков. Будь он из тех, что постоянно ходят в халатах и шапках, я согласна была бы вверить ему свою судьбу и служила бы ему всю свою жизнь».

Тем временем служанка принесла воды для умывания, а немного погодя — две чашки имбирного отвара. Цинь Чжун умылся. Причесываться он не стал, так как ночью даже не снимал с себя шапки. Отпив несколько глотков имбирного отвара, он стал прощаться.

— Погодите, не торопитесь!— остановила его Мэйнян.— Я хочу еще кое о чем с вами поговорить.

— Я полон чувства почтения к вам, Царица цветов, и мне приятен будет каждый лишний миг, который я проведу возле вас. Но человеку следует во всем знать меру. Дерзостью было уже то, что я провел здесь целую ночь. Ведь достаточно узнать об этом кому-нибудь, чтобы на ваше доброе имя сразу легло пятно. Разумнее будет уйти пораньше.

Мэйнян кивком головы выслала из комнаты служанку и, как только за ней затворилась дверь, вынула из шкатулки двадцать ланов серебра.

— Вчера я была виновата перед вами,— сказала Мэйнян, протягивая молодому человеку серебро.— Так возьмите эти деньги и вложите их в ваше дело. Только никому об этом не говорите.

Цинь Чжун, разумеется, отказался принять деньги.

— Послушайте, деньги мне достаются легко. Этой ничтожной суммой я хочу хоть как-то отблагодарить вас за ваше внимание ко мне. Не отказывайтесь, прошу вас. И если вам не хватит на дело, я смогу потом еще вам помочь. А ваше платье я прикажу служанке выстирать и вернуть вам.

— О каком-то дрянном платье незачем вам беспокоиться. Я и сам его постираю, а принять ваш щедрый дар не осмелюсь.

— Ну что вы!— воскликнула Мэйнян, засовывая серебро ему в рукав и подталкивая к выходу.

Цинь Чжун, видя, что ему так не уйти, принял серебро, низко поклонился Мэйнян и, захватив с собой свое грязное платье, вышел из комнаты. Когда он проходил по коридору, служанка заметила его.

— Матушка!— крикнула она.— Господин Цинь уходит.

Ван, которая в это время была занята туалетом, не выходя из комнаты, окликнула его.

— Что же это вы так рано уходите, господин Цинь?

— Есть кое-какие дела,— ответил Цинь Чжун.— Как-нибудь в следующий раз приду поблагодарить вас.

Но оставим пока Цинь Чжуна.

Что до Мэйнян, то, хотя между ней и Цинь Чжуном в эту ночь ничего не было, искренность его чувств тронула ее. Ей стало жаль, что он ушел. После вчерашнего опьянения ей было нехорошо, и в этот день она осталась отдыхать дома, отказав всем. Ни о ком из своих знакомых она не вспоминала и думала лишь об одном Цинь Чжуне. Есть песенка, которую можно привести здесь в подтверждение:

*Милый мучитель!
Гость ты не частый
в ярких аллеях цветов.
Знаю, ты скромный,
простой продавец,
Но ты ласков душой,
сердцем чуток своим,
так мил и так нежен со мной!*
Нет!
Нет в тебе буйного нрава.
Нет!
Нет в тебе черствой души.

*Ах, сколько уж раз
от себя эти мысли гнала
И снова и снова
думаю лишь о тебе.*

А теперь вернемся к Син Цюаню. Живя в доме Чжу Шилао, он близко сошелся с Ланьхуа, а когда увидел, что болезнь приковала Чжу Шилао к постели, совсем перестал считаться с чем бы то ни было. Чжу Шилао не раз выходил из себя и скандалил с Син Цюанем. Кончилось все это тем, что однажды ночью, сговорившись, Син Цюань и Ланьхуа очистили шкаф, забрали деньги и сбежали.

Чжу Шилао узнал об этом только на следующий день. Он попросил соседей помочь ему в беде. Вывесили объявление о краже, несколько дней подряд искали беглецов, но поиски ни к чему не привели.

Чжу Шилао теперь глубоко раскаивался, что в свое время, введенный в заблуждение Син Цюанем, прогнал Цинь Чжуна.

От людей он слышал, что Цинь Чжун снимает комнату возле моста Чжунъаньцяо и занимается торговлей маслом вразнос. «Хорошо бы вернуть его назад: по крайней мере была бы опора в старости и было бы кому позаботиться обо мне после смерти», — подумал Чжу Шилао. Боясь, однако, что Цинь Чжун не забыл прежней обиды, он решил попросить соседей, чтобы те уговорили Цинь Чжуна вернуться и сказали ему, что следует помнить добро, а не зло.

Как только Цинь Чжун узнал об этом, он сразу же собрал свои вещи и перебрался к Чжу Шилао. При встрече оба разрыдались. Чжу Шилао передал Цинь Чжуну все, что у него осталось из его сбережений, к этому Цинь Чжун добавил свои двадцать с чем-то ланов и, как смог, наладил торговлю маслом в лавке. Теперь он снова носил фамилию Чжу, а не Цинь.

Не прошло и месяца, как Чжу Шилао стало совсем плохо. Лечение не помогало, и вскоре он скончался, к великому горю Цинь Чжуна, который бил себя в грудь и плакал так, словно потерял родного отца.

Последовали обряды *уложения в гроб, установления гроба, и через сорок девять дней, как подобает, Цинь Чжун похоронил Чжу Шилао на родовом кладбище семьи Чжу, которое находилось за воротами Цинбо.

И не было человека, который не говорил бы о добродетели Цинь Чжуна.

Когда с похоронами было покончено, Цинь Чжун снова открыл лавку.

Надо сказать, что лавка эта существовала очень давно и дела ее всегда шли хорошо. Только при Син Цюане покупателей стало совсем мало, потому что он их обсчитывал и обвешивал. Теперь же, увидев, что в лавке опять торгует молодой Цинь Чжун, все охотно стали покупать у него, и торговля пошла лучше прежнего. Цинь Чжуну одному было уже не справиться, и пришлось искать помощника.

Однажды некий Цзинь Чжун, занимавшийся делами посредничества, привел к Цинь Чжуну человека лет пятидесяти. Это был тот самый Синь Шань, который в свое время жил в деревне Аньлюцунь, около Бяньляна, затем в годы нашествия бежал оттуда на юг и потерял дочь при нападении солдат. Несколько лет подряд он вместе с женой скитался по стране, и они кое-как перебивались. Когда он узнал, что Линьянь — цветущий город и многие беженцы устроились именно там, он поехал в Линьянь в надежде разыскать дочь. Но тщетно. Все дорожные деньги он издержал и задолжал в гостинице, откуда его уже стали выгонять. Положение было безвыходное.

И вот как-то в разговоре с Цзинь Чжуном он узнал, что Цинь Чжун ищет помощника. Синь Шань сам когда-то держал зерновую лавку и был знаком с торговлей маслом. К тому же он слышал, что Цинь Чжун тоже из Бяньляна, следовательно, приходится ему земляком, и потому попросил Цзинь Чжуна представить его молодому хозяину.

Подробно расспросив Синь Шаня и узнав, что он пережил, Цинь Чжун невольно проникся к земляку сочувствием.

— Ну что ж, — сказал он, — раз вам остановиться не у кого, живите с женою пока у меня как земляки, как родственники; когда разыщем вашу дочь, тогда решим, как быть дальше.

И тут же он дал Синь Шаню две связки монет, чтобы тот рассчитался в гостинице. Синь Шань привел жену, представил ее Цинь Чжуну. Цинь Чжун приготовил для них комнату.

Супруги Синь во всем помогали ему: в работе по до-

му, в делах по торговле, и Цинь Чжун был очень им рад.

Время летело стрелой, и незаметно прошло больше года. Цинь Чжун, все еще не женатый, жил в достатке, к тому же был человеком порядочным, и поэтому многие готовы были так просто, без всяких подарков и выкупов, отдать за него своих дочерей. Однако, после того как Цинь Чжуну довелось увидеть красоту Царицы цветов, он и смотреть не хотел на каких-нибудь заурядных девиц и твердо решил, что женится лишь в том случае, если найдет для себя настоящую красавицу. Поэтому дни проходили за днями, а он все еще оставался холостяком. Вот уж действительно:

*Лишь синее море считает водою,
Лишь горы заоблачной выси — горами.*

Однако вернемся теперь к Мэйнян.

С известностью, которую она обрела, находясь в доме Ван Девятой, у нее буквально «день проходил в развлечениях, ночь протекала в веселье», и она действительно знала лишь сласти да лучшие яства, утопала в парче и шелках. Но при всем этом ей часто бывало не по себе, особенно когда молодые повесы давали волю своим капризам и прихотям, устраивали сцены ревности или, когда она не могла прийти в себя после пирушек, открыто изменяли Мэйнян. В такие минуты она всегда вспоминала милого молодого Цинь Чжуна, остро ощущала отсутствие теплой ласки и нежного сочувствия и с тоскою думала о том, что не представляется случай встретиться с ним снова.

Но, как видно, сроку «веселой» ее жизни подошел конец и в судьбе ее суждено было настать переменам. Год спустя с ней приключилась вот такая история.

В городе Линьани жил молодой человек У Восьмой. Отец его, У Юэ, был правителем области Фучжоу. Этот У Восьмой только что вернулся в Линьань с места службы отца, и теперь у него было полно денег. У Восьмой был любителем выпить, увлекался азартными играми, заглядывал в различные укромные уголки, и потому имя Царицы цветов ему было хорошо известно. Однако встречаться с ней ему не приходилось. Не раз он посылал к ней, приглашая ее провести с ним время, но Мэйнян, которая слышала о нем много дурного, всякий раз отказывала под тем или иным предлогом. У Восьмой нередко и сам с компанией бездельников

являлся в дом матушки Ван, но ни разу не удалось ему увидеть Мэйнян.

Однажды в светлый *праздник весны, когда люди семьями отправлялись прибрать и приукрасить могилы, когда «всюду свободный от дела народ зеленую травку топтал», Мэйнян, утомленная каждодневными весенними прогулками, распорядилась отказывать всем посетителям и заперлась у себя в комнате. Она зажгла курильницу с благовониями, разложила перед собой четыре сокровища ученых — кисть, бумагу, тушь и тушечницу — и только взялась было за кисть, как услышала невообразимый гам и переполох в доме.

Оказывается, это У Восьмой со своими слугами-головорезами явился предложить Мэйнян прокатиться по озеру. Когда ему отказали — уже в который раз, — он учинил погром в гостиной и, опрокидывая и разбивая все на пути, добрался до половины Мэйнян, но дверь ее комнаты была на замке.

Надо сказать, что в веселых домах прибегали иногда к особому приему отказывать посетителям. Девица пряталась у себя в комнате, комнату снаружи закрывали на замок, а гостю говорили, что ее нет дома. С доверчивыми и скромными это вполне удавалось. Но бывалого У Восьмого этой хитростью, конечно, нельзя было провести. Он велел слугам свернуть замок и ударом ноги распахнул дверь. Перед ним была не успевшая спрятаться Мэйнян. Он тут же приказал вытащить ее из комнаты, при этом он неистово ругался.

В доме от мала до велика все попрятались, так что и тени человеческой нигде не было видно. Ван хотела было подойти к У Восьмому с извинениями и увещеваниями, но, видя, что дело плохо, тоже предпочла скрыться.

Слуги У Восьмого выволокли Мэйнян из дома и, не считаясь с тем, что ей трудно было быстро идти на ее маленьких *бинтованных ножках и в тесных туфельках, помчались по улице, таща ее за собой. За ними с видом грозного победителя следовал их господин.

Слуги выпустили Мэйнян из рук лишь тогда, когда они домчались до озера и впахнули ее в лодку.

Мэйнян, двенадцати лет попавшая к матушке Ван и росшая в довольстве и богатстве, Мэйнян, за которой ухаживали, словно за драгоценной жемчужиной, подобных унижений и издевательств еще никогда не претерпевала. Обхватив лицо руками, она горько рыдала.

Все с тем же нисколько не смягчившимся выражением лица У Восьмой, словно *Гуань Юй, отправлявшийся на пир в Лукоу, уселся в кресло посредине лодки спиной к Мэйнян, а по сторонам возле него стали слуги.

— Подлая дрянь ты этакая, паршивая потаскуха!— выкрикивал он, отдав распоряжение отчаливать.— Не понимаешь, когда относятся к тебе по-хорошему, когда носятся с тобой... Плеток получишь, если будешь еще реветь! Перестань!

Но на Мэйнян эти угрозы не действовали, и она продолжала плакать.

Доплыв до середины озера, где на маленьком островке стояла беседка, У Восьмой распорядился, чтобы в беседку принесли короб с яствами, и сам отправился туда, на ходу бросив прислуге:

— Пусть эта дрянь составит мне компанию за вином!

Мэйнян, рыдая, схватилась за перила, упорно отказываясь сойти на берег.

Выпив без всякого настроения несколько чарок вина, У Восьмой вернулся в лодку и стал приставать к Мэйнян. Та затопала ногами и разрыдалась еще громче. Выведенный из себя, У Восьмой велел сорвать с нее шпильки и приколки.

Мэйнян с распущенными волосами кинулась к носу лодки и бросилась бы в воду, если бы ее не успели схватить.

— Ты что! Думаешь запугать меня!— крикнул У Восьмой.— Да утопись ты даже — обойдешься мне в несколько ланов, и только. Но жизни-то лишать тебя все же грех. Ладно, коли бросишь реветь, отпущу и ничего с тобой не сделаю.

Услышав это, Мэйнян перестала плакать.

Тогда У Восьмой приказал направить лодку за ворота Цинбо. Там, выбрав укромное место, он велел слугам снять с Мэйнян туфли и размотать бинты на ногах — обнажились два *золотых лотоса, два нежных побега бамбука.

После этого он приказал слугам высадить Мэйнян на берег.

— Ну, дрянь, раз ты такая прыткая — добирайся-ка теперь домой сама: у меня для тебя провожатых нет!— крикнул он ей вслед.

Лодку оттолкнули багром, и она снова направилась на середину озера. Вот уж поистине:

** Немало таких, кто цитры сжигал
или варил журавлей,
Но много ль таких, кто женщину милую
искренне пожалел?*

Итак, Мэйнян осталась одна на берегу. Босая, она не могла сделать и шагу.

«Какое унижение! Какое оскорбление! Это при всех моих талантах, при моей-то красоте!— думала Мэйнян.— И все это только из-за того, что я очутилась в этом проклятом заведении. А эти знакомства с родовитыми и знатными людьми... К чему они? Пригодились ли они мне теперь, в минуту беды? Что же мне делать? Пусть я и вернусь сейчас домой, но как буду жить после такого позора? Уж лучше умереть... Но во имя чего? Неужели так бесславно кончить свою жизнь? Ах, до чего ж я дошла! Сейчас любая деревенская женщина лучше меня в сто раз и мне не позавидует. И это все Лю Четвертая со своим языком! Она заманила меня в эту яму, довела до падения, до того, что случилось со мной сегодня. Известно давно, что красавицам горькая доля дана, но уж горше, чем моя, вряд ли кому доставалась».

Чем больше Мэйнян думала, тем тяжелее становилось у нее на сердце, и она громко разрыдалась.

И вот случайность! Как раз в этот день Цинь Чжун поехал за ворота Цинбо на могилу Чжу Шилао совершить поклонение. Назад он пошел пешком, а все, что было доставлено туда для жертвоприношений, отправил домой на лодке.

Проходя около того места, где У Восьмой высадил Мэйнян, Цинь Чжун услышал плач и пошел посмотреть, в чем дело. Всклокоченные волосы и испачканное лицо не помешали Цинь Чжуну сразу же узнать Мэйнян, ее несравненную, бесподобную красоту.

— Царица цветов! Что с вами? Почему вы в таком виде?— взволнованно спросил Цинь Чжун.

Услышав сквозь плач знакомый голос, Мэйнян подняла глаза. Перед нею был тот самый любезный и милый Цинь Чжун, о котором она так часто думала. В этот момент он был ей ближе родного, и она излила ему все, что было на сердце.

Жалость охватила Цинь Чжуна, и он прослезился.

Разорвав пополам свое длинное шелковое полотенце, Цинь Чжун подал его Мэйнян, чтобы та обернула ноги. Он сам вытер ей глаза, поправил волосы и стал утешать ласковыми словами. Когда Мэйнян успокоилась, Цинь Чжун побежал за носильщиками, усадил Мэйнян в паланкин и проводил ее домой.

Ван тем временем всюду разыскивала Мэйнян, но никто ничего не мог сказать о ней. Она уж не знала, что ей делать, как вдруг Цинь Чжун привел Мэйнян.

О радости хозяйки нечего и говорить: ведь Цинь Чжун вернул ей не что иное, как утерянную жемчужину! К тому же этот самый Цинь Чжун уже давно не носил масла, многие говорили, что к нему перешла лавка старика Чжу и что с деньгами у него стало довольно свободно. В глазах других он выглядел теперь иначе, поэтому, разумеется, хозяйка встретила Цинь Чжуна приветливо и учтиво, как никогда. Когда же она узнала, почему Мэйнян в таком виде, узнала, что ей пришлось претерпеть и, наконец, чем она обязана Цинь Чжуну, то с низким поклоном поблагодарила его и пригласила к столу. Так как солнце уже склонилось к западу, Цинь Чжун после нескольких чарок поднялся из-за стола и стал прощаться. Ван усиленно уговаривала гостя остаться, а Мэйнян и вовсе не собиралась его отпускать.

— Вы мне понравились еще тогда, — сказала она. — Если бы вы только знали, как мне хотелось встретиться с вами. Нет, сегодня я не отпущу вас так просто. Ни за что!

Цинь Чжун был вне себя от радости. В этот вечер Мэйнян ради Цинь Чжуна старалась вложить все свое искусство в пение, танцы и игру, и Цинь Чжун чувствовал себя так, словно очутился в какой-то волшебной стране. У него то руки взлетали в порыве бурно играющих чувств и ноги просились в танец, то словно таяла душа и, опьяненная, уносилась в блаженную даль. Была уже глубокая ночь, когда они с Мэйнян рука об руку удалились в ее покои.

Что же касается прелестной полноты их чувств в стихии любви, то об этом излишне даже говорить.

Он молод, силен,

она же искусна в любви.

Он говорит о трехлетней мечте,

о снах бесконечных,

о страстных душевных порывах.

*Она говорит
о давнишней тоске,
о счастье в близости тесной.
Она шепчет о том,
что забыть не могла
заботы и ласки той ночи далекой,
Что ныне обязана
снова огромной услугой ему.
А он ей твердит,
что сегодня она
восполнила счастье той ночи чудесной,
Что вслед за любовью
обязан он ей
познанием еще и блаженства.*

— Я хочу доверить тебе сокровенную тайну души моей,— в ту же ночь сказала Мэйнян Цинь Чжуну.— Только прошу не отказываться, когда узнаешь, в чем дело.

— Если я могу быть чем-нибудь вам полезен, то ради этого я готов идти в огонь и в воду. Отказываться... Да мыслимо ли это?!

— Я хочу, чтобы ты стал моим мужем,— сказала Мэйнян.

Цинь Чжун рассмеялся:

— Если бы вы вздумали выбирать себе мужа из десятка тысяч людей, то и тогда я не оказался бы в их числе. Нет, не смейтесь надо мной.

— Смеюсь, ты говоришь? Нет, я сказала это искренне. С пятнадцати лет, когда с помощью матушки Ван Девятой меня напоили и лишили девственности, с тех пор еще я задумала распрощаться с этим недостойным образом жизни, но не смогла остановить свой выбор на ком-нибудь, так как не видела подходящего человека. Выходить же замуж без разбору я не решалась: боялась в этом важном для всей моей жизни деле совершить непоправимую ошибку. Мне, правда, приходилось встречаться со многими, но все это были люди богатые, блестящие, беспутные, любители вина и женщин, люди, которые в погоне за доступным весельем и в поисках праздного смеха искали лишь сладость удовольствия, и никогда не было у них искренних чувств к нежным и слабым созданиям. Я много и долго приглядывалась и лишь в тебе нашла настоящую искренность и благородство души. Ты, как я слышала, еще не женат, и потому, если не побрезгуешь мною,

блеклым дешевым цветком, я готова, как говорится, в почтении *«чашу к бровям подымать» до самых глубоких седин. Если же ты не согласишься, то я тут же перед тобой удавлюсь куском шелка, чтобы убедить тебя в моей искренности. И предпочитаю поступить именно так, чем погигать неизвестно во имя чего в руках какого-нибудь нахала и навлекать на себя лишь насмешки людей.

При последних словах Мэйнян разрыдалась.

— Прошу вас, не расстраивайтесь,— утешал ее Цинь Чжун.— Ваша нежданная любовь ко мне — это то, чего бы я мог искать бесконечно и никогда не нашел. Мне ли от этого отказываться? Но при вашей славе, при вашем положении нужны тысячи и тысячи, а я беден, и возможности у меня незначительные. Тут ничего не поделывать: силы не повинуются сердцу.

— Если дело только за этим, то не беда,— ответила Мэйнян.— Скажу тебе прямо: я всегда думала о том, чтобы начать другую жизнь, и уже давно стала откладывать кое-какие вещи, которые храню у знакомых. Поэтому о выкупе тебе не нужно беспокоиться.

— Допустим, что так. Но ведь вы привыкли к роскошным тканям и изысканным яствам. И как после всего этого вы сможете жить в моем доме, не представляю.

— Я согласна есть грубую пищу, ходить в грубой одежде и роптать ни на что не буду.

— Пусть все это так,— ответил Цинь Чжун,— но боюсь, что хозяйка ваша не согласится.

— Я знаю, как быть,— заверила его Мэйнян и объяснила, как она собирается действовать.

Так они проговорили до самого рассвета.

Оказалось, что почти у каждого из ее хороших знакомых Мэйнян держала кое-какие вещи. Под предлогом, что они ей теперь понадобились, она постепенно забрала их, договорившись с Цинь Чжуном, что тот будет хранить их у себя.

Как только все вещи были перевезены, Мэйнян отправилась к Лю Четвертой и поведала ей о том, что намерена покончить с настоящим и начать новую жизнь.

— Об этом и я когда-то тебе говорила,— сказала та.— Но ведь ты еще молода... За кого же ты решила идти?

— За кого, пока не спрашивайте,— ответила Мэйнян.— Но знайте, что я во всем слеую вашим настав-

лениям, что желание это искреннее, серьезное, что я иду по доброй воле, что в новую жизнь я уйду бесповоротно. Не думайте, что я колеблюсь в своем решении, что пройдет некоторое время и я от него откажусь. Нет, я решила, и это твердо и окончательно. Я знаю, что стоит вам лишь поговорить об этом с хозяйкой, и она даст свое согласие. Мне, правда, нечем почтить вас, но вот эти десять ланов золота позвольте преподнести вам, тетушка, на шпильки. Замольтите за меня словечко перед хозяйкой, а когда все будет улажено, то подарок за сватовство, разумеется, сам собой.

При виде золота лицо Лю Четвертой расплылось в такую улыбку, что остались только щелки от глаз.

— Ах, что ты! Да разве я возьму это от тебя? Ведь мы, можно сказать, свои; к тому же это такое благое дело,— лепетала она.— Ну да ладно, оставлю пока у себя, считай, что это золото ты отдала мне на хранение. А в деле твоём можешь положиться на меня. Но только хозяйка-то твоя видит в тебе свое монетное дерево, с которого она трясет деньгу, и уж так просто тебя не отпустит. Как бы она не запросила тысьонку серебра. Интересно, человек-то твой из тех ли, что не поскупились на крупную сумму? Все же мне следовало бы поглядеть его и договориться с ним.

— Незачем вам брать на себя лишние заботы,— ответила Мэйнян.— Считайте, что я сама внесу деньги за себя, и все.

— А хозяйка знает, что ты пошла ко мне?— спросила Лю.

— Нет, не знает.

— Тогда ты побудь пока у меня, а я отправлюсь поговорить с ней и, как только договорюсь, сразу же вернусь.

Порешив на этом, Лю Четвертая наняла паланкин и уехала.

Ван встретила гостью и провела ее в дом. Лю стала расспрашивать ее о случае с У Восьмым, и та рассказала ей всю историю. Выслушав ее, матушка Лю заговорила:

— В нашем деле можно зарабатывать, если содержать какую-нибудь не особенно шикарную, но и не совсем незаметную девку. Это и спокойней и удобней. Такая примет любого посетителя и ни одного дня не будет сидеть без гостя. А вот возьми Мэйнян: громкая слава превратила ее в лакомый кусочек, упавший на землю,

кусочек, на который зарятся даже муравьи, не говоря уже о всякой другой твари. Правда, благодаря этому в доме царит оживление, но ведь в то же время это лишает тебя покоя. Что с того, что за ночь ты берешь по десять ланов, в конечном счете это пустая лишь слава. Ведь когда являются знатные люди да родовитые потомки, смотришь: при них обязательно целая куча «помощников в безделье». Торчат всю ночь напролет, а ты возись с ними. Одна орава их слуг чего стоит! И каждому угоди! Чуть что не так, раздается непристойное слово, а то и поток срамной брани. Да еще тебе и посуду побьют, и мебель поломают. Пожаловаться на них хозяину ведь не пожалуешься и терпишь всякую всячину. К тому же всем этим отшельникам, художникам, поэтам, шахматистам да разной чиновной братии хочешь не хочешь, а несколько дней в месяц задаром удели. А богатая и знатная молодежь? Тот тянет к себе, этот — к себе, уступишь Чжану, обидишь Ли, один рад, другой недоволен. Возьми хоть вот историю с этим У Восьмым. Ужасно! Случись бы все по-иному, ведь потеряла бы красавицу со всем вложенным тобой в нее капиталом. Что ж, судиться с этой чиновной знатью станешь, что ли? Вот и приходится терпеть да помалкивать. Хорошо, что нынче тебе повезло, все обошлось, гром тебя миновал. А если, не ровен час, что-нибудь стряется... До меня, между прочим,— продолжала, понизив голос, матушка Лю,— дошли слухи, что У Восьмой затаил в душе недоброе и намерен еще устроить тебе скандал. Ты ведь знаешь, что характер у нашей Мэйнян далеко не покладистый: никому не хочет угождать, а это главная причина всех бед.

— Вот именно из-за этого-то я больше всего и беспокоюсь,— проговорила Ван.— Взять хотя бы того же У Восьмого: человек он с именем, с положением, не какой-нибудь там жалкий простолюдин. Так нет, паршивка ни за что не хочет его принимать. Вот и напросилась на скандал. Когда она была помоложе, еще слушалась, а теперь обрела славу, избаловалась бесконечными одобрениями да похвалами от богатых и знатных юнцов, капризной стала, чего ни коснись, везде и во всем сама себе хозяйка. Придет гость, захочет — примет, а не захочет — так ее и девятью быками с места не сдвинешь.

— Все они становятся такими, как только начинают пользоваться хоть небольшим успехом,— ответила, махнув рукой, Лю.

— Вот я и хочу нынче с тобой посоветоваться. Если найдется человек, который не пожалеет на нее денег, то, думаю, лучше всего продать ее, чтобы начисто отделаться от греха и перестать носить во чреве этот дьявольский плод.

— Это умная мысль, — подхватила матушка Лю. — Ведь за нее одну можно получить столько, что пять-шесть девок приобретешь. А если подвернется подходящий случай — то и все десять. Дело выгодное, отказываться не приходится!

— Я уже давно прикидывала все это, — призналась Ван, — но люди с положением много не дают — сами ищут, где бы выгадать за счет других, а те, которые согласны дать сколько-нибудь, ей не хороши, не нравятся, и она то так ломается, то этак кривляется, не желает идти, да и только. Словом, сестрица, если будет подходящий человек, ты как-нибудь устрой дело, сосватай. И уж займись ею, если она, паршивка, не будет соглашаться. Дрянная девчонка, меня совсем не слушается, только ты можешь уговорить и убедить ее.

Лю громко рассмеялась.

— Я как раз и пришла к тебе затем, чтобы сватать ее, — сказала она. — Сколько же ты захочешь за то, чтобы отпустить ее?

— Что ж, ты ведь человек понимающий и знаешь, что в нашем деле дешево покупают, но дешево не продают, тем более что Мэйнян уже не первый год славится в городе. Ведь нет человека во всей Линьани, который не знал бы, что она — Царица цветов. Нечего и говорить, что за какие-нибудь триста или четыреста ланов я ей не позволю уйти. Тут без полной тысячи не обойтись.

— Попробую поговорить. Если такую сумму согласны будут дать, вернусь потолковать, а если не договорюсь, то уж не приду, не жди.

Перед уходом матушка Лю нарочно поинтересовалась:

— А где же сегодня Мэйнян?

— И не спрашивай. С того самого дня, как ей досталось от У Восьмого, все боится, что он опять явится безобразничать. Целыми днями разъезжает по всем своим знакомым и жалуется на свою судьбу. Позавчера была у Ци, вчера — у Хуана, а сегодня опять куда-то поехала.

— Ну, лишь бы ты, почтенная, решила, а Мэйнян согласится: куда ей деваться? Если будет отказываться, я сумею ее уговорить. Но только смотри: найду человека, чтоб ты тогда не вздумала ломаться и вилить.

— Слово сказано, больше не о чем говорить.

Бросив на прощание провожавшей ее до ворот хозяйке: «Извини, побеспокоила!»— Лю Четвертая села в паланкин и уехала.

Вот уж действительно:

*Судит о черном, рядит о желтом,
словно юбку надевший *Лу Цзя;
Спорит о том ли, спорит о сем ли,
словно женского пола Суй Хэ.
Были б все бабки так языкасты,
как Четвертая матушка Лю,
Волны катила бы валом громадным
в крохотной луже вода.*

Возвратясь домой, Лю Четвертая все рассказала Мэйнян.

— Она согласилась, нужно только, чтоб перед нею лежали деньги, и делу конец,— заключила она.

— Деньги уже приготовлены. Очень прошу вас, приходите завтра помочь завершить дело. Надо пользоваться моментом, а то потом опять придется возиться и уговаривать.

— Раз условились, обязательно буду.

Договорившись на этом, Мэйнян простилась с матушкой Лю и уехала домой, где ни словом не обмолвилась о том, что задумала.

На следующий день, в обеденное время, Лю Четвертая действительно явилась.

— Ну, как с тем делом?— спросила ее сестрица.

— Да можно сказать, что на девять десятых уже все почти улажено. Только вот еще с самой красавицей нашей я не говорила,— ответила Лю и прошла в комнату к Мэйнян.

После взаимных приветствий и непродолжительной беседы о том о сем матушка Лю спросила:

— Ну как, человек-то твой был у тебя, нет? Где же то, о чем мы говорили?

Кивнув в сторону кровати, Мэйнян сказала:

— Вон в тех сундуках,— и тут же раскрыла подряд шесть сундуков, из которых вынула четырнадцать пятидесятилановых упаковок и различные драгоцен-

ности — словом, всего более чем на тысячу ланов. При виде такого богатства у Лю Четвертой слюна по губам потекла и огнем загорелись глаза.

«Совсем еще молодая, а себе на уме,— думала она,— и как это она смогла столько накопить? Мои вон ничуть не меньше принимают гостей, но где им до нее! Не то что не умеют разжиться, даже если и заведутся у них какие-нибудь гроши, непременно растратят все на семечки да на конфеты, так что даже бинты для ног и те я им покупаю. Везет моей сестрице: досталась ей Мэйнян, и за какой-нибудь год с лишним она заработала уйму денег, а теперь уходит Мэйнян от нее, и она опять получает целое состояние. Легко и просто, никаких забот, словно перекладывает из одной руки в другую».

Но обо всем этом Лю Четвертая думала про себя и вслух не сказала ни слова.

Мэйнян, видя, что матушка Лю задумалась, решила, что та выискивает предлог получить за услуги. Тогда она вынула и положила на стол четыре куска сетчатого шелка, две булавки с драгоценными камнями, две нефритовые заколки и сказала:

— Позвольте, тетушка, поднести вам это в благодарность за хлопоты о моей судьбе.

Матушка Лю, которой теперь и небо стало мило, и земля хороша, тут же пошла к сестрице.

— Мэйнян желает сама откупиться,— заявила она сестре.— Она дает ту сумму, о которой мы говорили, ни на грош меньше. Это даже лучше, чем если бы ее стал выкупать какой-нибудь завсегдашай: по крайней мере обойдется без всяких посредников, которым знай только подавай чай да вино, а потом еще не раз и не два благодари их особо.

Как только до сознания матушки Ван дошло, что сундуки у Мэйнян полны всякого добра, она переменялась в лице. Самые бессердечные люди на свете — это хозяйки веселых домов. Они тогда лишь довольны, когда прибирают к рукам все, что каким-либо образом достается девицам. Когда хозяйка узнает, что у одной из девиц — а такие бывают — в сундуке появились свои сбережения, то, дождавшись, когда «дочь» уйдет, она срывает замок, врывается в ее комнату, переворачивает все вверх дном и обирает ее дочиста.

Другое дело с Мэйнян. Слава ее приносила ей обширные знакомства среди знати и богачей, а матушке — немалый доход, да и нрав у Мэйнян был стропти-

вый, так что Ван не решалась трогать ее. Поэтому за все время хозяйка ни разу и ноги своей не заносила за порог спальни Мэйнян. А Мэйнян вон, оказывается, какими деньгами обладала!

— Сестрица!— поспешила заговорить Лю Четвертая, заметив мрачное лицо хозяйки и догадавшись, в чем дело.— Отбрось ты всякие сомнения. Из всего, что имеется у Мэйнян,— пусть даже кое-что она и утаила от тебя — нет ни одного гроша, на который ты могла бы предъявить свои права. Ведь если бы она захотела растратить все, то уже давным-давно растратила бы. Или же, будь она легкомысленной и пожелай своими деньгами помочь какому-нибудь своему дружку-завсегдатаю, ты тоже об этом ничего не знала бы. Как-никак, а все же она разумно поступила, что делала сбережения, тем более что когда девица собирается начать новую жизнь и у нее нет ничего за душой, то ведь не выгонишь же ты ее за ворота с пустыми руками. Наоборот, с ног до головы приоденешь, чтобы на ней все сияло и сверкало, чтобы она человеком вошла в другой дом. А тут, тут уж, конечно, ни твоих забот, ни твоих расходов ни на что не потребуется, раз сама она вон сколько может выложить. И подумать только, ведь всю эту кучу денег ты целиком кладешь к себе в кошелек. Пусть даже она уйдет сегодня, так что же? Она тебе больше не дочь, что ли? Если она устроится неплохо, то в праздник ли, по случаю ли какого-нибудь торжества не явится разве почтить тебя? Ведь у нее нет ни отца, ни матери; выйдет замуж, так тебе еще бабкой быть у нее в доме. Уж что-что, а в обиде никак не останешься.

Слова сестрицы подействовали: видно было, что на душе у Ван полегчало. Она дала свое согласие. Тогда Лю Четвертая тут же пошла за серебром и, пересчитав его, передала хозяйке. Затем она принесла ей драгоценности и стала оценивать каждую вещь в отдельности.

— Я умышленно оцениваю эти вещи дешевле,— говорила она при этом,— если вздумаешь продавать их, и здесь выгадаешь не один десяток ланов.

Такая же старая сводница, как и Лю Четвертая, матушка Ван была, однако, из покладистых и соглашалась со всем, что ни говорила ей та. Когда Ван все приняла, Лю велела мужу сестрицы составить брачный договор и передала документ Мэйнян.

— Тетушка!— обратилась к ней Мэйнян.— Пока вы здесь, я хочу проститься со всеми и буду просить вас разрешить мне денек-другой пожить у вас, чтобы тем временем избрать *благоприятный день и начать дру-гую жизнь. Не знаю, согласитесь ли вы.

Лю Четвертой и самой хотелось этого: теперь, когда она получила от Мэйнян такие ценные подарки, она опасалась, как бы сестрица ее не передумала.

— Да ведь это так и должно быть,— сказала она.

Мэйнян не стала медлить. Она тут же собрала свои туалетные шкатулки, сундуки, постель и другие вещи, не взяв при этом ничего, что могло бы принадлежать хозяйке. Когда сборы были закончены, она вышла из своей комнаты, простилась с матушкой Ван, которая при расставании даже всплакнула; распрощалась она и со всеми подружками и, приказав людям вынести вещи, с радостным чувством на душе вместе с Лю Четвертой села в паланкин и уехала.

Лю Четвертая отвела для Мэйнян тихую, уютную комнатку. Все девицы из дома матушки Лю явились поздравить Мэйнян по случаю такого радостного со-бытия.

В этот вечер и Цинь Чжун, посылавший Синь Шаня за известиями к матушке Ван, знал уже, что Мэйнян откупилась.

Выбрав благоприятный день, Цинь Чжун с музыкой отправился за невестой. Лю Четвертая, как настоящая сваха, снарядила и проводила Мэйнян. Цинь Чжун с Царицей цветов совершили обряд, как должно, среди украшений торжественных и ярко горящих свечей и были бесконечно счастливы.

*Пусть ласка любви им знакома,
знакома давно им она,
Но брачная ночь их сегодня
новой любовью полна.*

На следующий день престарелая чета Синь явилась познакомиться с молодой. Внимательно приглядевшись друг к другу, они впали в крайнее изумление. Начались расспросы, и все трое залились слезами. Только тут Цинь Чжун узнал, что старики Синь приходятся ему тестем и тещей. Он усадил их на почетное место, и молодые супруги земно поклонились им. Соседи и знакомые, кому довелось узнать об этом, поражались удивительной встрече Мэйнян с родителями.

В тот день был устроен пир в честь двойного события в семье. Распивали вино. И лишь вволю наслаждаясь счастливым весельем, приглашенные гости разошлись по домам.

Три дня спустя Мэйнян попросила мужа приготовить ценные подарки, чтобы послать их друзьям и знакомым в благодарность за услугу, которую они оказали ей, храня ее вещи, и заодно сообщить им о своем замужестве. И в этом сказалось чувство долга Мэйнян по отношению к людям. Ван Девятая и Лю Четвертая тоже получили подарки и были очень тронуты.

Когда исполнился месяц их супружеской жизни, Мэйнян раскрыла свои сундуки, которые доверху были наполнены золотом, серебром и не одной сотней кусков шелка да парчи, причем всего добра было более чем на три тысячи ланов. Ключи от сундуков Мэйнян передала Цинь Чжуну, и он постепенно приобрел дом, землю и обзавелся имуществом. Торговля маслом в лавке теперь целиком перешла в ведение Синь Шаня.

Меньше чем за год дом их превратился в цветущий уголок, богатую усадьбу, полную служанок и слуг. Благодарный земным и небесным духам за покровительство и помощь, Цинь Чжун дал себе слово пожертвовать каждому монастырю в округе, каждому храму в городе на каждый зал набор стearиновых и курильных свечей, а также масла для светильников на три месяца. Предварительно подготовив себя постом и воздержанием и совершив омовение, Цинь Чжун сам отправился со свечами и маслом обходить монастыри и храмы.

Начал он с монастыря Чжаоцин, затем один за другим посетил монастыри Линъинь, Фасян, Цзинци и, наконец, Тяньчжу. Речь дальше пойдет именно о монастыре Тяньчжу, который был местом стечения молящихся божеству * Гуаньинь и объединял, собственно, три монастыря: Верхний Тяньчжу, Средний Тяньчжу и Нижний Тяньчжу. Каждый из них посещало множество паломников. Дорога к монастырям шла через горную местность, и водного пути к нему не было, поэтому Цинь Чжун велел сопровождающим его людям доставить туда свечи и масло, сам же он отправился в паланкине.

Прежде всего он посетил Верхний Тяньчжу. Монахи встретили его и провели в главный зал. Прислужник

храма, старец Цинь, зажег стеариновые свечи и поставил свечи курильные.

Конечно, Цинь Чжун выглядел теперь совсем не так, как некогда. Условия жизни меняют и характер человека, и его внешность. Поэтому не удивительно, что старик Цинь не мог признать в этом рослом и солидном молодом человеке собственного сына. Однако внимание старика привлекло то, что на бочонках с маслом крупными иероглифами было написано «Цинь» и «Бяньлянь». И надо же было так случиться, чтобы Цинь Чжун захватил с собой именно эти два бочонка, а не другие.

После того как Цинь Чжун с молитвенным поклоном поставил свечи, старик Цинь, как водится, принес чай, и настоятель лично поднес чашку гостю.

— Позвольте спросить вас, благодетель,— обратился тогда старик Цинь к гостю,— почему у вас на бочонках эти иероглифы?

В речи вопрошающего Цинь Чжун услышал бяньляньское произношение и спросил:

— А почему ты спрашиваешь, старец? Может быть, ты тоже из Бяньляня?

— Именно так,— ответил старик.

— А как зовут тебя? И почему ты пошел в монастырь? Давно ли здесь?

Старик сказал ему, откуда он, как его зовут, и рассказал о том, что в годы военных бедствий он бежал сюда, что, будучи в безвыходном положении, отдал тринадцатилетнего сына на воспитание в семью Чжу и что с тех пор прошло уже более восьми лет, а он по дряхлости и болезненности своей все никак не мог отлучиться из монастыря, чтобы навести справки о сыне. Тут Цинь Чжун заключил его в объятия и громко зарыдал.

— Я, я и есть Цинь Чжун!— воскликнул он.— Я жил у Чжу Шилао и занимался торговлей маслом вразнос, и, именно для того чтобы разыскать вас, я написал на бочонках эти иероглифы. И вот где мы встретились! Вот уж действительно самим небом ниспосланная благодать!

И встрече отца с сыном после их восьмилетней разлуки изумлялись все монахи.

Цинь Чжун остался ночевать в монастыре, и ночь, которую он провел с отцом, прошла в рассказах и расспросах.

На следующий день, переодевшись и приведя себя в порядок, Цинь Чжун отправился в монастыри Средний Тяньчжу и Нижний Тяньчжу. В *молитвенных обращениях, предназначенных для сжигания в этих монастырях, Цинь Чжун принял свою прежнюю фамилию. Совершив поклонение и воскурив свечи, он вернулся в Верхний Тяньчжу. Тут Цинь Чжун стал настоятельно упрашивать отца, чтобы тот оставил монастырь и поселился с ними, где жил бы спокойно, на полном попечении домашних.

Но старый Цинь много лет уже прожил в монастыре, вел монашеский образ жизни, соблюдал посты и строгое воздержание и потому не пожелал пойти с сыном.

— Но ведь восемь лет вы не видели заботы о себе с моей стороны,— уговаривал его Цинь Чжун,— к тому же я недавно женился, и нужно же невестке предстать перед вами.

С последним доводом старик Цинь никак не мог не согласиться.

На обратном пути Цинь Чжун следовал пешком за паланкином, который уступил отцу. Дома, одев отца в новое, красивое платье и усадив его посередине зала, Цинь Чжун вместе с Мэйнян преклонили перед ним колена. Явились с приветствиями и Синь Шань с женою.

В этот день было устроено роскошное угощение, но старик Цинь не пожелал нарушить пост и не прикоснулся ни к вину, ни к скоромному.

На следующий день приходили с поздравлениями соседи и знакомые. Во-первых, поздравляли с недавней свадьбой, во-вторых, по поводу полного воссоединения семьи молодой, в-третьих, по поводу встречи отца с сыном и, в-четвертых, с возвращением в род, с тем, что молодой господин Цинь стал снова носить свою прежнюю фамилию, то есть сразу с четырьмя торжественными событиями. И опять пировали подряд несколько дней.

Старый Цинь не хотел оставаться дома и все думал о привычной для него тишине и покое монастыря. Цинь Чжун не смел перечить воле родителя и переслал в монастырь двести ланов, с тем чтобы отцу построили отдельную келью, и затем проводил его туда. Из месяца в месяц он посылал отцу все необходимое и каждые десять дней лично справлялся о его здоровье. Раз в три месяца Цинь Чжун навещал отца вместе со своей женой.

Старик Цинь прожил более восьмидесяти лет и спокойно отошел в мир иной. Его похоронили, как он и наказывал, на той самой горе, где стоял монастырь. Что касается Цинь Чжуна и его жены Мэйнян, то они прожили вместе до самой старости. Было у них два сына, оба учились и стали впоследствии известными учеными.

И поныне на языке того мира, где можно найти любовные утехы, «молодой господин Цинь» или «продавец масла», — это лестное выражение, говорящее об умении человека быть обходительным и милым, чутким и предупредительным.

Существуют и стихи, подтверждающие это:

Явилась весна.

Свежи и ярки повсюду цветы.

Спешат мотыльки,

*пчелы одна за другою спешат
отведать сладкие соки весны.*

Мне, право, смешно.

Как сдержать мне улыбку свою?

Блестящих — толпа!

*Но при всем их уменье сердца привлечь
не смогли превзойти продавца!*

Лу Нань,
любитель поэзии и вина,
не посчитался
с уездным начальником

*На берегу восточном *Вэй,
там, где хребет Фуцю высокий,
Где к небу тянется бамбук,
живет ученый вдохновенный.
Блестящий стиль его поэм
и *Цзя и *Дуна изумил бы,
А имя славится его,
как *Лю и *Цао славны были.
Осенним днем гуляет он
среди синих гор в уединенье,
Весною пишет он стихи —
порхает *кисть из шерсти зайца.
Иль, пьяный, опершись на меч,
вдруг мыслям озорным смеется.
Он, словно ветер штормовой,
силен душою непокорной.*

Стихи эти принадлежат талантливому поэту *нашей династии, жившему в годы *«Цзя-цзин». Фамилия его — Лу, имя — Нань, *второе имя — Шаопянь или еще — Цзычи. Родина его — уезд Сюньсянь, что в округе *Дамин.

Это был красивый, изящный и редкого благородства человек. К восьми годам он научился писать сочинения, а в десять — уже слагал стихи и оды: стоило ему взяться за кисть, как слова тотчас одно за другим тысячами ложились на бумагу, миг — и стихи были готовы. Люди называли поэта то «воскресшим *Ли Бо», то «новым *Цао Цзыцзянем». Лу Нань не заботился о мнении света, не знал ни в чем преград. Широкая натура, он всю жизнь любил вино и был в полном смысле слова благородный человек. Поистине, слава о нем разнеслась по всей Поднебесной, а талантом он превзошел всех своих современников.

С ним знались знаменитые аристократы, влиятельные вельможи, большие ученые и известные богачи. Потомок многих поколений сановников, Лу Нань обладал несметными богатствами и жил по-княжески. Дом его стоял за городом, у подножия горы Фуцю, и был красив и роскошен. Во внутренних покоях жили его наложницы — одна лучше другой. Самые красивые и изящные отроки каждый день услаждали слух поэта пением и игрой на струнных инструментах и флейтах. А слуг и домашней челяди было у него не счесть. Вокруг дома был разбит сад в два-три *цина. Пруды и каналы, прорытые повсюду, искусственные горы из каменных глыб придавали еще большую прелесть саду, прозванному Садам вольных песен.

Цветы любят тепло. На севере почти не увидишь красивых растений, разве что в садах богачей и знати найдешь какой-нибудь кустик. В столице и то трудно найти южные цветы, что уж говорить о таком захолустье, как Сюньсянь. Если в садовых беседках местных богачей и попадался цветок-другой, то вряд ли на него стоило смотреть.

Лу Нань же непременно хотел и в этом превзойти других: он разослал во все стороны своих людей, которые, не считаясь с ценой, раздобывали прекрасные цветы, редкие растения и камни причудливой формы для искусственных гор в его саду. Сад действительно получился на редкость красивый и прославился на всю округу. Зайдешь, бывало, туда и видишь:

*Сложены горы из камня причудливой формы,
Сад пышно цветет — раскрылись бутоны.
Терема и башни вздымаются к небу,
Дворы у домов тихи и безлюдны.
Сложены горы из камней причудливой формы,
В саду раскрылись бутоны редчайших цветов.
Сплошной стеною бамбук вокруг речных павильонов,
К террасам открытым сосновые тянутся ветки.
Озер и прудов необычны изгибы,
Хрустально сияние волн, набегающих быстро;
Одна над другою вздымаются скалы,
По ним изумрудными пятнами стелется мох.
Пионы растут вокруг беседок —
Павлины по двое сели;
Цветы у оград распустились —
*Священные птицы танцуют попарно.
Дорожки среди сосен мелькают,
Глубоко в зеленой тени перекинулся мостик;*

*Кривые тропинки в цветах,
Над алым ковром лепестков прямые деревья.
Дымок потерялся в зелени темной —
Тонкий такой, что почти не видать;
Дождь окропил синие склоны,
Словно покрыл их краской густой.
Челн из магнолии, качаясь, плывет среди лотосов алых;
Доски качелей взлетают высоко в тени тополевых ветвей.
Резьба перил, пурпур оград спорят между собою,
Полог хрустальный, парчовый шатер озаряют друг друга.*

Лу Нань целые дни проводил в саду, любуясь цветами и птицами, складывая и *скандируя о них стихи,— сам император не проводил времени так беспечно и сладостно. Друзей поэт не отпускал, пока они не отдавались опьяняющей силе вина. Случалось, поэт встречал человека, который разделял его вкусы, душевные стремления и понимал его. Тогда Лу Нань неделями удерживал нового друга у себя. Бывало, случится с кем-нибудь несчастье, сразу бегут к нему, и никто не уходил с пустыми руками. Поэтому к Лу Наню со всех сторон стекались люди: каждый хотел навестить его и выразить ему свое уважение. О его доме, действительно, можно было сказать: «Полно гостей почетных за столом, и чарки не стоят пустыми».

Лу Нань не сомневался, что с такими знаниями и талантами, как у него, получить чин, а также *синий или бордовый шнур у печати ему будет все равно что былинку поднять. Но на *экзаменах ему не везло: как ни блестящи были его сочинения, они все не приходились по вкусу экзаменаторам. Несколько раз подряд Лу Нань провалился, так и не получив ни чина, ни степени. «Нет сведущих людей»,— решил он тогда и перестал думать о звании и почестях. Все свое время он стал проводить с поэтами или фехтовальщиками, *даосскими или буддийскими монахами, беседовал о нирване, о фехтовании, играл в кости, пил вино или бродил по горам и рекам, любуясь природой.

Себя он назвал «отшельником с горы Фуцю» и написал как-то следующие стихи:

*Взмахнувши крылами,
взлетаю в небесную высь;
Высоко взойдя,
попираю границу небес.
Алые пятна
сквозят в одеянии гор,*

*Ветер протяжный
дует в просторах морских.
Путника повод
привязан за яшмовый ствол,
Завтрак с утра
нефритом цветов заменен.
Наслаждаюсь душою,
любуюсь природою дивной,
Щебетанию иволги
вторю я свистом тихонько.
В суетном мире,
поверьте, все скверна и грязь —
Как можно в этом
крылья свои замарать?!*

Но не об одном Лу Нане пойдет здесь речь. В то время начальником уезда Сюньсянь был некий Ван Цэнь, получивший звание и степень еще совсем молодым. То был человек гордый и заносчивый, непомерно алчный и жестокий. Он пристрастился к вину, и уж если добирался до чарки, то пил, бывало, всю ночь напролет. С тех пор как он прибыл на службу в уезд, еще не довелось ему встретиться с достойным соперником по выпивке.

Ван Цэнь еще до приезда в эти места слышал о Лу Нане, о его талантах, обширных связях, об уважении, которое все оказывали поэту. Знал он также, что во всей округе не было такого роскошного сада, как у Лу Наня, и что никто не мог перепить поэта. Все это подстрекало начальника уезда во что бы то ни стало сойтись покороче с Лу Нанем. Поэту было послано приглашение.

Но Лу Нань был человек необычный. Иной *сюцай, чтобы подружиться с начальником уезда, в замочную скважину пролезет: умолит влиятельных людей представить его, будет отбивать начальнику земные поклоны, просить его в наставники и «почтенные учителя», то и дело станет посылать ему подарки и подношения, надеясь мелкими знаками внимания заслужить его высокое расположение. Ну, а если начальник уезда сам пожелал повидать его... для такого сюцая это не меньшая честь, чем приглашение ко двору императора; он уж непременно приклеил бы у себя в комнате визитную карточку начальника уезда и хвастался бы ею перед родственниками и друзьями. Так поступали бы, конечно, далеко не все: люди достойные никогда себя не бу-

дут так вести, но пренебречь приглашением начальника уезда — этого еще не бывало! А Лу Нань, хотя начальник раз пять-шесть посылал приглашения, обратил на них не больше внимания, чем на дуновение ветерка. Каждый раз он ссылался на то, что не привык ходить в *ямэнь, никогда не посещал казенных учреждений. Вы спросите: почему? Лу Нань был одарен талантом; по характеру он был благороден и горд; славу и почести ценил не дороже стоптанных башмаков, а богатство и знатность сравнивал с мимолетным облаком. И если какие-нибудь знатные вельможи хотели познакомиться с поэтом, но не приглашали его лично, Лу Нань никогда первым не наносил визита. С какой же стати было ему вдруг являться по приглашению какого-то начальника уезда?! Лу Нань действительно был из тех, кого, как говорится, «сам император служить не заставит себе, и не в силах князья заручиться их дружбой». Но на сей раз Лу Нань столкнулся с мелочным и навязчивым упрямым. Начальник уезда уже который раз приглашал к себе поэта, а Лу Нань так и не удостоил его своим визитом; другой бы прекратил дальнейшие попытки к сближению, но начальник непременно хотел добиться своего.

Увидев, что Лу Нань не хочет прийти к нему, начальник уезда сам решил нанести ему визит. Но прежде он послал слугу с запиской, чтобы условиться о дне встречи. Слуга тотчас же направился к поэту.

— У меня срочное поручение от начальника уезда к твоему хозяину,— обратился слуга к привратнику, протягивая ему записку.

Привратник, не смея медлить, впустил слугу в сад и повел к хозяину.

Посыльный огляделся по сторонам. Сверкали воды озер, обрамленные зеленью кустов. За ними синели горы; бамбуки и раскидистые ветви деревьев переплетались друг с другом, то скрывая, то обнажая свою прелесть, а пение птиц услаждало слух. Еще никогда не выдавший такой красоты, слуга чувствовал себя словно в раю.

«Не удивительно, что мой господин хочет здесь поразвлекаться,— подумал он про себя.— Какое прекрасное место! А мне просто повезло, что я попал сюда! Разок взглянуть на такую красоту, и можно смело сказать, что не зря прожил свой век». Они шли извилистыми тропинками среди цветов, мимо множества беседок-

террас и наконец дошли до той части сада, которая была сплошь засажена деревьями *мэй. Цветы цвели, и белые лепестки чистым снегом покрывали все вокруг, наполняя воздух нежным ароматом. Среди цветов возвышалась восьмиугольная беседка с красными занавесами из бамбука, лазурной черепицей, разрисованными перекладинами и резными перилами. На доске было крупно написано: Беседка *яшмового сияния. Несколько человек, любясь цветами, пили вино. Красавицы-служанки в богатых одеждах играли на музыкальных инструментах и пели, отбивая такт в *пайбань. Как не вспомнить стихи ученого *Гао «Цветок мэй»:

*Тем деревьям бессмертья расти
лишь в садах *Си ванму подобает.
Кто же здесь-то в долине, в *Цзяннань,
насадил их везде и повсюду?
Там вдали, где заснежены горы,
отдыхает ученый-отшельник,
И, купаясь в сиянии лунном,
в роще тихой красавица бродит.
Тень редка в бамбуках, чуть прикрытых
шелестящей от ветра листвой,
И весна даже мшистые кочки
ароматом цветов напоила.
Нет *Хэ Яня, и нет больше песен,
чтоб воспеть эту прелесть цветенья;
И как жаль, что от ветров восточных
начинают цветы осыпаться.*

Привратник и слуга остановились у входа в беседку. Когда песнь была закончена, Лу Наню подали записку начальника уезда, а затем слуга Ван Цэня доложил:

— Мой господин велел много кланяться вам и передать, что, поскольку вы не изволили приехать, он сам намерен посетить вас. Он только беспокоится, что может не застать вас дома и тогда опять лишится возможности встретиться с вами. Поэтому господин просит, чтобы вы назначили ему день свидания. Кроме того, мой господин слышал о вашем прекрасном саде и хотел бы воспользоваться случаем погулять и полюбоваться им.

Чему быть, того не миновать.

Выходит, начальник уезда не только не обиделся на поэта, что тот так и не посетил его, несмотря на бесконечные приглашения, но, больше того, сам решил прийти с визитом. Лу Нань невольно задумался: «Что же,

хоть начальник и слывет жадным и ничтожным, но все же он на должности *«отца и матери народа», и, если он сумел сломить свое чванство,— это уже достойная черта. Откажи я ему и на этот раз, скажут, что я человек мелочный, что нет во мне благородной терпимости. С другой стороны, он из чиновников — невежда, и, уж конечно, в литературе ничего не смыслит; вряд ли понимает он, например, глубину и прелесть поэзии. Можно было бы заговорить с ним о *классических книгах, но он с ними, вероятно, незнаком — добился нечестным путем звания и степени, о которой мог мечтать лишь во сне, и доволен собою. Если заговорить с ним о философии, о буддизме, то тут уж он совершенно ничего не поймет. А если обо всем этом нельзя с ним говорить, то на что он вообще мне нужен? Лучше уж его не принимать совсем». Долго думал Лу Нань, но так и не мог решить, как ему поступить: и отказать было неудобно — ведь начальник так искренне стремился познакомиться с ним — и принимать не хотелось.

Размышления Лу Наня прервал слуга-подросток, который поднес ему вино. Поэта сразу осенило: «Если он умеет пить, то, пожалуй, не так уж заметно будет его невежество».

— Умеет ли твой господин пить?— спросил Лу Нань у посыльного.

— В вине — вся жизнь моего хозяина; как же ему не уметь пить!

— Сколько же он может выпить?

— Если возьмется, то пьет всю ночь и не остановится, пока не будет пьян. Трудно даже сказать, сколько он может выпить!

Лу Нань оживился: «Ну, раз этот болван умеет пить, воспользуемся хоть этим». Поэт велел мальчику-слуге принести визитную карточку и протянул ее посланцу начальника уезда.

— Раз твой хозяин хочет прийти отвлечься от дел — теперь самое подходящее время: мэй сейчас уже в полном цвету. Проси его завтра же прийти — я приготавливаю вино и буду ждать его.

Получив ответ, посланец простился и ушел, сопровождаемый привратником.

Начальник уезда очень обрадовался приглашению Лу Наня и собрался на следующий день отправиться к поэту любоваться цветением мэй. Но случилось так, что поздно вечером ему вдруг доложили о не-

жданном приезде нового областного инспектора по судебным делам, и Ван Цэню пришлось среди ночи отправиться в путь, чтобы должным образом встретить инспектора и засвидетельствовать ему свое почтение. К поэту был послан слуга с сообщением о том, что начальник не сможет прийти.

Вернулся домой Ван Цэнь только через несколько дней. К этому времени цветы мэй совсем отцвели:

*Лепестки в беспорядке с цветов опадали,
ароматным ковром устилая ступени,
И одни за другими, подобные яшме,
вкруг узорных перил в легком вихре порхали.*

Начальник уезда был огорчен, что не сумел побывать у Лу Наня, но надеялся, что теперь поэт сам пригласит его к себе. Однако Лу Нань, решившийся послать приглашение только после долгих колебаний, получив отказ, просто махнул на это рукой и вовсе не думал снова приглашать начальника.

Незаметно подошла середина весны. Начальнику уезда вновь захотелось отправиться к Лу Наню полюбоваться весенним цветением его сада, и он послал человека уведомить об этом поэта. Слуга, переступив ворота дома Лу Наня, увидел роскошный сад: зелень деревьев напоминала затканную парчу, трава стелилась ковром, слышалось пение иволг, щебетание ласточек, повсюду порхали бабочки, суетились пчелы. И вот он очутился на тропинке, проложенной меж персиковых деревьев. Они были усыпаны цветами, точно тысячами кусочков багряной зари. Картина была действительно изумительная.

*Персики всюду цветут —
весь заалел *Шанлинь,
Буйный их цвет озарен —
краски стали сочней.
Бутоны раскрылись в улыбке,
мысли и чувства будя.
О, как много вестей
рассветный ветер принес!*

Лу Нань среди цветов сидел с гостями. Они *били в барабан, громко пели и пили вино. Слуга начальника уезда подал Лу Наню визитную карточку и объяснил цель своего прихода.

Поэт был под хмельком и в добродушном настроении.

— Возвращайся и скажи хозяину, что, если он хочет, пусть сейчас и приходит; незачем договариваться о другом дне.

— Нет, не годится!— запротестовали в один голос гости.— У нас сейчас самый разгар веселья. А он придет, и начнутся вежливости и церемонии: разве мы сможем при нем вволю предаться веселью? Лучше выбрать другой день.

— Вы правы, пусть тогда приходит завтра,— согласился поэт и отослал слугу с запиской, в которой приглашал начальника уезда прийти к нему на следующий день.

Но подумать только, как иногда на этом свете все неудачно складывается! Только было собрался начальник уезда отправиться к поэту, как у его жены, которая была на пятом месяце беременности, произошел выкидыш: она упала без чувств и вся залилась кровью. Ван Цэнь от испуга потерял голову. До вина ли ему было? Пришлось снова послать к поэту слугу с извинением. Жена начальника уезда болела долго и стала поправляться только к концу весны. К этому времени в саду поэта расцвели пионы. Они были так прекрасны, что во всем уезде не найти было им равных. Вот стихи о красоте пионов:

*Цветы *Лояна с древности глубокой
на аромат весны оспаривают право.
И листья, и цветы их так богаты,
что вечно хвалятся своим нарядом пышным.
С тех самых пор как красота пиона
в «Мелодиях» Ли Бо была воспета
По нынешнее время все считают
владыкою цветов пион прекрасный.*

Хлопоты и возня, связанные с болезнью жены, длились больше двух недель. Начальник уезда пребывал в невеселом расположении духа, забросил служебные дела и, стараясь отвлечься, целые дни пьянствовал. Услышав о том, что в саду Лу Наня распустились пионы, он захотел полюбоваться ими, но, дважды нарушив свое обещание, считал неудобным снова просить приглашения. Поэтому он послал в подарок три *лана на книги и заодно передал о своем желании полюбоваться цветами.

Лу Нань назначил Ван Цэню день, от подарка сразу отказался, но в конце концов вынужден был принять его после настоятельных просьб и бесконечной беготни слуги от Ван Цэня к Лу Наню и обратно.

Был прекрасный день. Ван Цэнь рассчитывал отправиться к поэту сразу же после окончания приема. Но не успел он покинуть ямэнь, как ему доложили, что один из цензоров Палаты гражданских чинов едет домой навестить родителей и будет проезжать здесь. Какой же чиновник решится не пойти на поклон к такому важному лицу? Ван Цэнь с подарками поспешил на встречу цензору, а затем устроил пиршество в его честь. Начальник уезда думал, что высокий гость задержится у него не больше чем день-другой и он еще успеет посмотреть на пионы Лу Наня. Однако цензор оказался большим любителем природы, попросил начальника уезда показать ему наиболее красивые места и пробыл здесь лишних семь-восемь дней. Когда неожиданный гость уехал и начальник уезда снова послал слугу к Лу Наню, чтобы договориться о встрече, пионы уже отцвели, а самого Лу Наня не оказалось дома: два дня тому назад он уехал полюбоваться природой других мест.

Незаметно прошла весна, наступило лето, и подкапталась середина шестого месяца. Узнав, что Лу Нань уже вернулся и проводит дни знойного лета в своем тенистом саду, начальник уезда послал к нему человека с письмом, в котором просил разрешения прийти полюбоваться лотосами. Слуга отдал привратнику Лу Наня письмо от своего хозяина, а сам остался у ворот, дожидаясь ответа. Не прошло и нескольких минут, как привратник вернулся.

— Мой хозяин хочет тебе что-то сказать и велел привести тебя к нему,— объявил он слуге и повел его за собой; вскоре они подошли к пруду, сплошь покрытому цветами лотосов. Сам пруд тянулся больше чем на десять *му. Густая листва зеленых акаций и голубоватых ив заслоняла собой солнце; багрянец цветов и зелень листьев окрашивали пруд, который носил название Би-рюзового. Хочу привести здесь стихи о прелести лотосов:

*Плывя по волнам, они спорят
с бессмертными свежим нарядом,
Из самой сердцевины цветов
исходит запах чудесный.*

*О, почему их души
так безразличны к людям?!
Красотою своею цветы
нам надрывают душу.*

Посередине пруда была беседка, которая называлась Беседка узорчатых облаков. Мостика не было, и туда подплывали на легкой лодке. Здесь Лу Нань спасался от жары.

Привратник и слуга уселись в лодочку, взмахнули разукрашенными веслами и через несколько минут были около беседки. Привязав лодку, они сошли на берег. Слуга начальника уезда не мог оторвать взгляда от беседки: балюстрада и решетка ее были сплошь в инкрустациях и резьбе, окна занавешены флером и шелком изумрудного цвета. Воздух был напоен ароматом лотосов, дул легкий ветерок. В воде среди водорослей плескались золотые рыбки; ласточки порхали между балками, где они свили гнезда; чайки кружили над водой; утки парами плавали у берега. В самой беседке была только тростниковая кушетка, циновка из редкого узорчатого бамбука, каменная тахта и бамбуковый стол. В вазах стояли огромные букеты лазоревых лотосов. В курильнице курились самые лучшие благовония. Лу Нань с непокрытой головой и босыми ногами полулежал на тахте. Держа в руках кубок с вином, он читал древнюю книгу. Рядом стоял таз, где во льду охлаждались персики, белоснежные корни лотоса, груши, арбузы и дыни. Здесь же стояли разные закуски к вину. Подле Лу Наня находилось двое слуг: один держал в руках сосуд с вином, другой обмахивал поэта веером. Лу Нань с наслаждением читал книгу, попивая вино. Посланный Ван Цэнем слуга, не осмеливаясь подойти к поэту, стоял в стороне и тихонько вздыхал. «Ведь Лу Нань — простой смертный, как и все люди, — рассуждал он про себя, — чем же объяснить тогда, что он окружен такими благами? Взять хотя бы нашего начальника уезда — имеет степень *цзиньши, столько трудится, но разве когда-нибудь будет так беспечно жить?!»

— Ты и есть посланец начальника уезда? — прервал размышления слуги Лу Нань, оторвавшись от книги и заметив пришельца.

— Да, — ответил слуга.

— Станный человек твой начальник, — рассуждал

вслух Лу Нань.— Несколько раз просил назначить день для визита, не являлся, теперь снова просит разрешения прийти. Что же это он, говорит одно, а делает другое? Как же тогда он ведет дела в уезде? Нет у меня лишнего времени возиться с ним! Хочет прийти, пусть приходит когда вздумается, незачем заранее договариваться.

— Мой господин велел мне низко поклониться вам,— обратился слуга к Лу Наню,— и просил передать, что давно уже наслышан о ваших исключительных талантах и все время мечтал о встрече с вами. Неотложные дела несколько раз подряд мешали ему осуществить это желание и заставляли нарушить свое слово. Поэтому он снова просит вас назначить день. Сделайте это, пожалуйста, чтобы я мог возвратиться к начальнику с каким-то ответом.

Сообразительность и убедительные объяснения слуги понравились Лу Наню.

— Ну, раз так, пусть приходит послезавтра,— согласился поэт.

Слуга взял у Лу Наня приглашительную карточку и в сопровождении привратника тем же путем отправился обратно; подъехав к плотине, затененной ивами, слуга сошел на берег и поспешил в ямэнь доложить начальнику уезда о приглашении Лу Наня.

В назначенный день начальник уезда, разобрав несколько дел, около полудня отправился в гости. Нужно заметить, что это было в разгар лета. Солнце так пекло, что Ван Цэнь уже с утра мучился от жары. Теперь же, в самый полдень, солнце было как раскаленный шар. От жары у Ван Цэня потемнело в глазах и забилось сердце. На полпути он вдруг почувствовал, что все завертелось перед ним, и он свалился с паланкина. Напуганные слуги подбежали к Ван Цэню, уложили его и понесли домой. Придя в себя, начальник уезда тут же послал одного из своих слуг с извинениями к Лу Наню, а другого — за врачом. Проболел он больше месяца, и за это время в ямэне накопилось порядочно дел.

Между тем как-то раз, сидя у себя в кабинете и перебирая полученные подарки, Лу Нань обнаружил деньги, присланные начальником уезда.

«У меня с ним нет никаких отношений,— подумал про себя Лу Нань.— Неудобно так получать подарки. Надо как-то с этим разделаться».

И вот в середине восьмого месяца Лу Нань пригла-

сил начальника к себе любоваться луной в *праздник осеннего полнолуния. Приглашение поэта как раз совпало с желанием самого Ван Цэня. Очень довольный, он написал ответную карточку и вручил ее посланцу со следующими словами:

— Передай низкий поклон твоему хозяину и скажи ему, что в назначенный день я непременно приеду к нему.

Но Ван Цэня, как начальника конечно, не один Лу Нань звал к себе на праздник. Чуть ли не с десятого числа его стали приглашать местные богачи и чиновники. Разумеется, такой пьяница, как Ван Цэнь, отказаться от приглашений не мог и лишь к четырнадцатому числу сумел побывать почти у всех, кто его звал.

Вечером же четырнадцатого Ван Цэнь, отказавшись от всех приглашений, остался дома, устроил праздничный ужин, вместе с женой пил вино и любовался луной. Луна в эту ночь была необыкновенно красива: еще никогда она не была такой ясной и светлой... Здесь уместно привести стихи:

*Мир, как из яшмы, в бледном сиянье,
Волны из золота льются всю ночь.
И жаль мне тех, кто во все времена
Тосковал, смотря на ущербный круг.
Диск одинокий, роса и ветер,
Осенью веет на реку и гору,
И кто-то там играет на флейте,
Опьяненный, у южной башни.*

Муж и жена целый вечер пили и пошли отдыхать только тогда, когда совсем захмелели. Надо сказать, что начальник уезда только оправился после болезни и еще не совсем окреп; к тому же он несколько дней подряд буквально утопал в вине, ну а где вино, там и женщины. И вот в этот вечер, просидев на открытом воздухе до глубокой ночи, он простудился, снова заболел и, таким образом, опять нарушил свое обещание посетить Лу Наня. Только через несколько дней начальник поправился. Как-то раз, на свободе от служебных дел, он подумал, что теперь цветы коричневого дерева в саду у Лу Наня, наверное, уже совсем раскрылись и что хорошо было бы немного поразвлечься. Под рукой у начальника уезда оказались два кувшина *хуэйшаньского вина, присланные ему в подарок одним торговцем с правобережья Янцзы. Один из этих кувшинов

он и послал Лу Наню. Тот очень обрадовался — подарок ему пришелся по душе. «Какое мне, собственно говоря, дело до его умения управлять уездом и до его литературных способностей?! Судя по подарку, он безусловно знает толк в вине», — подумал Лу Нань и тут же послал со слугой записку, в которой просил начальника прийти к нему через день любоваться цветами коричневого дерева.

Действительно:

*Прозрачной завесой прохладные тени
ночную луну отделяют,
В небесных палатах просторные залы,
порывами ветер осенний.
Зачем *Хуайнаньцзы в напевах прекрасных
звал в гости отшельника-друга?
Чтобы с ним вместе
в чаще надолго остаться.*

С древности говорится: «От судьбы не уйдешь». Разве не удивительно, что начальник уезда, «отец и мать народа», не считаясь со своим высоким положением, сам собирался посетить простого ученого? Но, видно, не суждено было им подружиться. Однажды утром в день, когда начальник собирался отправиться к поэту, ему вдруг доложили, что судья Чжао едет с повышением в столицу и сейчас находится уже неподалеку. Когда Ван Цэнь сдавал экзамен на сюаця, Чжао был его экзаменатором. Мог ли Ван Цэнь не оказать ему внимания? Он тотчас вскочил с кровати, умылся, причесался и поспешил в паланкине навстречу господину Чжао, распорядившись, чтобы все было приготовлено для торжественной встречи. Представьте себе свидание любимого учителя с любимым учеником. Разве могли они тут же расстаться! Чжао пробыл у Ван Цэня несколько дней, а тем временем цветы коричневого дерева опали.

*Опали цветы, и тычинки под ветром
кружат, мерцая крупинками злата,
И опускается тихо на землю,
пьяня ароматом, грусть увяданья.*

Надо сказать, что Лу Нань был человек твердый и решительный. Он не гнушался низшими и не заискивал перед знатными. Однако, видя, что начальник уезда

не раз изъявлял ему свое почтение и, судя по всему, ценил ученых, Лу Нань решил, что не стоит пренебрегать таким человеком.

Стояли последние дни девятого месяца, в саду Лу Наня распустились хризантемы. Три сорта были особенно хороши: «перья аиста», «подстриженный бархат» и *«сиши». Все они были крупные и необычайно красивые, каждый сорт давал цветы самых различных оттенков, поэтому они очень ценились. Есть стихи о хризантемах:

*Они не спорят в весеннем ветре
с ароматом всех цветов.
Но сладко им, что осенний иней
не сгибает их за оградой.
В садах и парках листья опали,
и редкими стали тени.
А эти цветы все цветут, и льются
вечером их ароматы.*

«Начальник уезда несколько раз собирался посетить мой сад, но никак не мог до меня добраться, — подумал поэт. — Почему бы сейчас не воспользоваться цветением хризантем и не пригласить его полюбоваться ими? Надо же отблагодарить за внимание!» Рассудив так, поэт послал к начальнику слугу с приглашением на другой день посмотреть на хризантемы. Когда слуга пришел в уездное управление, Ван Цэнь разбирал дела. Слуга вошел в зал, стал на колени и, передав начальнику приглашение, сказал:

— Мой хозяин низко кланяется вам и велит передать, что он особо просит вас прийти завтра посмотреть на хризантемы, которые сейчас в полном цвету.

Ван Цэнь был не прочь полюбоваться хризантемами, но не решался дать об этом знать Лу Наню, так как несколько раз подряд нарушал обещание. Теперь, получив особое приглашение, он обрадовался, как голодный, которого пригласили на обед.

— Поклонись своему господину и передай, что с почтением являюсь к нему завтра утром.

Дома слуга доложил поэту:

— Господин Ван Цэнь вам низко кланяется и просит передать, что придет завтра с самого утра.

Начальник уезда сказал «утром» попросту, не имея в виду раннее утро в буквальном смысле слова. А слуга еще переврал, что начальник придет, мол, с самого ут-

ра. Кто бы мог предположить, что из-за этого недоразумения начальник уезда смертельно обидится, а Лу Нань будет разорен и окажется на краю гибели! Вот уже поистине: «Вреда иль пользы — твой язык причина, слова — источник счастья иль беды».

Сообщение слуги смутило Лу Наня: «Забавный человек этот начальник уезда. Да кто же ранним утром является на пир? Или, может быть, он хочет прийти пораньше, чтобы вволю насладиться прелестью моего сада и провести здесь весь день?»

— Завтра ранним утром к нам пожалует начальник уезда, надо пораньше приготовить вино и закуски, — распорядился Лу Нань.

В ожидании такой особы повара хлопотали всю ночь, стараясь, чтобы к прибытию начальника уезда все было готово.

Утром Лу Нань заявил привратнику:

— Если сегодня кто-нибудь придет ко мне, отказывай сразу, мне можешь не докладывать.

Затем Лу Нань написал специальную приглашительную карточку начальнику уезда и послал с ней слугу. Еще до утреннего завтрака все было готово к приему почетного гостя. В саду, в павильоне Радостного пира, был накрыт стол на две персоны с винами и угощениями. Все было сделано с такой пышностью и красотой, что невольно приходили на ум слова: «Одного пира у богача хватило б на полгода бедняку».

Пока в доме Лу Наня шли приготовления к встрече, начальник уезда сидел в ямэне и вел дела. Он собирался, закончив разбор документов и донесений, тотчас же отправиться к Лу Наню. Среди бумаг оказалось донесение уездного полицейского управления. С донесением препровождались в ямэнь девять преступников, обвиняемых в крупных грабежах. Об этом деле секретно сообщали уже и раньше: это была целая шайка, орудовавшая в районе реки Вэйхэ. Было установлено, что наворованного добра у них очень много, а хозяева вещей остались неизвестными. Начальника уезда так раззадорило это дело, что он сразу же приступил к попытке.

Один из разбойников, большой хитрец, под пыткой стал рассказывать, где и сколько утаено золота и серебра. Говорил он долго, подробно, и, по его словам, выходило, что припрятано на сотни тысяч ланов. При мысли о наживе начальник уезда забыл о выпивке.

Остановив пытку, он приказал сознавшемуся преступнику показать места, где хранится серебро и золото, а надежному человеку с отрядом скороходов из ямэна велел сопровождать его. Остальных разбойников было велено запереть в тюрьму, а обнаруженные при них награбленные вещи сдать в казну.

Начальник уезда удалился к себе и стал ожидать известий. Так просидел он до трех часов дня; за это время слуги два раза приносили ему выпить и поесть. Только к трем вернулись люди, отправившиеся на поиски воровскогоклада.

— Странное дело, все обшарили, везде обыскали, а не нашли ни монетки,— доложили они.

Начальник уезда, расвирепев, направился снова в зал, велел привести преступников и опять начал их пытать. Надо сказать, что стражники по дороге сами уже успели кулаками и пинками расправиться с грабителем, который водил их за нос. К тому же он уже перенес одну пытку, и ясно, что выдержать новые истязания ему будет не под силу. Поэтому, едва началась пытка, он рухнул замертво. Начальник уезда струсил, видя, что преступник лежит без движения, и приказал тюремщикам привести его в чувство. Возились с ним долго, но толку не добились. Тогда начальник уезда решил схитрить.

— Уведите их всех в тюрьму, решение отложим на завтра.

Прислужники смекнули, в чем дело, и заперли мертвеца в тюрьме вместе с остальными. Никто, конечно, не посмел и заикнуться о том, что преступник был мертв. В тот же вечер было заготовлено свидетельство о болезни арестанта, с тем чтобы на следующий же день труп его можно было вынести из тюрьмы.

Все эти события привели начальника уезда в дурное расположение духа, но он вспомнил о приглашении Лу Наня и тотчас отправился к нему. Было уже около пяти часов пополудни, когда начальник уезда со свитой подъехал к дому Лу Наня.

Лу Нань, ожидавший начальника с самого утра, примерно в одиннадцать часов послал слугу разузнать, в чем дело. Слуга доложил, что начальник уезда разбирает дела в ямэне. Лу Наня это несколько задело.

«Если он обещал прийти с самого утра, зачем до сих пор сидеть в ямэне?»— проворчал про себя ученый и снова стал ждать. Ждал он долго, но никаких вестей

от начальника не было. В полдень он написал приглашение и снова послал слугу в ямэнь. Поэт был уже раздражен. «Сам виноват, — думал он. — Незачем было звать его, а теперь придется потерпеть». Недаром говорится: «Кто ждет, тому не терпится».

Между тем не только начальник уезда не появлялся, но пропал и слуга с письмом.

— Удивительно! — сказал Лу Нань и послал другого слугу узнать, в чем дело. Вскоре слуги вернулись.

— Начальник уезда все еще в ямэне, он там пытается кого-то, — доложил первый. — Привратник сказал, что начальник сильно разгневан, что нечего мне туда соваться, и не впустил меня. Но, не передав вашего приглашения, я не осмеливался вернуться домой.

Сообщение это окончательно рассердило Лу Наня. Расспросив слуг поподробнее, он узнал, что начальник уезда пытается грабителей, хочет выведать, где они спрятали награбленное добро. Лу Нань возмутился не на шутку. «Жадина и дурак, оказывается, и больше ничего! — решил он про себя. — Чуть было не ошибся в нем. Но хорошо, что так кончилось все».

Лу Нань тут же приказал убрать со стола лишний прибор, а сам уселся на почетное место, приготовленное для гостя.

— Немедленно большую чару *горячего вина, надо омыть нутро от всей этой мирской грязи! — приказал поэт.

— Как бы сейчас не прибыл почтенный гость, — робко заметили слуги.

— Что?! — закричал Лу Нань. — О каком это почтенном госте речь? Вино у меня не для этаких жадин и невежд. Кроме того, он уже шесть или семь раз обмывал меня, так что и сегодня, конечно, не придет.

Видя, что хозяин разгневан, никто из слуг не посмел что-либо сказать. Поэту принесли вино, приблизились служанки, мотивы *гун и шан сменяли друг друга, струнные и духовые инструменты звучали в гармонии. Выпив несколько чарок, Лу Нань подозвал слугу.

— Сделай-ка мне массаж! Целый день прождал это ничтожество, сейчас все тело ноет от усталости.

Приказав закрыть ворота сада, Лу Нань снял с себя головной убор, разулся, скинул верхнюю одежду. Слуга массировал его, а певички тем временем играли и пели. Затем поэт велел подать рог носорога и несколько раз подряд осушил его. На душе у него сразу стало светлей

и легче, он беззаботно предался вину и незаметно совсем захмелел. Все изысканные блюда и закуски он велел отдать служанкам, а себе оставил только фрукты к вину, осушил еще несколько кубков и стал, как говорится, «пьян вдребезги». Тогда он облокотился на стол и захрапел. Слуги стояли молча, не осмеливаясь тревожить хозяина.

Привратник ничего не знал о том, что делалось в саду. Он привык, что хозяин никому не отказывает в приеме и никого не удерживает. Поэтому обычно он держал ворота открытыми, свободно пропуская бесчисленных гостей. Сегодня на приказание хозяина запереть ворота он и внимания не обратил. Кроме того, он знал, что хозяин ждет начальника уезда, значит, все равно ворота пришлось бы открывать. И вот, когда солнце уже стало садиться за гору, привратник увидел приближающийся поезд начальника и поспешил доложить хозяину. Вбежав в павильон, он увидел, что хозяин мертвецки пьян.

— Начальник уезда уже подъехал к воротам!— в испуге воскликнул привратник.— Как же это вы, не дождавшись гостя, так напились!

Слуги растерянно смотрели друг на друга, не зная, что делать.

— Вино и угощение целы, но ведь хозяина не привести в чувство. Что делать?— волновались они.

— Надо его растормошить,— посоветовал привратник,— пусть хоть пьяный выйдет навстречу. Нельзя же не оказать внимания гостю, которого сам пригласил.

Слуги стали громко звать Лу Наня, но только зря драли глотки: разбудить хозяина так и не удалось.

Вскоре в саду послышались голоса; это приближался начальник уезда со своей свитой. Растерявшиеся и перепуганные слуги разбежались и попрятались. В павильоне остался только спящий поэт.

И вот из-за этого почтенный гость и гостеприимный хозяин станут врагами на всю жизнь, а прекрасный сад с редчайшими цветами исчезнет, как весенний мимолетный сон.

Поистине:

*Увядать ли цветам иль цвести —
воля небес предрешает,
Но беду на себя или счастье —
навлекает сам человек.*

Вернемся теперь к начальнику уезда, который сразу же из ямэня направился к Лу Наню. Подъехав к воротам сада, он был крайне удивлен тем, что поэт не только сам не вышел его встретить, но даже не выслал на встречу никого из слуг.

— Есть ли кто у ворот?— закричали наперебой сопровождавшие начальника люди.— Живо доложите, что пожаловал начальник уезда!

Никто не отвечал. Решив, что привратник пошел доложить хозяину, начальник проворчал:

— Довольно вопить, войдем сами.

На внутренних малых воротах бросилась в глаза белая доска с бирюзовой надписью: Сад вольных песен. Ван Цэнь вошел в сад, густо засаженный деревьями. Пошел по извилистой тропинке и увидел арку с надписью: Отрешение от мира. Пройдя арку, он свернул на тропинку в чаще сосен, в конце ее высились причудливые искусственные горы, вдали в тумане виднелись башни и пагоды, повсюду росли цветы; густые бамбуки и деревья окружали сад. Восхищенный прелестью и тишиной, Ван Цэнь подумал: «Да, чувствуется человек высокой души!» Но нигде не было слышно голосов, нигде не было видно Лу Наня, и начальник уезда не знал, как ему поступить.

«Быть может, он пошел встречать меня по другой дорожке и мы разминулись»,— подумал Ван Цэнь и приказал людям направиться наугад в глубь сада.

Наконец они оказались у большого павильона. Сотни словно инеем покрытых хризантем, тысячи веточек тамариска, поблескивая в вечернем тумане, переплетались между собой; апельсины, отливая золотом, свисали с деревьев. Тысячи розовых и темно-красных лотосов росли в пруду у берега. Различные краски — то яркие, то бледные и светлые, где светло-зеленые, где пунцово-красные — переливались и отражались в воде, а в этом море красок плескались утки различных пород.

«Раз он пригласил меня любоваться хризантемами, наверное, ждет меня в этом павильоне»,— подумал про себя Ван Цэнь и сошел с паланкина.

Заглянув в павильон, начальник не заметил никаких приготовлений к встрече гостя; на почетном месте за столом кто-то громко храпел. Человек этот был бос, голова непокрыта. Вокруг не было ни души. Слуги Ван Цэня бросились к спящему с криком:

— Начальник уезда здесь. Встать!

Присмотревшись, Ван Цэнь заметил, что по одежде незнакомец не походил на простолюдина, рядом с ним лежали шапка и домашнее платье ученого.

— Тихо!— приказал начальник уезда.— Посмотрите, кто это.

Слуга, носивший сюда записки Ван Цэня, взгляделся в спящего и сразу признал Лу Наня.

— Да это сам Лу Нань: напился и дрыхнет,— объяснил слуга.

Начальник побагровел.

— Каков негодяй! Для того и позвал меня, чтобы оскорбить и осрамить!— в страшном гневе воскликнул Ван Цэнь.

Он хотел было приказать тут же вытоптать цветы и обломать кусты, но решил, что это недостойно человека его положения, и, разъяренный, поспешил к паланкину.

— Домой!— приказал он.

Носильщики подняли паланкин и понесли; когда процессия выходила из ворот, там по-прежнему никого не было. Вечерело, впереди паланкина зажгли фонари, освещая дорогу. Слуги Ван Цэня только качали головой и перешептывались:

— Удивительное дело! Чтобы кандидат на получение чина посмел так пренебречь начальником уезда!

Шепот донесся до слуха Ван Цэня и только усилил его ярость.

«Хоть он и высокий талант,— рассуждал начальник уезда,— но все же он мой подчиненный. Сколько я просил его прийти ко мне, а он отказывался. Тогда я пожелал навестить его первым, я посылал ему подарки. Смело могу сказать, что был к нему весьма снисходителен и проявил должное уважение к его таланту. И после всего этого он мог поступить так непочтительно, так меня осрамить. Не то что с начальником уезда, даже с простым смертным нельзя так поступать». Нечего и говорить, что начальник не успокоился и дома.

Между тем попрятавшиеся слуги Лу Наня со всех сторон сбежались к павильону. Лу Нань продолжал крепко спать и проснулся лишь вечером.

— Едва вы заснули, приехал начальник уезда,— сказал один из его слуг,— и, видя, что вы спите, тут же уехал.

— Говорил что-нибудь?— спросил поэт.

— Мы так испугались, что все разбежались, в общем, мы его и не видели.

— Отлично!— воскликнул Лу Нань.— А привратнику всыпать тридцать палок за то, что он вовремя не закрыл ворота и позволил этой нечисти явиться сюда и осквернить эту землю! Да прикажите садовнику, чтобы он завтра же с утра наносил воды и хорошенько очистил дорожки, по которым проходил этот начальник.

Затем Лу Нань послал человека в ямэнь, чтобы вернуть Ван Цэню деньги и вино, которые тот присылал в подарок.

Как говорилось, Ван Цэнь вернулся домой в страшном гневе.

— Что это ты? Со званого пира, а такой сердитый?— спросила жена.

Ван Цэнь рассказал все, как было.

— Сам напросился, винить некого,— заметила она, узнав, в чем дело.— Ведь ты здесь на должности «отца и матери», и что бы ты ни делал, как бы ни поступал, все равно люди обязаны кланяться тебе и почитать тебя. С какой стати нужно было тебе всякий раз унижаться, заискивать да еще самому ходить на поклон к подчиненному. Да пусть он сто раз талант, тебе то что? Напросился на оскорбление, вот и получил!

Упреки жены лишь подлили масла в огонь. Ван Цэнь долго молча сидел в большом кресле, злобно хмурия брови.

— Чего злиться?— сказала жена.— С древних времен говорится: «Начальник уезда захочет — разорит».

Этих слов было вполне достаточно, чтобы вывести Ван Цэня из оцепенения: в один миг прежние мысли о сочувствии к таланту, об уважении к ученому сменились решением затеять дело и уничтожить человека. Правда, в тот день Ван Цэнь ни с кем не поделился своими мыслями, но в душе у него все кипело: он только и думал, как бы подстроить что-нибудь Лу Наню, как бы сжить его со света. «Теперь только его смерть удовлетворит меня»,— злобствовал начальник уезда.

Так прошла ночь. На следующий день, сразу после утреннего приема в ямэне, он решил посоветоваться обо всем со своим ближайшим помощником, секретарем

канцелярии Тань Цзунем — большим пройдохой, хитрым и опытным приказным крючком. Он всегда был в курсе дел своего начальника и частенько брал для него взятки. Рассказав Тань Цзуню о вчерашнем визите, начальник уезда признался, что намерен отомстить своему обидчику, поэтому думает разузнать о каких-нибудь его проступках, чтобы написать на него донесение.

— Если вы решили разделаться с Лу Нанем, — отвечал Тань Цзунь, — то опрометчиво действовать нельзя. Надо состряпать против него какое-нибудь крупное дело, чтобы он никак не мог отвертеться. Вот тогда можно будет и совсем упечь его на тот свет. Простым донесением вы, пожалуй, не сведете с ним счеты, а, наоборот, еще наживете неприятности.

— Почему это? — удивился начальник уезда.

— Лу Нань — мой земляк. Я знаю, что он очень богат и что среди его друзей и знакомых немало людей высокопоставленных. Он мнит себя талантом и нередко позволяет себе много вольностей, но его проказы не нарушают законов. Допустим, что мы его арестуем. Но у такого человека, как он, всегда, конечно, найдется сильная рука. Дело дойдет до высших властей — его оправдают и, уж во всяком случае, не вынесут ему смертного приговора. Тогда, озлобленный, жаждущий мести, он сможет доставить вам много неприятностей.

— Ты, конечно, прав. Но не думаю, чтобы за таким распушенным человеком, как Лу Нань, не было каких-нибудь значительных проступков. Пойди-ка разузнай хорошенько. А я уж тогда найду выход.

— Слушаю, — ответил Тань Цзунь.

Не успел он выйти, как начальнику уезда принесли подарки, возвращенные Лу Нанем. Задетый за живое и не зная, на ком выместить свою злобу, начальник уезда обрушился на привратника.

— Как ты смел принять эти вещи! — закричал Ван Цэнь и тут же распорядился, чтобы привратнику дали двадцать палок, а вино и деньги, которые он принес, раздали слугам. Вот уж поистине:

*Если бы всех убедить людей
друг другу не делать зла,
Тогда бы на целом свете никто
зубами не скрежетал.*

Выполняя поручение начальника, Тань Цзунь повсюду разузнавал и расспрашивал о Лу Нане, ища, нельзя ли к чему придраться. Проходили дни и месяцы, наступила зима, а старания Тань Цзуня пока ни к чему не приводили. Между тем начальник уезда не переставал напоминать ему о Лу Нане, и секретарь находился в затруднении.

Однажды, когда Тань Цзунь сидел у себя, тоскливо размышляя о том, что, видимо, так и не удастся придраться к поэту, он заметил, что к ямэню бежит какая-то женщина. Это оказалась Цзинь — жена Ню Чэна, младшего брата его слуги Ню Вэня. Женщина лет тридцати была довольно недурна собой.

— Тысячу вам благ! — произнесла женщина, когда подошла к ямэню и увидела Тань Цзуня. — Как хорошо, что я вас застала! Господин секретарь, не скажете ли, где наш старший брат?

— Ню Вэнь у главных ворот. Для чего он тебе понадобился?

— С вашего разрешения, уважаемый секретарь, я сейчас вам все расскажу. Дело в том, что мой муж одолжил у Лу Цая, слуги господина Лу Наня, два лана серебром. За два года, что прошло с тех пор, мой муж выплатил ему кучу денег как проценты. В этом году мой муж батрачил у господина Лу Наня, а там принято в конце года выплачивать вперед половину за будущий год. В тот день, когда Ню Чэн получал жалованье, хозяин его и накормил и напоил, и муж был очень доволен. Не успел он выйти от хозяина, как его остановил Лу Цай и потребовал долг. Муж сказал, что теперь, в канун Нового года, он не может с ним рассчитаться, потому что нам не на что будет справить новогодние праздники. Лу Цай не отставал, и спор перешел в драку. Мой муж — я понимаю, это нехорошо, — обругал Лу Цая холуем, и братья Лу Цая за это сильно избили мужа. Домой он пришел избитый, обиженный, злой. После хозяйского угощения он был разгорячен; в драке грудь была нараспашку, и он простыл. В ту же ночь у мужа началась горячка. Вот уже восьмой день он глотка воды не может сделать. Врач сказал, что болезнь очень злая и что вряд ли он поправится. Остается только ждать его смерти. Вот я и пришла посоветоваться со старшим братом.

Тань Цзунь еле сдержал свою радость.

— Ах, вот оно что!— сказал он.— Ну, коли все обойдется, так ладно. Но если только с твоим мужем случится что-нибудь, сейчас же мне сообщи. А в том, что обида твоя будет отомщена, положишься на меня, мы еще заставим Лу Наня раскошелиться, да так, что тебе до конца дней хватит прожить в достатке.

— Если господин секретарь согласится мне помочь, что я могу желать лучшего!— радостно воскликнула женщина.

Тем временем подошел Нью Вэнь. Цзинь рассказала ему все, и они вместе направились домой. Когда они выходили из ворот ямэня, Тань Цзунь прокричал им вдогонку:

— Если что-нибудь случится, сообщите сразу же!

Не прошло и часа, как Цзинь и Нью Вэнь были дома. В комнате царила полная тишина; они подошли к кровати больного и застыли в ужасе — Нью Чэн, вытянувшись, лежал неподвижно. Он был давным-давно уже мертв. Цзинь разрыдалась во весь голос. Действительно:

*Жена и муж — совсем как птицы,
живут в одном лесу;
Но вот *великий срок приходит —
тогда им врозь лететь.*

На плач сбежались соседи.

— Подумать только,— причитали они,— здоров был и силен, как тигр, и так внезапно умер. Бедный! Бедный!

— Хватит плакать!— сказал Нью Вэнь вдове.— Прежде всего надо сообщить о его смерти моему хозяину, а потом уже позаботимся об остальном.

Цзинь попросила соседей присмотреть за домом и последовала за Нью Вэнем.

— Наверное, они пошли жаловаться в ямэнь,— решили соседи.— Раз у нас случилось такое несчастье, надо бы и нам пойти в ямэнь и заявить, чтобы снять с себя ответственность.

Рассудив так, они тотчас отправились в ямэнь.

Тем временем известие о смерти Нью Чэна обошло всю округу и дошло до Лу Наня. Надо сказать, что Лу Наню уже в день драки доложили о случившемся и рассказали, что Лу Цай тайно занимается ростовщи-

чеством, обсчитывает и обдирает людей. Лу Нань, придя в ярость, тогда же приказал дать Лу Цаю тридцать палок, отобрал у него долговую расписку Нью Чэна и выгнал вон. Расписку поэт собирался вернуть батраку, когда тот придет жаловаться на Лу Цая. Теперь же, узнав о том, что Нью Чэн умер, поэт приказал слугам найти Лу Цая и отвести его в ямэнь. Но Лу Цай, прослышав о смерти Нью Чэна, давно уже скрылся.

Между тем Нью Вэнь и Цзинь, запыхавшись, прибежали в ямэнь и доложили о случившемся Тань Цзуню. Тот обрадовался и прежде всего побежал с докладом к начальнику уезда. Затем он вернулся к родственникам умершего, научил их, что они должны говорить, и тотчас настрочил за них донос.

Лу Нань обвинялся в нанесении смертных побоев Нью Чэну за то, что жена Нью Чэна будто бы отказалась сожительствовать с ним. Затем он приказал Нью Вэню и Цзинь *бить в барабан и жаловаться. Нью Вэнь, подчиняясь его распоряжению, повел за собой невестку и, не долго думая, схватил первую попавшуюся палку, стал колотить по барабану и что было мочи орать: «Помогите! Спасите!»

Слуги ямэня, предупрежденные Тань Цзунем, не стали им мешать. Услышав барабанный бой, начальник уезда поспешил выйти в присутствие и распорядился, чтобы к нему привели пострадавших. В то время когда он просматривал жалобу, явились со своими показаниями соседи Нью Чэна. Не обращая внимания на их заявления, начальник уезда задал им лишь несколько вопросов для видимости. Не отпуская людей, не вынося никаких решений, он тут же кинул *палочку, приказал взять Лу Наня и доставить его в ямэнь.

Людей, отправлявшихся к Лу Наню, Тань Цзунь напутствовал следующими словами:

— Начальник уезда очень зол на Лу Наня. Поэтому, когда придете к нему, хватайте всех, кто попадется, кроме женщин и детей, и волоките в ямэнь.

Служители ямэня знали о вражде между начальником уезда и Лу Нанем. К тому же они понимали, что к такому видному и знатному человеку, как Лу Нань, в одиночку или вдвоем не войдешь. Поэтому они собрали всех, кто был в ямэне. Набралось человек пятьдесят, и все они, как разъяренные тигры, помчались к дому Лу Наня.

Стояла середина зимы. Дни были короткие, время приближалось к вечеру. Красные облака находили друг на друга, северный ветер пронизывал до костей, было очень холодно. Тань Цзунь, выслуживаясь перед начальником уезда, расщедрился на вино, чтобы «подогреть» слугителей ямэня.

И вот вся ватага во главе с факельщиками подбежала к воротам дома Лу Наня и с криками ринулась в сад. Они хватали всех, кто попадался им на глаза. Слуги Лу Наня, не понимая, в чем дело, метались из стороны в сторону, падали, сбиваемые с ног ворвавшейся толпой. Дети плакали, женщины кричали, не зная, куда спрятаться.

В это время жена Лу Наня со служанками грелась у печки. Услышав страшный шум в саду, она решила, что начался пожар, и приказала служанкам пойти посмотреть, что случилось. Не успели служанки сойти с места, как к дверям подбежал слуга:

— Хозяйка! Несчастье! В сад ворвалась целая толпа каких-то людей с факелами!

Жена Лу Наня решила, что на дом напали грабители,— от страха у нее зуб на зуб не попадал.

— Скорей закройте дверь!— приказала она служанкам.

Те бросились было к двери, но тут вдруг комната озарилась светом факелов. Служанки, не успев никуда скрыться, подняли крик:

— Пощадите, атаманы! Пощадите!

— Что вы мелете ерунду! Мы по приказу начальника уезда пришли арестовать Лу Наня. Какие там атаманы!

Жена Лу Наня поняла тогда, что начальник уезда решил отомстить мужу за оскорбление и затеять дело против него. Она стала кричать:

— Раз вы не грабители, а слугители ямэня, то должны знать, как вести себя! Если даже что и стряслось, то это какая-нибудь чепуха, вроде земельных дел, подворных налогов или регистрации брака. Во всяком случае, не страшное преступление. Почему же вместо того, чтобы прийти днем, вы являетесь среди ночи целой толпой с факелами и оружием? Почему, как разбойники, врываетесь в дом, во внутренние покои? Чтобы пограбить заодно, что ли? Посмотрю, что вы скажете завтра в свое оправдание в ямэне.

— Нам подавайте Лу Наня, а там можете жаловаться,— отвечали служители и бросились обыскивать комнату. Наконец, набив карманы изящными безделушками и драгоценностями, которые пришлось им по вкусу, они перешли в другое помещение. Женщины от страха попрятались под кровати. Не найдя нигде Лу Наня, посланцы из ямэня, рассчитывая, что хозяин должен быть в садовом павильоне, толпой повалили туда.

Они не ошиблись. Лу Нань с гостями был там и пил вино, а по бокам актеры развлекали гостей игрой и пением. Слуга, посланный на розыски Лу Цая, докладывал в это время хозяину, что Лу Цай исчез. Вдруг к павильону подбежали двое слуг, крича:

— Хозяин, беда!

— Что случилось?— спросил поэт не совсем трезвым голосом.

— Ничего не знаем. Целая толпа ворвалась в дом, грабят и хватают всех, кто попадает под руку. Сейчас они в ваших покоях.

Гости Лу Наня испугались, мигом прошел хмель.

— Что же это такое?— возмутились они и поднялись с мест. Один Лу Нань по-прежнему сидел спокойно, словно не придавал этому никакого значения.

Вдруг замелькали огни, и толпа служителей с громкими криками ворвалась в павильон. Актеры, не зная, где спрятаться, в испуге заметались по павильону.

— Кто смеет безобразничать здесь?!— закричал разъяренный поэт.— Взять их!

— Начальник уезда приглашает вас поговорить,— услышал Лу Нань,— так что, пожалуй, нас-то вам не брать.

И петля веревки легла на шею Лу Наня.

— А ну, поворачивайся живее!— заорали служители.

— Это еще что!— возмутился поэт.— В чем дело?! Вы думаете, что я пойду!?

— Откровенно говоря,— заявил один из служителей,— раньше тебя, бывало, в ямэнь просишь не допросишься, ну а уж теперь-то мы приведем.

С этими словами они, таща на аркане, пиная, выволокли Лу Наня из павильона. С Лу Нанем было схвачено человек пятнадцать его слуг. Посланцы из ямэня

собирались арестовать даже гостей Лу Наня, но, признав в них известных ученых и молодых людей из знатных семей, не решились их тронуть.

С шумом и гамом служители толпою вывалились из сада и понеслись прямо в ямэнь. Обеспокоенные гости пошли следом, чтобы разузнать, что произошло. Попрятавшиеся слуги стали вылезать из своих укрытий. Жена Лу Наня приказала кое-кому из них взять деньги и отправиться в ямэнь, чтобы навести справки.

Тем временем начальник уезда в ямэне ожидал своих людей. Ярко горели фонари и факелы, было светло как днем и совершенно тихо. Лу Наня и его слуг втащили прямо в зал. Когда поэт поднял голову и взглянул на начальника уезда, он увидел в лице Ван Цэня столько ненависти и злобы, что ему показалось, будто перед ним сидит сам дьявол, а служители ямэня, выстроившиеся в два ряда по обеим сторонам от своего начальника, ничем не отличались от рогатых чудищ, страшных служителей преисподней. Людей Лу Наня от этой жуткой картины проняла дрожь. Перепуганные, они попадали на колени.

— Лу Нань и другие арестованные приведены в ямэнь,— доложили служители. Здесь же в сторонке склонили колени Ню Вэнь и Цзинь. Один Лу Нань стоял во весь рост. Начальник уезда вперил в него пристальный взгляд и, нагло ухмыляясь, сказал:

— Велика персона! Захолустный выскочка, а так держишь себя перед начальством. Где уж тебе дома достойно вести себя — твоя распущенность и бесчинства всем известны. Но за свою дерзость ты когда-нибудь ответишь, а пока просто посиди в тюрьме.

Лу Нань шагнул вперед, выпрямился и сказал:

— Могу и в тюрьме посидеть. Только прежде мне должны объяснить, в чем я так провинился, что люди ночью врываются в мой дом и арестовывают меня.

— Ты убил честного человека по имени Ню Чэн за то, что его жена не захотела стать твоей любовницей,— ответил начальник уезда.— По-моему, это достаточно большое преступление.

— А я-то думал, действительно какое-нибудь страшное дело!— ответил Лу Нань с презрительной улыбкой.— Оказывается, все дело в Ню Чэне. Выходит,

мне нужно отвечать своей жизнью за его смерть. Стоило из-за этого поднимать столько шума. Ню Чэн работал у меня батраком, подрался с моим слугой Лу Цаем и умер от побоев. Меня это не касается. Да если бы я даже и убил его, за это не карают смертью. Ты сводишь личные счеты. Ты хочешь доказать то, чего нет, хочешь взвалить на меня вину, которой на мне нет и тени. Что ж, я-то это переживу; боюсь только, что с разговорами, которые пойдут, и со всеобщим возмущением тебе не справиться.

— Ты убил свободного человека!— завопил разъяренный Ван Цэнь.— Это известно всем, а сам лживо утверждаешь, что он был твоим слугою. Ты клеветешь на должностное лицо, не желаешь стать перед ним на колени. Если ты здесь, в зале присутствия, позволяешь себе так безобразничать, могу себе представить, какие беззакония творишь вообще! Убил ты или не убил — все равно! Довольно и того, что сейчас бунтуешь против «отца и матери народа»! Дать ему палок!

— Есть дать палок!— ответили служители и повалили Лу Наня.

— Благородного человека можно убить, но нельзя бесчестить!— закричал Лу Нань.— Я жизни не жалею и смерти не страшусь. Подумай: и хочешь резать — режь, хочешь рвать — рви, но бесчестить меня палками — этого я не потерплю!

Для служителей слова Лу Наня ничего не значили, они скрутили его и нанесли ему тридцать сильных ударов.

— Довольно!— распорядился начальник уезда и приказал Лу Наня и его слуг заключить в тюрьму.

Тут же он велел купить для покойного Ню Чэна гроб, уложить тело, а затем доставить гроб с телом в ямэнь для освидетельствования.

Брат и жена покойного вместе со свидетелями дали обязательство немедленно явиться по вызову на разбор дела.

Когда Лу Нань, весь в крови, встал, он расхохотался и вышел из зала, поддерживаемый двумя слугами.

Друзья поэта, давно уже ожидавшие его у выхода, подошли к нему.

— Что же стряслось, что дошло даже до наказаний палками?

— А ничего,— ответил Лу Нань.— Начальник уезда решил отомстить мне за обиду, только и всего. Для этого он взвалил преступление моего слуги Лу Цая на меня самого и намерен подвергнуть меня небольшому наказанию вроде смертной казни.

— Неужели — это — возможно?! — возмутились друзья.— Мы договорились, что завтра самые почтенные и влиятельные жители уезда пойдут в ямэнь и по душам побеседуют с начальником. Нет сомнения, что он, опасаясь пересудов, освободит вас.

— Вовсе не стоит вам себя затруднять,— ответил Лу Нань.— Пусть делает что хочет! У меня к вам есть дело поважнее. Не откажите в любезности зайти ко мне домой и передать, что я велел прислать в тюрьму побольше вина.

— После того что с вами случилось, вам следовало бы поменьше пить.

— Самое драгоценное в человеческой жизни — это делать то, чего просит душа,— ответил с улыбкой поэт.— Бедность или богатство, слава или позор — все это вещи вне нас самих, и что мне они? Неужели из-за того, что начальник уезда собирается погубить меня, я должен отказаться от вина?

В это время тюремщик стал толкать Лу Наня в спину, приговаривая:

— Давай-ка в тюрьму, в другой раз поговоришь!

Это был некий Цай Сянь, которому начальник уезда доверял и на которого очень полагался.

— Мерзавец!— набросился на него поэт, гневно сверкнув глазами.— Какое тебе дело до того, что я разговариваю!

— Какое дело!— гаркнул тюремщик, тоже вспливав.— Ты теперь простой преступник, так что оставь-ка лучше свои барские замашки!

— Как это преступник!— рассвирепел Лу Нань.— Захочу и не пойду, что ты мне сделаешь?

Цай Сянь собирался что-то ответить поэту, но несколько благоразумных тюремщиков оттолкнули его и после долгих уговоров убедили Лу Наня войти в тюрьму. Друзья Лу Наня разошлись. Нечего и говорить, что слуги Лу Наня дома подробно рассказали обо всем случившемся жене своего хозяина.

Между тем Тань Цзунь, все время следивший за Лу Нанем, подслушал его разговор с друзьями и слово

в слово передал начальнику уезда. На следующий день начальник сказался больным, не выходил в зал суда, не разбирал никаких дел, так что когда к нему явились присланные друзьями Лу Наня местные чиновники и видные люди, привратники даже не приняли у них визитных карточек. После их ухода, уже во второй половине дня, начальник уезда вошел в присутствие, приказал вызвать вдову Цзинь и свидетелей, позвать осмотрщика трупов, привести из тюрьмы Лу Наня и его слуг и со всеми отправился на освидетельствование трупа Нью Чэна. Осмотрщик трупов догадывался о намерениях начальника уезда. Поэтому он представил царапины и синяки на теле Нью Чэна как результат серьезных ранений и тяжких побоев. Местные жители поняли, что начальник решил разделаться с Лу Нанем, и в один голос твердили, что Лу Нань — убийца Нью Чэна.

Тогда начальник уезда велел Лу Наню представить его договор с батраком Нью Чэном и, объявив договор фальшивым, порвал его на мелкие куски; затем, подвергнув поэта жестоким пыткам, тут же приговорил его к смертной казни. Наконец, он приказал дать Лу Наню двадцать тяжелых ударов палками, на руки и шею надеть длинную *кангу и заключить в камеру для смертников. Слуги Лу Наня, получив по тридцать палок, были осуждены на три года каторги, но под поручительство их освободили впредь до особого распоряжения. Жена и брат покойного Нью Чэна, свидетели и все привлеченные к делу были отпущены по домам. Гроб с покойником пока оставался на месте.

Затем, составив из всех показаний и свидетельств дело, начальник уезда сопровождал его донесением высшему начальству, указав на неповиновение Лу Наня и на его неуважение к должностным лицам. Никаких убеждений и доводов влиятельных людей начальник уезда не желал даже и слушать. И вот что говорят стихи:

*Начальник уезда мог с древних времен
любую семью разорить,
И помню еще до сих пор мы о том,
как зря пострадал *Гунъе Чжан.
Высокий ученый вчера еще жил
в довольстве, не зная беды,
Сегодня в саду знаменитом его
цветы без присмотра растут.*

Лу Нань — человек из знатной семьи. Бывало, вскочит у него какой-нибудь прыщик, как уж зовут на помощь врача. Не удивительно, что после таких побоев он долго лежал без сознания. На его счастье, все тюремщики знали, что он богат, поэтому ухаживали за ним и тотчас постарались достать целебную мазь. Жена Лу Наня прислала врача, так что не прошло и месяца, как поэт поправился.

Друзья Лу Наня не забывали о нем и постоянно приходили в тюрьму навещать его. Тюремщики уже давно получили свое, были очень довольны и всех беспрепятственно пропускали к поэту. Цай Сянь был единственным тюремщиком, который старался во всем угождать начальнику уезда и каждый раз бегал докладывать ему о посетителях Лу Наня.

Как-то раз, никого не предупредив, начальник уезда нагрянул в тюрьму, где действительно застал приятелей Лу Наня. Так как все это были люди ученые, влиятельные и известные, Ван Цэнь ничего не посмел им сделать и велел лишь выпроводить их из тюрьмы. Однако он приказал дать двадцать палок Лу Наню и строго наказать всех тюремщиков. Те отлично понимали, что это дело рук Цай Сяня, но им ничего не оставалось, как молчать, стиснув зубы, — связываться с Цай Сянем, своим человеком у начальника уезда, никто, конечно, не решался.

Лу Нань привык жить в высоких и просторных комнатах, носить парчовые одежды, есть отменные блюда. Глаза его любовались стройными деревьями и бамбуками, цветами и травами; слух его услаждали звуки свирелей и флейт; вечером к нему приходили наложницы в пурпурных лазоревых одеяниях, и он то обнимал одну красавицу, то ласкал другую; он жил беззаботно, как небожитель. Теперь он сидел в крохотной камерке, где не поместилась бы и половина его тахты; он видел изо дня в день одних лишь смертников, которые своими свирепыми лицами, руганью и криками напоминали Лу Наню сборище бесов. В ушах непрерывно стоял звон цепей, шум колодок и наручников. С наступлением вечера раздавались окрики ночной тюремной стражи, сопровождаемые ударами в колотушку и в гонг и тягучим монотонным пением стражников. Грусть и тоска наполняли душу поэта. И хотя Лу Нань был вообще человеком веселым и беспечным, но все это не-

вольно навевало на него печальные мысли. Временами он досадовал, что у него нет крыльев, чтобы улететь из тюрьмы. Порою ему так и хотелось топором разнести двери и выпустить всех узников. А при воспоминании о пережитом позоре у Лу Наня волосы на голове вставали дыбом от ярости и гнева.

«Всю свою жизнь я прожил достойным мужем и попался в руки этому преступному подлецу, — рассуждал Лу Нань. — По его милости я здесь. Настанет ли день, когда я смогу вырваться? Но пусть даже вырвусь я отсюда, с каким лицом предстану я перед людьми? Да и зачем мне нужна такая жизнь! Не лучше ли покончить с собой, и все. Нет, так нельзя, нельзя. В древности *Вэнь-ван находился в заключении в Юли, *Чэн Тан сидел в башне Ся, *Сунь Бинь и Сыма Цянь подверглись позорному наказанию. А это все были мудрые, высоко нравственные люди. И раз они находили нужным терпеть позор и ждать своего времени, то смею ли я думать о том, чтобы покончить с собой? В конце концов, у меня знакомых полон свет, — продолжал рассуждать Лу Нань, — среди них немало известных ученых, чиновников и видных людей вообще. Неужели они будут сидеть сложа руки и ждать моей гибели? Или, может быть, они не знают, что я жертва возмутительной и жестокой несправедливости? Надо будет подробно написать им обо всем, чтобы они хлопотали перед высшими властями о моем освобождении».

Лу Нань тут же написал несколько писем и через своих слуг разослал их во все концы. Среди друзей, к которым обратился поэт, были и состоящие на службе, были и чиновники в отставке. Получив письма, они были потрясены случившимся. Одни обратились прямо к начальнику уезда, настаивая на смягчении приговора, другие — к высшим властям с просьбой пересмотреть дело Лу Наня. Высшие ведомственные чиновники, зная Лу Наня как одного из талантливейших людей и желая ему помочь, вернули донесения Ван Цэня в уезд, причем дали понять, что семье Лу Наня следовало бы подать жалобу в высшую инстанцию, тогда дело можно было бы передать в другое ведомство на пересмотр. Узнав об этом, Лу Нань ожил. Он тут же велел домашним разослать во все вышестоящие ямэни жалобы на несправедливые действия Ван Цэня, и каждый ямэнь действительно вынес решение о передаче

дела Лу Наня в областную судебную управу для пересмотра. Областной судья, который был уже в курсе дела, тем временем успел получить много писем и просьб — и больше всего из уезда, где начальником был Ван Цэнь. Сам Ван Цэнь за несколько дней получил десятки писем с ходатайством об освобождении поэта и просто не знал, как ему быть, а тут еще вернулись его донесения по делу Лу Наня. Ко всему этому через несколько дней из областной судебной управы пришло распоряжение: Лу Наня вместе с материалами дела доставить в область. Начальник уезда понял, что вышестоящие ведомства намерены освободить Лу Наня, и не на шутку испугался.

«До чего изворотлив, негодяй! — возмущался начальник уезда. — Как это он, сидя в тюрьме, сумел связаться с различными учреждениями и все наладить? Если его освободят, он мне не простит. Ладно, раз начал дело, надо его кончать. Худую траву надо рвать с корнем, а то потом бед не оберешься!»

В тот же вечер Ван Цэнь велел Тань Цзуню отправиться в тюрьму и приказать Цай Сяню немедленно заготовить свидетельство о болезни Лу Наня. Ночью поэта должны были вывести в уединенное место и покончить с ним.

Как жаль, что человек такого таланта и эрудиции канет в вечность в глубинах этой тюрьмы! Да!

*Доблестный рыцарь навек переполнен
тысячелетней обидой;
Всё, словно иней и в буре деревья, —
так это душу терзает.*

Но надо немного вернуться и сказать, что в уезде Сюньсянь помощником уездного инспектора по уголовным делам был некий Дун Шэнь из чиновной семьи. Дела он вел энергично, действовал всегда справедливо, мягко, без крайностей. Дун Шэнь никак не мог в душе смириться с лицеприятным решением начальника уезда по делу Лу Наня. Но он был всего-навсего мелким чиновником и не посмел вмешиваться. Каждый раз, когда Дун Шэнь приходил по делам службы в тюрьму, он непременно заходил к Лу Наню побеседовать, так что вскоре между ними завязалась дружба.

Как раз в тот вечер, когда Лу Наня по приказу начальника уезда вывели из тюрьмы, Дун Шэнь при-

шел туда с обходом. Не найдя поэта на месте, он потребовал объяснений у тюремщиков, но те помалкивали. Только когда Дун Шэнь в негодовании пригрозил им, они признались.

— Господин начальник прислал сюда секретаря Тань Цзуня, чтобы покончить с Лу Нанем. Его уже увели,— прошептал один из них.

— Уездный начальник считается «отцом и матерью народа», как же мог он пойти на такое?! — в гневе закричал помощник инспектора.— Не иначе, как это вы, мошенники, занимались вымогательством, хотели все вытянуть из Лу Наня, а когда увидели, что ничего не получается, решили убить его. Скорее ведите меня к нему!

Тюремщики, не смея ослушаться, провели Дун Шэня в маленький темный проход за тюрьмой, где они сразу же наткнулись на Тань Цзуня и Цай Сяня.

— Взять их!— не своим голосом закричал помощник инспектора и, подойдя к ним, увидел лежавшего на земле Лу Наня. Все его тело, исполосованное ударами плетей, было фиолетово-черным. Он был связан по рукам и ногам, а лицо его придавлено тяжелым мешком с землей. Дун Шэнь приказал снять мешок и стал громко звать Лу Наня, пытаясь привести его в чувство. Судьбою, как видно, не предназначено было Лу Наню умереть: поэт постепенно стал приходить в себя; его развязали, перенесли в камеру и напоили горячим супом. Только тогда Лу Нань обрел дар речи и смог рассказать о том, как в тюрьму пришел Тань Цзунь и приказал Цай Сяню выполнить свой злодейский замысел.

Успокоив Лу Наня, помощник инспектора приказал людям приглядеть за ним и уложить спать, а сам повел Тань Цзуня и Цай Сяня в комнату для дознаний.

Помощник инспектора отлично знал, что оба преступника действовали по распоряжению начальника уезда, но в то же время понимал, что, если сейчас вывести все это дело на чистую воду, начальник уезда ни в чем не признается. Он хотел было пытаться Тань Цзуня, однако тот был правой рукой начальника уезда, и Ван Цэнь мог обвинить Дун Шэня в том, что он самовольно наказал его первого помощника. Получилось бы неладно. Тогда Дун Шэнь вызвал одного Цай Сяня. Он ре-

шил вынудить у него признание, что Лу Нань отказался дать ему и Тань Цзуню денег и что за это они задумали убить его.

Но Цай Сянь только твердил, что он поступал по приказу начальника.

— Пытать его! — закричал тогда в гневе Дун Шэнь.

Напомню здесь, что совсем недавно Цай Сянь донес на стражу, что она пропускает к Лу Наню гостей. После этого начальник уезда сам осмотрел тюрьму и приказал всех тюремщиков высечь.

Теперь они не хотели упустить удобного случая, чтобы отомстить Цай Сяню, и подобрали ему пару самых коротких и крепких тисков. Цай Сянь тотчас начал неистово кричать, что признаёт свою вину. Добившись цели, помощник инспектора приказал прекратить пытку. Но тюремщики, злые на Цай Сяня, притворились, что не слышат, и еще сильнее поджали тиски. От нестерпимой боли Цай Сянь стал призывать отца и мать и всех предков до восемнадцатого колена. Дун Шэню пришлось несколько раз прикрикнуть на тюремщиков, прежде чем те прекратили пытку. Помощник инспектора велел дать Цай Сяню бумагу и кисть и приказал ему изложить свои показания собственноручно. Тому ничего не оставалось, как написать все под диктовку помощника инспектора.

— Пока что не выпускайте ни того, ни другого из тюрьмы, — распорядился Дун Шэнь, пряча в рукав признание Цай Сяня. — Я повидаю начальника уезда, а потом приду за ними сам.

Дун Шэнь вышел из тюрьмы, вернулся в ямэнь и в ту же ночь написал донесение по этому делу.

На следующий день, когда начальник уезда вышел на утренний прием, помощник инспектора лично подал ему свое донесение.

— Я видел это собственными глазами, — сказал Дун Шэнь. — Если вы мне не верите, позовите всех и допросите их тут же. Тань Цзунь еще, может быть, заслуживает снисхождения, но этот Цай Сянь — наглец. Он до того дошел, что даже пытался запачкать вас. И если наказать его со всею строгостью, это послужит уроком для таких, как он.

Начальник уезда побагровел: слова Дун Шэня задели его за живое; опасаясь огласки и бесчестья, он был вынужден арестовать Цай Сяня и отправить его на каторгу.

С тех пор Ван Цэнь затаил злобу против помощника инспектора. Приписав ему несколько историй, в которых Дун Шэнь якобы показал себя как человек недостойный, Ван Цэнь доложил о нем высшим властям. Дун Шэнь был отставлен от должности и покинул уезд. Но это случилось позже, теперь же вернемся к начальнику уезда. Раздосадованный тем, что ему так и не удалось осуществить до конца свои замыслы, Ван Цэнь разослал во все вышестоящие инстанции объяснительные донесения. Кроме того, он специально послал в столицу людей, которым было приказано лично передать донесения влиятельным лицам. Суть этих донесений состояла в том, что Лу Нань будто бы, «полагаясь на свое богатство и влиятельные знакомства, чинит насилия над местными жителями, убивает простых людей, бунтует против начальника уезда и после всего этого ищет разные связи и прибегает к ходатайствам в надежде избежать наказания». Обстоятельства дела в них были изложены в весьма сгущенных красках и выставляли поэта в дурном свете. Начальник старался таким путем раздуть дело, придать ему огласку, чтобы никто не посмел выступить в защиту поэта. Затем Ван Цэнь приказал Тань Цзуню написать от имени Цзинь жалобу на Лу Наня, убийцу ее мужа, переписать эту жалобу в нескольких экземплярах и *расклеить на улицах уездного города. Когда все было подготовлено, Ван Цэнь приказал отправить Лу Наня вместе с документами по его делу в областную судебную управу. В числе документов были жалобы Цзинь и дополнительное донесение начальника уезда.

Чиновник областной судебной управы, которому надлежало разобраться в этом деле, был человеком нерешительным и трусливым; получив донесение начальника уезда, к которому прилагалась жалоба Цзинь, он побоялся сам освободить Лу Наня, чтобы не навлечь на себя неприятностей, и решил в свою очередь представить дело на усмотрение высшему начальству.

Как правило, если уголовное дело проходило через управу, другие ведомства и чиновники обычно уже не решались вмешиваться в разбирательство. Поэтому Лу Нань был уверен, что на этот раз его выпустят на свободу. Но вышло наоборот — он вернулся в уездную тюрьму. Осталась надежда, что начальник когда-ни-

будь покинет уезд и тогда можно будет опять искать правосудия. Однако оказалось, что Ван Цэнь даже прославился тем, что не побоялся затеять дело со знаменитым богачом и арестовал его. В столице о начальнике уезда Сюньсянь стали говорить как о человеке смелом и решительном, и вскоре он получил повышение. Ван Цэнь стал у кормила власти. Обладай Лу Нань всемогущей силой богов, все равно не нашлось бы человека, который осмелился бы теперь пересмотреть его дело. Правда, один цензор-ревизор, некий Фань, сжалившись над несправедливо осужденным поэтом, распорядился, чтобы Лу Нань был освобожден. Но едва слухи об освобождении Лу Наня дошли до Ван Цэня, тот сразу же попросил своего приятеля по службе написать донос на цензора, будто бы он за взятку выпустил на свободу важного преступника. Фаня отстранили от должности, а уездному управлению было указано снова посадить Лу Наня в тюрьму. Поэтому хоть высшие власти и знали о всей этой несправедливости, но никто уже не выступал в защиту поэта. Кто бы стал ценою собственного чина и должности добиваться его оправдания?

Время мчалось быстро, прошло три года, а Лу Нань все еще сидел в тюрьме. За это время успели смениться два начальника уезда. Ню Вэнь и Цзинь умерли. Ван Цэнь снова получил повышение. Теперь он занимал пост высокого сановника и приобрел огромное влияние и исключительную силу в столице. Лу Нань потерял всякую надежду на свободу, но, оказывается, звезда его страданий уже угасала.

В уезд Сюньсянь опять был назначен новый начальник, и можно сказать, что

*В тот день густую темноту
прорезал первый свет;
В то утро сладкая роса
не превратилась в иней.*

Новым начальником уезда Сюньсянь стал некий Лу Гаоцзу, родом из Пинху, что находится в ведении округа Цзясин в провинции Чжэцзян. Это был умудренный опытом правитель, человек обширных познаний, блестящего, тонкого ума, огромных дарований.

Когда Лу Гаоцзу собирался покинуть столицу, Ван Цэнь рассказал ему о Лу Нане, напомнил о его деле

и просил иметь это дело в виду. У Лу Гаоцзу сразу же возникли подозрения. «Эта история случилась очень давно, почему же она до сих пор так волнует Ван Цэня?— подумал он.— И к чему все эти наставления? Нет, тут что-то не то!»

Вступив в должность, Лу Гаоцзу расспросил о деле Лу Наня местных влиятельных лиц, которые охотно объяснили новому начальнику истинную причину ареста. Лу Гаоцзу не решился этому поверить: «Все-таки Лу Нань был известным богачом, и люди эти могли в корыстных целях защищать его интересы». Тогда, переодетый простолюдином, он стал повсюду наводить справки и снова получил такие же сведения. «Как же мог правитель народа из-за личной вражды сострять дело на невинного человека и приговорить его к смертной казни?!» — возмутился про себя Лу Гаоцзу и собрался было написать донесение высшим властям, требуя оправдания ни в чем не повинного поэта. Но, поразмыслив, решил, что если он отправит донесение, то надлежащие учреждения прежде всего снова начнут с проверки всех доносов, жалоб, пересмотров и так далее, так что опять дело затянется.

«Лучше сначала освободить Лу Наня, а потом уже написать»,— рассудил начальник уезда. Приняв такое решение, он вынул свиток с бумагами, относящимися к делу поэта, и внимательно просмотрел все документы: все было так хорошо сфабриковано, что прямо-таки не к чему было придраться. Снова и снова просматривал Лу Гаоцзу все документы и наконец пришел к выводу, что без Лу Цая дела этого не разрешить. Назначив награду в пятьсот ланов тому, кто поймает Лу Цая, он велел служителям в кратчайший срок арестовать мошенника. Не прошло и месяца, как Лу Цая привели в ямэнь. Понимая, что ему не отвертеться, Лу Цай сразу же признался во всем, его и пытаться не пришлось.

Тогда начальник уезда написал следующее заключение: *«Дознанием установлено, что у Ню Чэна, получившего от Лу Наня деньги за работу, потребовал возвращения долга Лу Цай, в связи с чем возникла драка. Из этого ясно, что Ню Чэн являлся батраком Лу Наня. За смерть батрака хозяин не отвечает собственной жизнью, тем более что деньги в долг давал Лу Цай,*

а не Лу Нань. Лу Цай же требовал их обратно, и именно Лу Цай дрался с Нью Чэном. Следовательно, задерживать Лу Наня и оставлять на свободе Лу Цая нет никаких законных оснований. Лу Цай своим побегом и уклонением от властей, а также тем, что вовлек в дело ни в чем не повинного хозяина своего и свалил на него всю вину, вполне заслуживает смерти, не говоря уже об ответственности за убийство. Лу Нань же, давно находящийся в заключении, является жертвой допущенной несправедливости, ввиду чего подлежит немедленному освобождению».

В тот же день Лу Наня вызвали из тюрьмы, привели в ямэнь, сняли с него кангу и отпустили домой. Все в ямэне были поражены таким поворотом событий. Сам Лу Нань, уже переставший верить в свое освобождение, был удивлен не меньше других.

Между тем начальник уезда написал донесение, в котором объяснил причину раздора между Ван Цэнем и Лу Нанем и изложил подробности несправедливого осуждения поэта. С этим донесением Лу Гаоцзу лично направился в область на прием к главному судье.

Последний принял Лу Гаоцзу, прочел его донесение и подумал: «Видно, неспроста он на свой страх и риск решил освободить Лу Наня».

— Вы не боитесь навлечь на себя подозрение?— обратился главный судья к посетителю.— Говорят, что Лу Нань очень богат.

— Начальник уезда должен думать только о том, чтобы был соблюден закон, и не должен интересоваться, вызовут ли его действия подозрения окружающих,— возразил на это Лу Гаоцзу.— Его интересует только, справедливо или несправедливо поступили с человеком, и не интересует, богат он или нет. Если человек осужден справедливо, то будь он хоть *Бои и Шуци, у меня нет оснований оставить его в живых; если же человек осужден несправедливо, то будь он хоть самим *Тао Чжу, я никогда не вынесу ему смертного приговора.

Главный судья увидел, что имеет дело с честным и справедливым человеком, и больше не стал ни о чем расспрашивать.

— В древности, когда *Чжан заведовал Уголовной палатой, в тюрьмах не было несправедливо осужденных людей. Вы, почтеннейший, очень мне его напоминаете.

Так что не смею с вами не согласиться,— сказал он Лу Гаоцзу на прощание.

Поблагодарив начальника, Лу Гаоцзу простился и вышел.

Нечего и говорить, что, когда Лу Нань вернулся к себе домой, радости и счастья в его доме не было предела. Родственники и друзья непрерывно приходили к нему с поздравлениями. Через несколько дней после своего освобождения Лу Нань послал слугу узнать, вернулся ли из области начальник уезда. Получив утвердительный ответ, он собрался нанести ему визит и поблагодарить его.

Жена, увидев, что Лу Нань собирается к начальнику уезда с пустыми руками и в обыденной одежде, заметила:

— Начальник уезда Лу Гаоцзу оказал тебе такую милость! Ты так обязан ему! Надо бы пойти с подарками в знак благодарности.

— Почтенный Лу Гаоцзу своим поступком доказал, что он смелый, благородной души человек и не чета грязным, алчным и ничтожным чиновникам. Мои подарки могут показаться ему оскорбительными.

— Почему же оскорбительными? — удивилась жена.

— Я терпел несправедливость больше десяти лет. За это время ни один из уездных начальников не пожелал вникнуть в суть дела. Каждый боялся навлечь на себя подозрения и неприятности. Лу Гаоцзу, как только приехал в наш уезд, сразу понял, что на меня была возведена напраслина, и тотчас освободил меня. Не будь он человеком исключительных талантов, большого ума и необычайной смелости, разве мог бы он так поступить? И если я сейчас стану одаривать его за все, что он для меня сделал, об этом можно будет сказать словами *Конфуция: «Древние люди поняли меня, но я не понял древних людей». Как же могу я так поступить?

Так он и отправился с пустыми руками. Лу Гаоцзу, зная, что Лу Нань — человек талантов необычайных, не отнесся к нему с пренебрежением и пригласил поэта в свои внутренние покои.

Перед начальником уезда Лу Нань не стал на колени, а лишь низко поклонился ему, и, хотя поведение гостя показалось Лу Гаоцзу странным, все же он ответил ему поклоном и пригласил сесть. Слуга поставил

стул для Лу Наня в стороне от кресла начальника уезда. И вот, подумайте, не странно ли: Лу Нань, которого давно все считали преступником, был освобожден из тюрьмы только благодаря Лу Гаоцзу, Лу Гаоцзу, можно сказать, вторую жизнь ему подарил; за такую милость следовало бы не только кланяться до земли, но и чело разбить в поклонах. Посмей Лу Нань поклониться, но не стать на колени перед другим правителем уезда, такое неуважение несомненно вызвало бы недовольство начальника. Лу Гаоцзу же не только не придал этому никакого значения, но, напротив, предложил гостю сесть: все это свидетельствовало о его широкой, великодушной натуре и любви к ученым. Можно ли было предположить, что Лу Нань останется еще недовольным, обидится и скажет:

— Почтенный «отец и мать народа», Лу Нань сидел в камере смертников, но никогда еще не сидел в стороне.

Услышав такое, начальник уезда поднялся со своего места и стал приветствовать поэта заново, как почетного гостя.

— Это моя вина,— промолвил он и предложил гостю почетное место.

Гость и хозяин, восхищенные обществом друг друга, беседовали на различные темы и жалели лишь о том, что им не довелось встретиться раньше.

Вскоре начальник уезда и поэт стали большими друзьями.

*В былые времена *Цзи Ань
не захотел склониться перед генералом;
А ныне, видим мы, Лу Нань
посмел начальнику уезда возражать.
Того, кто утром был в канге,
под вечер гостем уж почетным принимать —
Так может поступать лишь тот,
кто высшим благородством наделен.*

Когда обо всем узнал Ван Цэнь, он попросил своего доверенного человека написать императору доклад с протестом против освобождения Лу Наня и с жалобой на главного судью. Главный судья составил подробное донесение о том, как Ван Цэнь, будучи начальником уезда, из-за личной обиды осудил ни в чем не повинного человека. Вскоре пришел императорский указ, по которому Ван Цэнь был уволен от дел. Главный судья

остался в своей должности, а Лу Гаоцзу это дело даже не коснулось.

Тань Цзунь в это время уже не служил. Он жил у себя на родине и занимался тем, что составлял прошения разным жалобам и кляузам. Когда Лу Гаоцзу узнал, какими грязными делами занимается в его уезде Тань Цзунь, он сообщил об этом в область. Тань Цзунь был арестован, а затем выслан в отдаленные районы страны.

Лу Нань говорил, что остался он в живых, собственно, вопреки всем ожиданиям, что давным-давно должен бы быть мертвым, и потому окончательно бросил всякие мысли о служебной карьере и целиком предался вину и поэзии. Хозяйство его мало-помалу приходило в запустение, но это его ничуть не тревожило.

Надо сказать, что Лу Гаоцзу на посту начальника уезда служил бескорыстно, ни от кого не брал ни лана, любил народ, как своих детей, зная, что полезно для народа, что плохо. Он раскрывал все преступные дела, так что воры и мошенники в страхе трепетали перед ним, и вскоре от грабежей и разбоев в уезде не осталось и следа. В уезде о Лу Гаоцзу говорили как о святом, и слава о нем донеслась до столицы.

Вскоре Лу Гаоцзу получил назначение в Нанкин, и только потому, что он не прислуживался и не унижался перед властью имущими, он получил сравнительно небольшую должность помощника управляющего Палатой обрядов.

Когда Лу Гаоцзу покидал уезд, жители буквально, как говорится, «держали оглобли и ложились на дороге». Со слезами они проводили его за сто *ли, а Лу Нань за целых пятьсот.

Начальник уезда и поэт долго не могли распрощаться друг с другом, но в конце концов, сдерживая слезы, расстались.

Впоследствии Лу Гаоцзу, получив повышение по службе, стал занимать пост управляющего Палатой чинов в Нанкине. Лу Нань к этому времени совсем разорился и, странствуя, попал в Нанкин, где нашел приют у Лу Гаоцзу и был принят как дорогой гость. Каждый день поэт получал от своего друга деньги на вино и бродил по окрестностям Нанкина, любуясь природой. Всюду он оставлял стихи. Они доходили до столицы, и их читали друг другу наизусть.

Как-то раз, гуляя по *Цайши, у храма Ли Бо он встретил какого-то даоса. Монах был бос и ступал по земле мягкой воздушной походкой бессмертного. Лу Нань предложил даосу выпить. Тогда незнакомец вытащил свою *тыкву-горлянку и налил вина Лу Наню.

— Откуда у вас оно?— спросил Лу Нань, отведав изумительное вино.

— Моего собственного изготовления. Лачуга моя находится в горах *Лушань у Пика пяти старцев. Если бы вы согласились отправиться со мной туда, то могли бы вдоволь насладиться этим вином.

— Если речь идет о прекрасном вине, что может помешать мне пойти с вами?— ответил Лу Нань. Тут же в храме он написал письмо, в котором благодарил и прощался с Лу Гаоцзу и так, как был, без всяких вещей, отправился за босоногим странником-даосом.

Лу Гаоцзу, получив письмо, лишь вздохнул и сказал:

— Нежданно явился и так же нежданно ушел. Земля наша для него — это двор постоялый, а сам он только случайный путник. Вот необузданная, не знающая пределов в свободе натура!

Не раз посылал Лу Гаоцзу людей в горы Лушань к Пику пяти старцев разузнать о поэте, но те возвращались ни с чем.

Через десять лет, когда Лу Гаоцзу был уже в отставке и жил на родине, к нему как-то прибыл посланник от императора справиться о здоровье. Тогда Лу Гаоцзу отправил в столицу своего младшего сына поблагодарить императора за оказанную милость. Слуги, сопровождавшие его, говорили, что видели там Лу Наня, что тот справлялся о здоровье Лу Гаоцзу и просил ему кланяться.

Но ходили слухи и о том, что Лу Нань встретил бессмертного и стал небожителем.

Потомки сложили стихи, в которых восхваляли Лу Наня:

*Лу Наню с широкой душой нелегко было жить:
не мог он в стремленьях своих быть свободен.
Поэтому так пристрастился к вину и к стихам,
к сановникам знатым был полон презренья.
Какой-нибудь нитки и той не висело на нем,
когда от людей он ушел беззаботно.
Среди современников славу себе он снискал,
бессмертным в веках будет имя поэта.*

Были сложены о Лу Нане и другие стихи, в которых наставляют людей не следовать его примеру, чтобы не поплатиться за гордыню и пренебрежение к людям.

В стихах говорится:

*Пристрастие к вину, к стихам
и гордость — черты Лу Наня.
Но тот, кто высоко взлетел,
в толпе вызывает зависть.
Старайтесь путь избрать иной,
другим завет мой передайте:
Всегда на жизненной стезе
нужны и сдержанность, и скромность.*

Девица - сюцай
ловко подменяет
одно другим

*Дом у моста Ваньлицяо стоит,
цветет мушмула под окном.
Там секретарь *Сюэ Тао живет,
взаперти коротает дни.
Разве мало талантливых женщин
на свете найдешь среди людей?
Но с ней ни одна не сравнится
ни талантами, ни умом.*

Эти стихи написаны *танским поэтом и преподнесены сычуаньской гетере Сюэ Тао. Сюэ Тао была женщиной редкого дарования. *Вэй Гао, князь района Нанькан, в бытность свою наместником в Сычуани, всеподданнейшим докладом представлял ее к должности военного секретаря. Поэтому ее обычно называли «секретарь Сюэ Тао». Сюэ Тао встречалась с видными людьми, а среди ее друзей были такие выдающиеся личности, как *Гао Пянь, *Юань Чжэнь, *Ду Му и другие. Известно, что Сюэ Тао сама изготовляла бумагу для письма, причем брала для этого воду из реки Хуаньхуа. Бумагу эту называли «листочками Сюэ Тао», и если любителю поэзии и ценителю изящного удавалось достать такой листок, то он берег его, как драгоценную яшму. Поистине, так славилась в свой век Сюэ Тао, что помнили о ней в грядущих поколениях.

Рассказывают, что при нашей династии, в годы *«Хун-у», жил некий Тянь Чжу, родом из города Гуанчжоу, что в провинции Гуандун. *Второе имя его было Мэнъи. Когда его отец Болу получил должность учителя в Чэнду, Мэнъи поехал вместе с ним в этот город. Мэнъи был молод, красив, изящен и превосходил сверстников умом и познаниями. Он был сведущ и

в *каллиграфии, и в живописи, и в музыке, и в *облавных шашках. *Сюцаи, учившиеся у Тянь Болу, проводили с Мэнъи целые дни и любили его, как родного.

Прошел год с тех пор, как они приехали в Чэнду, и Тянь Болу стал подумывать о том, не пора ли отправить Мэнъи домой. Но матери не хотелось расставаться с сыном, да и нелегко было скромному чиновнику собрать нужную сумму на дорогу. Тогда Тянь Болу поговорил с некоторыми сюцаями, желая оставить пока сына в Чэнду и подыскать ему место учителя. Он надеялся, что, учительствуя, Мэнъи сможет продолжать свою учебу, а заработанные деньги откладывать на дорогу. Товарищи Мэнъи по школе только и думали, как бы устроить так, чтобы их друг остался с ними, и потому, узнав, что проживающий неподалеку от города богач Чжан собирается нанять учителя, стали усиленно рекомендовать ему Мэнъи. Чжан послал Мэнъи приглашение. Он предлагал молодому учителю приступить к своим обязанностям через пятнадцать дней после новогоднего праздника.

В назначенный срок Мэнъи в сопровождении своих приятелей, людей очень известных, явился в дом Чжанов. Вместе с ним пришел даже Тянь Болу.

Когда Чжан, в прошлом скромный чиновник по перевозкам, а теперь известный богач, увидел, что новый учитель явился вместе с видными талантливими сюцаями и что с ними пришел сам уважаемый учитель Тянь Болу, он очень обрадовался, устроил пир, и все разошлись только после угощения. С этого дня Мэнъи остался в доме Чжана.

Настал второй месяц, пришел *праздник цветов, и Мэнъи решил навестить родителей. *Запрятав в рукав два *лана серебра, которые хозяин преподнес ему в виде праздничного подарка, Мэнъи отправился в путь. Неожиданно его взору открылась роща пышно расцветших персиковых деревьев. Кругом стояла полная тишина. У Мэнъи было так радостно на душе, что он загляделся на окружающую его прелесть и тут сквозь густой узор цветов и ветвей вдруг увидел красавицу. Понимая, что здесь, должно быть, живет добропорядочная семья, Мэнъи не посмел оглядываться на женщину, но в его походке невольно появилось нарочитое изящество — он грациозно взмахнул рукавом и при этом даже не обратил внимания, что из него выпало се-

ребро. Красавица заметила это, приказала служанке поднять серебро и вернуть его Мэнъи.

На следующий день, когда Мэнъи возвращался к Чжанам, он умышленно пошел той же дорогой и опять увидел красавицу, а также ее служанку. Обе женщины стояли у ворот. Мэнъи направился прямо к ним.

— Идет молодой человек, который вчера обронил здесь серебро,— сказала служанка своей госпоже.

Красавица тотчас скрылась, а служанка осталась.

— Вчера вы были так любезны, что подобрали и вернули мне мое серебро,— сказал он ей,— и вот сегодня я специально пришел поблагодарить вас.

Услышав это, красавица велела служанке пригласить гостя в дом. Мэнъи обрадовался. Поспешно оправив на себе шапку и платье, он вошел внутрь. Красавица встретила Мэнъи и провела его в гостиную, где они поклонились друг другу.

— Не учитель ли вы из дома господина Чжана?— спросила она.

— Да, это так,— ответил Мэнъи.— Вчера по дороге домой я обронил тут одну вещицу. Вы были так любезны, что велели вашей служанке подобрать ее и вернуть мне. Я очень и очень признателен.

— Чжаны — наши родственники. Их учитель все равно что наш учитель, и за такой пустяк, право, не стоит благодарить.

— Хотел бы узнать у вас, уважаемая госпожа, вашу почтенную фамилию и в каком родстве вы с моим хозяином.

— Фамилия ничтожной семьи нашей — Пин. Род наш старинный, из Чэнду. Моя девичья фамилия — Сюэ. Я была отдана замуж за Кана, одного из сыновей семьи Пин, но, увы, рано овдовела и теперь живу здесь одна. А почтенный ваш хозяин доводится мне зятем, поэтому мы с вами, можно сказать, свои.

Узнав, что перед ним вдова, Мэнъи не посмел задерживаться и, выпив чай, сразу же поднялся и стал прощаться.

— Посидите еще, переночуйте у нас, а утром пойдите к Чжанам,— остановила его красавица.— Если ваш любезный хозяин узнает, что вы были здесь, а я не сумела гостеприимно принять вас, мне, право, будет очень неловко.

Она тут же распорядилась, чтобы подали вино

и яства. Вскоре были накрыты два столика, красавица села против Мэнъи и стала усердно потчевать его. В разговорах и шутках она позволяла себе немало вольностей, и душа Мэнъи так и загоралась, но перед родственницей хозяина он старался быть сдержанным.

— Я слышала о вас как о талантливом и остроумном человеке, свободной и широкой натуре. Почему же вы строите из себя такого чинного и чопорного ученого?— упрекнула его женщина.— Я хоть и не очень смышлена, но немного разбираюсь в поэзии. И раз уж мне сегодня довелось встретиться с вами, человеком духовно близким, я с удовольствием показала бы вам кое-какие образцы поэзии и каллиграфии, посочиняла с вами стихи. Если вы согласитесь, почту за счастье.

И она тут же приказала служанке вынуть рукописи танских поэтов и показала их Мэнъи.

Мэнъи внимательно прочитал все, с начала до конца. Это были стихи, собственноручно написанные танскими поэтами. Среди них больше всего было рукописей Юань Чжэня, Ду Му и Гао Пяня. Бумага казалась совсем новой, тушь — свежей. Мэнъи любовался ими, не будучи в силах выпустить их из рук.

— Это ведь редчайшие, драгоценные вещи!— вымолвил он наконец.— И вы их так любите! О, какая необыкновенная, поэтическая душа!

Красавица скромно благодарила.

Они увлеклись беседой и не заметили, как наступила вторая *стража. Мэнъи уже отказывался от вина, и тут красавица пригласила его в опочивальню.

— Я давно живу одна. И вот сегодня, увидев вас и поняв все ваше благородство, я не смогла остаться к вам равнодушной. Я не возражала бы, если бы вы побыли со мной,— сказала красавица, указывая на ложе.

— Я не смел сам просить вас об этом.

Они разделись и легли. И для обоих это была ночь нежности, радостной близости. Красавица между тем не раз настоятельно предупреждала его:

— Только не проговоритесь. Если ваш хозяин узнает, мы будем опозорены.

На следующее утро красавица подарила Мэнъи пресс для бумаги в виде лежащего яшмового льва, проводила Мэнъи до ворот и на прощание сказала:

— Когда у вас будет свободное время, непременно заходите; не уподобляйтесь бесчувственным людям.

— Об этом и напоминать излишне,— ответил Мэнъи.

Возвратясь, он сказал хозяину:

— Старушка-мать очень соскучилась по мне и непременно хотела, чтобы я ночевал дома. Я не посмел ей отказать. И вообще теперь я буду приходить утром, а вечером возвращаться домой.

Хозяин поверил ему.

— Как вам угодно,— ответил он.

С тех пор Чжанам Мэнъи говорил, что ночует дома, а родным — что в доме Чжана; сам же каждую ночь проводил у красавицы.

Так прошло полгода, и никто ничего не подозревал.

Мэнъи с красавицей любовались луной, цветами, пили вино, напевали стихи — словом, изведали все радости человеческие на земле. Часто они сами сочиняли стихи: один начинал, другой продолжал или один отвечал на стихи другого и так далее. Так они сложили двадцать четыре строфы на тему «Опавшие цветы», пятьдесят строф на тему «Лунная ночь». И еще много других строк сложили они, состязаясь в изяществе и красоте слога, и всегда видели друг в друге достойных соперников. Но чтобы не наскучить читателю, не стану приводить все их сочинения, а приведу лишь их стихи о четырех временах года. Стихи красавицы были:

Весна

*На тоненьких стебельках
свисают бутоны с крыльца;
Стройные ивы качая,
листвою шуршит ветерок.
Солнце на запад склонилось,
вершины в вечерних лучах над сосною.*

Лето

*Прохладю веет едва
от тонкой летней циновки.
И только вода родника
немного в жару освежает.*

*Курятся, плывут благовонья
сквозь прорезь в оконной бумаге,
Круглая светит луна
в окно сквозь резную бумагу.*

Осень

*Прибрежный тростник — в нежнейшем пуху,
и воды белыми стали;
Ветер срывает с деревьев листву,
в сизой дымке — вечерние горы.
За пологом странник очнулся от сна —
как пусто, грустно вокруг!
И *с гусем последним он шлет свой привет
с дороги в родительский дом.*

Зима

*Воздух морозный, дождь ледяной,
утро — а дом на запоре.
Ветер холодный, летящий снег,
вечер — и город замрет.
Румяным огнем горят угольки —
уютно, тепло у печи.
И в бирюзовые чашки прозрачные
чай ароматный налит.*

Красавица была тонким знатоком поэзии, искусно сочиняла стихи, и написала она их единым махом кисти. Но и Мэнъи, не задумываясь, тотчас ответил ей стихами на эти же четыре темы:

Весна

*Деревья цветут, аромат источая,
дождь оросил лепестки;
Взлетает за ветром сквозь легкие шторы
взметнувшийся белый пух.
Утренний свет желтизны добавляет
в зелень раскидистых ив.
Сосны в снегу ароматном стоят,
покрыты цветочной пылью.*

Лето

*В жару освежает душистая дыня
из жбана с холодной водой,
Прохладней становится, если поешь
лотос из таза со льдом.
Возле ступеней между камней
пробились ростки бамбука,
А на пруду среди листьев зеленых
лотос в бутонах-шарах.*

Осень

*Опадают последние лепестки,
иней на листьях лежит,
Стелется легкий туман вечерами,
дымка окутала лес.
Тоскою полно письмо от любимой,
на нем — отметины слез,
Грущу я, увидев во сне мотылька,—
тем более дом родной.*

Зима

*Ветром скрутило заснеженный парус —
удочку в стужу бросаю;
Иней блестит под луной на вальках,
город проснулся от стужи.
В густом ароматном вине отражаясь,
заря наполняет бокал.
Под тенью прозрачной — под веткою *мэй
тихо в шатре из бумаги.*

Молодая женщина осталась очень довольна стихами Мэнъи. Это поистине была прекрасная пара — красавица и гений. Вкусы и чувства их были едины, и о счастье их нет слов, чтобы рассказать.

Но приятное недолговечно, и всему настает конец.

Как-то раз, проходя мимо школы, господин Чжан зашел к Тянь Болу и в разговоре с учителем, между прочим, сказал:

— Ваш сын каждый день возвращается домой, это очень утомительно для него. Не лучше ли было бы ему оставаться у меня?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — недоумевал Тянь Болу. — С тех пор как он у вас учителем, он

постоянно ночует в вашем доме и только вот недавно, когда заболела жена, несколько ночей подряд провел с нами.

Чжан понял, что тут что-то неладно, но, не желая ненароком поставить Мэнъи в неудобное положение, решил не продолжать этого разговора. В тот вечер, когда Мэнъи, прощаясь, сказал, что уходит домой, Чжан не стал ему что-либо говорить, но послал слугу проследить за ним. На полпути Мэнъи вдруг исчез. Слуга всюду разыскивал его, однако нигде не нашел и вернулся доложить об этом хозяину.

— Что ж, он молод, да и человек по натуре увлекающийся. Наверняка завернул в закоулок веселых домов,— рассуждал вслух хозяин.

— Но по этой дороге нет никаких домов и заведений,— заметил слуга.

— Ты все же пойдешь к его отцу и узнаешь, не там ли он.

— Уже поздно, боюсь, закроют городские ворота и я не успею вернуться.

— Ничего, переночуешь у них, а завтра утром вернешься и расскажешь мне обо всем.

На следующий день слуга возвратился и доложил, что Мэнъи у родителей не ночевал.

— Куда же он тогда делся?— недоумевал хозяин.

Как раз в это время появился Мэнъи.

— Скажите, где вы сегодня ночевали?— спросил у него Чжан.

— Дома,— ответил Мэнъи.

— Удивительное дело! Вчера я велел слуге следовать за вами, и так как вы на полпути исчезли, то слуга пошел к вашим родителям. Оказалось, что вас и там нет. Как же так?

— По дороге я зашел к одному приятелю потолковать и вернулся домой уже поздно вечером, поэтому ваш слуга и не застал меня, когда пришел к нам.

— Я ночевал сегодня у вас и только что оттуда,— заметил слуга.— Когда ваш батюшка узнал, что вас нет здесь, он так перепугался, что собрался сам сегодня прийти узнать, что случилось. А вы говорите: вернулись домой! Как же так?

Мэнъи изменился в лице.

— Если у вас есть какие-то причины не ночевать ни у меня, ни дома, вы должны поведать мне правду,— сказал Чжан.

Мэнъи понял, что скрыть свои похождения ему не удастся, и был вынужден рассказать о том, как встретил госпожу Сюэ из семьи Пин.

— Ваша родственница предложила мне остаться. Сам я не посмел бы решиться на такое!— добавил он в заключение.

— У меня здесь нет никаких родственников,— заявил Чжан.— Да и среди всей моей родни нет никого по фамилии Пин. Это какое-то наваждение, нечистая сила! Советую вам поберечь себя и больше не ходить туда.

Мэнъи пообещал, что так и поступит, но словам хозяина, конечно, не поверил и вечером опять явился к красавице. Когда он поведал ей о том, что их тайна раскрыта, она сказала:

— Я уже знаю об этом. Не огорчайтесь и не сетуйте: так уж суждено, пришла пора нам расстаться.

В этот вечер она вволю пила с Мэнъи, и они беспредельно предавались веселью. Когда стало светать, она заплакала и сказала:

— Теперь мы расстаемся навеки.

С этими словами она достала кисть, ручка которой была из яшмы с черными вкраплениями, и, поднося ее Мэнъи, сказала:

— Это вещь танской эпохи, храните ее при себе как память.

Тут, роняя слезы, они простились.

Между тем Чжан, предполагая, что ночью Мэнъи, несмотря ни на что, снова пойдет на свидание, велел посмотреть, у себя ли он.

Мэнъи действительно в кабинете не оказалось. «Да, конечно, он этого не прекратит! Как хозяин я тоже виноват, поэтому мой долг все рассказать отцу»,— решил Чжан и тут же пошел к Тянь Боу.

Узнав о случившемся, Тянь Боу разгневался донельзя. Он велел одному из своих слуг немедленно пойти со слугою Чжана за Мэнъи. Молодой человек уже вернулся от возлюбленной, но не переставал думать о ней. «Она говорила, что мы расстаемся навеки,— рассуждал он,— вероятно, она боится, как бы не узнали о наших встречах. Придется, пожалуй, некоторое время не ходить к ней. Потом, быть может, удастся снова бывать вместе».

За этими размышлениями и застали его слуги. Ничего другого не оставалось, как следовать за ними домой.

— Заниматься, значит, не занимаешься! Так где же ты шатаешься по ночам?— набросился на Мэнъи отец.

В присутствии Чжана молодой человек не посмел лгать и потому молчал. Рассердившись, что сын не отвечает, Тянь Болу схватил посох и с размаху ударил Мэнъи по голове.

— Будешь говорить?!— заорал он.

Мэнъи пришлось рассказать о встрече с красавицей, показать стихи, составленные ими обоими, и ее подарки: кисть и пресс для бумаг.

— Не вините меня, отец! Это такая красавица, что остаться равнодушным к ней невозможно.

Тянь Болу внимательно осмотрел подарки. По цвету яшмы он определил, что вещам этим несколько столетий. На ручке кисти он заметил выгравированную в стиле *«чжуань» надпись: «Безделушка принадлежит Гао из Бохая». Затем он внимательно с начала до конца прочел стихи, и невольно они покорили его.

— И вещи редкие, и стихи изящные!— сказал он Чжану.— Это, знаете, наваждение не из обычных! Не пойти ли нам вместе с моим непутевым отпрыском туда посмотреть?

Они отправились за город, и, когда подходили к персиковой роще, Мэнъи сказал:

— Это здесь.

Войдя в рощу, он огляделся и воскликнул:

— Как же так! Ни дома, ничего! Куда же все девалось!

Тянь Болу и Чжан увидели перед собой густые деревья, голубую гладь озера, зеленые холмы. Сквозь терновник виднелась могила.

— Ах, вот оно что! — промолвил Чжан, качая головой.— Ведь здесь, по преданию, находится могила известной гетеры Сюэ Тао. В стихах танского поэта *Чжэн Гу сказано: «Персиков роща младая вокруг могилы Сюэ Тао растет», и потому люди посадили тут сто персиковых деревьев, и это стало местом весенних прогулок. Та, кого повстречал ваш сын, наверняка была Сюэ Тао.

— Почему вы так думаете?— спросил Тянь Болу.

— Прежде всего вот почему: она сказала, что была замужем за человеком из семьи Пин, которого звали Кан, а это явный намек на переулок Пинкан, где в танские времена жили гетеры. Затем она говорила, что ее

девичья фамилия Сюэ,— так кто же она, как не Сюэ Тао! Кроме того, на ручке кисти стоит фамилия Гао — наверняка это сычуаньский наместник — Гао Пянь. Когда он был в Сычуани, самым большим его благо-расположением пользовалась именно Сюэ Тао. И несомненно, кисть и пресс — подарки, полученные ею от Гао Пяня. Сюэ Тао давно умерла, а душа ее, по-видимому, все еще не находит покоя. И, пожалуй, не стоит нам дальше вникать в это дело,— сказал в заключение Чжан.

Тянь Болу понимал, что Чжан, вероятно, прав, но, боясь за сына, что он не сумеет освободиться от чар знаменитой гетеры, отправил его на родину, в Гуандун.

Впоследствии Мэнъи выдержал экзамен на степень *цзиньши. Он часто рассказывал людям о своей необычайной встрече и в доказательство показывал полученные им в подарок вещицы. И, несмотря на то, что он много думал о красавице, ему больше никогда не довелось увидеть ее.

Предание о том, как Мэнъи повстречал Сюэ Тао, до сих пор еще живет в народе.

Вы спросите, зачем я рассказал вам такую чертовщину? А вот зачем. Я хочу обратить ваше внимание на то, что сычуаньские женщины издавна славились своими талантами. Например, *Вэньцзюнь и *Чжаоцзюнь — обе были родом из Сычуани, и обе обладали литературным дарованием. И вот даже простая гетера Сюэ Тао была столь талантлива, что еще при жизни прославилась стихами не менее, чем знаменитые поэты, а после смерти жила все тем же поэтическим вдохновением. Нет сомнения, что это дар природы, влияние окружающих гор и рек.

*Полноводна река Цзиньцзян,
Прелестны горы Эмэй.
Породили они талантливых женщин,
Таких, как Вэньцзюнь и Сюэ Тао.*

Так писал один из танских поэтов о Сычуани. А была еще такая, как *Хуан Чунгу. Она носила мужское платье и состояла на службе у министра царства Раннее Шу; ее прозвали академик-девица; она тоже родом из Сычуани, и это безусловно говорит о том, что тамошние женщины издревле были талантливы. Нравы и обычаи в Сычуани и поныне таковы, что женщины

с детства учатся наравне с мужчиной и даже держат экзамены и поступают в высшие училища. Слуцись это в другом месте, сочли бы неслыханным делом!

Ну а теперь начну рассказ об одной удивительной, необычайной и очень интересной истории.

*Истари так уж давно повелось —
девицам сидеть взаперти.
Когда и какой доводилось из них
в школу учиться ходить?
Та, о которой теперь расскажу,
все делала, как мужчина,
И, как устроить свадьбу свою,
она решила сама.*

В Сычуани, в области Чэнду, в уезде Мянньчжу, жил один военный, по фамилии Вэнь, по имени Цюэ, — наследственный командующий местным гарнизоном. Он выдержал два военных экзамена, дослужился до высокого чина и в должности командующего гарнизоном охранял те места. Это был человек щедрый и широкой натуры, и жил он богато. Жена его уже умерла. Были у него вторые жены — все талантливые, умели играть на музыкальных инструментах, танцевать, петь. Одна из вторых жен родила ему сына. Была у него и семнадцатилетняя дочь Фэйэ — девушка редчайшей красоты. Это была достойная дочь своего отца: еще в детстве она овладела искусством боя, прекрасно ездил верхом и так метко стреляла из лука, что могла за сто шагов попасть в ивовый листок. И хотя с виду она казалась нежной и изящной, но силой и твердостью характера превосходила любого мужчину. Девушка знала, что над ее отцом, как над человеком военным, нередко издеваются, называя «грубым воякой». Если бы кто-нибудь из их семьи был бы сюэем и вращался в ученых кругах, среди литераторов, тогда им не пришлось бы терпеть обиды от людей. Но увы, брат ее был мал — ему тогда не исполнилось еще трех лет, — и рассчитывать на него в ближайшее время не приходилось. Поэтому Фэйэ давно наряжалась мальчиком, ходила в школу и всюду появлялась как юноша-учащийся. Только дома она передевалась в женское платье. Так прошло несколько лет. За это время она овладела большими знаниями, отлично изучила *классические книги и историю. И однажды, когда к ним в город в положенное время при-

ехал инспектор — экзаменатор учащихся их провинции, она подала заявление на участие в экзаменах, в котором назвала себя *Шэнцзе, и придумала себе второе имя — *Цзюньцин, как бы говоря тем самым, что она ни в чем не уступает выдающимся и смелым мужчинам. Вместе с юношами-сверстниками она держала экзамены в училище. К счастью, ее литературная звезда сияла у нее над головой: она выдержала экзамены с первого же раза и стала сюцаем. Давно уже ходила она наряженная юношей, и все принимали ее за сына Вэнь Цюэ. Как только стало известно, что Цзюньцин выдержал экзамен и поступает в училище как сюцай, к ним в дом стали приходиться с поздравлениями, а представители уездных и областных властей встретили молодого ученого, когда он возвращался с экзаменов, и проводили до самого дома. «Ошибка так уж ошибка», — решил отец и задал в честь дочери пир: ведь это большая радость, чтобы в военной семье был сюцай.

С тех пор у Вэнь Цюэ появился помощник, который помогал ему в делах, что, конечно, прибавило ему достоинства и чести в отношениях с местными властями. В доме и стар и мал — все словно позабыли, что Фэйэ девушка, и в любом деле распоряжалась она.

Надо сказать, что у Фэйэ было два хороших приятеля — оба ее соученики. Одного из них звали Вэй Цзяо, второе имя его было Чжуаньчжи, другого — Ду И, второе имя — Цзычжун. Все трое были почти ровесниками: Чжуаньчжи исполнилось девятнадцать лет, и он был старше Цзюньцин на два года, а Цзычжун был чуть-чуть моложе Фэйэ. Все трое были дружны, словно родные братья, и в училище занимались в одном кабинете. Они находили много общего, делились мыслями и в ученых беседах совершенствовали свои знания. Юноши, ничего не подозревая, считали Цзюньцин своим товарищем, она же имела в виду одного из них выбрать себе в мужья и потому нередко задумывалась над тем, кто из них лучше. Цзычжун был одних лет с ней, во многих отношениях похож на нее, красивее Чжуаньчжи, а потому нравился ей больше, и беседы с ним текли всегда задушевнее. Цзычжун находил Цзюньцин очень интересным, красивым молодым человеком и часто говорил ей:

— Жаль, что мы с тобою мужчины, не то, будь я женщиной, непременно вышел бы за тебя замуж, а будь ты женщиной, я женился бы на тебе.

— Мужская любовь сейчас в моде,— как-то подшутил над ним Чжуаньчжи.— Давно уже все переменялось, да и где это сказано, что двое мужчин не могут пожениться?

— Все мы следуем учению *Конфуция,— серьезно заметила Цзюньцин.— Дружба зиждется на учебе, на обретении знаний, и потому мы друг друга уважаем и ценим. Выдавать себя за почитателей Конфуция и думать о разврате, как же тогда в глаза глядеть людям? И вообще, разве это достойно гордых, смелых мужчин? Нет, Чжуаньчжи, штраф! За тобой угощение!— сказала в заключение Цзюньцин.

— Я просто пошутил. Ну, представляешь,— услышать, что ты очень нравишься Цзычжуну и что он не прочь стать женщиной!— оправдывался Чжуаньчжи.— Но если тебе мои соображения не по душе, то ничего не поделаешь, ведь Цзычжуну никак не превратиться в женщину.

— Я говорил и другое: говорил, что ничего не имею против, если Цзюньцин станет женщиной, а ты привязался только к первой половине моего высказывания. Ты меня ставишь в глупое положение,— заявил Цзычжун.

— Хочешь не хочешь, а придется тебе сносить кое-какие обиды,— перебил его Чжуаньчжи.— Кто виноват, что ты самый младший из нас?

Поговорили, посмеялись, и Цзюньцин пошла домой. Вернувшись к себе, она снова переоделась в женское платье. «Я все время нахожусь среди мужчин, и это становится не совсем удобным,— подумала она.— Но неужели нельзя выбирать супруга из своих товарищей, а надобно искать неизвестно кого на стороне? Нет, то будет один из них,— решила она.— Цзычжун очень и очень славный, но Чжуаньчжи тоже неплох. С кем же из них будет мне лучше и кто из них моя судьба?»

Долго она думала над всем этим, но никак не могла прийти к определенному решению.

Дом у них был с маленькой башней, откуда можно было оглядеть всю окрестность. Занятая своими мыслями, Цзюньцин не заметила, как поднялась на башню. В это время ворон опустился на ветку высокого дерева, которое росло неподалеку, шагах в ста от башни. Он смотрел в сторону Цзюньцин и громко каркал. Дерево это было хорошо знакомо Цзюньцин: оно возвышалось

во дворе училища перед самым их кабинетом. «До чего противно кричит!— подумала Цзюньцин.— Сейчас я расправлюсь с тобой!» Девушка быстро спустилась к себе в спальню, взяла лук и стрелу и снова взбежала на башню. Ворон все еще сидел на дереве и каркал. «Воспользуюсь-ка я этим случаем и загадаю одно заветное желание...» С этой мыслью Цзюньцин вложила стрелу, натянула лук.

— Не подведи!— прошептала она и выстрелила. Резкий свист, и ворон упал на землю.

Цзюньцин поняла, что попала в цель, тотчас сбежала вниз, переделалась в мужское платье и направилась в училище за своей стрелой.

Тем временем Цзычжун прогуливался возле кабинета. Он видел, как неистово каркавший ворон вдруг свалился на землю, и подошел к нему. Стрела угодила птице в глаз. «Интересно,— кто этот чудесный стрелок — ведь сумел попасть прямо в голову»,— подумал Цзычжун, вынимая стрелу и внимательно ее разглядывая. Тут он заметил на стреле мелко выведенную надпись: «Мимо цели не бьет». Цзычжун прочел надпись вслух и рассмеялся: «Ну и хвостун!»

Эти слова услышал Чжуаньчжи и выбежал из кабинета.

— А ну покажи, что у тебя!— сказал он Цзычжуну и взял у него стрелу. Вместе они стали ее рассматривать, но в это время за Цзычжуном прислали из дому, и он ушел.

Внимательно разглядывая стрелу, Чжуаньчжи заметил, что под надписью очень мелкими знаками стояло еще «Фэйэ».

«Фэйэ?.. Это же женское имя. Неужели среди женщин есть такие искусные стрелки? Просто поразительно! Цзычжун не обратил внимания, что здесь еще стоит имя. Вот удивился бы!»

Тем временем во дворе появилась Цзюньцин.

— Это ты нашел стрелу?— спросила она Чжуаньчжи, как только увидела его, задумавшегося, со стрелой в руках.

— Я, а что? Почему ты спрашиваешь?

— На стреле написано что-нибудь?

— В том-то и дело. Поэтому я стою тут над ней и думаю.

— О чем?

— Там написано «Фэйэ», а Фэйэ — это, конечно, женщина, вот я и задумался: неужели среди женщин есть такие меткие стрелки?

— Ну что же, не буду скрывать от тебя: Фэйэ — это моя старшая сестра, — соврала Цзюньцин.

— Твоя сестра?! И так превосходно стреляет?! — воскликнул Чжуаньчжи. — Скажи, а она просватана?

— Нет еще.

— А как она выглядит? — допытывался Чжуаньчжи.

— Немного похожа на меня.

— Ну если так, значит, она очень красивая. В старой пословице верно говорится: «Не видел невесту — погляди на шурина». Жены у меня нет, — продолжал Чжуаньчжи. — Послушай, не взялся бы ты быть моим сватом?

— Ну что ж, у нас дома в общем-то хозяин я. Стоит мне только отцу слово сказать, и он на все согласится. Но вот как сама сестра, не знаю.

— Пожалуйста, замолви и перед ней за меня словечко. При нашей дружбе, я думаю, ты не откажешься.

— Ладно, буду иметь в виду.

Чжуаньчжи обрадовался.

— Раз ты согласен, дело, можно сказать, улажено. Кто мог подумать, что моя судьба будет зависеть вот от этой стрелы? Обязательно сохраню ее.

Он спрятал стрелу в *визитную шкатулку, затем, протягивая Цзюньцин яшмовую подвеску, сказал:

— Вот это подношу твоей сестре для скрепления слова как подарок в ответ на стрелу.

Цзюньцин привязала подвеску к поясу.

— А что, если я сочиню сейчас стихи для твоей сестры и попрошу тебя передать их ей?

— Давай послушаю, — сказала Цзюньцин, и Чжуаньчжи проскандировал:

*Узнал я, что не замужем
красавица *Ло Фу.
*Но камень даст ли девица
тому, кто ищет брод?
Чтоб подстрелить когда-нибудь
фазана, как *Жугао,
Я бережно храню
заветную стрелу.*

— Хорошо сказано,— шутливым тоном заметила Цзюньцин,— но только ты слишком уж скромничаешь, сравнивая себя с Жугао. Вовсе ты не безобразен.

— Ну, хоть я и не такой некрасивый, каким был в свое время Жугао, но мне наверняка далеко до твоей сестры.

Цзюньцин улыбнулась на это и ушла.

С тех пор Чжуаньчжи одолевала одна мысль: «У Цзюньцин есть красавица сестра, которая еще и великолепно стреляет. Непременно нужно добиться, чтобы она досталась мне в жены». Однако своими мыслями он не поделился с Цзычжуном; как-никак, стрелу поднял тот, и Чжуаньчжи боялся, что, Расскажи он ему, у Цзычжуна тоже может возникнуть желание посвататься к сестре Цзюньцина. Словом, он молчал и никогда об этой стреле не заговаривал.

А надо сказать, что, когда Цзюньцин еще только начинала учиться стрелять, уже тогда она думала о выборе жениха. И хотя слова, которые она вырезала на стреле: «Мимо цели не бьет», были, конечно, преувеличением, но она вкладывала в них особый смысл, свое заветное желание. Когда Цзюньцин стреляла в ворона, она прекрасно знала, что птица сидит на дереве, которое растет в училище возле их кабинета, и потому, спуская тетиву, загадала: кто из двоих друзей подберет стрелу, тот ее суженый. Поэтому она тогда так торопливо направилась в училище посмотреть, у кого оказалась стрела. Она не знала, что стрелу поднял Цзычжун и что только потом она попала к Чжуаньчжи. И, увидев стрелу в его руках, она подумала, что вопрос о замужестве решен, и нарочно сказала Чжуаньчжи о своей сестре, имея в виду самое себя. А Чжуаньчжи, ничего не подозревая и ни о чем не ведая, поверил, что у Цзюньцина есть сестра.

Итак, полагая, что Чжуаньчжи — это спутник жизни, назначенный ей самим небом, Цзюньцин уже в душе с этим смирилась, но отказаться от Цзычжуна, с которым она очень дружила, ей было жалко, и она как-то со вздохом сказала себе: «Ну что же, одну лошадь не седлают двумя седлами! Да и против воли неба не пойдешь — как-нибудь иначе придется отблагодарить Цзычжуна за его добрые чувства ко мне».

На следующий день она сказала Чжуаньчжи:

— Яшмовую подвеску я передал сестре и много говорил о тебе с ней и с отцом. Они будто бы склонны согласиться, только отец сказал, что окончательно обо всем договоримся, когда ты выдержишь осенние экзамены.

— Что ж, слово сказано!— довольный, воскликнул Чжуаньчжи.— Лишь бы твои ему не изменили.

— А я на что?! Хотел бы я посмотреть, кто посмеет изменить данному мне слову!

Чжуаньчжи был страшно рад.

И вот настали осенние экзамены. Чжуаньчжи, Цзычжун и Цзюньцин выдержали уездные экзамены в числе лучших, и всех троих должны были направить на экзамен в область. Чжуаньчжи и Цзычжун уговаривали друга поехать с ними. Цзюньцин, советуясь об этом с отцом, говорила:

— Какое-то время я могла, конечно, водить людей за нос и шуточки ради ходить в сюцаях, но ехать на экзамены в область — это уж слишком! Представь себе, вдруг я выдержу на *цзюйжэня, а потом выяснится, что я женщина, последует донос, и дело примет такой оборот, что потом не расхлебать. Нет, держать экзамен в области ни в коем случае нельзя.

Сославшись на болезнь, Цзюньцин отказалась ехать. Чжуаньчжи и Цзычжуну оставалось отправиться на экзамены вдвоем. Когда в области вывесили списки выдержавших экзамены, они оба оказались в их числе. Цзюньцин, узнав о том, что и в дом к Чжуаньчжи и в дом Цзычжуна прибыли *вестники с поздравлениями, очень обрадовалась и решила, что, когда Чжуаньчжи вернется домой, она расскажет своему отцу о сватовстве. Но случилось иначе.

Окружной военный инспектор не ладил с Вэнь Цюэ. Воспользовавшись военной инспекцией, которая как раз в это время проводилась в уезде, инспектор послал в областной суд донесение, в котором обвинял Вэнь Цюэ в растрате сумм, полученных от государственных налогов, в присвоении несуществующих заслуг, в хищении довольствия и, наконец, в том, что он, мол, таким вот нечестным путем скопил огромные богатства. Областной суд послал об этом доклад императору, и вскоре был получен приказ, в котором инспектору провинции предписывалось расследовать дело.

Когда весть об этом дошла до Вэнь Цюэ, все его домашние всполошились. К Вэнь Цюэ стали приходить

какие-то приказные с придирками то по одному, то по другому делу. Хорошо еще, что Цзюньцин был известным сюцаем, и особенно распоясываться никто не смел. Но через некоторое время к Вэнь Цюэ явились люди с распоряжением из военного ведомства, заявили, что его как преступника арестовывают по приказу свыше, что никаких послаблений в отношении него поэтому не может быть допущено, и забрали в тюрьму.

Цзюньцин как сюцай написала от себя жалобу, в которой просила, чтобы ей разрешили взять отца на поруки. В области приняли жалобу, но выдать Вэнь Цюэ на поруки не согласились. Тогда Цзюньцин попросила Чжуаньчжи и Цзычжуну поговорить лично с правителем области, но тот ответил, что ничем помочь не может, поскольку в отношении Вэнь Цюэ имеется распоряжение свыше. Цзюньцин, Чжуаньчжи и Цзычжун не знали, что еще предпринять.

«Теперь у них такая беда, что им, конечно, не до сватовства,— рассуждал Чжуаньчжи.— Придется с этим повременить, ехать на столичные экзамены, а там будет видно». Перед отъездом, прощаясь с Цзюньцин, он сказал:

— Все мы — близкие друзья, двоим из нас повезло, а вот тебе, Цзюньцин, к сожалению, не довелось из-за болезни держать вместе с нами последние экзамены, а тут еще и в семье у тебя такое несчастье. Сейчас мы должны срочно ехать в столицу на экзамен, но в сердце у нас словно острый нож. Что ж тут поделаешь! Просим передать привет твоему отцу, а ты не волнуйся и спокойно жди. Если нам удастся хоть немного выдвинуться, мы, конечно, приложим все усилия, чтобы смыть эту обиду.

— У нас тут чин чина выгораживает,— говорил в свою очередь Цзычжун,— и ясно, они будут строить всякие козни, чтобы погубить человека. Если ты, Цзюньцин, будешь хлопотать за отца только здесь, на месте, то вряд ли из этого выйдет толк. Мы теперь будем в столице, и если нам повезет с экзаменами, лучше всего приезжай прямо к нам, обдумаем все и найдем какой-нибудь выход. Все-таки в столице, где все высшее начальство, легче добиться справедливости, да и нам будет виднее по обстоятельствам, как и чем лучше помочь. Прошу тебя, помни об этом!

— А что до твоей сестры,— шепнул ей Чжуань-

чжи,— то, пожалуйста, имей в виду: чем бы ни кончилась моя поездка в столицу, вернусь, непременно буду добиваться сватовства.

— Яшмовая подвеска у нее,— ответила Цзюньцин,— и будь покоен, я сделаю свое.

При расставании все трое прослезились.

После отъезда друзей Цзюньцин уже не с кем было советоваться, что предпринять и как помочь отцу. Но, к счастью, в казенных *ямэнях на срочном разборе дела в три дня не настаивают, зато откладывают дела на недели. Все сводится к тому, что нужно собрать сколько-то денег и умело распределить взятки между высшими и низшими чинами. Тогда положение заключенного в тюрьме облегчается, власти перестают настаивать на немедленном разборе, дело откладывается в сторону и превращается в одно из «незаконченных». Взвесив все это, Вэнь Цюэ как-то при свидании с дочерью сказал:

— Поскольку дело мое здесь пока не разбирают, сейчас как раз удобный момент действовать. Я думаю написать объяснение и составить жалобу; единственное, что меня останавливает, это то, что нет такого смышленного и толкового человека, который мог бы поехать хлопотать за меня в столицу.

— По этому делу надо ехать мне самой,— сказала Цзюньцин.— Да и друзья недавно, уезжая, тоже советовали мне ехать в столицу и уже в зависимости от обстоятельств действовать. Они мне помогут. Но было бы, конечно, еще лучше, если бы хоть один из них держал экзамены!

— Ты у меня отважная! Если ты сама поедешь, это, конечно, будет неплохо. Но путь-то далекий — боюсь, в дороге тебе будет трудно и неудобно.

— Батюшка, вы ведь знаете, что издревле все восхищаются историей *Тиин, которая спасла отца. Она тоже была девицей. А у меня еще есть преимущество перед ней: я давно выдаю себя за мужчину, училась в училище, и никому в голову не приходит, что я женщина. Так почему бы мне не отправиться в столицу? Что тут такого? Путь хоть и далек, но у меня с собой будут лук и стрелы — защитить себя я сумею, а если кто спросит о чем-нибудь таком, о чем не спрашивают женщин, то я все-таки кое-что знаю и не растеряюсь, не выдам себя — беспокоиться за меня нечего. Только действительно будет неудобно, если я возьму с собой

одного слугу. Но тут можно вот что сделать: пусть меня сопровождает Вэнь Лун со своей женой. Оба они родом из племени мяо, а у них там все прекрасные наездники и стрелки. Жену его я наряжу мужчиной, и втроем мы отправимся в путь. Будут у меня тогда и женщина-слуга, и мужчина-проводатый, так что можно ехать спокойно.

— Раз ты все так хорошо обдумала, то незачем и откладывать,— сказал Вэнь Цюэ.— Соберись и сразу в путь.

Цзюньцин попрощалась с отцом и ушла готовиться в дорогу. На улице она услышала, как вестники кричали, что Чжуаньчжи и Цзычжун выдержали экзамены. Обрадованная, она вернулась к отцу и сообщила ему об этом.

— Ну, теперь, когда они оба смогут помочь тебе, действовать будет совсем уж нетрудно,— сказал он на прощание.

*Выбрав день для отъезда, Цзюньцин стала укладывать вещи. В училище она подала заявление, что отправляется учиться в странствии, и получила соответствующую грамоту. По пути она решила заехать в областной город, чтобы разузнать там, как настроено начальство.

Как же, вы думаете, выглядела эта девушка в дороге?

*Вьется по ветру головная накидка,
Прикрывая черные волосы, ниспадающие на щеки;
Узкие-узкие сапожки облегают ножки,
Подобные росткам бамбука.
Верхом на коне,
В шароварах, в коротенькой куртке;
С широкого пояса, сжавшего талию туго,
Свисает подвеска со львом.
Лук и колчан под рукой,
Стрелы с гусиными перьями.
Нетрудно представить себе,
Как прелестна она и стройна,
Когда на коне повернется
И натянет свой лук;
Там, где стрела пролетит,—
Жалобный крик обезьян,
Подстреленный ястреб падает вниз.
Крики восторга — ученому юноше,
И всем невдомек, что это
Мужчиной одетая дева.*

И вот она со своими провожатыми прибыла в город Чэнду. Вэнь Лун отправился вперед, чтобы разыскать гостиницу поукромнее и почище, и, когда разыскал, проводил туда Цзюньцин. Путники сняли поклажу. Цзюньцин приказала жене Вэнь Луна приготовить что-нибудь поесть из захваченных с собой припасов, а сама попросила, чтобы ей подали *чайник вина, села за стол и, не торопясь, стала пить. Но, как говорится, «без случайностей не бывает рассказа».

Как раз напротив того места, где сидела Цзюньцин, было окно соседнего дома, от которого гостиницу отделял только маленький дворик. Окно это было чуть приоткрыто, а возле него стояла девица, и, пока Цзюньцин пила вино, девушка не спускала с нее глаз. Когда же Цзюньцин поднимала глаза, та скрывалась, но от окна не отходила. В какой-то момент взгляды их встретились, и Цзюньцин успела заметить, что девушка эта изумительно красива.

«Вот, оказывается, какие красивые женщины бывают на свете!»— подумала Цзюньцин.

Читатель! Будь Цзюньцин мужчиной, сердце ее, конечно, не осталось бы равнодушным; она, наверно, постаралась бы произвести впечатление на красавицу и уж непременно, так или иначе, дать ей понять о своих чувствах. Но Цзюньцин сама была женщиной и потому, не обращая никакого внимания на незнакомку, приступила к обеду, а поев, отправилась в ямэнь заниматься делами. Так она провела полдня и вернулась в гостиницу только к вечеру. Не успела она сесть, как красавица из дома напротив, заслышав голоса, опять подошла к окну и стала смотреть в сторону Цзюньцин.

«Что ты глядишь на меня?— смеялась в душе Цзюньцин.— Если б ты только знала, что я такая же, как и ты!..»

В это время в комнату вошла старушка с коробкой в руке. Подойдя к Цзюньцин, она положила перед ней коробку, поздоровалась и сказала:

— Это от молодой госпожи Цзин,— она видела, что вы пьете один, и велела поднести вам фрукты.

Цзюньцин открыла коробку: там были *наньчунские апельсины и *шуньцинские груши — тех и других штук по десять.

— Я оказался здесь случайно, проездом,— отвечала ей Цзюньцин,— с молодой госпожой ни в родст-

ве, ни в знакомстве не состою и потому не смею считать себя достойным чести принять ее любезное подношение.

— Госпожа сказала, что среди тысяч и тысяч людей, останавливавшихся здесь, ей еще никогда не случилось видеть человека такой красоты, такой приятной, располагающей внешности. Она решила, что вы непременно благородного происхождения, расспрашивала о вас и узнала, что вы сын господина Вэнь Цюэ. Госпожа сказала, что здесь, в захолустной гостинице, не найти ничего вкусного, и велела мне поднести вам вот это, немного утолить жажду.

— Кто такая ваша госпожа и почему она живет здесь, возле гостиницы?

— Она дочь помощника министра господина Цзина из Цзинъяни, — отвечала старушка. — Родители ее умерли, и она живет у своей бабки по матери. Молодая госпожа очень богата, владеет десятками и десятками тысяч, но никак не может найти себе жениха по вкусу. Дед ее по матери — известный в округе господин Фу. Самые большие гостиницы в этом городе почти все принадлежат ему. Домов у него не один десяток, и доходы огромные. Обычно он со всей своей семьей живет здесь, возле гостиницы, где более тихое место. Господин Фу не решается сам сватать внучку за кого-нибудь, так как боится, что пара окажется неподходящей и потом его же будут упрекать. Поэтому он всегда говорит ей: «Ты уж сама смотри и прямо мне скажи, кто тебе понравится, того я и буду сватать». Но молодая госпожа такая странная, она ведь на редкость хорошо разбирается в людях, однако до сих пор еще ни разу не говорила, что ей кто-то пришелся по душе. А вот сейчас увидела вас и так стала хвалить, так расхваливать... Боюсь, что самой судьбой вам суждено соединиться, и, вероятно, настало время.

Цзюньцин нечего было ей на это ответить. Улыбнувшись, она лишь сказала:

— Ну, где мне такое счастье!

— Ну-ну-ну, — пробормотала старушка. — Ладно уж, я пошла.

— Поблагодарите, пожалуйста, госпожу и передайте ей, что я премного тронут ее подарком и сожалею, что мне остается только в душе быть признательным за

ее заботы и внимание. Передайте также, что, находясь в пути, я не имею возможности ответить ей любезностью.

Когда старуха ушла, Цзюньцин призадумалась: «Приглянулась, видите ли, я ей. Знала бы она, что понапрасну расточает свои чувства!» И, рассмеявшись своим мыслям, она тут же по этому поводу напела стихи:

**Ты жаждешь повстречать Сянжу,
душа полна мечтой.
Я из садов душистый плод
кладу перед собой.
Увы мне! Не привычен я
быть гостем у красоток,
И потому в чехле держу
я *цинь узорный свой¹.*

На следующий день старуха пришла опять. На этот раз она принесла чашу с очищенными вареными яйцами и чайник, от которого исходил чудесный аромат. Поставив все это перед Цзюньцин, она сказала:

— Прошу вас позавтракать.

— Благодарю вас, матушка, за ваши заботы,— ответила Цзюньцин.

— Это госпожа Цзин велела мне приготовить угощение и принести вам,— сказала старушка.

— Опять любезные заботы молодой госпожи Цзин!— воскликнула Цзюньцин.— Прямо не знаю, как быть... Тут у меня есть стихи в знак благодарности ей, прошу, передайте их барышне.

Цзюньцин написала вчерашнее стихотворение на бумаге, запечатала и передала старушке. В этом стихотворении, как вы понимаете, был намек на отказ.

Старуха отнесла стихи Цзин, та прочла их, но, увлеченная своими чувствами к молодому человеку, подумала, что он сравнивает себя с Сыма Сянжу и этим хочет сказать, что неравнодушен к ней, как Сянжу к Вэньцзюнь. Последние же строки она просто приняла за проявление скромности и тут же сочинила ответные стихи на те же рифмы:

¹ Это и следующее стихотворение в переводе Л. Меньшикова.

*Так близко — за стеной моей
*Сун Юй объят мечтой.
О, если б вместе в дальний лес
мне улететь с тобой!
Кто музыку постиг мою,
уже прочел стихи,—
И потому не достаю
я цинь узорный свой.*

Написав эти стихи на шелку, она велела старухе отнести их Цзюньцин. Та прочла стихи и рассмеялась.

— Оказывается, госпожа очень талантлива!— сказала она и, видя, что от нее никак не хотят отстать, придумала выход.— Поблагодарите госпожу за ее любезность,— обратилась она к старухе.— Я, конечно, не бесчувствен, но дело в том, что я уже обручен, а потому не смею идти против своей совести и мечтать о невозможном. Доложите, пожалуйста, об этом госпоже и скажите, что нашим судьбам суждено будет соединиться лишь в следующем *перерождении.

— Ну, раз вы уже обручены, ничего не поделаешь. Пойду скажу ей об этом, чтобы она напрасно не мучила себя.

Старушка ушла, а Цзюньцин отправилась в ямэнь хлопотать об отсрочке расследования. Когда она устроила все дела и вернулась, наступил уже вечер.

Ночь прошла без всяких происшествий.

На следующий день утром опять пришла старуха и, улыбаясь, сказала:

— Такой молодой человек, а уже научился врать! Девица сама подкатывается к нему в жены, а он, видите ли, отталкивает ее и отказывается. Вчера, когда я ей доложила обо всем, она велела мне расспросить ваших слуг, и они оба сказали, что вы не просватаны. Госпожа так обрадовалась, что сразу же рассказала о вас нашему господину, и он сам сейчас придет к вам с поклоном и будет говорить о сватовстве. Так или иначе, но теперь уже дело должно быть улажено.

Цзюньцин только таращила глаза. Она долго молчала и наконец пробормотала:

— Откуда такая беда свалилась мне на голову? Остается одно: поскорей собрать пожитки и в путь.

Решив ехать, она распорядилась, чтобы Вэнь Лун расплатился за гостиницу, и уже было поднялась, как появился управляющий гостиницей.

— Хозяин гостиницы, господин Фу, явился навестить вас,— доложил он и не успел еще договорить, как в комнату, улыбаясь, вошел старик Фу. На вид ему было за семьдесят. Когда он взглянул на Цзюньцин, на его лице изобразилась радость, и он спросил:

— Вы господин Вэнь, молодой человек?

Старуха, которая все еще была здесь, подошла к нему.

— Именно он,— сказала она.

Фу, сложив руки в знак приветствия, произнес:

— Будем знакомы!

Цзюньцин поклонилась в ответ, и они сели.

— Без дела я, старый, не посмел бы тревожить молодого гостя,— заявил Фу.— Но у меня есть внучка — это дочь Цзина, помощника министра,— она еще не просватана. Внучка твердо решила не выходить за первого попавшегося, а я в этом деле не посмел быть ей указчиком и предоставил выбирать самой. Вчера она мне сказала, что в нашей гостинице остановился некий господин Вэнь, что, мол, выглядит он человеком необычным и она готова *служить ему с совком и метелкой. Вот я и пришел сам с поклоном поговорить о браке. Я вижу, что вы действительно человек необычайной внешности и благородных манер; ну и моя внучка не лишена красоты, к тому же она еще немного грамотна, так что поистине вы отличная пара. Советую вам не упускать такого случая.

— Не буду вас обманывать, почтеннейший. Я удостоился незаслуженного внимания со стороны вашей внучки и, конечно, не посмел бы этим вниманием пренебрегать,— ответила Цзюньцин.— Но первое, что меня останавливает,— это то, что ваша внучка из семьи знатного сановника, я же из простой военной семьи и, боюсь, недостоин ее; кроме того, батюшка мой сейчас в беде, и я как раз направляюсь с жалобой в столицу. Откладывать хлопоты об отце и задерживаться здесь я не вправе, к тому же на сватовство я должен прежде всего получить разрешение родителей. Поэтому сейчас я дать согласие никак не могу.

— Вы достойный отпрыск семьи доблестных воинов и вдобавок еще видный ученый, не сегодня завтра вы взлетите очень высоко. Какой же тут может быть разговор о военной семье или семье не военной! Что же касается дела вашего отца, из-за которого вы спешите

в столицу, то почему бы нам не договориться о сватовстве сейчас, а потом, когда вы вернетесь домой, доложите вашему батюшке, и тогда уж можно будет сыграть свадьбу. Так мы и внучку мою успокоим, и делам вашим не помешаем.

Цзюньцин не знала, как ей отделаться. «Они ничего не ведают и так пристают, что мне просто неудобно без конца отказываться. Но не могу же я выдать свою сокровенную тайну,— думала она.— Стрела у Чжуаньчжи, так что о нем нечего и говорить. Остается Цзычжун, с которым я еще более дружна и которого все-таки придется оставить. Я ведь уже думала найти ему суженую среди моих подружек и таким образом уладить с ним дело. Раз теперь так получилось, то лучше, пожалуй, согласиться сейчас сосватать эту девицу, а потом составить счастье Цзычжуна. Прекрасный выход! Когда они узнают, что я женщина, то винить меня не станут. Если же Цзычжун не согласится, все равно потом легче будет отговориться, во всяком случае я не буду в таком затруднении, как сегодня».

Решив так, она сказала господину Фу:

— Раз вы и ваша внучка так любезны, я не посмею отказаться от добра и чести! Я оставлю здесь что-нибудь в подтверждение слова, а когда вернусь из столицы, явлюсь к вам со сватовством.

При этом Цзюньцин сняла с пояса яшмовую подвеску, которую дал ей Чжуаньчжи, и, преподнеся ее обеими руками господину Фу, добавила:

— Передайте это вашей внучке в знак верности слову.

Господин Фу был рад бесконечно. Он принял подвеску и вместе со старушкой пошел к Цзин.

— Все, договорились!— сказал он ей и тут же велел приготовить вина для проводов господина Вэня.

Цзюньцин было неудобно отказываться. Пришлось пить. Выпили они вволю, и только после пиршества она простилась с господином Фу и отправилась в путь.

В дороге всяко приходилось: и есть в поле на ветру, и ночевать в лодке на реке; вечером останавливались, а утром двигались дальше. Прошел так не один день, пока они достигли столицы. Цзюньцин велела Вэнь Луну разузнать, где живут Чжуаньчжи и Цзычжун. Оказалось, что Цзычжун еще в столице, а Чжуаньчжи, получив отпуск, вернулся домой.

Цзычжун безмерно обрадовался, узнав, что приехал Цзюньцин. Он немедленно велел слугам встретить его и проводить к себе. Они поздоровались, немного потолковали о том о сем, и Цзюньцин сразу же заговорила о цели своего приезда.

— Я здесь специально по делу отца. Вы с Чжуаньчжи в свое время советовали мне непременно приехать в столицу, и вот, когда я узнал, что вы оба так выдвинулись, решил, как бы ни был труден путь, ехать сюда и просить вас о помощи. Жаль, что Чжуаньчжи уехал. Но хорошо, что ты еще здесь, так что надежда у меня не потеряна.

— Ты сначала составь подробную бумагу о том, как отец твой был несправедливо обвинен, дай вырезать это на досках, отпечатать и вручай каждому сановнику, которого встретишь возле императорского дворца. Когда люди будут знать, в чем суть, и у них на этот счет составится определенное мнение, я попрошу одного друга, чтобы он при случае в докладе Военной палате упомянул об этом деле, и тогда дадут распоряжение выяснить все на месте и освободить твоего отца.

— Отец уже составил вчерне подобное прошение. Может быть, его можно просто и подать?

— В нынешний век дорожат гражданскими чинами, а не военными. Твой отец арестован областным судом, и, если он сам, человек военный, будет себя оправдывать, вряд ли это поможет; наоборот, скорее это возбудит против него гнев, и тогда все будет испорчено. Лучше сделать так, как я тебе советую. Действовать надо осмотрительно.

— Благодарю тебя. И помни, я простой, мало что понимающий учащийся, а потому я и впредь буду просить тебя руководить мной и давать советы в этих делах.

— Мы свои, как братья, и это наше общее дело,— о чем может быть речь!— ответил Цзычжун.

— А почему все-таки Чжуаньчжи уехал? — спросила Цзюньцин.

— Мы были все время вместе, но недавно он заявил, что хочет вернуться домой, так как у него есть одно дело, по поводу которого должен поговорить с тобой,— ответил Цзычжун.— Я спрашивал, какое, но он не захотел мне сказать. Я говорил ему, если ты узнаешь, что мы оба выдержали экзамен, навверняка и сам

приедешь в столицу. Чжуаньчжи возразил, что на это надеяться нельзя, и дело, мол, такое, которое требует его присутствия дома. Он решил не задерживаться, взял отпуск и, не дожидаясь назначения на должность, уехал. А ты вдруг сам приехал сюда, вот вы и разминулись. Но скажи-ка, пожалуйста, по какому это делу он хотел посоветоваться с тобой?

Цзюньцин понимала, что Чжуаньчжи думал о сватовстве, но сделала вид, что не знает, и ответила:

— Я и сам не понимаю, думаю, по каким-нибудь своим домашним делам.

— Я тоже думаю, ничего особенного у него нет,— сказал Цзычжун.— А почему это ему так не терпелось повидать тебя?!

Они поговорили немного, потом Цзычжун распорядился, чтобы подали вина, а слугам Цзюньцин сказал, чтобы они не искали гостиницу и устраивались прямо у него.

В этом помещении они жили вдвоем с Чжуаньчжи, а теперь, когда Чжуаньчжи уехал, места вполне хватало, чтобы разместиться Цзюньцин и ее слугам. Цзычжун велел прибрать спальню для Цзюньцин и распорядился, чтобы и его постель перенесли туда и поставили напротив постели приятеля, заявив, что так им будет удобнее по вечерам беседовать. У Цзюньцин при этом забилось сердце. «Я училась с ним, это верно,— думала она,— но мы бывали вместе только днем в училище или на пирах и литературных беседах, а в домашней обстановке они меня никогда не видели, потому и не подозревали, что я женщина. Нынче, когда придется спать в одной комнате и все время находиться у него на глазах, трудно будет чем-нибудь да не выдать себя. Как быть?» Однако найти подходящий предлог для того, чтобы ночевать в разных комнатах, Цзюньцин не смогла, и ей оставалось только вести себя умно и осторожно, дабы тайна ее не была раскрыта.

Так решила Цзюньцин. Но делá на свете складываются иначе, и из правды не сделаешь лжи, а из лжи не сделаешь правды. Тем более тут: все дни они проводили вместе, и, естественно, то в каких-то мелочах, то в тех или иных шекотливых положениях она выдавала себя. Днем, когда Цзюньцин отправлялась в город раздавать бумаги, она отлично играла роль мужчины, однако вечером, когда оба отдохали дома, она нет-нет да забывалась, и это, разумеется, не проходило мимо внимания

Цзычжуна — человека умного, понимавшего, что к чему. Он почувствовал, что с его другом творится что-то странное, и стал внимательно приглядываться к нему. И чем больше он наблюдал, тем больше недоумевал. И вот однажды, когда Цзюньцин, отправляясь в город, позабыла запереть свой ящичек-шкатулку, Цзычжун открыл ее и среди разных писем и визитных карточек увидел лист бумаги, на котором было написано: *«Искренне верующая девица Вэнь из города Мянчжоу из области Чэнду возжигает курение, кланяется долу перед божеством *Гуань Юем и просит его о том, чтобы несправедливое обвинение против отца было скорее снято, чтобы она благополучно вернулась домой и выполнила обещание, связанное со стрелой и яшмовой подвеской, и чтобы все остались удовлетворены. С искренним почтением обращаюсь».*

— Вот они, улики! — закричал Цзычжун, хлопая в ладоши. — И это меня, мужчину, она сумела так долго дурачить! Но ничего, посмотрим теперь, куда она от меня денется.

Не понимал он только двух последних фраз, где говорилось о стреле и подвеске. «Что это значит? Неужели она просватана?» Сердце его было в смятении, и он ходил сам не свой. Как раз в это время вернулась Цзюньцин. Он ее встретил, провел в комнату. Они сели. Глядя на Цзюньцин, он улыбался. Цзюньцин в удивлении осмотрела себя с ног до головы и спросила:

— Что у меня неладно, что ты все время смотришь на меня и смеешься?

— Смеюсь над тем, как ты здорово обманывал меня, — ответил Цзычжун.

— Ни в чем я тебя не обманывал.

— Еще как! А ну, подумай сам!

— Нет, право же, нет!

— А ты помнишь наш разговор в училище? — сказал Цзычжун. — Я ведь говорил тогда, что если бы я был женщиной, то непременно вышел бы за тебя, а если бы ты была женщиной, то взял бы тебя в жены. Я сожалел, что я не женщина, но зато, оказывается, ты женщина. Только ты скрывала это от меня, не то я давно бы уже взял тебя в жены. Как же после этого ты говоришь, что меня не обманывала?

Слова попали в самую цель, и лицо Цзюньцин залилось краской.

— Откуда ты это взял?

Тогда Цзычжун вынул из рукава ее молитвенную записку и сказал:

— Это ведь написано твоей рукой.

Цзюньцин нечего было ответить, и она опустила голову. Цзычжун придвинулся к ней, сел рядом и, улыбаясь, сказал:

— Я все жалел, что мы оба мужчины и не можем соединиться, а вот ныне настало время исполниться моему желанию.

Цзюньцин вскочила:

— Вы распознали мою тайну, и мне не отпереться. Знаю, что вы всегда ко мне прекрасно относились, и не скажу, чтобы я не была расположена к вам. Но вопрос со сватовством решен в пользу Чжуаньчжи, и я уж ничего не могу обещать вам. Так что прошу вас понять меня и извинить.

Цзычжун был поражен.

— Чжуаньчжи и я,— сказал он,— мы оба учились с тобой, все трое дружили. Но если говорить об отношениях между нами, о сходстве душ, то, мне кажется, я несколько ближе тебе, чем Чжуаньчжи. Почему же ты отдаешь предпочтение ему и пренебрегаешь мною? Кроме того, Чжуаньчжи здесь нет. Так зачем же отбрасывать близкое и добиваться далекого? Как же так?

— Вы прочли в молитвенном листке последние строки, где говорится о стреле?— спросила Цзюньцин.

— Да, прочел, но ничего не понял,— ответил Цзычжун.

— Дело в том,— продолжала Цзюньцин,— что вы оба мои друзья. Я загадала, за кого из вас выйти, и, когда стреляла в ворона, я перед небом обещала себе, что тот, кто поднимет стрелу, будет моим мужем. И вот эта стрела оказалась у Чжуаньчжи. Я соврала ему и сказала, что это стрела моей сестры. С тех пор Чжуаньчжи все думает о ней и в подтверждение слова передал сестре яшмовую подвеску. Я тогда хотя прямо ничего и не сказала ему, но в душе уже дала согласие. В этом воля неба, и только потому я отдаю предпочтение одному и пренебрегаю другим.

Цзычжун рассмеялся.

— Если так,— сказал он,— то ты, без всякого сомнения, должна быть моей.

— Почему?

— Стрелу-то поднял я. Я удивился, увидев на стреле надпись, и, когда читал ее вслух, Чжуаньчжи услышал, вышел из кабинета и взял у меня стрелу. Пока он ее рассматривал, за мной пришли, я ушел, а стрела так и осталась у него. Нет, это не он поднял стрелу, и если ты таким образом вопрошала волю неба, то судьба пала на меня. Мы можем потом спросить у Чжуаньчжи: от правды никуда не уйдешь!

— Если ты видел надпись на стреле, то должен помнить, что там было написано...

— Хоть я и не придумал надписи особого значения, но все-таки помню, что там было сказано: «Мимо цели не бьет». Вот! И уж этого-то я сам сочинить никак не мог.

Услышав, что Цзычжун в точности передал то, что было написано на стреле, Цзюньцин заколебалась.

— Если так,— сказала она,— это действительно воля неба. Но только жалко Чжуаньчжи: выходит, он зря надеялся и ждал столько времени, а теперь еще поехал из-за этого домой... Каково будет ему потом, когда он узнает!

— Так нельзя рассуждать,— возразил ей Цзычжун.— Издревле известно, что «выгадывает тот, кто первым бьет». Кроме того, не будь всей этой истории со стрелой, ты все равно должна была бы принадлежать мне.

С этими словами он стал обнимать Цзюньцин и добиваться ее ласки.

— Давнишние друзья, а теперь будем на одной подушке под одним одеялом... Ни на небе, ни на земле никогда такой радости не бывало,— бормотал он.

У Цзюньцин не было сил отказать ему, она стыдливо зашла за занавес и предоставила ему полную волю...

Потом, когда Цзюньцин привела себя в порядок, она со вздохом сказала:

— Всю свою жизнь я теперь отдаю тебе; мои желания, мои мечты сбылись. Но выходит, что я обманула Чжуаньчжи. Что я ему скажу?

Вдруг, хлопнув рукой по постели, она воскликнула:

— Нашла выход!

— Какой может быть выход?— в недоумении и тревоге спросил Цзычжун.

— Так знай же,— ответила она.— На пути сюда

я остановилась в гостинице в Чэнду. Внучка владельца увидела меня и сказала своему деду, что я ей понравилась, и они непременно хотели, чтобы я женился на ней. Я оставила им подвеску Чжуаньчжи в подтверждение своего слова и отложила свадьбу до возвращения из столицы. Сватовством этим я тогда заручилась, имея в виду тебя. Ведь с Чжуаньчжи я уже была как бы помолвлена благодаря стреле, а тебя мне не хотелось обижать. Кроме того, девушка та талантлива, красива и была бы тебе достойной парой. Но теперь, раз я принадлежу тебе, то, когда мы вернемся домой и Чжуаньчжи заговорит о сватовстве, мы ему сосватаем ту девицу. Так никто не останется в обиде, тем более что с Чжуаньчжи я говорила о сестре и он не знал, что это я сама. В общем выйдет, что я его и не обманула.

Цзычжун был изумлен.

— Великолепно!— воскликнул он.— Это показывает твою верность дружбе. При таком исходе, если я и женюсь на тебе, то Чжуаньчжи ничего не сможет иметь против. Оказывается, у тебя в пути случилась еще такая удивительная история,— продолжил он.— Только вот что я хочу спросить: конечно, в пути никто не мог распознать в тебе женщину, но ведь тебя сопровождали двое мужчин, и из-за этого тебе, наверное, пришлось испытать много неудобств.

— А кто тебе сказал, что они оба мужчины?— засмеялась Цзюньцин.— Это муж и жена. Но чтобы избежать всяких недоразумений, женщина переделалась мужчиной.

— Каков хозяин, таковы и слуги!— рассмеялся в свою очередь Цзычжун.— Сообразительные и умные люди всегда вытворяют что-нибудь удивительное.

Цзюньцин показала Цзычжуну стихи, которые написала молодая госпожа Цзин.

— Бывают же на свете такие женщины!— воскликнул Цзычжун, восхищенный стихами.— Нет, Чжуаньчжи должен быть доволен, что ему достанется эта девица.

Затем Цзюньцин стала с ним советоваться относительно отца.

— Ну, теперь он мой тесть, так что сейчас мне тем более удобно будет ходатайствовать и хлопотать,— сказал Цзычжун.— У меня в Палате чинов есть один хороший приятель. Надо будет попросить его, чтобы он

перевел в другое место нашего врага — военного инспектора округа, тогда вызволить твоего отца будет проще.

— Да, да, это очень важно. Пожалуйста, имей это в виду, — сказала Цзюньцин.

Цзычжун действительно пошел в Палату чинов, поговорил там с приятелем, и через несколько дней Палатой чинов был подан доклад, в результате которого военного инспектора переводили с повышением в провинцию Гуанси. С этим известием Цзычжун явился к Цзюньцин.

— Врага перевели, — сказал он. — Теперь мне остается поскорее добиться назначения, вернуться домой и постараться освободить тестя. Здесь уже все устроено, а там обратимся к инспектору провинции, он вынесет соответствующее благоприятное решение, напишет доклад в столицу, и все будет в порядке.

Цзюньцин была ему очень благодарна за заботу об отце и еще больше привязалась к Цзычжуну.

Цзычжун добился назначения сопровождать провиант в провинцию Шаньдун, с тем чтобы потом отправиться на родину. Цзюньцин и жена Вэнь Луна, по-прежнему переодетые мужчинами, вооруженные луком и стрелами, а также Вэнь Лун верхом сопровождали паланкин Цзычжуна. Слуги, как и раньше, называли Цзюньцин молодым господином.

Через несколько дней они подъезжали к городу Мочжоу. Вдруг над степью просвистела стрела и задела паланкин. Цзюньцин поняла, что это разбойники, и сказала носильщикам:

— Следуйте дальше, а я здесь встречу, кого нужно.

И действительно, «кто суетится — не мастер, кто мастер — не суетится». Цзюньцин спокойно вынула лук из чехла, приготовила стрелу. В сотне шагов показался всадник, во весь опор мчавшийся прямо на них. Тут она натянула тетиву и с криком: «В цель!» — выпустила стрелу. Стрела угодила в разбойника, не ожидавшего нападения, он свалился с лошади и в судорогах бился на земле. Ударив хлыстом коня, Цзюньцин пустилась вскачь.

— С разбойником покончено, едем дальше, — спокойно и громко сказала она, догнав паланкин.

Все восхищались искусной стрельбой храброго молодого господина. О том, как был доволен Цзычжун, говорить не приходится.

Покончив с делами в провинции Шаньдун, они спокойно добрались до родных краев. К тому времени инспектора военного округа уже перевели в Гуанси, и Вэнь Цюэ был отпущен на поруки. Цзюньцин подробно рассказала отцу о том, как Цзычжун хлопотал за него, как добился перевода инспектора. Вэнь Цюэ был очень растроган.

— Как же нам теперь отблагодарить его?— спросил он дочь.

Тогда она рассказала отцу, как Цзычжун раскрыл, что она женщина, как она обещала выйти за него замуж и как они возвращались на родину.

— Он талантлив, ты хороша — прекрасная пара!— радостно воскликнул Вэнь Цюэ.— Живо переодевайся. У них в доме сегодня празднуют торжественный и счастливый день его возвращения, я тебя и отправлю к ним.

— Нет, сейчас мне еще нельзя переодеваться. Сначала надо повидать Чжуаньчжи.

— Да, я как раз хотел тебе сказать,— вспомнил отец.— С того дня, как Чжуаньчжи вернулся из столицы, он, не знаю зачем, то и дело посылает людей разузнать о нас, говорит, что у меня есть дочь и что он хочет свататься. Сначала я думал, что он кое о чем проведал и что речь идет о тебе, но когда стал расспрашивать его, оказалось, что это ты как его школьный друг пообещала ему сосватать кого-то. Не зная твоих дел, я не мог ничего ему сказать определенного и отговорился, что надо, мол, подождать твоего возвращения. Но теперь-то зачем тебе нужно его видеть?

— Тут столько всего, что сразу и не расскажешь. Потом ты сам увидишь, в чем дело.

В это время доложили, что явился с визитом Чжуаньчжи.

Чжуаньчжи все беспокоился из-за сватовства и именно поэтому уехал из столицы сразу после экзаменов. Узнав, что Цзюньцин уехал в столицу, он стал наводить справки о его сестре. Но тут одни говорили одно, другие — другое, и он так ничего и не понял. Кто говорил, что у Вэнь Цюэ двое сыновей и нет дочери, кто говорил, что у него есть дочь и что эта дочь будто бы и есть тот самый молодой господин. Словом, Чжуаньчжи совсем запутался. Поэтому, узнав, что Цзюньцин вернулся, он немедленно пришел навестить друга, спросить его и толком узнать обо всем.

Цзюньцин встретила его, как обычно, в своей прежней роли. Поздоровавшись и поговорив немного, Чжуаньчжи спросил:

— Послушай, старина, как насчет твоей сестры? Ведь я специально из-за этого вернулся сюда.

— Не беспокойся. Ручаюсь, что жена у тебя будет хорошая,— ответила ему на это Цзюньцин.

— Я посылал тут к вам, хотел навести справки о твоей сестре, но кто говорит одно, кто — другое. В чем дело?

— Ты не сомневайся, твоя яшмовая подвеска уже отдана одной девушке. Мне надо будет только еще кое о чем переговорить, и тогда готовься к свадьбе.

— Судя по твоим словам, это не твоя сестра!

— Обо всем этом тебе подробно расскажет Цзычжун, он все знает. Спроси его.

— А почему бы тебе сейчас не сказать мне прямо, в чем дело? Зачем посылать меня еще куда-то?

— Тут такие запутанные подробности, что мне самому неудобно говорить. Рассказать может только Цзычжун.

Чжуаньчжи был окончательно сбит с толку, сомнения и подозрения наполняли его душу. Он и сам собирался нынче же навестить Цзычжуна, поэтому простился с Цзюньцин и поспешил к нему.

Придя к другу, он сразу же начал с того, что передал ему свой разговор с Цзюньцин, и спросил, что все это означает. Тогда Цзычжун рассказал ему, как они с Цзюньцин вместе жили в столице и как он узнал, что она женщина. Не скрыл он и того, что они с Цзюньцин уже стали, собственно, мужем и женой.

Чжуаньчжи остолбенел от удивления.

— Мне ведь говорили, что он — женщина, но я не верил,— пробормотал он.— Оказывается, это действительно так. Это ведь явно была моя судьба, и я ее упустил.

— Почему ты так считаешь?— спросил в недоумении Цзычжун.

И Чжуаньчжи рассказал ему, как он дал ей яшмовую подвеску в тот день, когда они нашли стрелу.

— Но стрелу ведь нашел я,— напомнил Цзычжун.— А она на эту стрелу, оказывается, загадала желание и дала обет небу. Я об этом ничего не знал, а то бы забрал тогда у тебя стрелу. Но теперь Цзюньцин

все-таки будет моей женой, и в этом воля неба. А ты вообще думал о ее сестре, а не о ней самой, так что сожалеть и огорчаться не надо, главное для тебя сейчас, чтобы договор, скрепленный яшмовой подвеской, не остался пустым словом.

— Где уж там, раз стрела не моя. Может быть, у нее действительно есть сестра?..

Тогда Цзычжун рассказал о том, как Цзюньцин встретила в пути молодую госпожу Цзин и как ее сватали.

— Это необычайно красивая и талантливая девушка,— добавил он.— Цзюньцин пришлось дать согласие на брак и оставить там яшмовую подвеску. Если подумать, то в этом можно увидеть предопределение неба, и выходит, это твоя судьба.

— То-то она говорила, что ей самой неудобно об этом говорить,— вспомнил Чжуаньчжи.— Вон, оказывается, какие тут хитросплетения! Только вот что: хотя Цзюньцин уже и договорилась относительно госпожи Цзин, но ведь та ничего не знает, и мне самому неловко свататься к ней. Как быть?

— Мы хоть и стали с Цзюньцин мужем и женой, но еще не представились моему тестю,— сказал Цзычжун.— Собираемся устроить свадьбу сегодня. Нам нужен будет сват, и я прошу тебя помочь мне. А после свадьбы я отвечу тебе тем же, можешь положиться на меня.

— Идет, идет!— рассмеялся Чжуаньчжи.— Смешно только, что я до сих пор был как во сне, а ты взял да опередил меня. Хорошо хоть, что я вообще не останусь без жены. Ну, ладно, раз уж так порешили, я иду сейчас в дом Вэней замолвить за тебя слово, а ты можешь явиться туда вслед за мной.

Надев парадное платье, Чжуаньчжи отправился к Вэнь Цюэ. На этот раз Цзюньцин была уже одета как женщина и не вышла встречать его. Вышел сам Вэнь Цюэ и пригласил его в зал. Они сели, и Чжуаньчжи изложил цель своего прихода.

— Моя дочь — избалованная фантазерка, которая увлеклась учением. Но ее не оставили своим вниманием талантливые люди. Брак этот — такая удача для нас, что я просто смущен,— говорил Вэнь Цюэ, у которого уже все было готово, чтобы сегодня же отправить дочь в дом зятя и отпраздновать свадьбу.

В это время доложили, что господин Лу Цзычжун приехал за невестой. Раздалась громкая музыка.

Цзычжун, в *красном халате, сошел с паланкина возле ворот и направился в дом. Народ восхищался им. Войдя в зал, он занял место, которое ему как жениху подобало занять, и поклонился Вэнь Цюэ. Тут вывели невесту. Они вместе поклонились Вэнь Цюэ, затем поблагодарили Чжуаньчжи, сели в паланкины и отправились в дом Цзычжуна. Там они поклонились небу и земле, алтарю предков. Старых друзей объединило теперь родство, и в радости завершился их свадебный обряд.

Чжуаньчжи с некоторой завистью смотрел на них. «Мы с ним оба были ее однокашниками и друзьями, но сочетаться с ней довелось ему, а не мне,— подумал он.— Цзычжун всегда ее очень любил и сожалел, что нельзя мужчину превратить в женщину и стать им мужем и женой. И вот его мечты сбылись. Удивительная история... Интересно, как будет с их обещанием мне...»

На другой день Чжуаньчжи явился к Цзычжуну с поздравлениями и спросил о своем деле.

— Вчера она говорила со мной и сказала, что сегодня специально из-за этого поедет со мной в Чэнду,— ответил ему Цзычжун.— Она непременно хочет сдержать свое слово и отблагодарить тебя, при этом она обещала, что вернется только с хорошими вестями.

— Премного благодарен за добрые намерения,— ответил Чжуаньчжи.— Мы ведь друзья, и вам, конечно, нельзя забывать о моем одиночестве. Но только я не знаю, что представляет собой эта девица!

Тогда Цзычжун пошел во внутренние покои, принес стихи госпожи Цзин и показал их Чжуаньчжи.

— Ну, если мне достанется такая девица, то я могу не завидовать тебе,— сказал Чжуаньчжи, прочитав стихи.

— Цзюньцин так расхваливает ее, что она, вероятно, не обманет твоих ожиданий,— заметил Цзычжун.

— Ну что ж, если все уладится, это будет чудо из чудес. Итак, жду!— сказал Чжуаньчжи под конец, и, смеясь, они простились.

Когда Цзычжун передал их разговор Цзюньцин, та сказала:

— Он давно уже ждет, и осуждать его за нетерпение не приходится. Надо немедленно отправляться в Чэнду и постараться все устроить.

И опять, взяв с собой Вэнь Луна и его жену, она вместе с Цзычжуном направилась в Чэнду и остановилась в той же гостинице.

Цзычжун велел Вэнь Луну отнести свою визитную карточку господину Фу и сам отправился вслед за ним. Узнав, что новый цзиньши явился к нему с визитом, господин Фу даже испугался, не понимая, в чем дело. Он поспешил выйти навстречу гостю, провел его к себе и, когда они сели, спросил:

— Не знаю, чем я обязан тому, что такой знатный человек переступил порог моего ничтожного дома.

— Я здесь проездом,— ответил Цзычжун.— Узнал, что у вас живет некая госпожа Цзин, которая выделяется красотой и талантом, и что она доводится вам внучкой. А у меня есть приятель. Он тоже выдержал нынче экзамен на цзиньши, и вот я пришел с визитом к вам, чтобы просить вашу внучку стать его женой.

— Да, у меня есть внучка,— ответил господин Фу.— Но она сама хотела выбрать себе мужа, и вот недавно ей понравился некий господин Вэнь, который останавливался здесь проездом в столицу. Уже принят подарок, и вы, к сожалению, опоздали.

— Господин Вэнь тоже мой друг,— говорил Цзычжун,— и я знаю, что он уже помолвлен и не явится за вашей внучкой. Потому-то я, собственно, и посмел обратиться к вам со сватовством.

— Ведь господин Вэнь — человек образованный,— ответил ему на это хозяин,— и раз уж он оставил здесь подарок в подтверждение слова, то, значит, и та и другая сторона сердцем согласны. Неужели он мог после всего этого подвести женщину? Думаю, что моя внучка все-таки захочет дождаться ответа от него самого.

Тогда Цзычжун вынул стихи госпожи Цзин и сказал:

— Прошу вас, посмотрите, ведь это стихи, написанные вашей внучкой господину Вэню, не так ли? Господин Вэнь, решив не брать вашу внучку в жены, отдал их мне в подтверждение своего отказа и с тем, чтобы я мог просить вас за другого своего друга. Это и есть ответ самого Вэня.

Господин Фу принял стихи и, узнав в них руку Цзин, пробормотал:

— В свое время молодой человек говорил, что он обручен, но я не поверил и заставил его согласиться. Оказывается, это правда. Что ж, пойду посоветуюсь с внучкой и тогда дам ответ.

Через некоторое время Фу вернулся и сказал:

— Внучка моя крайне удивлена. Она говорит, что если господин Вэнь действительно изменил своему слову, то она все-таки непременно хочет лично видеть его, вернуть ему яшмовую подвеску в знак разрыва и только тогда будет говорить о другом сватовстве.

— Ну что ж, не посмею обманывать вас,— рассмеявшись, сказал Цзычжун.— Яшмовая подвеска, которая сейчас у вашей внучки,— это, собственно, обручальный подарок от моего друга Вэй Чжуаньчжи, она вовсе не принадлежит господину Вэню. Дело в том, что господин Вэнь, будучи сам обручен и не находя возможным отказаться от сватовства, решил заручиться словом для нашего общего с ним друга Вэй Чжуаньчжи. Это было задумано Вэнем еще тогда, и поэтому сегодняшний мой визит не случаен.

— Понимаю вас и охотно вам верю. Но разве смирится с этим моя внучка? Нет, нужно, чтобы сам господин Вэнь с ней объяснился, тогда уж и будем решать.

— Господин Вэнь не сумеет явиться к вам,— ответил Цзычжун.— Но со мною моя жена, которая может встретиться с вашей внучкой. Пусть она расскажет ей все, и ваша внучка непременно поверит.

— Ну что ж, раз супруга ваша здесь, пусть она поговорит с внучкой,— ответил Фу.— Вдвоем они смогут откровенно побеседовать, а это лучше, чем разговоры через посредников.

Старик призвал уже знакомую нам старушку, велел ей отправиться за госпожой Ду и проводить ее к Цзин.

Увидев Цзюньцин, старушка обнаружила в ее облике и манере что-то знакомое, но так как Цзюньцин была в женском платье, то та никак не могла вспомнить, где ее видела. Дорогой она все думала об этом, однако припомнить так и не смогла. Когда они прошли в дом, навстречу им вышла госпожа Цзин. Они поклонились друг другу, и Цзюньцин, смеясь, спросила ее:

— Узнаете господина Вэня?

Госпожа Цзин сразу обратила внимание на то, что внешностью ее гостя очень похожа на Вэня, но подумала, что, быть может, это его сестра, и потому в свою очередь спросила:

— Вы, вероятно, родственница господина Вэня?

— Вы всегда так хорошо узнаете людей, неужели теперь ваш взор стал непроницателен? Ведь я — тот самый господин Вэнь, который недавно проездом был здесь и к которому вы отнеслись так любезно.

Госпожа Цзин вздрогнула. Внимательно всматриваясь в женщину, она убедилась, что это действительно одно и то же лицо. А старушка захлопала в ладоши и воскликнула:

— А я-то все думала: какое знакомое лицо! Оказывается, она и есть тот господин.

— Позвольте спросить вас,— заговорила наконец госпожа Цзин,— почему вы тогда были одеты поиному?

— Отец мой, видите ли, оказался в беде, я направилась в столицу хлопотать по его делу и переоделась мужчиной для удобства в пути,— ответила Цзюньцин.— И именно поэтому, когда вы оказали мне честь, я не хотела соглашаться на сватовство. Но когда я поняла, что от сватовства мне не отказаться — а рассказать вам правду я тогда не решалась,— то и придумала оставить вам подарок за моего друга, с тем чтобы потом все разъяснить. Ныне этот человек значится в списках выдержавших столичные экзамены, по возрасту вполне вам подходит, и мы с мужем решили явиться сюда с просьбой. Хочется завершить ваше сватовство и отблагодарить вас за вашу любезность.

Госпожа Цзин выслушала Цзюньцин и долго после этого молчала.

— Благодарю вас за любезность,— вставила свое слово старушка.— Но только кто тот господин, за которого вы просите, как его фамилия и имя и почему вы его называете вашим другом?

— В детстве мы с ним вместе ходили в школу, затем вместе учились в училище, и все мы трое — я, муж и он — почти одного возраста и с детских лет дружны, как братья. Я знала, что мой друг еще не просватан, и поэтому именно его имела в виду. Фамилия его — Вэй, имя — Чжуаньчжи. Он благороден, красив и почти

одних лет с вами. Этот брак не унижит вас, и, выйдя за него замуж, вы сразу же станете сановной госпожой.

Выслушав все это и узнав, что речь идет о молодом цзиньши, девушка осталась довольна. Она велела старушке побыть с гостьей, а сама отправилась к дедушке рассказать ему обо всем. Тот, зная, что сватается молодой цзиньши, тоже стал всячески одобрять этот брак.

Вскоре молодая госпожа Цзин вернулась к Цзюньцин и попросила ее сказать Цзычжуну, что все решено. Господин Фу устроил пир в благодарность за сватовство и сам принимал Цзычжуна. А во внутренних покоях Цзин принимала и угощала Цзюньцин. Они очень сошлись, говорили по душам, и радостно закончился их пир.

Они договорились, что Чжуаньчжи должен сначала по всем правилам, как и следует после сговора, поднести подарок, а затем выбрать день и отпраздновать свадьбу.

В свадебную ночь, когда Чжуаньчжи увидел свою жену, у него было такое чувство, словно он обрел небесную фею. Он заговорил о яшмовой подвеске, которую оставила ей Цзюньцин.

— Ведь то был мой обручальный подарок по сговору,— сказал он.

— А как же он очутился у нее?— спросила его жена.

И тогда Чжуаньчжи рассказал ей всю историю, связанную со стрелой и надписью на ней, поведал о том, как Цзычжун подобрал эту стрелу, как эта стрела потом очутилась у него, как он думал, что у Цзюньцин есть сестра, и как подарил ей яшмовую подвеску. Молодые долго смеялись и сошлись на том, что, по видимому, так было суждено судьбой и вся эта путаница произошла, вероятно, не случайно. На следующий день Чжуаньчжи достал стрелу и показал ее жене.

— Теперь надо бы вернуть эту стрелу,— сказала она мужу.

Тогда Чжуаньчжи написал записку супругам Ду:

*Вы возвратили подвеску —
вам возвращаю стрелу.*

*Каждый решает пусть сам —
с кем ему свадьбу сыграть.*

*Ха-ха!
Ха-ха!*

Затем он упаковал стрелу, вложил туда записку и отправил Цзычжуну. И только тут, когда Цзычжун стал снова рассматривать стрелу, он обнаружил под известными уже ему строками еле заметную надпись «Фэйэ».

— Что означает «Фэйэ»? — спросил Цзычжун у жены.

— Это мое девичье имя, — сказала она.

— Значит, из-за этой вот надписи Чжуаньчжи и решил, что у тебя есть сестра? Если бы я тогда увидел это имя, ни за что не оставил бы стрелу у него.

— Но если бы всего этого не случилось, то мы не сосватали бы Цзин.

Они рассмеялись, и Цзычжун в ответ тоже написал шутовскую записку супругам Вэй:

*Подвеска попала в надежные руки,
стрела обитает в колчане;
Хоть оба ошиблись, однако никто
не знает безбрачья печали.
Ха-ха!
Ха-ха!*

С тех пор обе семьи дружили домами, и между ними установились такие близкие отношения, как между родными братьями и сестрами.

Оба цзинши стали помогать Вэнь Цюэ, чтобы с него были сняты возведенные на него обвинения.

Ну а положение вещей на свете известно: разве кто-нибудь откажет ходатайству видных людей? Обвинения отпадали одно за другим, и дело кончилось тем, что Вэнь Цюэ был только отстранен от должности.

Но это уже несколько не волновало самого Вэнь Цюэ.

Впоследствии Чжуаньчжи и Цзычжун стали видными сановниками, а жены их народили им сыновей и дочерей; дети, в свою очередь, женились и повыходили замуж; и дружба этих двух родов из поколения в поколение не прерывалась.

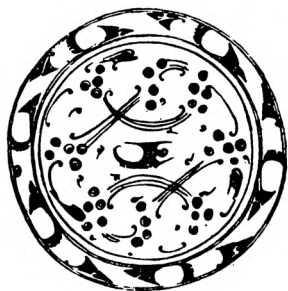
Вся эта удивительная, необыкновенная история могла случиться только в Сычуани, где так много талантливых девиц. И по сравнению с этим случаем исто-

рия о том, как Вэньцзюнь в городе Чэнду стояла за стойкой и отпускала вино, а также история с Хуан Чунгу, которая была на службе у министра, выглядят самыми заурядными происшествиями.

И есть стихи, которые могут подтвердить сказанное:

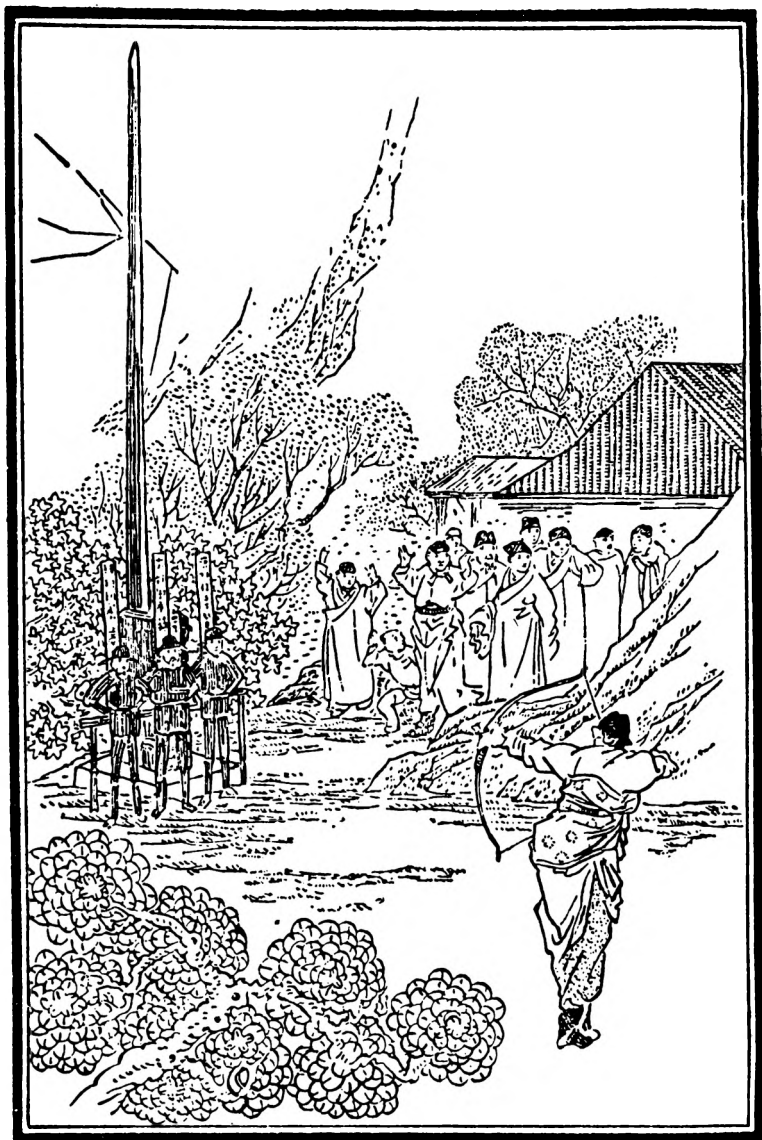
*Многие хвалят женщин иных,
храбростью равных мужчинам.
А слыхано ль, чтобы под женским платком
кладезь учености был?!
Но если бы только властитель велел
экзамен для женщин ввести,
Немало нашлось бы талантливых дев,
способных достойно служить.*

Шэнь Сяося
неожиданно видит
доклады
Чжугэ Ляна

*На досуге читал я
самые разные книги,
И прочел я рассказ,
больно задевший за сердце:
Преданный службе —
в руках оказался коварных,
Сгубили героя...
и слезы пролил я невольно.
Но нет:
не бросайте казенной печати,
Нет, не бросайте
чиновный убор головной:
Мрак ночи не вечен,
всему свое время приходит,
И небо еще различает,
кто подл, кто честен.*

Начну свой рассказ с того, что во времена *нашей династии, в годы правления под *девизом *«Цзя-цзин», на троне восседал мудрый император, ветры и дожди были благосклонны, страна процветала, и народ жил мирно. Но случилось так, что к правлению по недосмотру был допущен коварный царедворец — в результате порядок правления оказался вдруг нарушенным, при дворе воцарились хаос и бесчестье, и вся страна чуть не оказалась ввергнутой в смуту. Кто же он, этот коварный царедворец? Это был человек по фамилии Янь, по имени Сун, по *литературному прозвищу Цзеси, уроженец уезда Фэньи провинции Цзянси. Наладив прежде всего отношения с евреями, человек этот лестью и предупредительностью, усердным отправлением *даосских обрядов и соблюдением постов, а также умелым составлением поминальных молитв, которые подносил императору, заслужил расположение императора, быстро выдвинулся и достиг знатности. Он держал себя чинно и сдержанно, но за благонравной видимостью скрывалась коварная и жестокая натура. Оклеветав

и погубив первого министра Ся Яня, Янь Сун занял его пост и обрел такое влияние и силу, что его сторонились и боялись не только придворные, но и те, кто не служил при дворе. Его сын, Янь Шифань, из *гуаньшэна прямым путем выдвинулся на пост помощника начальника Палаты работ. Своей жестокостью сын превосходил отца, но был он человеком не без способностей, обладал широкими познаниями и прекрасной памятью, отличался расчетливостью и сообразительностью. Поэтому Янь Сун охотно прислушивался к мнению сына, во всех трудных и важных делах всегда советовался с ним, и при дворе их так и называли «большой канцлер» и «малый канцлер». Отец и сын творили зло, находя друг в друге поддержку, прибирали к рукам власть, продавали должности и чины. Честолюбивому чиновнику стоило лишь поднести им крупную взятку, попроситься в приемные сыновья и ученики, чтобы тут же получить повышение и важную должность. Не удивительно, что мелких и подлых людишек возле них всегда было полным-полно, а во всех ведомствах и учреждениях у них имелись верные ставленники и слуги. Ну а тех, кто был настроен против них, неизбежно настигала беда: чуть что не так — били и ссылали, допусти они по-серьезней проступок — просто казнили, пощады не было никому. Выступить и сказать правдивое слово решались только люди, готовые во имя справедливости пожертвовать собственной жизнью; и если только человек не был настоящим *Гуань Лунпаном или подлинным *Би Ганем, чрезвычайно преданным императору и отчизне, то он предпочитал смотреть, как дела правления идут прахом, лишь бы не навлечь на себя самого гнев первого министра. В связи со всем этим один безымянный поэт тех времен перефразировал известные детские стихи:

*Усердно с детства ты учишь,
Познаьем в жизни утвердись.
Полно ведь знатных при дворе,
И, как один, учены все,—*

в следующие строки:

*Усердно в детстве не учишь,
Деньгами в жизни утвердись.
Склонится канцлер Янь к тому,
Кто больше денег даст ему.*

А стихи:

*Императору дороги умные люди,
И познания пост тебе важный дадут.
Любое другое занятие ничтожно,
Только ученье превыше всего!*

перефразировал так:

*Императору дороги подлые люди,
Слово честное скажешь — беду навлечешь,
Любое другое занятие ничтожно,
Низкопоклонство превыше всего!*

Янь Сун и Янь Шифань, пользуясь расположением императора, так притесняли народ, что злодеяния их «громоздились горами», и все же нашелся тогда один верноподданный, совершивший нечто такое, что словно громом потрясло мир. Человек этот погиб, но имя его прославилось в веках.

Понстине:

*Когда в семье почитительные дети,
родители довольны и счастливы;
Когда у власти преданные люди,
в стране повсюду мир и процветанье.*

Фамилия его была Шэнь, имя — Лянь, литературный псевдоним — Цинся. Он был уроженцем Шаосина, что в провинции Чжэцзян. Талантливый человек, хорошо знающий литературу, канонические книги и апокрифы, знакомый и с военным искусством, он весь отдался служению государству и народу. Шэнь Лянь с юных лет преклонялся перед *Чжугэ Ляном. Особенно любил он два его доклада, написанные перед выступлениями в походы. Доклады эти он постоянно читал вслух, сотни раз переписывал и расклеивал их всюду у себя дома. Всякий раз, выпив вина, он громко читал их наизусть и, дойдя до слов: «И служению стране отдам все силы до последнего вздоха», сокрушался и плакал. Из-за этого стали поговаривать о нем, как о ненормальном.

В *семнадцатом году правления императора Шицзуна под девизом «Цзя-цин» после столичных экзаменов Шэнь Лянь получил степень *цзиньши и был назначен на должность начальника уезда. В трех уездах — Лиян, Жэньпин и Цинфэн — довелось ему служить начальником, и во всех трех он так хорошо вел дела, что действительно:

*Чинуши мелкие блюли законы,
Начальники искать не смели взятки,
Задиры-богачи вобрали когти,
Простой народ ночами спал спокойно.*

Но так как Шэнь Лянь был человеком твердым, прямым и не желал угодничать перед начальством, то был понижен по службе: его перевели в столицу на должность секретаря начальника личной охраны императора. Как только он оказался в столице, он сразу понял, какие дела творят Янь Сун и Янь Шифань, и душа переполнилась гневом.

Однажды Шэнь Лянь присутствовал на большом официальном пиршестве. Заносчивость Янь Шифаня, его надменная манера держать себя привели Шэнь Ляня в крайнее раздражение. Янь Шифань вел себя разнузданно, орал и кричал, будто рядом никого не было; затем потребовал, чтобы подали кубок, заставлял каждого пить, а того, кто до дна его не осушит, угрожал наказать. Кубок был огромный — больше чем на десять *лян вина; однако, страхась гнева Янь Шифаня, никто не смел от него отказаться. Среди гостей был некий цензор Ма, который вообще не мог пить. Зная это, Янь Шифань умышленно велел поднести ему кубок. Цензор еще и еще раз просил пощадить его, но Янь Шифань не желал ничего слушать. Цензору волей-неволей пришлось пригубить, но и от одного глотка он покраснел, лицо исказила гримаса страдания. Видя, что цензор не пьет, Янь Шифань встал, подошел к нему, взял кубок и, схватив гостя за ухо, начал насильно вливать ему вино в рот. Бедняге ничего не оставалось, как подавить в себе возмущение и обиду и через силу пить большими глотками. Когда он выпил все до дна, ему показалось, что земля и небо перевернулись, стены заходили ходуном; голова отяжелела, и он не смог удержаться на ногах. Глядя на цензора, Янь Шифань хохотал и хлопал в ладоши от удовольствия.

Шэнь Лянь вскипел. Подвернув рукава, он схватил кубок, наполнил его доверху и подошел к Янь Шифаню.

— Вы удостоили цензора Ма кубком вина, но он уже пьян и не может ответить вам на любезность любезностью. Позвольте мне вместо него поднести вам, — сказал он, протягивая кубок Янь Шифаню.

Ошеломленный, Янь Шифань хотел было отстранить кубок, но увидел угрожающее выражение лица Шэнь Ляня и услышал его жесткий, суровый голос:

— Если другие выпили, выпьешь и ты, и если другие боятся тебя, то я, Шэнь Лянь, тебя не боюсь!

И, схватив Янь Шифаня за ухо, он влил ему в глотку весь кубок. Затем, швырнув кубок на стол, он расхохотался и захолопал в ладоши. Напуганные до смерти присутствовавшие чиновники изменились в лице и застыли на месте. Потупив взгляд, они не решались проронить ни звука. Янь Шифань притворился пьяным, простился и уехал. Шэнь Лянь даже не поднялся с места проводить его, он вздыхал и несколько раз проскандировал: «Нет места под одним небом с ханьскими предателями». Янь Суна и Янь Шифаня он уподобил, таким образом, *Цао Цао с сыном. Все боялись, как бы эти слова не дошли до Янь Шифаня, и с затаенным страхом смотрели на Шэнь Ляня. Однако сам он, казалось, не придавал этому никакого значения. Чиновники выпили еще по нескольку рюмок вина и, охмелев, разошлись.

На рассвете Шэнь Лянь проснулся с мыслью об Янь Шифане. «Эта скотина, конечно, не простит мне вчерашнего и наверняка найдет способ рассчитаться со мной,— думал он.— Ну что же, раз начал — доводи до конца; чем держать все это на сердце и мучить себя, уж лучше первому нанести удар. Я уже думал над тем, что злодеяния Янь Суна и его сына возмущают богов и гневаят людей, но император доверяет им и милостив к ним, а мой чин мал, должность ничтожна, что бы я ни стал говорить, все будет бесполезно. Я, правда, собирался найти подходящий случай и тогда уже действовать, но теперь ждать не приходится. Пусть я буду *Чжан Лянем, покушавшимся в Боланша на Цинь Шихуана, пусть даже и не уничтожу этих злодеев, но зато это послужит хорошим примером для других». Шэнь Лянь тут же стал обдумывать свой доклад императору и к утру уже ясно представлял себе все, что напишет.

Он поднялся, возжег курения, омыл руки и начал писать. В докладе он подробно рассказал о том, как Янь Сун и Янь Шифань захватили в руки власть и брали взятки; описывая их злодеяния и преступления, говорил о том, что они обманывали государя и ввергали страну в беду,— словом, обвинял их в крупных преступлениях против страны, в обмане государя и просил казнить их на благо всей Поднебесной. В ответ последовал императорский указ. Он гласил: «За оскорбление

высших сановников, нанесенное с целью обретения славы для себя и упрочения собственного положения, приказываю охране дать Шэнь Ляню сто палок, лишить его чина, низвести в простолюдины и сослать на север». Янь Шифань послал человека в охрану предупредить, чтобы Шэнь Ляня засекали до смерти. К счастью, начальник охраны Лу Бин был человеком самостоятельным; он преклонялся перед твердостью и честностью Шэнь Ляня, который к тому же был его подчиненным, и отношения между ними были всегда дружелюбными. Поэтому он приложил все усилия, чтобы выручить Шэнь Ляня: устроил так, что ему хоть и дали сто палок, но били не сильно, не самым концом палки, в результате Шэнь Лянь не очень пострадал. Палата налогов и учета населения внесла Шэнь Ляня в список простых жителей округа Баоань, и он с еще не зажившими от побоев ранами в тот же день собрал свои пожитки, нанял повозку и вместе с женой и детьми выехал из столицы и отправился в Баоань. При нем находились три сына: средние сыновья Гунь и Бао, которые жили с отцом в столице и там учились, а также младший сын — Чжи, которому исполнился только год. Старший же сын Сян, по литературному прозвищу Сяося, был *сюцаем на стипендии и жил на родине в Шаосине. И вот все впятером — отец, мать, урожденная Сюй, и трое сыновей — двинулись в путь. Ни один человек из придворных гражданских или военных чинов не пришел провожать Шэнь Ляня, боясь, как бы об этом не узнали Янь Сун и Янь Шифань.

Вот уж действительно, как говорится по этому поводу в стихах:

*Докладом своим гнев великий навлек
полновластных людей при дворе,
И теперь без друзей, без напутственных слов
отправляется в дальний край.
Его проводить не решился никто,
всемогущих разгневать страшась;
Никто на прощание слез не пролил,
не цеплялся никто за седло.*

Само собой разумеется, что в пути им пришлось претерпеть немало трудностей. Но вот наконец они добрались до Баоани. Баоань относился тогда к пограничному военному округу Сюаньфу и был захолустьем, которое не шло, конечно, ни в какое сравнение с ожив-

ленными и богатыми городами центра страны. Чужая сторона наводила на Шэнь Ляня тоску, к тому же который день подряд лил дождь, и от этого все вокруг казалось еще мрачнее и печальнее. Шэнь Лянь собирался снять у кого-нибудь дом, но здесь у него не было знакомых, которые могли бы посоветовать, к кому с этим следует обратиться. И вот, когда он раздумывал над тем, как ему быть и где найти пристанище, он заметил, что к ним приближается какой-то человек с зонтом в руках. При виде стоявшей возле дороги телеги с пожитками человек остановился. Взглянув на самого Шэнь Ляня и обратив внимание на его благородную внешность, он подумал немного и спросил:

— Позвольте узнать, кто вы и откуда?

— Моя фамилия Шэнь. Приехал сюда из столицы.

— Я слышал, что в столице нашелся некий секретарь Шэнь, который подал доклад и потребовал казни Янь Суна и Янь Шифаня. Не вы ли и есть тот самый господин Шэнь?

— Да, это именно я,— ответил Шэнь Лянь.

— Я всегда восхищался вами и счастлив, что мне довелось встретить вас,— сказал незнакомец.— Но здесь не место для разговоров. Я живу недалеко отсюда, прошу вас вместе с семьей передохнуть пока у меня, а потом уже решите, как быть.

Предлагалось это от всей души, с полной благожелательностью, и Шэнь Лянь согласился. Идти пришлось немного, и вскоре они подошли к дому, который хоть и не был особняком знатного человека, но выглядел чисто и опрятно. Хозяин провел Шэнь Ляня в гостиную и, опустившись перед ним на колени, стал отбивать поклоны. Шэнь Лянь поспешил ответить ему на приветствие и спросил:

— Кто вы? И чем я обязан такому доброму отношению ко мне?

— Фамилия моя Цзя, имя Ши. Я служил в личной охране командующего местным гарнизоном. Брат мой служил в местном гарнизоне в чине *цянху. Недавно брат умер, а так как детей у него нет, то должность эта должна была перейти ко мне. Но сейчас, когда делами страны вершат Янь Сун и его сын, все, кто хотят наследовать должность, обязаны давать огромные взятки, поэтому я отказался служить. По наследству мне досталось несколько *му земли, и я живу теперь тем, что занимаюсь земледелием. Недавно я узнал, что вы пода-

ли жалобу на Янь Суна и Янь Шифаня, обвинив их в государственных преступлениях,— на такое может решиться только рыцарь справедливости и долга. Слышал я также, что вас ссылают сюда, и жаждал повидать вас. Небу было угодно, чтобы я встретил вас, и я почитаю это для себя великим счастьем.

С последними словами хозяин снова распростерся в земном поклоне. Шэнь Лянь поднял его и велел сыновьям приветствовать гостеприимного хозяина. Цзя Ши попросил жену провести госпожу Шэнь во внутренние покои, где она могла бы отдохнуть. Когда с повозки была снята поклажа и отпустили погонщиков, Цзя Ши распорядился заколоть барана и приготовить вина, чтобы попотчевать гостей.

— Льет дождь, куда вы пойдете в такую погоду!— сказал Цзя Ши, обращаясь к Шэнь Ляню.— Оставайтесь лучше пока у меня, выпейте спокойно чарку-другую, чтобы немного прийти в себя после тяжелого пути.

— Встретились мы случайно, и я просто не смею злоупотреблять вашим гостеприимством,— ответил на это Шэнь Лянь.

— Ну, что вы! Только не сочтите за пренебрежение — пища у нас тут в захолустье грубая.

Гость и хозяин подносили друг другу вино, говорили о событиях, которые всех волновали. В их взглядах, высказываниях и чувствах было так много общего, что они сожалели о том, что не встретились раньше.

На следующий же день утром Шэнь Лянь обратился к Цзя Ши:

— Я хотел бы снять дом и пристроить семью. Буду просить вас помочь мне в этом.

— Какой дом вы хотели бы?

— Таким, как, например, ваш, я был бы вполне доволен. Ну а в смысле цены, это уж всецело на ваше усмотрение.

— Это пустяки,— ответил Цзя Ши.

Цзя Ши ушел и довольно скоро вернулся.

— Домов сдается много,— сказал он,— но все они низкие и внутри не очень опрятные. Сразу что-нибудь подходящее трудно найти. Лучше уж вам пожить некоторое время у меня, а я с семьей устроюсь пока в доме тестя. Когда вы вернетесь в столицу, я перееду к себе. Так, по-моему, вам будет удобнее. Как вы находите?

— Вы очень добры. Но занять ваш собственный дом — это невозможно.

— Я, конечно, простой крестьянин,— отвечал Цзя Ши,— но все-таки кое в чем разбираюсь. Я преклонялся перед вами как перед благородным и смелым человеком, мечтал служить вам, но это были только мечты. А нынче, когда благоволением неба мне представилась такая возможность, я охотно уступлю вам на время мою хижину. Этим я хоть как-то выражу свое уважение к достойному человеку. Так что, прошу, не отказывайтесь, пожалуйста.

И Цзя Ши тут же отдал соответствующие распоряжения. Выкатили тележку, вывели лошадь, осла, вынесли из дома пожитки Цзя Ши и увезли. Всю обстановку и утварь Цзя Ши оставил гостю. Шэнь Лянь, тронутый его великодушием, решил с ним побрататься.

— Не посмею,— ответил Цзя Ши.— Вы — благородный сановник, а я — простой крестьянин.

— Для настоящих людей, близких по характеру и по духу, может ли быть различие в происхождении! — возразил Шэнь Лянь.

Цзя Ши был моложе Шэнь Ляня на пять лет и стал называть его старшим братом. Шэнь Лянь велел обоим сыновьям поклониться Цзя Ши как названому дяде. Цзя Ши позвал жену, и все приветствовали друг друга, как положено между своими, членами одной семьи.

Позавтракав вместе с Шэнь Лянем, Цзя Ши с женой уехал к тестю. С тех пор Шэнь Лянь стал жить в его доме. Некто из их современников, восхищенный поступком Цзя Ши, написал следующие стихи:

*При встрече случайной был полон
душевных, искренних чувств
И, другу свой дом предоставив,
дружбу свою доказал.
А мало ль на свете найдется
и близких друзей, и родных,
Что спорят, враждуют до смерти,
чтоб лишний кусок отхватить?!*

Когда старые и почтенные люди в Баоани узнали, что Шэнь Лянь подал императору доклад, в котором изобличал министра Янь Суна и его сына, и теперь сослан сюда за это, они все прониклись к нему уважением — каждый приходил с поклоном, каждый хотел с ним познакомиться. Некоторые, желая помочь Шэнь Ляню, привозили с собой дрова и рис, другие просто приносили вино и яства, чтобы угостить его,

третьи присылали к нему своих сыновей и братьев, чтобы те учились у него и служили ему как учителю.

Каждый день Шэнь Лянь беседовал с местными жителями о преданности стране и о сыновнем почтении, рассказывал о благородных и преданных людях древности. Когда он говорил о чьей-нибудь трагической судьбе, у него порою волосы становились дыбом от гнева и он с криком возмущения ударял кулаком по столу или же, тяжело вздыхая, запевал печальную песню и ронял слезы. И мал, и стар — все любили послушать его. Бывало, когда он ругал Янь Суна и Янь Шифаня, люди в один голос вторили ему, а если кто при этом помалкивал, на такого все с негодованием обрушивались и кляли за отсутствие в нем справедливости и преданности. Постоянное общение с Шэнь Лянем вошло у людей в привычку, и когда они узнали, что их друг и в военном искусстве мастер, стали звать его с собой стрелять из лука. Шэнь Лянь велел сделать три соломенных чучела и обтянуть их материей; на одном он написал: «Танский предатель *Ли Линьфу», на другом: «Сунский предатель *Цинь Куай», на третьем: «Минский предатель Янь Сун», и чучела эти стали для них мишенью. Стреляя в Ли Линьфу, Цинь Куая или Янь Суна, Шэнь Лянь громко кричал: «Предатель, получай стрелу!»

Северяне — люди прямые и бесхитростные. Когда они с таким увлечением и азартом занимались стрельбой, которую придумал Шэнь Лянь, им, конечно, и в голову не приходило, что все это может дойти до Янь Суна и Янь Шифаня. Издревле говорят: «Если хочешь, чтобы не знали о твоих поступках, не совершай их». А надо сказать, что больше всего осведомителей и доносчиков как раз у людей, власть имущих, так что о проделках Шэнь Ляня уже успели сообщить Янь Суну и Янь Шифаню. Те пришли в ярость и, посоветовавшись, решили ждать, когда найдется предлог убить Шэнь Ляня и избавиться от него.

Случилось так, что как раз в это время в пограничных военных округах Сюаньфу и Датун оказалась свободной должность генерал-губернатора. Янь Сун распорядился, чтобы Палата чинов отдала эту должность своему человеку и послала бы туда его ученика и приемного сына Ян Шуня. В соответствии с этим Палата и предоставила должность генерал-губернатора округа Сюаньфу чиновнику из личной охраны императора — Ян Шуню. Перед тем как отправиться на место новой

службы, Ян Шунь нанес визит Яням. Янь Шифань потчевал его на прощание. За столом, предварительно удалив всех, он поговорил с Ян Шунем, поручил ему следить за Шэнь Лянем и найти повод для обвинения его в каком-нибудь преступлении. Ян Шунь пообещал это сделать и, почтительно поддакивая, откланялся.

Вот уж поистине:

*Отрава готова —
только вина не хватает;
Меч уже отлит —
руку поднять остается.
Жаль благородного,
сердцем бесстрашного Шэня —
По чучелам он
никчемной стрельбе предается.*

Вскоре после того, как Ян Шунь прибыл на место назначения, вождь датунских татар Алтан-хан напал на китайские посты, захватил одну за другой более сорока крепостей в Инчжоу и увел в плен множество жителей. Ян Шунь не решился выставить солдат, чтобы прийти населению на помощь. Он дождался, пока вражеские отряды ушли, и только тогда послал свои войска, под видом, что осуществляет план преследования отступающего неприятеля. Солдаты Ян Шуня били в гонги и барабаны, размахивали флагами, стреляли из пушек. Но это была простая комедия — татар уже давно и след простыл! Понимая, что он упустил нужный момент, и боясь, что придется за это отвечать, Ян Шунь тайком приказал своим военачальникам хватать простых крестьян, бежавших от татар, брить их наголо и отрубать им головы. Головы эти, выдав за головы убитых врагов, он как доказательство своих побед послал в Военную палату. Трудно счесть, сколько ни в чем не повинных людей было погублено в те дни.

Когда Шэнь Лянь узнал обо всем этом, он пришел в ярость, тут же написал письмо и попросил военного секретаря передать это письмо Ян Шуню. Тот знал Шэнь Ляня как отчаянного скандалиста, понимал, что в письме он может все что угодно написать, и не согласился взять на себя его поручение. Тогда Шэнь Лянь надел платье и шапку простолюдина, стал поджидать Ян Шуня возле входа в *ямэнь и, когда тот вышел, сам вручил ему письмо. Ян Шунь вскрыл письмо и стал читать. Говорилось в нем примерно следующее: «*Личные*

заслуги и слава одного человека — дело ничтожное, а жизнь народа — дело великое. Как можно убивать простых людей для того лишь, чтобы заявить о своих несуществующих заслугах? Ведь татары только грабили людей и уводили их в плен, а наши войска убивали свой же народ. Таким образом, наши воеводы оказались более преступны и жестоки, чем сами татары». К письму были приложены еще и стихи:

*Когда ты убивал людей
и хвастался своей победой,
что было в мыслях у тебя?
Ну да, награду ты получишь
за десять тысяч трупов,
за тьму сухих скелетов.
Но ты послушай как-нибудь,
что в ночь ненастную
творится в ратном поле:
Стеная, бродят призраки
твоих невинных жертв
и ищут черепа свои!*

Ян Шунь прочитал письмо и, негодуя, разорвал его в клочки.

Затем Шэнь Лянь написал поминальное обращение и вместе со своими последователями и учениками приготовил жертвоприношения и принес жертву невинно погибшим. После этого он написал еще два стихотворения на тему «На границе». Первое стихотворение гласило:

*Запад едва озарился кострами
враждебных татарских племен,
А в наших войсках боевой полководец
уже изнемог, истомлен.
Нет, не разит и не бьет воевода
лихих чужеземных вождей,
Саблю стальную свою обагрят,
воюя с народом своим.*

В другом говорилось:

*Они бежали от врагов,
чтоб жизнь свою спасти,
Но убежали от татар
и смерть свою нашли.
О, если б ведали они
грядущую судьбу!
Как сожалели бы тогда,
что не сдались врагам!*

У Ян Шуня был свой человек, некий Ло Кай, он переписал стихи и поминальное обращение и тайком передал их Ян Шуню. Гневу Ян Шуня и ненависти его к Шэнь Ляню не было предела. Ян Шунь тут же изменил несколько слов в первом стихе, и получилось:

*Запад уже озарился кострами
враждебных татарских племен,
И в наших войсках боевой воевода
напрасно себя не щадит.
Лучше бы с помощью чужеземцев
предателей он покарал,
Кровью их грязной тогда не пришлось бы
владыке свой меч обагрять.*

Затем он написал письмо, вложил в него измененные стихи, и с письмом этим послал Ло Кая к Янь Шифаню. В письме говорилось, что Шэнь Лянь, ненавидя первого министра и его сына и намереваясь при случае отомстить Янь Шифаню, тайно собирает возле себя бесстрашных головорезов и удальцов, владеющих мечом; что при нашествии татар он сочинил стихи, в которых есть слова, призывающие с помощью захватчиков уничтожить коварных предателей, которые стоят у власти, и что, мол, вообще в голове у него бунтарские мысли. Прочитав это письмо, Янь Шифань переполошился. Он тут же пригласил к себе одного из своих доверенных людей, цензора Лу Кая, и стал с ним советоваться.

— Если я буду назначен туда,— сказал Лу Кай,— то, конечно, сделаю для вас все, что нужно.

Янь Шифань был счастлив. Он тут же дал распоряжение Цензорату назначить Лу Кая инспектором в Сюаньфу и Датун.

Накануне отъезда Лу Кая Янь Шифань устроил прощальный пир.

— Передайте, пожалуйста, мои лучшие пожелания Ян Шуню,— говорил он Лу Каю.— Надеюсь, что вы будете действовать совместно с Ян Шунем, общими усилиями. И если вы избавите меня от этой язвы, которая меня гложет, я отблагодарю вас обоим пожалованием самых высоких титулов. Поверьте, от своего слова я не откажусь.

Лу Кай понимающе кивнул.

Прошел не один день, пока Лу Кай, получив высочайший приказ о назначении, направился в Сюаньфу.

Там он встретился с Ян Шунем и подробно передал ему свой разговор с Янь Шифанем.

— Я день и ночь думаю о том же, не сплю, не ем,— сказал Ян Шунь,— но, к сожалению, не могу придумать ничего такого, что дало бы мне возможность покончить с этим человеком.

— Ну что ж, будем оба начеку. Мы не должны обмануть ожидания господина главного министра, да и не следует упускать случая выдвинуться самим.

— Вы правы,— согласился Ян Шунь.— Если только один из нас увидит возможность прибрать Шэнь Ляня к рукам, должен сразу же сообщить другому.

На этом они расстались. В ту ночь Ян Шунь не мог заснуть и все думал о том, что рассказал ему Лу Кай. Утром, когда он в ямэне приступил к работе, секретарь по военным делам доложил:

— В Вэйчжоу пойманы два бунтаря и нынче доставлены к нам. Каковы будут ваши распоряжения?

— Приведите их сюда,— сказал Ян Шунь.

Вошел начальник конвоя, земно поклонился и подал Ян Шуню сопроводительную грамоту. Ян Шунь прочитал грамоту, и лицо его расплылось в улыбке. Оказалось, что оба арестованных — одного из них звали Янь Хао, другого — Ян Инькуй,— были из шайки Сяо Циня, главаря секты *«Белого лотоса». В свое время Сяо Цинь постоянно ездил к татарам и там, воскуривая фимиами, дурачил народ; обманывал вождя татар Алтан-хана — говорил, что владеет магией, что может заклинаниями убить человека, одним волшебным словом сокрушить городскую стену. Хан был настолько глуп, что верил ему и пожаловал титул главного духовного наставника. У Сяо Циня было несколько сот человек, которые составили целый лагерь; когда Алтан-хан совершал набеги на китайскую землю, Сяо Цинь и его люди служили ему проводниками. Китай не раз страдал от них. В свое время предшественник Ян Шуня, господин Ши, направил своего толмача с дорогими подношениями к одному из татарских вождей — Тата и велел передать тому следующее:

«Поднебесная страна охотно согласилась бы установить с вами дружеские отношения, обменивать наши зерно и ткани на ваших коней и устроить то, что называется «конный рынок». Военные действия тогда были бы прекращены, обе стороны пребывали бы в благоден-

стенном покое, и это было бы прекрасно. Но, вероятно, тому будет препятствовать Сяо Цинь, и мир между нами так и не установится. Сяо Цинь — подданный нашей страны; никакой магической силой он не обладает, он просто коварным обманом подстрекает вас к набегам, из которых извлекает пользу для самого себя. Если вы не верите моим словам, то попробуйте испытать его — обладает ли он тайной магического искусства. Если Сяо Цинь своими заклинаниями действительно сумеет разрушить городские стены и убить человека, тогда используйте его на ответственном посту, а не сумеет — значит, явно одурачивает вас. В таком случае вам следовало бы связать его и доставить в распоряжение нашего двора. Тронутая вашим добродетельным поступком, страна наша непременно щедро вознаградила бы вас; наладился бы «конный рынок», и вы из года в год получали бы несметную прибыль, — так куда выгоднее, чем заниматься рискованным грабежом».

«Что верно, то верно», — согласился Тата и доложил обо всем Алтан-хану. Алтан-хан был доволен таким предложением. Он встретился с Сяо Цинем и договорился, что тысячная конница будет сопровождать Сяо Циня через границу, где они подойдут с правого фланга к одной из китайских крепостей, и там Сяо Цинь должен будет показать свое искусство и заставить обрушиться городские стены. В страхе перед неминуемым разоблачением Сяо Цинь той же ночью переоделся и бежал. У заставы Цзююгуань он был задержан и допрошен. Его сообщники — Цяо Юань, Чжан Паньлун и другие были также схвачены и доставлены к губернатору Ши. Они показали, что последователей этой секты много и что есть они и на юге, и на западе страны. С тех пор повсюду искали и арестовывали сообщников Сяо Циня. Янь Хао и Ян Инькуй, которых теперь схватили в Вэйчжоу, были известными людьми из этой шайки. Поэтому Ян Шунь и был так обрадован: прежде всего, то, что преступников задержали и препроводили сюда, зачтется ему, генерал-губернатору, в заслугу; кроме того, он сможет воспользоваться этим случаем, чтобы впутать в дело Шэнь Ляня и таким образом избавиться от него.

В тот же вечер Ян Шунь пригласил к себе Лу Кая и стал с ним советоваться.

— Другого такого предлога расправиться с Шэнь

Лянем не будет,— говорил Ян Шунь.— Ничто так не претит императору, как связь секты «Белый лотос» с татарами. Мы заставим Янь Хао и Ян Инькуя показать на Шэнь Ляня, заставим их признаться, что они его последователи и ученики. Они покажут, что, недовольный и обиженный потерей должности, Шэнь Лянь подстрекал их заниматься волшебством и связаться с татарами, дабы нанести поражение своей собственной стране. Затем мы доложим, что, к счастью, преступники схвачены, и выразим надежду, что ради уничтожения мятежа в самом зародыше император даст санкцию на их казнь. А до того мы тайно сообщим обо всем первому министру Яню. Пусть он прикажет Палате наказаний немедленно составить об этом доклад государю. Думаю, на этот раз Шэнь Ляню не вывернуться.

— Великолепно! Великолепно! — восклицал Лу Кай, хлопая в ладоши.

Они тут же обсудили, как составить доклады, и договорились направить их в столицу одновременно.

Когда Янь Сун получил оба доклада, он велел Янь Шифаню сказать слово начальнику Палаты наказаний. Сюй Лунь, начальник Палаты наказаний, был безвольным и бездарным стариком. Узнав, что полученное им распоряжение исходит от самого Янь Суна, он не посмел проявить нерадение и тотчас составил императору доклад в том духе, как того хотели Ян Шунь и Лу Кай. Вскоре последовал императорский указ, предписывающий местным властям немедленно казнить преступных шарлатанов. В связи с этим делом сыну Ян Шуня жаловалась должность цяньху в охранных войсках императора, а Лу Кай получал повышение на три ранга, и ему было обещано, что при первой вакансии его переведут на должность в столицу.

Но вернемся к нашему рассказу. Когда Ян Шунь отправил доклады, он послал людей тайно схватить Шэнь Ляня и бросил его в тюрьму. Жена Шэнь Ляня и оба сына переполошились, не зная, что предпринять. Братья решили немедленно посоветоваться с Цзя Ши.

— Наверняка эти негодяи Ян Шунь и Лу Кай задумали отомстить за Янь Суна,— высказал предположение Цзя Ши.— И раз уж отца вашего посадили в тюрьму, то, без сомнения, обвинят его в каком-нибудь тяжком преступлении. Советую вам без промедления бежать в дальние края и не объявляться до тех пор, пока Янь Сун и Янь Шифань не потеряют свое могущество

и влияние. Здесь Ян Шунь и Лу Кай, конечно, не оставят в покое и вас.

— Как можем мы уехать, не зная, что ждет отца?— сказал Шэнь Гунь.

— Ваш батюшка в руках врагов, он уже человек обреченный. А вы должны думать о сохранении рода, и сейчас ваша сыновняя почтительность ни к чему не приведет — погубите только самих себя и всех ваших родственников. Уговорите матушку как можно скорее уехать подальше от беды. Что касается вашего батюшки, то я сам попрошу людей о нем позаботиться, об этом можете не беспокоиться.

Братья передали разговор с Цзя Ши своей матери.

— Отец ваш безвинно попал в тюрьму, как же можем мы покинуть его и уехать?— говорила госпожа Сюй, жена Шэнь Ляня.— Дядюшка Цзя хоть и друг нам, но все-таки человек чужой, не родня. Я думаю, что, желая угодить Янь Суну, Ян Шунь и Лу Кай будут строить козни только против вашего отца и нас-то это вряд ли коснется. Если же, спасая себя, вы убежите, а отец здесь погибнет и даже останки его некому будет похоронить, тогда люди будут поминать вас недобрым словом и в веках за вами останется дурная слава непочтительных сыновей. Как тогда жить, как смотреть людям в глаза?

При последних словах она громко разрыдалась. Разрыдались с ней и сыновья.

Когда Цзя Ши сказали, что госпожа Сюй уезжать не соглашается, он только вздохнул и ушел. Несколько дней спустя Цзя Ши получил достоверные сведения о том, что Шэнь Ляня впутали в дело секты «Белый лотос» и приговорили к смерти.

В тюрьме Шэнь Лянь, не переставая, во весь голос ругал подлых душегубов. Ян Шунь, зная, что поступил бесчестно, и опасаясь, как бы Шэнь Лянь в момент казни не опозорил его перед всем народом своей бранью, приказал составить свидетельство, что узник заболел и скончался в тюрьме, а затем распорядился, чтобы Шэнь Ляня прикончили.

Обо всем этом Цзя Ши сообщил госпоже Сюй. Не приходится говорить о том, как горько плакали она и ее сыновья.

Благодаря доброму отношению знакомых и друзей, Цзя Ши удалось тайком выкупить труп Шэнь Ляня. Тюремщикам он при этом говорил:

— Если начальство потребует, чтобы ему отрубили голову, возьмете какой-нибудь другой труп, и все.

Ничего не сказав сыновьям Шэнь Ляня, Цзя Ши сам купил гроб и торжественно, с подходящими обрядами похоронил своего друга в пустынном месте. Лишь после похорон он сказал Шэнь Гуню и Шэнь Бао:

— Прах вашего отца я уберег, но могилу его укажу вам после того, как все уляжется. Пока надо это держать в тайне.

Братья еще и еще благодарили его, а Цзя Ши настойчиво уговаривал их покинуть эти места.

— Мы хорошо понимаем, что слишком долго занимаем ваш дом, и чувствуем себя очень неловко,— говорил Шэнь Гунь.— Но матушка хотела бы здесь дожидаться того дня, когда выяснится невинность отца, чтобы отвезти гроб на родину. Поэтому мы и медлим.

Цзя Ши рассердился.

— Всю свою жизнь, думая о людях, я был им верен до конца,— отвечал Цзя Ши.— И если сейчас я советую вам уезжать, то только потому, что беспокоюсь за вас, а вовсе не из-за того, что вы здесь долго живете и что я хочу поскорей от вас избавиться. Но раз ваша матушка уже приняла решение, я не смею настаивать. Что касается меня, то я должен по одному делу уехать далеко отсюда и вернуться не раньше, чем через полтора года, так что вы можете оставаться здесь, но только будьте осторожны.

И тут взгляд его остановился на двух докладах Чжугэ Ляня, переписанных собственноручно Шэнь Лянем и наклеенных на стене.

— Хотел бы, чтобы вы сняли эти доклады и подарили их мне,— попросил Цзя Ши.— Они у меня будут с собой как память о вас, а потом, когда доведется встретиться, сможем по ним узнать друг друга.

Шэнь Гунь снял со стены оба доклада, свернул их и обеими руками поднес Цзя Ши. Цзя Ши *спрятал свертки в рукав и, роняя слезы, простился.

Цзя Ши прекрасно понимал, что Ян Шунь и Лу Кай со своими злодейскими планами не ограничатся убийством Шэнь Ляня. Не сомневаясь в том, что и его как близкого друга Шэнь Ляня не оставят в покое и привлекут к ответу, Цзя Ши решил заблаговременно бежать и пожить некоторое время у своих родственников в Хэнани.

Когда в связи с докладом Палаты наказаний пришел императорский указ, цензор Лу Кай тут же распорядился казнить двух схваченных бандитов, а также отрубить голову Шэнь Ляню и выставить ее напоказ вместе с головами обоих преступников. Но, как известно, Цзя Ши успел уже выкупить труп Шэнь Ляня, и никто из начальственных лиц, разумеется, не обнаружил, что труп подменили.

Теперь дальше. Ян Шунь, недовольный тем, что обещанные награды свелись всего лишь к пожалованию должности его сыну, как-то сказал Лу Каю:

— В свое время Янь Шифань обещал нам, что, когда дело будет сделано, он отблагодарит нас высокими титулами. Интересно, почему же он не сдержал своего слова?

— Шэнь Лянь был заклятым врагом семьи Яней,— подумав немного, отвечал Лу Кай.— А мы казнили только его самого и до сих пор ничего не сделали с его сыновьями. Трава срезана, но не вырван корень, значит, он может снова пустить ростки. Наверно, господин министр остался недоволен нашим решением. Думаю, что дело именно в этом.

— Если так,— сказал Ян Шунь,— то нет ничего проще. Мы нынче же подадим доклад и укажем, что хотя Шэнь Лянь и казнен, но сыновей его, которые должны были знать обо всем, тоже следует привлечь к ответственности и имущество их должно быть конфисковано: пусть, мол, люди помнят, что закон распространяется на всех, пусть убоятся закона. Затем мы разузнаем, кто те головорезы, которые вместе с ним стреляли в чучела, и кто предоставил ему свой дом. Всех схватим и привлечем к ответу. Тем самым мы до конца отомстим за обиду, нанесенную Янь Суну и Янь Шифаню, и уж тогда будем просить обещанной награды. Думаю, что в этом случае у них уже не будет предлога нам отказать.

— Великолепно придумано!— сказал Лу Кай.— Не будем терять времени. Пока его семья здесь, мы можем схватить всех их сразу. Только бы его сыновья не пронюхали об этом и не удрали, тогда хлопот не оберешься!

— Вы совершенно правы,— согласился Ян Шунь.

И они тут же послали доклад императору и письмо Янь Суну, в котором выразили ему свою почтительность

и преданность. Одновременно они дали распоряжение начальнику округа Баоань следить за семьей преступника, чтобы ни один из этой семьи не скрылся, поскольку сразу же по получении указа, говорили они, все родственники Шэнь Ляня должны быть арестованы.

Как говорится в стихах:

*Редко бывает, чтоб яйца
уцелели в гнезде разоренном;
С корнем обычно
траву из земли вырывают.
Достойный безвинно казнен,
злодеям этого мало:
Хотят всю семью погубить,
угождая власть держащим.*

Через несколько дней пришел императорский указ, и местные власти арестовали родственников Шэнь Ляня. Одновременно были наведены справки о друзьях и знакомых Шэнь Ляня, и все они тоже были арестованы. Не удалось схватить одного лишь Цзя Ши, который успел своевременно покинуть город, так что местному начальству пришлось сообщить о нем высшим властям, как о бежавшем преступнике. Отсюда видно, как Цзя Ши умел все мудро предвидеть. Один из современников написал стихотворение, восхваляющее Цзя Ши:

*В благородстве и дружбе
кто мог бы сравниться с Цзя Ши,
К тому ж дальновиден —
он заранее скрыться решил.
Коварные сети
врагами расставлены всюду,
Но умная птица
вспорхнула и вольно парит в небесах.*

Арестованных Шэнь Гуня и Шэнь Бао Ян Шунь допрашивал лично, добиваясь от них признания в связях с татарами и нужных ему показаний. Но братья только громко кричали, моля о справедливости. И, разумеется, никак не могли они признаться в том, чего не было. Тогда Ян Шунь приказал их пытать, и братьев так избили, что на теле у них не оставалось живого места. Шэнь Гунь и Шэнь Бао не выдержали пыток и умерли под палками. Не прискорбно ли — молодые люди, сыновья уважаемого человека, и так вот безвинно погибли!

Всех остальных, арестованных по этому делу, обвинили в соучастии, и погублен был не один десяток душ.

Младшего сына Шэнь Ляня, как совсем малолетнего, не привлекли к делу. Ему с матерью было запрещено оставаться в Баоани, и их выслали в далекие края, в Юньчжоу.

После всего этого Лу Кай стал советоваться с Ян Шунем, как им поступить с Шэнь Сяося, старшим сыном Шэнь Ляня.

— Он ведь известный сючай в Шаосине,— говорил Лу Кай.— Придет время, он выдержит экзамен и уж, конечно, затаит злобу против нас. Лучше и его заодно убрать — по крайней мере предотвратим неприятности; к тому же и господин министр увидит, как мы для него стараемся.

Ян Шунь с ним согласился. Тут же он написал отношение властям провинции Чжэцзян, согласно которому важного государственного преступника Шэнь Сяося должны были под строгим надзором доставить в Баоань на допрос. Затем Ян Шунь велел своему доверенному секретарю Цзинь Шао подобрать толковых служителей и послать их с этим отношением в Чжэцзян. Цзинь Шао должен был наказать служителям, чтобы, конвоируя Сяося, они улучили подходящий момент и убили его. Там же им надлежало раздобыть свидетельство о его смерти по болезни и с этим документом вернуться обратно. Ян Шунь заверил, что, когда дело будет сделано, он щедро наградит служителей, а самого Цзинь Шао обещал представить к повышению.

Получив приказ, Цзинь Шао усердно взялся за дело. Выбрав двух опытных служителей ямэня — Чжан Цяня и Ли Ваня, он пригласил их к себе домой, угостил и под конец протянул им двадцать *ланов серебром из своих собственных денег.

— Как посмеем незаслуженно брать от вас подарок?— говорили Чжан Цянь и Ли Вань.

— Это не мой подарок,— отвечал Цзинь Шао.— Это дарит вам губернатор, господин Ян Шунь. Он хочет, чтобы вы отправились с отношением в Чжэцзян и там приняли под конвой Шэнь Сяося. Но в пути не спускайте с него глаз...

Тут Цзинь Шао сказал им, что и как они должны сделать, и добавил:

— Когда вернетесь, будете щедро награждены еще. Ну а если оплошаете... Наш губернатор, господин Ян

Шунь, шутить не любит, и отвечать перед ним придется вам самим.

— Незачем говорить о распоряжении губернатора — для нас достаточно вашего слова, чтобы мы не осмелились ослушаться, — в один голос заявили Чжан Цянь и Ли Вань, взяли деньги и, поблагодарив Цзинь Шао, отправились в ямэнь за документом. Без промедления они собрались и отправились в путь на юг.

Как уже говорилось, Сяоя числился сюцаем на стипендии и жил дома, на родине, в Шаосине. Сяоя очень беспокоился за отца — до него давно уже дошли слухи о том, что его отец своим докладом навлек на себя немилость, лишен чина и должности и сослан на север. Сяоя собирался поехать в Баоань проведать отца, но оставить дом и хозяйство было не на кого, и он все никак не мог решиться уехать. И вот вдруг ни с того ни с сего в какой-то день к нему явились служители из местного ямэня и, не желая ничего слушать, скрутили его и потащили в ямэнь.

Правитель области дал Сяоя прочитать бумагу, согласно которой Сяоя подлежал аресту, отдал Чжан Цяню и Ли Ваню ответ на отношение и наказал служителям, чтобы те в пути внимательно следили за конвоируемым.

Только теперь Сяоя узнал, что отец и оба брата погибли, а мать сослана на далекую окраину. Громко рыдая, он вышел из ямэня и тут увидел, что возле ворот стоят и плачут все его домашние. Оказывается, в отношении из Баоани было сказано, что по приказу свыше имущество семьи Шэнь конфискуется, и правитель области уже успел послать людей, которые опечатали дом и всех его обитателей выгнали на улицу. Убитый горем, Сяоя так плакал, что потерял голос и едва переводил дыхание. Тем временем к ямэню стали подходить родственники Сяоя, чтобы проститься с ним. Все понимали, что ждать добра или надеяться на счастливый случай ему не приходится, и все же, как водится, успокаивали и утешали его.

Тесть Сяоя — Мэн Чуньюань — вынул слиток серебра, поднес его Чжан Цяню и Ли Ваню и просил их в пути позаботиться о его зяте. Тем показалось этого мало, и они взяли подарок лишь тогда, когда жена Сяоя, госпожа Мэн, добавила пару золотых приколок для волос.

Роняя слезы, Сяоя говорил жене:

— Я вряд ли вернусь, но ты не печалься обо мне, считай, что я погиб, и живи у родителей. Ты порядочная женщина из хорошей, образованной семьи, поэтому вторично замуж, вероятно, не пойдешь, и в этом отношении душа моя может быть спокойна. А вот она,— продолжал Сяоя, указывая на свою *вторую жену, Шунюй,— она еще молода, и деваться ей некуда. Ей бы следовало выйти замуж вторично, но мне уже тридцать, у нас с тобой нет детей, а она на третьем месяце. Если у нее родится сын, он продолжит наш род, и будет кому приносить жертвы на домашнем алтаре. Поэтому я прошу тебя из уважения к нашей прошлой совместной жизни: возьми ее с собой к твоим родителям, и пусть она пока поживет с вами. А когда родит, будет то мальчик или девочка, тогда уж отпустите ее, куда хотите...

Но не успел он закончить, как его перебила Шунюй.

— Ну что вы говорите?!— воскликнула она.— Вы отправляетесь за тысячи *ли, как можем мы отпустить вас без близкого и родного человека, который ухаживал бы за вами? Пусть старшая госпожа переберется к родителям, а я согласна сопровождать вас, как бы ни было трудно в пути. Тогда и вам будет не так тоскливо, и старшая госпожа меньше будет тревожиться за вас.

— Конечно, я хотел бы, чтобы кто-нибудь из родных был со мной,— ответил Сяоя.— Но путешествие мое скорее всего кончится плохо. Зачем же тебе-то вместе со мной погибать на чужой стороне?!

— Ваш батюшка служил при дворе и жил в столице, а вы всегда жили в Шаосине, об этом знают все,— говорила Шунюй.— Пусть вашего батюшку оклеветали, что он в чем-то повинен, но вы-то были здесь, так далеко от него... О каком же соучастии может быть речь? Я пойду с вами, буду где надо говорить в вашу защиту и уверена, что к смертной казни вас не приговорят. А если попадете в тюрьму, то я-то буду там на свободе и смогу позаботиться о вас.

Госпоже Мэн тоже не хотелось, чтобы муж отправлялся один, доводы Шунюй казались ей справедливыми, и она стала уговаривать мужа взять Шунюй с собой. Сяоя всегда любил Шунюй за ум, за сообразительность, а тут еще старшая жена уговаривала его, и он в конце концов согласился.

Вся семья направилась к Мэн Чуньюаню, где они и переночевали. Утром Чжан Цянь и Ли Вань пришли

за Сяося и стали торопить его в путь. Шунюй надела платье из простой грубой материи, повязала черным платком голову, простилась со всеми и, перекинув за спину узел, двинулась следом за Сяося.

О том, как горька была минута расставания с родными, излишне говорить.

В пути Шунюй ни на шаг не отходила от мужа и сама подавала ему еду и питье. Поначалу Чжан Цянь и Ли Вань по-хорошему разговаривали с Сяося и его женой, но после того как переправились через реку Янцзы и от Сюйчжоу двинулись дальше по суше, конвоиры решили, что теперь родина Сяося уже далеко позади, и начали держать себя вызывающе: покрикивали, ругались, словом, стали обращаться с Сяося и Шунюй все хуже и хуже.

Шунюй, женщина проницательная, шепнула однажды мужу:

— Что-то недоброе на уме у этих конвоиров. Я женщина и мало что понимаю, но, во всяком случае, если впереди будут попадаться безлюдные, пустынные места, то вы должны быть настороже.

Сяося утвердительно кивнул, но в душе не очень-то ей поверил. Прошли они еще несколько дней, и Сяося обратил внимание на то, что конвоиры то и дело о чем-то шепчутся, секретничают, и, наконец, когда он заметил, что в узле у одного из них сверкнул большой японский нож, сердце у него заколотилось, и им овладел страх.

— Ты говорила, что у этих людей недоброе на уме,— сказал он жене.— Теперь и я в этом почти убежден. Завтра мы вступаем в пределы области Цзинин; как только пройдем Цзинин, сразу начнутся горы Тайхан и Ляншань, идти нам придется по пустынным местам, в которых водятся разбойники. Если конвоиры вздумают совершить свое злое дело в тех краях, то ни тебе меня, ни мне тебя не спасти... Что делать?

— Раз так,— сказала Шунюй,— если вы только сумеете бежать, бегите. А я останусь. Съесть-то они меня не съедят.

— В самом городе Цзинине, возле Восточных ворот, стоит дом начальника канцелярии, некоего Фэна. Сейчас он в трауре и потому живет здесь, на родине. Это в высшей степени благородный, справедливый и смелый человек. Он однокашник и близкий друг моего отца, и если завтра в Цзинине я сумею сбежать от конвоиров

и явлюсь к нему, он, безусловно, укроет меня. Но тебе, женщине, вряд ли справиться с Ли Ванем и Чжан Цянем. За мое исчезновение придется отвечать тебе, и это меня беспокоит. Если чувствуешь, что справишься с ними, я убегу, а нет — вместе жили, вместе и умирать будем. Значит, такова воля неба, и роптать я не буду.

— Сумеете бежать — бегите, — сказала Шунюй. — А я справлюсь, не беспокойтесь.

Супруги перешептывались и переговаривались, благо конвоиры, утомленные за день, изрядно выпили и спали, громко похрапывая.

На следующий день рано утром они снова двинулись в путь.

— Сколько осталось до Цзинина? — спросил Сяося Чжан Цяня.

— Всего сорок ли. К полудню там уже будем.

— В Цзинине, возле Восточных ворот, живет начальник канцелярии Фэн, — сказал Сяося. — Он учился вместе с моим отцом и в свое время, когда они оба жили в столице, занял у отца двести ланов серебром, его расписка у меня сохранилась. Недавно Фэн служил начальником таможи в Вэйсиньгуани, так что сейчас у него, конечно, есть деньги, и, если я пойду просить у него старый долг, он, несомненно, вернет его человеку в беде. Лишние деньги пригодятся нам в пути, по крайней мере будем чувствовать себя свободнее.

Чжан Цянь, казалось, колебался, но Ли Вань шепнул ему:

— По-моему, он человек честный, к тому же его жена и вещи — все останется с нами. Думаю, что ничего плохого не случится. Пусть идет. Принесет деньги: считай, нам с тобой повезет. Что тут думать?

— Так-то оно так, — отвечал Чжан Цянь, — но все же давай сначала остановимся в гостинице, устроимся, я останусь в гостинице караулить его жену, а ты пойдешь с ним. Так будет вернее.

Без лишних слов скажем, что задолго до полудня они уже подошли к Цзинину. Недалеко от города они присмотрели опрятную гостиницу, и, когда разместили свои пожитки, Сяося обратился к конвоирам:

— Ну что ж, кто из вас, любезные, пройдетя со мной до Восточных ворот? Отправимся сейчас, а пообедать успеем, когда вернемся.

— Я пойду, — сказал Ли Вань. — А насчет обеда — кто знает, может быть, там еще и угостят.

Шунюй умышленно стала отговаривать мужа:

— Есть поговорка: «Человека встречают по положению». Хоть господин Фэн и должен вашему батюшке, но вряд ли он пожелает вернуть долг, когда узнает, что батюшки вашего уже нет в живых, а вы сами в такой вот беде,— только зря окажетесь в неловком положении. Лучше уж пообедать и скорей отправляться дальше.

— Мы уже в городе, и отсюда до Восточных ворот недалеко. Хорошо ли, плохо ли получится, но от того, что пройдусь немного, ничего не потеряю,— возразил Сяоя.

Ли Вань, который только и думал о том, как бы заполучить эти двести ланов, настоятельно уговаривал Сяоя пойти.

— Ты уж наберись терпения и подожди,— сказал Сяоя жене.— Если вернемся быстро, значит, дело гиблое, а если примет по-хорошему, пригласит обедать, значит, разумеется, отдаст деньги. Тогда завтра мы сможем нанять для тебя паланкин, а то ты все эти дни ехала на осле, и я вижу, как тебе это с непривычки тяжело.

— Ну что же,— проговорила Шунюй, многозначительно глядя на мужа.— Только побыстрее возвращайтесь. Не заставляйте меня долго ждать.

— Да надолго ли он отлучается, чтобы столько об этом говорить!— рассмеялся Ли Вань.— Ну и зануда же ты!— бросил он ей на ходу и следом за Сяоя направился к выходу. Но тут Шунюй умышленно задержала его:

— Если господин Фэн оставит мужа обедать и муж мой засидится, очень прошу вас, поторопите его.

— Ну, конечно!— ответил Ли Вань.

Конвоир еще только спускался с крыльца, а Сяоя был уже на улице и ушел далеко вперед. Ли Вань вообще довольно беспечно относился к своим служебным обязанностям; кроме того, ему часто случалось бывать в Цзинине, он хорошо знал город, знал он и дом начальника канцелярии Фэна у Восточных ворот, так что это обстоятельство совсем его не встревожило. Пройдя немного, он почувствовал, что у него схватило живот, завернул в уборную и, облегчившись, не спеша направился к Восточным воротам.

Когда Сяоя обернулся и обнаружил, что Ли Ваня не видно, он бросился бежать, бежал, не переводя дыхания, и вскоре оказался около дома Фэна. Видимо, ему суждено было спастись, потому что Фэн в это время

оказался у себя и сидел один в гостиной. Тот помнил своего старого знакомого по столице и был поражен столь неожиданным появлением гостя. Сяоя даже должным образом не поприветствовал Фэна.

— Разрешите поговорить с вами наедине,— торопливо промолвил он, схватив Фэна за рукав.

Тот уже догадался, что его гостю не до приветствий, и повел Сяоя в кабинет. Здесь Сяоя громко разрыдался.

— Говори скорей, в чем дело!— сказал ему Фэн.— Не плачь и не теряй времени зря, если дело не терпит.

— Думаю, что мне уже незачем рассказывать вам о том, как злодейски расправился с отцом Янь Шифань,— плача, говорил Сяоя.— Обоих братьев, которые были при батюшке, до смерти забили Ян Шунь и Лу Кай. Уцелел один я, и то потому, что жил дома, на родине. А теперь пришла бумага и меня потребовали в Баоань к ответу. Словом, погибать нам всем до последнего. У двух конвоиров, сопровождающих меня, на уме недоброе. Вероятно, эти люди действуют по приказу Ян Шуня и Лу Кая, и, когда мы окажемся где-нибудь в горах Тайхан или Ляншань — а до них уже рукой подать,— они потихоньку меня прикончат. Я решил бежать, и вот я у вас. Если сумеете спрятать меня, душа моего загубленного отца будет с благодарностью вспоминать вас на небе. Если вы не сможете этого сделать, то я тут же размозжу себе голову о ступени. Умереть здесь, подле вас, лучше, нежели погибнуть от рук предателей.

— Не беспокойся, пожалуйста,— сказал Фэн.— За моей спальней есть помещение с двойными стенами, где спокойно можно спрятаться — там-то уж никто никогда не найдет. Сейчас я тебя туда проведу, проживешь там несколько дней, а дальше я знаю, как быть.

— Вы мне второй отец!— воскликнул Сяоя, кланяясь и благодаря Фэна.

Фэн взял Сяоя за руку и повел его в помещение, прилежавшее к спальне. Там он приподнял половицу, под которой открылся проход. Спустившись вниз по этому проходу, они прошли шагов шестьдесят и увидели свет: перед ними были три комнаты, устроенные в двойных стенах самого здания. Это было место, куда действительно не мог проникнуть никто из посторонних.

Ежедневно сам Фэн приносил туда своему гостю чай и еду. Домашние порядки у него были строги, и никто

не смел проговориться, что у них скрывается беглец. Вот уж действительно:

*Горы высокие
барса укроют,
Ворон упрячется
в ивовых ветках.
Свора чиновников
так ли опасна,
Если находится
храбрый *Чжу Цзя.*

Но вернемся к Ли Ваню. Подойдя к дому Фэна, он спросил старого привратника:

— Ваш господин дома?

— Дома,— ответил тот.

— А не видели, не приходил к вашему хозяину господин в белом?

— Он как раз обедает в кабинете.

Услышав это, Ли Вань стал спокойно ждать. Было уже далеко за полдень, когда из гостиной вышел человек в белом. Ли Вань поспешил к нему навстречу, но увидел, что это не Сяоя. Человек в белом неторопливо вышел на улицу и пошел своей дорогой.

Ли Вань подождал еще. Его уже начало одолевать нетерпение и мучил голод.

— Как вы думаете, в чем дело?— обратился он опять к привратнику.— Почему это ваш гость так долго не выходит?

— Да ведь он недавно вышел,— ответил старик.

— А у вас есть еще кто-нибудь из гостей?

— Вот уж не знаю.

— А кто был этот в белом, который вышел от вас?

— Это шурин нашего хозяина. Он у нас часто бывает.

— А где же ваш хозяин сейчас?

— Хозяин после обеда всегда отдыхает.

Старик говорил совсем не то, что надеялся услышать Ли Вань, и беспокойство все сильнее и сильнее одолевало конвоира.

— По правде говоря, дядюшка,— сказал он привратнику,— я выполняю поручение генерал-губернатора военного округа Сюаньфу. Дело в том, что в Шаоси не проживал молодой человек по фамилии Шэнь. Его зовут Сян, а прозвище его — Сяоя. Это важный преступник, и арестован он по приказу свыше. Мне пору-

чено доставить его в наш округ. И вот когда мы добрались до вашего города, он заявил, что хочет навестить вашего хозяина, с которым якобы вместе учился его отец. Я проводил его сюда, и он вошел в ваш дом. Я давно уже жду его, а он все не выходит. Он, конечно, все еще сидит в кабинете вашего хозяина. Вы, оказывается, не знали об этом, так прошу вас, пойдите поторопите его, пусть немедленно выходит. Нам пора отправляться дальше.

— Ничего не понимаю. О чем вы говорите?— с деланным удивлением спрашивал старик.

Ли Вань, едва сдерживаясь, повторил всю историю сначала.

— Тьфу,— плюнул старик.— Что за наваждение?! Никакого тут молодого человека по фамилии Шэнь не было. Хозяин наш в трауре и посторонних вообще не принимает. У ворот стою я сам — сам обо всех докладываю, сам всех провожаю. Что ты мне плетешь всякую чертовщину! Наверно, ты просто проходимец какой-нибудь, вор и только прикидываешься, что служишь в ямэне: думаешь, так легче будет приглядеться и стянуть что-нибудь. Убирайся-ка поскорей вон и не морочь мне голову!

Услышав такое, Ли Вань вышел из себя.

— Шэнь Сяося — важный государственный преступник! Это не шутки!— закричал он.— А ну, проси твоего хозяина! Я сам с ним поговорю!

— Хозяин спит сейчас. Думаешь, без дела кто-нибудь посмеет его беспокоить?— отвечал старик.— Какой ты все-таки дикарь, ничего не соображаешь!

И привратник ушел как ни в чем не бывало.

— Старый болван!— выругался Ли Вань.— Просишь его доложить, а он упирается... Нет, Сяося наверняка здесь! Я не по частному делу, у меня приказ властей, ворвусь в дом, и все. Мне нечего бояться!

И, не раздумывая, Ли Вань вломился прямо в гостиную и стал барабанить по перегородке.

— Господин Шэнь! Пора уже!— кричал он.

Ответа не последовало. Тогда Ли Вань снова стал кричать, пока в гостиной не появился мальчик-прислужник.

— Где же привратник? Кому он разрешил ворваться в гостиную и так орать?— возмущался прислужник.

Ли Вань хотел было обратиться к нему, но тот только поглядел за перегородку и пошел в другую сторону.

— Может быть, в той стороне кабинет,— вслух рассуждал Ли Вань.— Пойду-ка посмотрю... Чего мне бояться!

И он пошел туда, куда только что свернул мальчик.

Ли Вань оказался в длинном коридоре. Нигде никого. Он пошел вперед по коридору и очутился возле комнат, в которых, как он заметил, были женщины. Идти дальше Ли Вань не посмел и вернулся в гостиную. Здесь он услышал шум и крики, доносившиеся снаружи. Он направился к воротам: оказалось, что это Чжан Цянь явился сюда за ним и, не найдя, скандалил с привратником. Увидев Ли Ваня, Чжан Цянь набросился на него.

— Хорош молодец!— кричал он.— Знаешь только пить да есть, а дело тебя мало интересует! Ушел сюда утром, теперь уж вечерет, а ты все еще околачиваешься тут. Не можешь поторопить арестованного, что ли? Чего ждешь?

Ли Вань плюнул.

— Какие там еда да питье! И крошки во рту не было, и человек пропал!

— Но ведь ты пошел с ним вместе!

— Я только забежал по нужде, а он, проклятый, пошел вперед. Я не смог его догнать и пришел следом сюда. Привратник сказал мне, что какой-то гость в белом обедает с хозяином в его кабинете, я и решил, что это он. Ждал, ждал, прождал до сих пор, а он все не выходит. Доложить обо мне привратник отказался... Мне здесь даже воды не дали попить, не то чтобы накормили. Попрошу тебя, братец, постой тут, подожди, а я пойду подлечу немного желудок и сразу вернусь.

— Нечего сказать, работник!— возмутился Чжан Цянь.— Такой преступник, а ты позволяешь ему без надзора свободно расхаживать! Даже в кабинет хозяина ты обязан был следовать за ним. А сейчас, кто его знает, здесь он или нет. Диву даюсь, как ты можешь спокойно об этом говорить. Ладно, дело твое, меня это не касается,— сказал напоследок Чжан Цянь и повернулся, намереваясь уйти.

Ли Вань схватил его за руку.

— Человек-то, конечно, здесь,— сказал он Чжан Цяню.— Куда он мог деться? Давай лучше подумаем, как заставить его выйти отсюда. Ты ведь небось пообедал, сыт. Так что ж ты уходишь, куда же тебе-то торопиться?

— Его жена осталась в гостинице, — ответил Чжан Цянь. — Я, правда, просил хозяина присмотреть за ней, но душа у меня беспокойна. Он-то вернется, что волноваться! А вот она — она ведь одной веревкой связана с Сяося, и пока она у нас, он-то никуда не денется.

— Ты прав, — согласился Ли Вань, и Чжан Цянь ушел.

Ли Вань, стараясь не думать о пустом желудке, остался караулить, но до самого вечера Сяося так и не показывался. Заходило солнце, наступали сумерки. Ли Вань до того изголодался, что больше уже не мог терпеть. Он снял с себя верхнюю одежду и в соседней лавке променял свое платье на лепешки. В лавке он задержался недолго, но, когда возвращался, услышал шум запираемых ворот. Подбежал к дому — ворота были уже заперты.

«Сколько я прослужил в ямэне, но так надо мною еще никогда не издевались! — негодовал про себя Ли Вань. — Не ахти уж какая персона начальник канцелярии, чтобы его привратник позволял себе такое самоуправство! Да и этот тоже: жена и вещи в гостинице... остался ночевать — так дай знать. Что поделаешь, придется уж эту ночь как-нибудь просидеть тут у них под навесом. Завтра с утра дождусь, пока выйдет кто-нибудь из слуг поумнее, и с ним поговорю».

Шел десятый месяц года. Было хоть и не особенно холодно, но среди ночи подул резкий ветер и полил дождь. Ли Вань весь промок и промучился до утра. Утром, когда дождь перестал, снова явился Чжан Цянь: оказывается, Шунью настояла на том, чтобы он пошел за ее мужем. У Чжан Цяня были при себе все казенные бумаги, и они с Ли Ванем решили, что ворвутся в дом, как только откроются ворота. Так они и поступили.

Привратник не смог удержать их, они ринулись в гостинный зал и подняли там крик. Все, кто был в доме, и стар, и мал, сбежались на их крик и заголосили. Прохожие, услышав доносившийся из дома шум, столпились у ворот. Наконец, обеспокоенный криками, вышел и сам хозяин, весь в трауре:

Сокрыты волосы под траурным убором,

**Цветок гортензии на шапке;*

На нем надета наизнанку

Рубашка грубого холста,

Рогожною веревкой подпоясан;

Соломенные туфли на ногах.

Услышав покашливание хозяина, слуги закричали: «Хозяин идет!»— и расступились.

— Что за шум? Что происходит?— спросил Фэн, входя в зал.

Чжан Цянь и Ли Вань вышли вперед, поклонились хозяину, и один из них сказал:

— Господин Фэн! Мы выполняем поручение губернатора округа Сюаньфу. Губернатор направил нас с грамотой в Шаосин, где мы арестовали государственного преступника Шэнь Сяоя, и теперь следуем обратно. Когда мы добрались до вашего города, арестованный сказал нам, что вы друг его отца и что он хотел бы вас навестить. Мы не осмелились отказать и позволили ему пойти к вам. Он пришел сюда еще вчера утром и до сих пор не выходит. Это задерживает нас, а ваш привратник не пожелал доложить вам о нас. Просим оказать нам милость и поторопить Шэнь Сяоя, чтобы мы могли двинуться дальше.

Сказав так, Чжан Цянь вынул из-за пазухи бумаги и подал их хозяину.

— Шэнь Сян... Шэнь Сяоя... Это не сын ли Шэнь Ляня?— проглядывая бумагу, спросил Фэн.

— Да, он,— ответил Ли Вань.

Фэн схватился обеими руками за голову и изобразил ужас на лице:

— Ну и пустоголовые вы конвоиры! Будь Шэнь Сяоя только государственным преступником, это еще полбеды, но ведь он прежде всего враг министра Яня. Кто же осмелится принимать такого человека у себя?! Когда это он вчера ко мне приходил?! Что зря болтаете! Узнают еще местные власти, дойдет ваша болтовня до министра Яня, а его гнев мне будет не по плечу! Сами не уследили или, чего доброго, просто отпустили важного преступника за взятку, а теперь решили взвалить все на меня. А ну-ка, гоните их отсюда!— в возмущении крикнул он прислуге.— И ворота закройте! Незачем нам навлекать на себя неприятности. Когда узнает министр Янь, не до шуток будет!

Бранясь, Фэн ушел к себе, а его слуги, все сколько их было, набросились на служителей ямэня и мигом вытолкнули их на улицу. Ворота заперли на засов, и долго еще изнутри доносились крики и брань.

Чжан Цянь и Ли Вань, растерянно глядя друг на друга, стояли на улице как вкопанные и слова не могли вымолвить.

— Это ты вчера уговаривал его идти в город,— произнес наконец Чжан Цянь, укоряя Ли Ваня.— Теперь сам его и разыскивай!

— Ну ладно, не упрекай меня. Давай лучше пойдем с тобой и спросим у его жены. Может быть, она знает, куда он девался, и тогда снова отправимся его искать.

— Правильно!— согласился Чжан Цянь.— Ведь они любящие супруги. Вчера он не вернулся, она прождала его целых полночи и тихонько плакала. Наверняка она должна знать, где ее муж.

Порешив на этом, они помчались из города обратно в гостиницу.

Заслышав голоса конвоиров, Шунью поспешила им навстречу.

— Почему мужа нет с вами?— спросила она.

— А ты у него спроси,— ответил Чжан Цянь, указывая пальцем на Ли Ваня.

Тогда Ли Вань подробно рассказал ей о том, как он вчера отстал от Сяоя, как пришел к Фэну и что было потом.

— А я-то сегодня чуть свет на пустой желудок отправился в город, и вот меня накормили там приятными новостями,— добавил Чжан Цянь.— Думаю, что твоего мужа там действительно нет. Наверняка он пошел куда-то в другое место. Неужто он тебе ничего об этом не сказал? Говори скорей, где он, и мы пойдем искать его!

Не успел Чжан Цянь еще и рта закрыть, как Шунью, едва сдерживая слезы, вцепилась в обоих конвоиров.

— Ах, вот как!— завопила она.— Верните мне мужа!

— Муж твой сам захотел навестить какого-то знакомого, мы по-хорошему разрешили ему пойти, а куда он девался, не знаем,— в один голос говорили конвоиры.— Мы сами вне себя, не знаем, где его искать, а ты еще пристаешь, чтобы мы тебе мужа вернули! Спрятали мы его, что ли? Смешно даже!

Обозленные, конвоиры с трудом высвободились из цепких рук Шунью и повалились на скамейку.

Тогда Шунью вышла из комнаты, загородила собой выход, зарыдала, затопала ногами и заголосила. На шум прибежал хозяин гостиницы и стал ее успокаивать.

— Ах, вы не знаете, уважаемый!— причитала Шунью.— У моего мужа до тридцати лет не было детей, и он взял меня второй женой. Вот уже два года, как

я живу с ним. Теперь, на наше счастье, я три месяца как беременна. Муж ни за что не хотел со мной расставаться, поэтому я и отправилась с ним. Тысячу ли мы прошли вместе, за все время пути я ни на шаг от него не отходила, а вчера днем, так как денег у нас осталось немного, он решил пойти к одному своему знакомому. Пошел он вместе со старшим, с Ли Ванем. Так вчера они и не вернулись, и я забеспокоилась, а сегодня утром Ли Вань и Чжан Цянь пришли одни, без мужа. Значит, они убили его! Заступитесь за меня! Пусть они вернут мне мужа!

— Не волнуйтесь, уважаемая,— утешал ее хозяин.— Эти начальники ведь не враждовали с вашим мужем и не обижены им. С чего им убивать его?

Но Шунью разрыдалась еще пуще.

— Вы не знаете, дедушка,— говорила она сквозь слезы.— Мой муж — враг министра Янь Суна, а эти люди наверняка присланы по его указанию. Может быть, они хотели выслужиться перед министром. Ведь подумайте, дедушка, мой муж десятки тысяч ли вел меня с собой, пришли мы сюда, так что же он вдруг ни с того ни с сего исчезнет, не сказав мне ни слова?! Но даже если бы он и захотел сбежать, разве конвоир Ли Вань отпустил бы его? Если они хотят угодить Янь Суну и убили моего мужа — это их дело. Но мне-то, овдовевшей и одинокой, на кого теперь надеяться?! Нет, дедушка, прошу вас, ведите меня вместе с этими убийцами в ямэнь! Я буду жаловаться.

Женщина так рыдала, так причитала, что Чжан Цянь и Ли Вань не успевали даже слово вставить, чтобы объяснить, что к чему.

Старик-хозяин подумал, что, может быть, женщина и права, и у него тоже зародилось определенное подозрение. Ему стало жаль Шунью.

— Рассуждения рассуждениями, уважаемая, но, может быть, ваш муж и жив,— утешал он ее.— Так или иначе — подождем еще день.

— Можно, как вы говорите, подождать еще день. Но только кто будет отвечать, если эти убийцы удерут?— возразила Шунью.

— Если бы мы на самом деле убили вашего мужа и хотели бы скрыться, то зачем бы мы пришли сюда?— заметил Чжан Цянь.

— Вы видели, что я женщина слабая, беспомощная, ничего не понимающая, и решили заморочить мне голо-

ву, надеясь еще и совратить меня. Говорите лучше похорошему, где тело мужа. Ведь так или иначе я буду знать — перед судом все выложите!

Видя, какие страшные обвинения выдвигает женщина, хозяин умолк, не решаясь больше вмешиваться.

Надо сказать, что пока все это происходило, сбежались постояльцы — любопытных набралось человек сорок, а то и пятьдесят. Узнав о горькой участи женщины, люди вознегодовали.

— Если вы хотите жаловаться, уважаемая, — говорили они, — то мы поведем вас в военное управление к инспектору.

Шунюй низко поклонилась всем и, плача, сказала:

— Спасибо вам, что в тяжелую минуту пожалели меня, попавшую в беду одинокую женщину, и указали, как мне быть. Только этих преступников схватите, чтобы не убежали, поведем их с собой.

— Не беспокойтесь, — говорили собравшиеся, — положитесь на нас!

Чжан Цянь и Ли Вань пытались сбъяснить людям, как и что произошло, но им не дали сказать и полслова.

— Начальники! — перебивали их люди. — Оправдываться и спорить не стоит. Ложь все это — значит, ложь, а правда — значит, правда. И если вы тут ни при чем, то идите с ней в ямэнь. Чего вам бояться?

Рыдая, Шунюй пошла вперед, остальные подхватили под руки Чжан Цяня и Ли Ваня, и все гурьбой направились в ямэнь инспектора.

Когда они подошли к ямэню, главные ворота еще были заперты, но день этот как раз оказался днем принятия жалоб. Шунюй, заранее надевшая на себя белую траурную юбку, не долго думая, ворвалась во двор через маленькие ворота в изгороди, огляделась и, увидев у больших ворот огромный *барабан и колотушку, висевшую на подставке для барабана, тут же схватила колотушку и с такой силой стала колотить ею по барабану, что, казалось, сотрясилось само небо. Привратник, служащие ямэня, насмерть перепуганные, выбежали во двор и женщину связали.

— Ишь, какая храбрая! — говорили они.

— Невиданная обида! Несправедливость! — кричала Шунюй, рыдая, бросившись на землю.

В это время из ямэня донеслись крики, оповещавшие о выходе в зал присутствия начальника. Главные ворота открыли, инспектор Ван занял свое место за

столом на возвышении и сразу же поинтересовался, кто это бил в барабан.

Служители ввели Шунью. Плача, она подробно рассказала, как с ее семьей случилось несчастье и как погибли Шэнь Лянь и оба его сына; сказала, что уцелел лишь один Шэнь Сяося, ее муж, но вчера и с ним расправились, и убийцами, мол, были его конвоиры. Тогда инспектор велел привести Чжан Цяня и Ли Ваня и стал их допрашивать.

Когда конвоиры давали показания, Шунью то и дело перебивала их. Говорила она разумно, убедительно, и обоим конвоирам не удавалось отбиться от ее нападок.

«Эти Яни — люди могущественные и влиятельные, — думал инспектор Ван. — Нередко они замышляют убийства. Трудно поручиться, что и в данном случае это не так». И он тотчас велел всех троих отвести в областной ямэнь на дознание.

Правитель области, некий Хэ, медлить с таким важным делом не посмел и тут же велел привести хозяина гостиницы, чтобы выслушать показания сразу всех четверых.

Шунью упорно твердила, что конвоиры убили ее мужа; Ли Вань говорил, что отлучился по нужде, потому отстал от конвоируемого и потерял его из виду. Чжан Цянь и хозяин гостиницы тоже дали показания, правдиво рассказав обо всем, что было.

Правитель области не мог прийти к какому-либо определенному решению. «Женщина так плачет и убивается... похоже, что она говорит правду. С другой стороны, Чжан Цянь и Ли Вань не сознаются в преступлении...» — размышлял он про себя и в конце концов пришел к тому, что приказал запереть всех четверых в пустой комнате, а себе велел подать паланкин и отправился к начальнику канцелярии Фэну послушать, что тот ему скажет.

Когда Фэну доложили, что явился правитель области, он поспешил к нему навстречу и провел его в гостиную. После чая правитель области заговорил о деле Шэнь Сяося.

Но стоило ему произнести это имя, как Фэн, зажав уши, заявил:

— Это же враг господина министра Янь Суна. Я хоть учился с отцом Шэнь Сяося, но никаких отношений с ним не поддерживаю. Прошу вас больше не

говорить об этом человеке, а то семья Яней может узнать, и, чего доброго, привлекут к ответу и меня.

С этими словами он встал и произнес:

— Поскольку у вас, уважаемый, есть дела, не смею, конечно, вас задерживать.

Начальнику уезда, крайне смущенному, ничего не оставалось, как откланяться.

«Раз господин Фэн так боится Яней, — рассуждал он, сидя в паланкине, — то Шэнь Сяоя, безусловно, не у него. Возможно, что Шэнь Сяоя действительно убит конвоирами. Кто его знает! А может быть, он и явился к Фэну, а тот не пожелал его принять, и он ушел к кому-нибудь из других своих знакомых».

Возвратясь в ямэнь, правитель области снова велел привести всех задержанных и прежде всего обратился к Шунью:

— У твоего мужа есть здесь кто-нибудь из знакомых, кроме начальника канцелярии Фэна?

— Больше никаких знакомых здесь нет.

— В какое время твой муж ушел? Когда вернулись конвоиры и сказали тебе, что муж твой исчез?

— Муж ушел вчера, перед полуднем, ушел вместе с Ли Ванем, — отвечала Шунью. — К вечеру другой конвоир, Чжан Цянь, под предлогом, что хочет их поторопить, тоже ушел в город; вернулся он, когда уже совсем стемнело, и сказал мне буквально следующее: «Ли Вань и твой муж заночевали у начальника канцелярии Фэна; завтра с утра я пойду поторопить их». Чжан Цянь ушел утром сегодня, целых полдня где-то пропал, а вернулись они вдвоем, без мужа. Так кто же, если не они, прикончили его! Ведь если бы моего мужа не оказалось в доме Фэна, Ли Вань еще вчера бросился бы на поиски, да и Чжан Цянь всполошился бы. А он, наоборот, принялся меня успокаивать. Тут все ясно. Наверняка они еще в пути обо всем договорились и решили, что Ли Вань ночью его убьет. Сегодня утром, когда Чжан Цянь пошел в город, они вместе закопали труп, а вернувшись, сказали, что муж убежал. Прошу вас, благороднейший господин начальник, разобраться это дело по справедливости.

— Да, пожалуй, ты права, — заявил правитель области.

Чжан Цянь и Ли Вань хотели было что-то сказать в свое оправдание, но начальник области обрुшился на них:

— Вы — служащие ямэня. Чем же вы занимаетесь! Если вы и не убили его, как задумали, то уж наверняка отпустили за деньги. Что тут оправдываться?! — закричал начальник и тут же приказал дать каждому по тридцать палок.

Били их так, что у Чжан Цяня и Ли Ваня треснула кожа, ручьем полилась кровь, но никакой вины за собой они не признавали.

Шунюй при этом стояла в стороне и горько плакала.

Начальнику области стало жаль ее, и он велел зажать конвоиров в тиски.

Но конвоиры действительно не убивали Шэнь Сяося и потому, невзирая на боль, которую им причиняли пытки, конечно, все отрицали. Дважды их зажимали в тиски, но признания от них так и не удалось добиться. Правитель области хотел было приступить к третьей пытке, но Чжан Цянь и Ли Вань, которые были уже не в силах переносить мучения, взмолились.

— Правда же — Шэнь Сяося не умер, — говорили они. — Просим вас, господин начальник, назначить нам срок, дать нам сопровождающих, и мы найдем его и вернем жене.

Так как у правителя не было определенной уверенности, что Сяося убит, ему ничего не оставалось, как согласиться. На поиски Шэнь Сяося он дал пятидневный *отчетный срок и назначил четырех молодых сопровождающих Чжан Цяня и Ли Ваня; Шунюй он пока отправил в женский монастырь; хозяина гостиницы отпустил. О ходе дела и принятых решениях было написано подробное донесение инспектору, и тот одобрил принятые меры.

Чжан Цяня и Ли Ваня сковали одной цепью, и четверо молодых поочередно водили их по городу. Деньги, которые были при них, молодцы отобрали, и даже японский нож и тот пропили. Цзинин был город большой, народу приезжало и уезжало десятки тысяч — где было в таком городе отыскать Сяося! Для них это просто был выход хоть на время избавиться от мучений.

Шунюй тем временем спокойно жила в монастыре. Но каждые пять дней она неизменно являлась в ямэнь к правителю области, плакала, убивалась, и тому ничего не оставалось, как в каждый отчетный срок избивать Чжан Цяня и Ли Ваня. Так повторялось раз десять. За это время им столько дали палок, что и не сосчитать. Бывшие конвоиры уже едва волочили ноги, и вскоре

один из них, Чжан Цянь, заболел и умер. Ли Ваню в конце концов пришлось пойти к Шунюй в монастырь и умолять ее смилостивиться.

— Я уже доведен до того, что больше скрывать не в силах,— говорил он Шунюй.— Дело было так, что когда нас послали за Сяося, секретарь Цзинь Шао на словах передал нам распоряжение губернатора Ян Шуня, чтобы мы в пути убили вашего мужа, достали свидетельство от местных властей о том, что он умер от болезни, и вернулись бы в Баоань и отчитались. Хотя мы и согласились, но совершить такое мы, конечно, не могли. А почему ваш муж вдруг сбежал, мы действительно к этому никакого отношения не имеем — небо тому свидетель.— Если я хоть слово солгал, погибнуть всему моему семейству! Начальник теперь каждые пять дней требует отчета; мой напарник Чжан Цянь умер под палками; погибну и я, и будет еще одной несправедливостью больше. Ведь муж ваш действительно жив, и вы еще встретитесь с ним. Прошу вас, не ходите больше плакать и жаловаться в ямэнь, тогда мне смогут дать срок подлиннее, и я уцелею. Это будет благодетельным поступком с вашей стороны!

— По твоим словам, выходит, что мужа вы не убили,— отвечала Шунюй.— Трудно тебе поверить. Но все же, раз ты так говоришь, я не буду ходить жаловаться, чтобы ты мог спокойно разыскивать мужа. Но только ты старайся, будь внимательным и не ленись.

— Да, да, конечно,— несколько раз повторил в ответ Ли Вань и ушел.

Можно привести стихотворение по этому поводу:

*За двадцать ланов серебра
решились пойти на убийство,
Но ждать не ждали, что в пути
от них сокроется жертва.
Не в силах больше переносить
бессчетных пыток, побоев,
Идет Ли Вань в монастырь,
у женщины просит пощады.*

Надо сказать, что правитель дал такой короткий отчетный срок для розыска Сяося по двум причинам: во-первых, дело было в том, что Сяося был важным преступником, которого затребовал сам губернатор Сюаньфу; во-вторых, о Сяося непрерывно напоминала Шунюй, которая без конца приходила в ямэнь, плакала

и молила ускорить поиски. Но на этот раз Ли Ваню не суждено было погибнуть — помог случай.

Пока Ян Шунь и Лу Кай в надежде получить повыше титулы и побольше почестей только и заняты были тем, что судили да рядили, как угодить Янь Суну и Янь Шифаню, один цензор по военному ведомству, некий У Шилай, возненавидев Ян Шуня за то, что тот губил простой народ, уничтожал беженцев и доносил об этом как о победе, написал доклад императору, где подробно изложил, как обстояло дело. В докладе он обвинял также и Лу Кая как соумышленника Ян Шуня и соучастника его преступлений.

Как раз в эти дни император совершал торжественное моление о благодатном правлении. Узнав, что убивают ни в чем не повинный народ, наносят страшный вред миру и согласию в стране, император был крайне возмущен. Он тут же дал распоряжение охранным войскам взять виновных и доставить их на следствие в столицу. Неожиданный гнев императора лишил Янь Суна возможности заступиться за них, но все же, благодаря его вмешательству, Ян Шунь с Лу Каем отделались только лишением всех званий и должностей. Вот вам и презренные Ян Шунь и Лу Кай: убивали людей, строили людям козни — а толку что? Выставили себя на посмешище другим, и все тут.

Теперь дальше. Когда до правителя области, господина Хэ, дошел слух о том, что Ян Шуня сняли с поста, он потерял интерес к делу Шунюй; к тому же сама Шунюй больше не являлась жаловаться, из двух конвоиров один умер, а оставшийся в живых Ли Вань не переставал молить, чтобы его пощадили. Кончилось тем, что правитель области велел снять с Ли Ваня оковы, дал ему грамоту на розыски беглеца по всей стране и только на словах приказал проявить усердие в этом деле — ясно было, что правитель просто освобождал его. Ли Вань принял грамоту так, словно ему вручили указ о помиловании, много раз до земли поклонился начальнику, вышел из ямэня и бросился бежать — только пыль вилась вслед за ним. Денег у Ли Ваня не было, и ему пришлось добираться домой, прося подаяния. Но оставим его.

Несколько месяцев провел Сяоя в потайном помещении в доме Фэна. О происходящих событиях он был осведомлен через господина Фэна, который все разузнавал, а затем сообщал ему. Сяоя знал, что Шунюй

живет пока в монастыре, и в душе был очень этому рад. Через год ему уже было ясно, что ни Чжан Цяня, ни Ли Ваня больше не существует и что дело постепенно заглохло. Фэн в своих внутренних покоях устроил для Сяося отдельный кабинет из трех комнат, чтобы его гость мог там спокойно заниматься, и только не разрешал ему никуда выходить, так что никто из посторонних не знал, что Сяося живет у него. Трехгодичный срок траура господина Фэна к этому времени подошел к концу, но, чтобы не оставлять Сяося одного, он не вернулся на службу.

Незаметно пролетело восемь лет. В тот год умерла жена Янь Суна, госпожа Оуян. Янь Шифань, не пожелав сопровождать гроб матери на родину, уговорил отца просить у императора дозволения остаться в столице ухаживать за отцом; а получив разрешение, невзирая на траур, развлекался со своими женами и наложницами, дни и ночи пьянствовал и веселился. Император сам был очень почтительным сыном и потому, когда узнал о поведении Шифаня, остался крайне этим недоволен. Как раз в то время в столице появился некий чародей, по имени Лань Даосин, который обладал искусством гадать и предсказывать судьбу. Как-то раз император призвал его, велел ему обратиться к духам и спросить, хороши ли у него министры.

— Я призываю истинных богов неба, — докладывал императору Лань Даосин. — Они говорят прямо, без лести и прикрас. И если, паче чаяния, ответ не будет угоден вашему сердцу, прошу, ваше величество, не осуждать меня.

— Услышать правдивое слово неба — это как раз то, чего я и хочу. Каков бы ни был ответ, вы тут ни при чем, и винить вас я не буду.

Лань Даосин стал выводить магические знаки, и, когда начал произносить заклинания, гадательный прибор вдруг сам зашевелился и вывел следующие слова:

*«Высоки горы»
и «чужды травы» —
Отец и сын
теперь министры.
Луна и солнце
не светят больше,
Земля и небо
перевернулись».*

— Поясните, что это значит,— обратился император к Лань Даосину.

— Я невежествен и не понимаю,— ответил тот.

— Зато я понимаю,— сказал тогда император.— Если соединить иероглифы «гора» и «высокий», получится иероглиф «Сун», а если над словом «чуждый» написать «траву», выйдет иероглиф «Фань». Это намек на Янь Суна и на его сына Янь Шифаня. До меня уже давно доходят слухи, что, пользуясь своей силой и властью, Янь Сун и Янь Шифань чинят вред стране. А раз на это мне указали теперь и небесные духи, то я должен немедленно принять меры. Но только никому об этом ни слова.

— Не посмею, не посмею,— говорил Лань Даосин, кланяясь до земли, и, получив от императора вознаграждение, вышел.

С тех пор император стал постепенно отдалять от себя Янь Суна. Этим обстоятельством воспользовался цензор Цзоу Инлун и подал на высочайшее имя обвинительный доклад: *«Янь Шифань, опираясь на всесилие своего отца, торгует должностями и титулами; на его счету столько злодейских преступлений, что он заслуживает публичной казни. Отцу же его Янь Суну, который потакает злодею сыну, насаждает своих людей и отстраняет достойных, следует дать отставку, чтобы очистить правление»*. Обрадованный этим докладом, император вскоре повысил Цзоу Инлуна в должности. Янь Шифань был предан суду и приговорен к ссылке, а Янь Суну было предложено вернуться на родину. Через некоторое время поступило донесение от цзянсийского инспектора, цензора Линь Юня, в котором сообщалось о том, что Янь Шифань уклоняется от военных повинностей, живет у себя дома и безобразничает больше прежнего: грабит местных жителей, содержит проходимцев-головорезов, налаживает тайные связи с японскими пиратами и замышляет измену. Император специальным указом предписал представителям *трех судебных органов расследовать дело. Судьи доложили, что обвинения подтверждаются фактами, и Янь Шифань был немедленно казнен, а имущество его конфисковано. Янь Суна отправили в дом призрения. Все пострадавшие от козней Яней были полностью оправданы и восстановлены в правах.

Как только до Фэна дошла весть о казни Янь Шифаня, он сразу же сообщил об этом Сяося. Теперь уже

не было надобности держать Сяося взаперти, и он отправился в монастырь проведать Шунюй. Муж и жена, встретившись, бросились друг другу в объятия и зарыдали. Когда Шунюй отправилась с мужем в путь, она была на третьем месяце, а теперь ребенку, который родился в монастыре, исполнилось десять лет. Шунюй сама учила его грамоте, мальчик уже знал наизусть все *«Пятикнижие», и Сяося был безгранично счастлив.

Фэн теперь собирался в столицу за назначением на должность. Он предложил Сяося ехать с ним хлопотать о снятии обвинения с отца, а Шунюй пока поселить у него. Сяося согласился и вместе с Фэном отправился в Пекин.

В столице Фэн прежде всего нанес визит Цзоу Инлуну, который служил теперь помощником начальника Ведомства принятия прошений, и рассказал ему о горькой судьбе Шэнь Ляня и его семьи. Затем Фэн показал ему черновики прошения Сяося, и Цзоу Инлун обещал взять это дело на себя. На следующий день Сяося отнес жалобу на высочайшее имя в Ведомство принятия прошений. Вскоре последовал императорский указ: Шэнь Ляня, как пострадавшего в результате верной и преданной службы, посмертно восстановили в чине, а за честность и прямоту он был пожалован повышением в ранге на одну ступень; жене и сыновьям Шэнь Ляня разрешалось вернуться на родину; конфискованное имущество полностью возвращалось семье. Самому Шэнь Сяося, в связи с тем что он много лет был скоцаем на стипендии, разрешалось вступить в должность и давалось назначение на пост правителя уезда. В ответ на указ Сяося написал императору благодарственный доклад. В нем, помимо прочего, говорилось:

«Когда Шэнь Лянь, отец вашего покорного слуги, попал в Баоань и увидел, как тамошний губернатор Ян Шунь убивает невинный народ и выдает это за заслугу, он написал стихи, в которых выразил свое возмущение этим. Тогда цензор Лу Кай, получивший тайное распоряжение от Янь Шифаня, был послан инспектором в Датун и Сюаньфу. Вступив в должность, он действовал заодно с Ян Шунем, строя планы, как загубить отца. Кончилось тем, что они казнили моего отца, убили двух моих братьев, а сам я едва избежал смерти. Трупы невинно загубленных не были похоронены, и всему нашему роду угрожало полное истребление. Ни одна

семья не пострадала так жестоко, как наша. Ныне Янь Шифань казнен, а Ян Шунь и Лу Кай целы и невредимы и продолжают спокойно жить у себя на родине. Десятки тысяч убитых ими на границе ни в чем не повинных людей не отомщены, а трем неприкаянным душам из семьи вашего покорного слуги некому пожаловаться и излить свою обиду: боюсь, что такое положение не соответствует строгости законов и чаяниям людей».

Император одобрил доклад. Ян Шунь и Лу Кай были доставлены в столицу, приговорены к смертной казни и в ожидании приведения приговора в исполнение посажены в тюрьму.

Сяося зашел проститься с Фэном: он собирался поехать в Юньчжоу за матерью и младшим братом Чжи, чтобы перевезти их в столицу и поселить где-нибудь недалеко от дома Фэна; после этого намеревался поехать в Баоань, разыскать останки отца и перевезти их на родину, чтобы там похоронить.

— Я как раз недавно получил известие из Юньчжоу, — сказал Фэн, когда Сяося посвятил его в свои планы. — Твоя матушка пребывает в добром здравии, а твой младший брат Чжи уже стал сюэем и учится там же, в Юньчжоу. За ними я сам пошлю кого-нибудь, а ты без промедления отправляйся искать останки отца. Это сейчас важнее, с матушкой встретишься здесь, когда вернешься.

Сяося так и сделал: сразу же отправился в Баоань, где два дня подряд безуспешно разыскивал останки отца. На третий день, измученный, он присел возле ворот какого-то дома. Из дома вышел старец и пригласил его выпить чаю. В гостиной Сяося сразу же обратил внимание на висевший на стене свиток. На свитке были наклеены два доклада Чжугэ Ляна, переписанные от руки; в конце текста стояла только дата, подписи переписывавшего не было. Сяося не мог оторвать глаз от свитка.

— Почему вы так смотрите на этот свиток? — обратился к нему старец.

— Позвольте узнать, чья это рука?

— Это кисть моего покойного друга Шэнь Ляня.

— А каким образом свиток очутился у вас?

— Меня зовут Цзя Ши, — сказал старец. — В свое время, когда Шэнь Лянь был сослан в наши края, он жил здесь, у меня. Мы с ним были очень дружны и побратались. Потом его постигла страшная участь. Я бо-

ялся, как бы и меня не привлекли к ответу, и бежал в Хэнань. Оба эти доклада я взял с собой и наклеил на свиток. Я часто разворачивал его, смотрел на доклады, и тогда мне казалось, что я вижу перед собой своего старого друга. Когда губернатор Ян Шунь ушел с поста, я решил вернуться на родину. Жена моего друга, госпожа Суй, с малолетним сыном уехала в Юньчжоу, но я часто их навещаю. Недавно до меня дошли слухи, что с Янями наконец расправились, значит, мой друг будет оправдан и отомщен — я уже послал в Юньчжоу человека, чтобы сообщить им об этом. Я думаю, что скоро сын моего друга приедет за гробом отца, поэтому я повесил свиток в главном зале: если сын Шэнь Ляня явится, он признает почерк своего батюшки.

Услышав такое, Шэнь Сяося тут же повалился в ноги Цзя Ши.

— О благодетель наш!— воскликнул он, отбивая поклоны.

— Кто вы?— спросил Цзя Ши, поспешив подняться с колен незнакомца.

— Я — Шэнь Сяося, и доклады на этом свитке написаны рукой моего покойного отца.

— Мне говорили, что Ян Шунь послал людей, чтобы арестовать вас и доставить сюда — ведь он собирался уничтожить весь ваш род,— говорил старик.— Я думал, что и вас постигла та же участь. Как же вам удалось уцелеть?

Тут Шэнь Сяося рассказал подробно обо всем, что произошло в Цзинине.

— Поразительно! Поразительно!— восклицал Цзя Ши, слушая его рассказ.

Затем он тут же велел слугам приготовить для гостя обед.

— Вы, наверно, знаете, благодетель, где находится гроб отца,— сказал Сяося.— Очень прошу вас указать мне это место, чтобы я мог поклониться праху покойного батюшки.

— Ваш отец погиб в тюрьме. Я выкрал из тюрьмы его тело, тайком похоронил и никогда не решался кому бы то ни было говорить об этом. Вот теперь наконец, когда вы приехали, чтобы увезти на родину его останки, я вижу: старания мои не пропали даром.

Только они собрались пойти на могилу Шэнь Ляня, как увидели, что к дому верхом на лошади подъезжает молодой человек.

— Какое счастливое совпадение!— воскликнул Цзя Ши.— И ваш брат как раз приехал!

Это и был Шэнь Чжи, младший брат Сяоя. Юноша сошел с коня, и они поздоровались.

— Это твой старший брат Сяоя,— сказал Цзя Ши молодому человеку, указывая на Сяоя.

Только теперь младший и старший братья впервые увиделись, и им казалось, что это сон. Обняв друг друга, они разрыдались.

Все трое отправились на могилу Шэнь Ляня. Цзя Ши шел впереди, указывая дорогу. Перед еле заметным холмиком, густо заросшим травой, Цзя Ши остановился и приказал братьям совершить земной поклон. Рыдая, Сяоя и Чжи опустили на землю. Цзя Ши стал их успокаивать.

— Нам надо обсудить одно важное дело, не надо так убиваться!— говорил Цзя Ши и продолжал:— Дело в том, что обоих ваших братьев тоже убили в тюрьме. К счастью, нашелся один добрый тюремщик, некий Мао, который сжалился над невинно загубленными и похоронил их в трех ли к западу от города. Самого Мао теперь уже нет в живых, но я знаю, где это место, и когда вы повезете на родину гроб вашего батюшки, возьмете и их останки, чтобы потом похоронить всех вместе. Как вы на это смотрите?

— Мы как раз так и хотели сделать,— отвечали братья.

В тот же день вместе с Цзя Ши они побывали на могиле братьев и долго не могли прийти в себя от горя.

На следующий день были заказаны гробы и выбран *благоприятный день, чтобы отрыть могилы и переложить тела.

Трое покойников выглядели как живые: сохранилось выражение лица, тела совсем не разложились. Так, конечно, могло быть лишь с людьми преданной и благородной души. О том, как рыдали братья, нечего и говорить.

И вот гробы погрузили на повозку, братья стали прощаться с Цзя Ши и собираться в путь.

— А этот свиток я хотел бы просить вас отдать мне,— обратился Сяоя к Цзя Ши, когда они прощались.— Я бы взял его с собой и повесил в нашем родовом храме. Прошу вас не отказать мне.

Цзя Ши тут же снял свиток и подарил его братьям.

Те земно поклонились, поблагодарили Цзя Ши и в слезах простились с ним.

Шэнь Чжи поехал сопровождать гробы. Он должен был добраться до Чжанцзяваня, где ему предстояло нанять джонку и погрузить на нее гробы, а Сяоя направился в Пекин. В столице Сяоя встретился с матерью, рассказал ей обо всем, зашел поблагодарить господина Фэна, а затем вместе с матерью стал собираться в Чжанцзявань.

В то время в столице не было чиновника, который не вспоминал бы благородного и преданного Шэнь Ляня и не восхищался бы Сяоя с матерью, собиравшимися в такую даль везти гробы, поэтому кто дарил им подорожные, кто деньги на похороны, кто на дорогу. Из всего этого Сяоя взял только одну подорожную и больше ничего.

Приехав в Чжанцзявань, Сяоя нанял на почтовой станции джонку, человек сто ее волочили, так что двигались они не быстро. Но вот в конце концов они добрались до Цзинина. Сяоя велел причалить и, оставив своих на джонке, сошел на берег и отправился в город к Фэнам. Здесь он сообщил близким господина Фэна, что глава их семьи благополучно здравствует в столице, взял с собой Шунью и сына и повел их на джонку. Мать с сыном прежде всего поклонились гробам, а затем госпоже Сюй. Увидев перед собой такого большого внука, та обрадовалась так, что и словами не передать. В свое время она думала, что вся семья погибла и некому будет продолжать их род, а вот теперь вышло, что и сыновья остались, и внук есть, враги умерли недоброй смертью, а муж и сыновья отомщены. Справедливость неба очевидна: злодеи все-таки кончают плохо, а хорошие люди в конце концов благоденствуют.

Но оставим лишние разговоры.

Когда все они прибыли в Шаосин, тесть Шэнь Сяоя, господин Мэн Чуньюань, вместе с дочерью вышли встречать их за двадцать ли. Семья вновь воссоединилась, и были тут и радость, и слезы. На пристани собрались представители местной власти — они явились выразить свое соболезнование родным покойных. Имущество Шэнь Ляня к тому времени уже было полностью возвращено его семье.

Братья похоронили останки родных на родовом кладбище и в течение трех лет строго соблюдали траур, так что не было человека, который не считал бы их об-

разцом величайшей сыновней почтительности. Правитель области выстроил в честь Шэнь Ляня храм, где каждую весну и осень совершались жертвоприношения. Свиток с докладами Чжугэ Ляня, собственноручно переписанными Шэнь Лянем, и по сию пору висит в этом храме.

Когда истекли три года траура, Сяося отправился в столицу за назначением и получил должность правителя уезда. Правил он честно, был справедлив и дослужился до поста правителя области. Его сын совсем молодым выдержал экзамен и в тот же год, что и его дядя Шэнь Чжи, стал цзиньши. И в дальнейшем из поколения в поколение все их потомки были учеными людьми.

В столице люди помнили, как в свое время начальник канцелярии Фэн спас Шэнь Сяося, очень уважали его за благородство и твердость духа, и он был назначен начальником Палаты чинов. Однажды во сне к Фэну явился Шэнь Лянь и сказал: «Верховный владыка за мою преданность и прямоту пожаловал мне должность бога-покровителя города Пекина, а тебя теперь назначил богом-покровителем Нанкина. Завтра в полдень вступаешь в должность». Фэн проснулся в крайнем удивлении. На следующий день, в полдень, ему вдруг показалось, что за ним прислали паланкин, и он безболезненно скончался. Так оба друга стали божествами, и есть стихи, в которых говорится:

*У того, кто при жизни верен и честен,
и кости благоуханны.
Беспорочные духом себя прославляют
на десять тысяч годов.
А кто достоин предателем зваться,
в преисподнюю будет ввергнут.
Всевышнее небо так воздаёт
за высокое и за низость¹.*

Юй Боя,
скорбя о друге,
разбивает цитру

*Рассказ известен, как делился
золотом *Шуя;
Но кто оценит, как играл
на цитре Юй Боя?!
Теперь лукавства бес царит
в общении людей,
И безответно сердце светит
холоду морей.*

Издравле, рассуждая о дружбе, говорят, что не было крепче дружбы Гуань Иу и Бао Шуя. Когда они занимались торговлей и делили прибыль, Иу часто брал больше, но Шуя не воспринимал это как жадность, зная, что друг его беден. И когда случилось, что Иу попал в тюрьму, Шуя вызволил его и помог стать министром в княжестве Ци. Такие друзья — действительно хорошие друзья.

Но понятие «хорошие друзья» может быть передано разными словами. Так, людей, которых сближает благожелательное отношение друг к другу, взаимные услуги и помощь, называют «близкими друзьями»; тех, кто поверяет друг другу свои тайные думы, душу и сердце, называют «сердечными друзьями»; тех же, кто близок по духу, кого связывает общность влечений, мыслей и чувств, называют «понимающими звук». Однако обычно и тех, и других, и третьих называют просто «хорошими друзьями».

Сейчас я расскажу историю Юй Боя. Те из вас, уважаемые, кто желает послушать, приблизьте уши и вникайте, а кто не желает, может поступать, как ему будет угодно, ибо

*Говорит понимающий звук —
понимающий звук его слушает;
Если рядом не звук понимающий —
значит, не с кем тогда разговаривать.*

Итак, во времена *Воюющих царств жил один известный тогда человек, по фамилии Юй, по имени Жуй. *Второе имя его было Боя, а родом он был из Ин, столицы княжества *Чу — города, что в нынешнем округе Цзинчжоу, в Хугуане. И хотя Боя был уроженцем Чу, служебная звезда привела его в княжество Цзинь, где он достиг должности советника. Как-то Боя по повелению властителя Цзинь отправился послом в княжество Чу. Надо сказать, что Боя и сам добивался этого назначения: во-первых, он считал, что «талант не подведет доверия владыки», а во-вторых, хотел воспользоваться случаем, чтобы взглянуть на родные места и, таким образом, «из дела одного извлечь двойную пользу».

Добравшись сушей до Ин, Боя представился князю и доложил о возложенном на него поручении. Князь устроил в честь Боя пир и оказал ему знаки величайшего уважения.

Очутившись в родном городе, Боя, разумеется, побывал на могилах предков и навестил друзей. Но, как говорится, «каждый служит своему владыке», и Боя, помня о своей миссии, не смел долго задерживаться. Как только с делами было покончено, он нанес прощальный визит чускому князю. Тот одарил его золотом, парчой и распорядился, чтобы почетному гостю приготовили колесницу и заложили четверку лошадей. Но Боя, который двенадцать лет назад покинул княжество Чу, мыслью тянулся к великолепию гор и рек родной страны. Чтобы вволю налюбоваться ими, он решил ехать кружным путем по воде и потому сказал чускому князю:

— Слуга ваш, к сожалению, нездоров, ему не перенести езды в повозке и быстрого бега коней. Прошу одолжить вашему слуге лодку, чтобы он мог поехать по воде и за время пути немного окрепнуть.

Князь внял его просьбе и велел снарядить два судна. Одно предназначалось лично для посла цзиньского государства, другое — для слуг и вещей. Это были прочные суда с расписными веслами, парчовыми навесами и высокими парусами. Сановники княжеского двора проводили Боя и расстались с ним у самой реки.

*Тому, кто ищет для себя
диковин и красот,
Нужны ли гор далеких высь,
безбрежье вод?*

Боя был человеком одаренным, возвышенной души, а потому великолепие природы, прелестные виды гор, рек захватили его полностью. И, плывя под развернутым парусом по скатам лазурных волн, он без конца любовался бирюзою далеких гор и светлым простором спокойных вод. Через несколько дней он достиг Янцзы возле Ханьяна, и было это пятнадцатого числа восьмого месяца, в *день осеннего полнолуния. Вечером внезапно налетел неистовый ветер, поднялись волны и стремительным потоком обрушился дождь. Продвигаться вперед не было уже никакой возможности, и суда пристали к берегу возле утеса. Но вскоре ветер стих, волны улеглись, дождь прекратился, из-за туч выплыла полная светлая луна. Как всегда после дождя, она сияла необыкновенно ярко.

Боя сидел в каюте один и не находил, чем занять себя. «Сыграю что-нибудь на цитре, чтобы развеять душевную тоску», — решил он и велел прислуживавшему отроку возжечь благовонные свечи. Мальчик возжег курения, принес цитру и положил ее на маленький столик. Боя открыл футляр, подкрутил колки, настроил цитру и заиграл. И не успел он закончить мелодию, как под пальцами с резким звуком оборвалась струна. Ошеломленный, Боя приказал мальчику узнать у кормчего, где они остановились. Оказалось, что судно пристало к подножию утеса, что на берегу есть какая-то растительность, деревья, но нигде не видно людского жилища.

— Пустынные горы! — в крайнем изумлении воскликнул Боя и подумал: «Будь здесь город или поселок, можно было бы предположить, что какой-нибудь умный, образованный человек подслушивал мою игру на цитре и потому звук ее вдруг изменился и так странно порвалась струна. Но откуда взяться такому слушателю здесь, возле этого пустынного утеса?.. Ага! Знаю! Вероятно, враги подослали убийцу, или, может быть, это разбойники, выжидающие позднего часа, чтобы проникнуть на судно и ограбить меня». — Эй, люди! — позвал Боя. — Осмотреть берег! Кто-то здесь есть, если не в гуще ив, то в чаще камышей!

Слуги собрали людей и уже готовы были ринуться на берег, как вдруг с берега донесся голос:

— Уважаемый сударь в лодке! Не извольте подозревать чего худого. Я, ничтожный, вовсе не грабитель и не вор, я — дровосек. Я был в лесу, и поздно

вечером меня застиг внезапный ливень и страшный ветер. Накидка меня не защищала от дождя, и я укрылся под утесом. Тут я, услышав, как вы играли, немного задержался, чтобы внять звукам цитры.

Боя расхохотался:

— Какой-то дровосек — и смеет говорить «внять звукам цитры»! Ну, ладно, правда или ложь в твоих словах, доискиваться я не стану. Люди! Пусть идет прочь!

Но человек не уходил.

— Сударь, вы не правы, — сказал он громко. — Вам разве не известно, что «в селении из десяти дворов всегда найдется человек и преданный, и честный», что «если в доме благородный человек, к нему извне придет достойный»! И если вы с презрением говорите, что в горной глуши некому цитре внимать, то у пустынного берега в этот час ночной и играть, казалось бы, некому было на цитре.

Боя обратил внимание, что человек этот говорит не просто, и подумал: «А кто его знает, может быть, он действительно понимает музыку и на самом деле слушал мою цитру?»

— Ладно, оставьте его! — сказал тогда Боя слугам, а сам подошел к дверям каюты и тоном, в котором уже не было гнева и звучала приязнь, спросил: — Господин, находящийся на берегу! Если вы задержались только для того, чтобы послушать цитру, то, может быть, и знаете, что за мелодию я исполнял?

— Если бы не знал, то вряд ли стал бы слушать, — отвечал человек. — То, сударь, что вы играли, — «Скорбь *Конфуция по *Янь Хуэю». Слова же песни таковы:

*Как жаль, что окончил рано Янь Хуэй
краткий свой жизненный век.
Думы о нем не могу я оставить,
виски побелели, как снег.
Он с чашей неполною в хижине бедной
счастье умел находить...*

Но на этой фразе струна оборвалась, и вы не успели сыграть последнюю строку. Я помню ее:

*И имя оставил потомству навеки,
как мудрый, святой человек.*

Услышав это, Боя пришел в восторг.

— Уважаемый! Да вы на самом деле не из невежд простых. Однако вы — на берегу, я — здесь, на судне; так разговаривать нам неудобно,— сказал он и распорядился:— Эй, положите сходни, приготовьте поручни и просите господина подняться на судно.

Слуги положили сходни, и когда человек поднялся на судно, все увидели, что это действительно дровосек: на голове плетеная шляпа, на плечах травяной плащ, в руках *коромысло, за поясом топор, а на ногах соломенные сандалии. Где там было слугам разбирать по его речи, кто он и что он. Они видели перед собой самого обычного дровосека, смотрели на него свысока и даже прикрикнули на него:

— Ты, дровосек! Пойдешь в каюту к нашему господину. Смотри, будет что спрашивать, отвечай как следует! Особа важная!

Но дровосек попался какой-то странный.

— Уважаемые,— сказал он,— не нужно быть такими грубыми. Позвольте оправить одежду, а уж потом представиться.

Дровосек снял плетеную шляпу — голова его оказалась повязанной синим платком; скинул дождевой плащ — на теле длинная рубаха из грубой темно-синей ткани, поверх нее широкий пояс, стягивающий талию; холщовые штаны. Не торопясь, сложил он у двери плащ, шляпу, топор и коромысло, снял сандалии, стряхнул с них грязь и, надев их снова, спокойно вошел в каюту.

На столе перед хозяином ярко горели свечи. Дровосек низко поклонился, не став, однако, на колени, и сказал:

— Приветствую вас, высокопочтенный сударь.

Но что мог значить в глазах Боя, знатного сановника княжества Цзинь, человек в простой рубахе и грубых штанах? Сойти с места и ответить приветствием? Это значило бы утратить подобающее сану приличие. Выгнать — неудобно: ведь сам пригласил. И Боя, не зная, как быть, чуть приподнял руку.

— Прошу без этикета, почтенный друг,— сказал он и велел отроку подать табурет.

Мальчик принес табурет, поставил его в стороне от стола, не на почетном месте, и Боя, не считаясь с должными приличиями гостеприимства, скривил губы, взглянув в сторону табуретки, и сказал:

— Присядь-ка.

В обращении на «ты» уже проявилось все пренебрежение Боя к гостю. Но дровосек спокойно сел на табурет без обычных учтивостей и церемоний.

Видя, что тот уселся без единого слова вежливого самоуничижения, Боя проявил некоторое раздражение и недовольство. Поэтому, не осведомляясь о фамилии и имени гостя, не приказывая слугам подать чай, он долго сидел молча и наконец, удивленный, спросил:

— Так это ты с берега «звукам цитры внимал»?

— Нескромно говоря, конечно,— ответил дровосек.

— Так вот я хочу спросить тебя,— сказал Боя.— Ты говоришь, что задержался, чтобы послушать цитру. Если так, то, может быть, ты знаешь о происхождении ее? Может быть, знаешь, кем она сделана, что хорошего в ее игре?

В это время явился кормчий.

— Ветер благоприятный,— доложил он.— Луна. Светло, как днем. Можно отчаливать.

— Подождите,— ответил Боя.

Но дровосек сказал:

— Высокопочтенный сударь, вы изволили удостоить меня, ничтожного человека, вопросом. Однако я боюсь, что невразумительными и многословными рассуждениями могу задержать вас и вы упустите попутный ветер.

— А я боюсь, что ты не знаешь основ игры и устройства цитры,— усмехнулся Боя.— Но, окажись в твоих суждениях смысл, лишиться сана сочту за дело небольшое, а уж о том, раньше или позже пуститься в путь, беспокоиться тем более не стану.

— Если так,— ответил дровосек,— тогда я могу позволить себе нескромность начать. Цитра впервые была выточена древним *Фу Си. Он видел, как животворное начало великих звезд пало в полете на древний платан и как парюю фениксы слетели на дерево это. А феникс — царь среди птиц. Обитает он на платане, вкушает лишь плод бамбука и пьет из источников сладких. Фу Си знал, что платан — одна из отменных пород дерева. А теперь, когда платан воспринял животворное начало природных сил, он становился вполне пригодным для выделки музыкального инструмента. И Фу Си повелел срубить его. Высотой дерево было в тридцать *чи, что соответствовало *небу тридцати трех. Фу Си рассек его на три части соответственно трем созида-

тельными силам в природе — небу, земле и человеку, затем ударил по верхней части и прислушался. Звук был слишком звонок. Фу Си счел эту часть легкой и отверг. Он ударил по нижней части — звук был слишком глухим. Фу Си нашел эту часть тяжелой и от нее тоже отказался. Тогда он ударил по средней части — звук подходил по звонкости и чистоте. Он положил этот кусок в вечнотекущую воду и вымачивал его семьдесят два дня сообразно *семидесяти двум периодам года. Потом он вынул дерево и высушил его в тени. Выбрав *счастливейший день и час, он с помощью искусного мастера Лю Цзыци разрезал дерево и выточил из него цитру. И так как это был музыкальный инструмент *Яшмового пруда, то Фу Си называл его янтарной цитрой. Длинной цитра была в триста шестьдесят один *фэнь, что соответствовало тремстам шестидесяти одному градусу окружности неба. Передний конец ее был шириной в восемь *цуней, соответственно *восьми периодам года, задний — шириною в четыре цуня, сообразно четырем временам года. Толщиной цитра была в два цуня сообразно двум началам природы — земле и небу. И было основание цитры в виде головы *Золотого отрока, середина — в виде талии *Яшмовой девы, а конец — в виде чела бессмертного гения. И были на ней *«пруд дракона» и «бассейн феникса», колки из яшмы и золотые перекладки. Перекладин было двенадцать по числу двенадцати месяцев в году, и была еще одна перекладка, соответствовавшая *високосному месяцу.

Сначала на цитре было пять струн. Число их соответствовало пяти элементам: металлу, дереву, воде, огню, земле и *пяти музыкальным тонам: гун, шан, цзюэ, чжи, юй. На пятиструнной цитре часто играли *Яо и Шунь, напевая *стихи о южном ветре, и в мире тогда царил великий порядок.

Затем, когда князь *Вэнь-ван находился в заключении в Юли, он, оплакивая сына своего Бо Икао, добавил одну струну, и полились чистые звуки глубокой печали и безысходной тоски. Струну эту называли струною Вэнь. Когда же *У-ван шел походом на Чжоу, то песнь раздавалась в войсках и ликование было в народе. И вот тогда добавлена была еще одна струна, и родились мощные звуки взлета чувств, звуки боевого подъема. Струну эту называли струною У. Таким образом, к первоначальным пяти струнам добавились еще две,

и называть эту цитру стали семиструнной цитрой со струнами Вэнь и У.

Цитра эта требует соблюдения шести запретов, семи воздержаний и обладает восемью совершенствами.

Шесть запретов — это: не подвергать сильному холоду, большой жаре, бушующему ветру, бурному ливню, треску грома и обильному снегу. Семь воздержаний — это: по мертвым плачут — не играй; играют, слышишь — не играй; хлопчешь, занят — не играй; без омовения — не играй; одет небрежно — не играй; не возжег курений — не играй; непонимающим — не играй.

А восемь совершенств — это непревзойденная выразительность звуков цитры, в которых бесподобны: чистота, звучность, таинственность, изящество, грусть, величие, тоска, размеренность.

И когда искусной игрой на такой цитре достигается высшая красота ее звучания,

*Умолкает ревущий тигр,
Обезьяний стихает крик.*

Вот в этом и сказывается сила *классической музыки!

Боя видел, как свободно и легко дровосек говорит о цитре, но все еще сомневался, не овладел ли он этими знаниями понаслышке. «А если и так,— подумал он,— все-таки надо отдать ему должное!» И Боя решил еще раз испытать дровосека.

Теперь, обращаясь к нему уже не на «ты», как раньше, а на «вы», Боя спросил:

— Раз вы знаете, высокоуважаемый, основы музыки, то скажите. Как-то раз, когда Конфуций играл на цитре, к нему пришел Янь Хуэй. Еще с улицы Янь Хуэй уловил что-то мрачно-тяжелое в звуках цитры. Ему почудилась в них жажда убийства. Удивленный, Янь Хуэй спросил об этом учителя. Конфуций ответил: «Когда я сейчас играл, я заметил, что кошка ловит мышь. Мне хотелось, чтобы кошка схватила ее, и я боялся, что она ее упустит. Вот в звуках цитры и выразилась эта жажда убийства». Из этого видно, в какие тонкости музыки углублялась школа мудрого философа. Так вот скажите, если бы я, чиновник скромный, стал играть и в сердце моем были бы думы о чем-то, смогли бы вы, высокоуважаемый, уловить их в звуках цитры?

Дровосек ответил:

— В *«Песнях Мао» сказано:

*Когда другой возымеет думу,
Стараюсь примериться к ней.*

Попробуйте, высокопочтенный сударь, сыграйте, а я, ничтожный, буду отгадывать, как подскажет чувство. Но если не угадаю, благоволите не прогневаться.

Боя натянул порвавшуюся струну и погрузился в думу. Мысль его устремилась к горным высотам, и он тронул струны.

— Да! Хорошо!— воскликнул дровосек.— Возвышенно, величественно!.. Ваши мысли в высоких горах.

Боя ничего не ответил. Он опять сосредоточился, представил себе текущие воды и снова ударил по струнам.

— Да! Красиво!— с восхищением отозвался дровосек.— Струющаяся плавность! Ваши мысли в текущей воде.

В этих двух ответах каждый раз угадывались сокровенные мысли Боя. Пораженный, Боя отстранил цитру и встал, приветствуя гостя, как подобает хозяину.

— Простите! Простите!— восклицал он.— Да, это тот случай, когда в камне сокрыта бесценная яшма. И если бы по внешнему виду судили о людях, то сколько талантов было бы в мире загублено. Сударь, ваша уважаемая фамилия и ваше благородное имя?

Дровосек склонился и ответил:

— Я, ничтожный, ношу фамилию Чжун, имя мое — Хуэй, второе имя — Цзыци.

— Итак, значит, господин Чжун Цзыци,— произнес Боя, сложив для приветствия руки.

— А ваша высокая фамилия и место вашего почетного назначения?— в свою очередь осведомился Цзыци.

— Скромный чиновник Юй Жуй,— ответил Боя.— Служу при цзиньском дворе и прибыл в вашу уважаемую страну посланником от цзиньского князя.

— Оказывается, передо мной высокопочтенный господин Боя,— произнес Цзыци.

Теперь Боя усадил Цзыци на почетное место гостя, а сам занял место потчующего хозяина и приказал мальчику подать чай. После чая, велел принести вина, он сказал:

— Хочу воспользоваться вином как предлогом, чтобы продлить беседу с вами. Прошу не пренебречь ничтожностью простого угощения.

— Смею ли!— отозвался Цзыци.

Мальчик убрал цитру, и они сели за вино.

— Поговору вы, конечно, уроженец Чу, не знаю только, в какой именно местности находится ваша почтенная обитель,— начал Боя.

— Неподалеку отсюда,— отвечал Цзыци.— Деревня *Цзисянь, в горах Мааньшань, и будет та самая глушь.

— Деревня Цзисянь,— повторил Боя и одобрительно кивнул головой.— Действительно, «собрание талантов». А каково же ваше благородное занятие?

— Рубкой дров я занимаюсь,— ответил Цзыци.

Боя усмехнулся.

— Господин Цзыци,— обратился он к гостю,— я простой чиновник и в своих словах не должен был бы выходить за пределы дозволенного, но разрешу себе нескромность заметить, что на вашем месте я не избрал бы себе такой участи. Почему бы вам с вашими дарованиями, с вашими знаниями не добиваться почестей и славы, не занять должного места при дворе и не оставить в истории своего имени? Почему, напротив, вы ограничиваете свои стремления и мечты лесами и ручьями, допускаете, чтобы следы ваши терялись среди следов простых дровосеков и пастухов, почему пропадаете здесь в безызвестности?

— По правде говоря,— сказал Цзыци,— в семье нашей лишь престарелые родители мои да я. Живу я жизнью дровосека, чтобы провести возле отца и матери остаток лет их, и на должность, будь она сопряжена со всеми почестями княжеского званья, не согласился бы променять и дня забот о стариках.

— Такая сыновья почтительность поистине редка!— воскликнул Боя.

Так за разговором шло время. Гость и хозяин, то один, то другой, поднимали чарки и любезно потчевали друг друга. Цзыци, как говорится, был «равно спокоен и при унижении, и при возвеличении», и Боя все больше и больше проникался к нему симпатией и уважением.

— Которая же это весна в цветущей вашей молодости?— спросил он у Цзыци.

— Попусту прожил уже двадцать семь лет.

— Я на десять лет старше вас, но если б вы не отказались скрепить союзом братским эту встречу и братьями впредь называться, то это было бы подлинной дружбой людей, понимающих звук.

Цзыци рассмеялся:

— Нет, высокопочтенный сударь, вы изволите заблуждаться. Вы — знаменитый вельможа высокой страны, я же — ничтожество какое-то из глухого края. Мне ли до вас тянуться так высоко и подвергать вас унижению, хотя бы самым снисхождением ко мне.

Боя ответил на это:

— «Знакомых всяких полон свет, но много ль близких нам друзей?» Скромный чиновник, я в заботах мечусь в мире сует и возможность близкой дружбы с человеком высокой души и большого таланта поистине считаю величайшим счастьем всей моей жизни. И если при этом вы говорите о богатстве и знатности, о бедности и простоте как о препятствиях к дружбе, то к какому же тогда разряду людей вы причисляете меня, Боя?

И, приказав отроку сменить свечи и вновь воскурить ароматы, они с Цзыци тут же, в каюте, преклонили колена. Боя как старший, Цзыци как младший торжественно поклялись отныне и впредь называться братьями и ни в жизни, ни в смерти не изменять этой дружбе.

Боя велел снова подать вина. Теперь уже Цзыци настоятельно предлагал Боя занять почетное место. Уступив Цзыци, Боя наконец переставил чарки, переложил палочки, и Цзыци занял место младшего. Обращаясь друг к другу, как брат к брату, они вели задушевную беседу. А ведь,

*Когда с тобой желанный гость,
не устает душа;
Коль слушает понявший звук,
беседе нет конца.*

Увлеченные разговором, они не заметили, как побледнела луна и поредели звезды. Начало светать. Люди на судне уже были на ногах — они налаживали паруса и снасти, готовясь в путь. Цзыци стал прощаться. Боя поднес другу чарку вина, взял его за руку, вздохнул и сказал:

— Дорогой брат, почему так поздно встретились мы с вами и почему должны так быстро расстаться!

У Цзыци невольно скатилась в чарку слеза. Он залпом выпил до дна, налил ответную чарку и поднес ее Боя. Оба чувствовали душевное влечение и привязанность друг к другу, и им жаль было расставаться.

— Душа остается с неудовлетворенными чувствами,— сказал Боя,— и хочется вас удержать, чтобы вместе попутешествовать хоть несколько дней. Скажите, возможно ли это?

— Мне очень хотелось бы сопровождать вас, но что поделаешь — родители мои стары, а ведь сказано: *«Покуда отец и мать живы, не уезжай далеко».

— Коль скоро ваши почтенные родители живы,— ответил Боя,— то возвращайтесь домой и сообщите им, что едете в *Цзиньян проведать меня. Это будет совсем как сказано дальше: «А коль уедешь, пусть знают, где ты».

— Не смею легкомысленно обещать вам и в конце концов не оправдать доверия,— ответил Цзыци.— Пообещав вам, брат мой, я должен буду выполнить уговор. Но представьте, что я не получу согласия родителей. Ведь я тогда заставлю вас где-то там, за тысячи *ли напрасно дожидаться меня и буду чувствовать себя еще более виновным перед вами, чем теперь.

— Да, вы действительно человек благородной и искренней души. Ну ладно, тогда я сам приеду навестить вас в будущем году.

— А когда именно, дорогой брат?— спросил Цзыци.— Скажите, чтобы я мог знать заранее и встретить вас.

Боя стал считать по пальцам:

— Прошлая ночь была праздником осеннего полнолуния, нынче будет шестнадцатое число восьмого месяца. Значит, приезд мой, дорогой брат, придется опять на самую середину осени, на пятнадцатый или шестнадцатый день месяца, вот тогда я и явлюсь с визитом к вам. Но если пройдет двадцатое и я не приеду, не явлюсь и в первых числах *последнего месяца осени, тогда считайте, что я не сдержал слова и перестал быть порядочным человеком.

Боя тут же велел занести в дневник название места, где живет Цзыци, а также день свидания с ним.

— В таком случае,— сказал Цзыци,— непременно буду в те дни стоять на берегу и почтительно ждать вас. Однако уже совсем рассвело, и я прошу позволить мне откланяться.

— Пойдите, брат мой!— сказал Боя и велел отроку принести два *и золота.

Просто, ни во что не обернув слитки, Боя поднес их Цзыци и сказал:

— Скромный дар этот пусть будет на какое-нибудь лакомство почтенным вашим родителям. Мы люди духовно близкие и ныне побратимы, а потому пренебрегать ничтожностью этого подарка вы не должны.

Отказаться Цзыци не посмел. Он принял золото, вновь откланялся и с полными слез глазами вышел из каюты. Взяв коромысло и шляпу, он заткнул за пояс топор, накинул плащ и по сходням перебрался на берег.

Боя, провожая Цзыци, стоял на носу судна и, роняя слезы, прощался с другом.

Не будем говорить о том, как возвратился домой Цзыци, а продолжим рассказ о Юй Боя. Удар гонга возвестил об отплытии, и судно отчалило. Но теперь Боя было уже не до того, чтобы любоваться величественною красотой гор и рек: на всем остальном пути он с тоскою в сердце вспоминал душевного друга.

Еще несколько дней плавания, и Боя покинул судно. Далее он следовал по суше. Там, где он проезжал, становилось известным, что едет советник княжества Цзинь, и никто не решался допускать промедления или пренебрежения: всюду его ждали повозки и кони. Так он добрался до самого Цзиньяна и явился с докладом к своему повелителю.

Время летело. Миновала осень, миновала и зима, как-то незаметно ушла весна и наступило лето; Боя не переставал думать о Цзыци. И вот наконец мысль, что близок праздник полнолуния, заставила его просить властителя княжества Цзинь разрешить ему на время оставить дела, чтобы съездить на родину. Князь изъявил свое согласие. Боя собрался в дорогу и решил снова отправиться кружным водным путем. Вступив на судно, он сразу же приказал кормчему докладывать о названии каждой бухты или стоянки.

Случилось, что как раз ночью пятнадцатого числа восьмого месяца кормчий доложил, что они подъезжают к Мааньшаню. Боя с трудом узнал место прошлогодней стоянки, где они встретились с Цзыци, и велел причалить. И вот

*На дно речное брошен якорь,
В берег вколочен прикол.*

Ночь была ясная, светлая. В каюту сквозь бамбуковый занавес у входа падал лунный луч. Боя велел мальчику поднять занавес, вышел из каюты и стал на носу.

Взирая на рукоять созвездия Ковша, глядя на отражение этого сердца небесного в глубинах вод и созерцая бесконечность неизмеримого пространства, ярко освещенного вечерним светилом, он вспомнил о прошлогодней встрече с другом, когда вдвоем они сидели при луне после бурного ливня.

«И вот я снова здесь, и опять великолепная выдалась ночь. Но он обещал ждать на берегу. Почему же никого не видно? Неужели он пренебрег обещанием? Ну да, понятно,— подумал Боя немного погодя.— Ведь мимо этих берегов проходит немало судов, а я в этот раз плыву на другом судне, откуда же ему знать, что я уже здесь? Надо сыграть. В прошлом году я привлек его игрою на цитре. Сыграю и нынче какую-нибудь мелодию. Если брат услышит, непременно придет».

Боя приказал мальчику поставить столик на нос судна, принести цитру и возжечь курения. И вот Боя достал из футляра цитру, стал подворачивать колки и настраивать струны. Но едва он провел рукою по струнам, как уловил звуки скорби и печали в тоне струны шан. Боя прекратил игру. «Какая унылая грусть и печаль в этих звуках! Не иначе как у брата дома горе. Ведь в прошлом году он говорил, что родители его в почтенном возрасте. Может быть, умер отец или скончалась мать. Как сын, с большим почтением относящийся к своим родителям, он, решая, что важнее, конечно, скорее нарушит слово, данное мне, нежели в такое время оставит дом. Поэтому, наверно, он и не пришел. Завтра с утра я непременно сам отправлюсь к нему и все разузнаю».

Тут Боя велел мальчику убрать цитру и столик и, спустившись к себе, лег.

Всю ночь Боя не спал. Он с нетерпением ждал, когда рассветет, но, как назло, не рассветало, ему хотелось, чтобы скорее занялась заря, но она все медлила. Он смотрел, как луна смещалась с бамбукового занавеса и как в конце концов из-за гор показалось солнце. Боя встал, умылся, причесался, оделся и велел отроку с цитрой сопровождать себя. На всякий случай Боя взял с собой десять и золота.

«Если брат в трауре, это будет поминальным подарком», — подумал он при этом. Сопровождаемый мальчиком, Боя сошел по сходям на берег и двинулся вперед узкой дорожкой. Пройдя около десяти ли, они вышли из ущелья. Здесь Боя остановился.

— Почему вы не идете дальше, господин? — почтительно спросил мальчик.

— На юг и на север тянутся горы, а с востока на запад проходит дорога. По ней можно направиться в любую сторону: и в ту, и в другую, — дорога большая, проезжая. Но, как знать, в какой стороне деревня Цзисянь? Подождем кого-нибудь из здешних, распросим толком, тогда и пойдем дальше.

Боя присел на камень передохнуть, а мальчик стал позади него.

Через некоторое время слева на дороге показался старик. Борода его свисала нитями яшмовой белизны, и волос завивался серебристым шелком. В соломенной шляпе, в грубой одежде, с посохом в левой руке, с бамбуковой корзинкой в правой, старик медленно шел по дороге.

Боя встал, оправил платье и шагнул ему навстречу с приветствием.

Старик, не торопясь, опустил на землю корзину, подняв руки, поприветствовал Боя и спросил:

— Что изволите приказать, сударь?

— Разрешите узнать у вас, в какую сторону надо идти по этой дороге, чтобы попасть в деревню Цзисянь?

— И в ту и в другую сторону дорога ведет к деревне Цзисянь; но по левую руку отсюда будет Верхняя Цзисянь, а по правую — Нижняя. От одной до другой тридцать ли по большому проезжему тракту. Если вы выйдете из долины, то окажетесь как раз на полпути от обеих деревень: в одну сторону пятнадцать ли и в другую — пятнадцать. Не знаю, в какую из этих деревень вам угодно попасть.

Боя молчал. «Брат ведь умный человек, — думал он про себя, — а поступил так бестолково. Ведь знал же, что здесь две деревни Цзисянь, значит, точно нужно было сказать — Верхняя или Нижняя».

Боя все стоял в нерешительности. Тогда старик сказал:

— Вы так задумались, сударь: по всей вероятности,

вам не объяснили, что здесь две деревни Цзисянь, так что вы теперь не знаете, в какую из них вам идти.

— Именно так,— ответил Боя.

— Видите ли,— начал старик,— в одной деревне всего лишь десять семей и в другой десять, и почти все они удалились от житейской суеты, скрываются от мира. Я прожил здесь много лет, а, как говорится,

*Когда проживешь
лет тридцать на месте одном —
Живущие там
все станут тебе родными.*

Так что все эти семьи если не родня мне, то уж друзья непременно. Вы, сударь, вероятно, направляетесь в деревню Цзисянь к какому-нибудь другу. Так назовите только фамилию и имя того, кого вы разыскиваете, и я вам скажу, в какой деревне он живет.

— Скромному ученику вашему,— ответил Боя,— нужно было бы попасть в дом Чжунов.

Когда старик услышал слова «дом Чжунов», из его подслеповатых глаз закапали слезы, и он проговорил:

— К кому-нибудь другому идти вы можете, а к Чжунам уж не стоит.

— Это почему?— в изумлении спросил Боя.

— Скажите, сударь, а кого именно разыскиваете вы из дома Чжунов?

— Я ишу Цзыци.

Старик вдруг громко разрыдался.

— Цзыци!.. Чжун Хуэй!.. Это ведь сын мой!— воскликнул он.— В прошлом году, пятнадцатого числа восьмого месяца, он возвращался поздно вечером из леса, и случай свел его с советником цзиньского княжества господином Юй Боя. Они долго беседовали и обнаружили общность мыслей и чувств, которая влекла их друг к другу. При расставании Юй Боя подарил сыну два и золотая, и сын мой, купив книг, стал усиленно заниматься. Я же, тупой неуч, не удерживал его, и вот целыми днями он в лесу рубил дрова, а по вечерам занимался, не щадя себя. Но силы его истощились, он заболел, и в несколько месяцев его не стало...

У Боя внутри словно все оборвалось, хлынули слезы. С воплем он упал наземь и лишился чувств.

В недоумении и испуге, сам в слезах, старик Чжун стал поднимать Боя.

— Кто этот господин?— спросил он, обращаясь к мальчику.

Тот шепнул ему на ухо:

— Это и есть сам господин Боя.

— Так это, значит, друг сына моего!

Тем временем Боя пришел в себя. Сидя на земле, Боя бил себя в грудь и неудержимо рыдал.

— Брат, дорогой мой!— сокрушался он.— А я еще вчера, причаливая к берегу, говорил, что ты пренебрег обещанием. Но ты, оказывается, был уже духом бесплотным в глубинах подземных потоков. Ты так одарен был! И так мало ты прожил!

Престарелый Чжун, утирая слезы, увещевал Боя.

Сдерживая рыдания, Боя поднялся и снова приветствовал старого Чжуна низким поклоном, не смея, однако, называть его почтенным дедом, а обращаясь к нему как к дяде, желая этим показать, что братские отношения его с Цзыци распространяются на дом, на всех членов семьи.

— Почтенный дядюшка, тело вашего сына все еще дома или его уже похоронили?

— В двух словах и не высказать всего,— ответил тот.— Перед самой кончиной сына я со старухой своей сидел у его постели, и вот что он говорил, прощаясь с нами: «Долог или короток век — воля небес. Увы, при жизни я не смог выполнить сыновнего долга по отношению к родителям, но я хочу сдержать обещание, данное другу... Я связан словом с цзиньским советником, почтенным Боя. Так прошу после моей смерти зарыть меня на берегу у горы Мааньшань...» Я не мог не исполнить последнего желания моего сына,— продолжал старый Чжун.— Холм свежей земли, справа от той узкой тропинки, где вы сейчас проходили,— это и есть могила моего сына. Сегодня сотый день после его кончины. Я шел сейчас к нему — вот взял с собой связку *бумажных денег, чтобы предать их огню перед его могилой,— и так неожиданно встретил вас.

— В таком случае прошу позволения пойти вместе с вами поклониться ему у его могилы,— сказал Боя и велел мальчику нести бамбуковую корзину старца.

Престарелый Чжун двинулся вперед, показывая дорогу, а Боя с мальчиком пошли следом. Они снова вошли в ущелье и слева от дорожки увидели холм свежей земли. Боя оправил платье и опустился на колени.

— Брат мой, ты мудрый был при жизни, а после смерти ты светлым духом стал, и, недостойный брат твой, я с этим поклоном, можно сказать, навеки прощаюсь с тобой!

И, кланяясь, Боя снова разрыдался. Плач этот потревожил жителей окрестных мест, и тот, кто мимо проходил, кто был поодаль или вблизи,— все, услышав скорбный плач, пришли узнать, в чем дело. Люди столпились возле могилы, и когда они узнали, что это придворный сановник прибыл почтить память Чжун Цзыци, то каждый из них старался протиснуться вперед, поглядеть. Боя, не имевший при себе никаких жертвенных подношений, которые могли бы послужить выражением его чувств, велел мальчику вынуть из футляра цитру. Положив ее на жертвенный камень, он сел перед могилкой, подобрав под себя ноги, и, обливаясь слезами, заиграл.

Когда собравшиеся услышали звуки цитры, они захлопали в ладоши, расхохотались и разошлись.

Сыграв мелодию до конца, Боя спросил:

— Дядюшка! Играя на цитре, я с бесконечной скорбью в душе оплакивал сына вашего и брата моего. Так почему же они смеялись?

— Жители деревенской глуши не понимают тонкости музыки. Услыхав звуки цитры, они сочли игру за развлечение и потому рассмеялись.

— Вот как!— проговорил Боя.— А вы не знаете, дядюшка, что я сейчас играл?

— Когда-то в молодости я и сам неплохо играл,— ответил престарелый Чжун.— Но стар нынче я, пять органов чувств моих теперь не те, смешалось как-то все, и я давно уже не разбираюсь в этом.

— Повинуясь сердцу, рука моя перебирала струны, и в песне этой я плакал о Цзыци. Я вам спою ее.

— Да! Я желал бы ее услышать,— сказал Чжун.

И Боя запел:

*Вспоминаю прошлый радостный год:
тебя повстречал
на речном берегу.*

*Сегодня я снова
пришел на свиданье с тобой,
но не вижу нигде
друга, понявшего звук.*

*Перед собой
вижу могильный холм —*

*Сердце мое
пронзила жгучая боль.
Боль сердца, боль сердца,
сердца боль!
Не удержать
неволью текущих слез —
Приехал для радости,
почему уезжаю в горе?
Почему над рекою
поднялись тучи печали?!
О мой Цзыци!
Мой Цзыци!
Нашей дружбе с тобой
нет достойной цены.
Обойди я всю землю до края небес —
не с кем будет слова сказать.
Песне этой конец,
играть ее больше не буду.
И цитра моя из яшмы
пусть с тобою вместе умрет.*

Тут Боя выхватил нож, рванул по струнам и, подняв цитру, со всей силой ударил ее о жертвенный камень — разлетелись золотые подставки, яшмовые колки.

— Зачем вы разбили цитру?!— воскликнул ошеломленный Чжун.

Боя ответил:

*Нет больше яшмовой цитры, разбита —
песне не звучать.
Ведь если нет со мною Цзыци,
для кого играть?!
Когда радостно все, все хорошо
вроде бы все друзья;
Но звук постигшего среди них
вовек не отыскать.*

— Как все это грустно, как грустно,— проговорил старый Чжун.

— Но скажите, дядюшка, ваш высокочтимый дом находится все-таки в Верхней или в Нижней Цзисяни? — спросил Боя.

— Убогая хижина моя в деревне Верхняя Цзисянь, восьмым домом будет. Но к чему вы снова теперь спрашиваете об этом?

Тогда Боя сказал:

— С горем и болью в сердце своем я не решусь уже последовать за вами в почтенный дом ваш. С собою

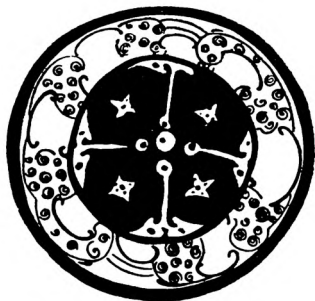
у меня десять и золота. Половину этих денег позвольте за сына вашего преподнести вам на какое-нибудь лакомство; другая — пусть пойдет на несколько *му жертвенной земли, и будет у вас хоть что-то на должный уход за могилой. Когда я вернусь ко двору, я подам прошение, чтобы мне разрешили оставить службу, и тогда заберу вас с тетушкой в свой скромный дом, где вы проведете положенные вам от неба годы жизни. Я — это Цзыци, Цзыци — это я! Поэтому не считайте меня чужим и не отвергайте мою просьбу.

Тут же, приказав отроку достать золото, Боя собственноручно поднес его престарелому Чжуну и, рыдая, склонился пред ним. Чжун ответил поклоном. Долго еще не могли они расстаться.

Рассказ этот называется «Юй Боя, скорбя о друге, разбивает цитру». Впоследствии, восхищаясь этой дружбой, кто-то написал следующие стихи:

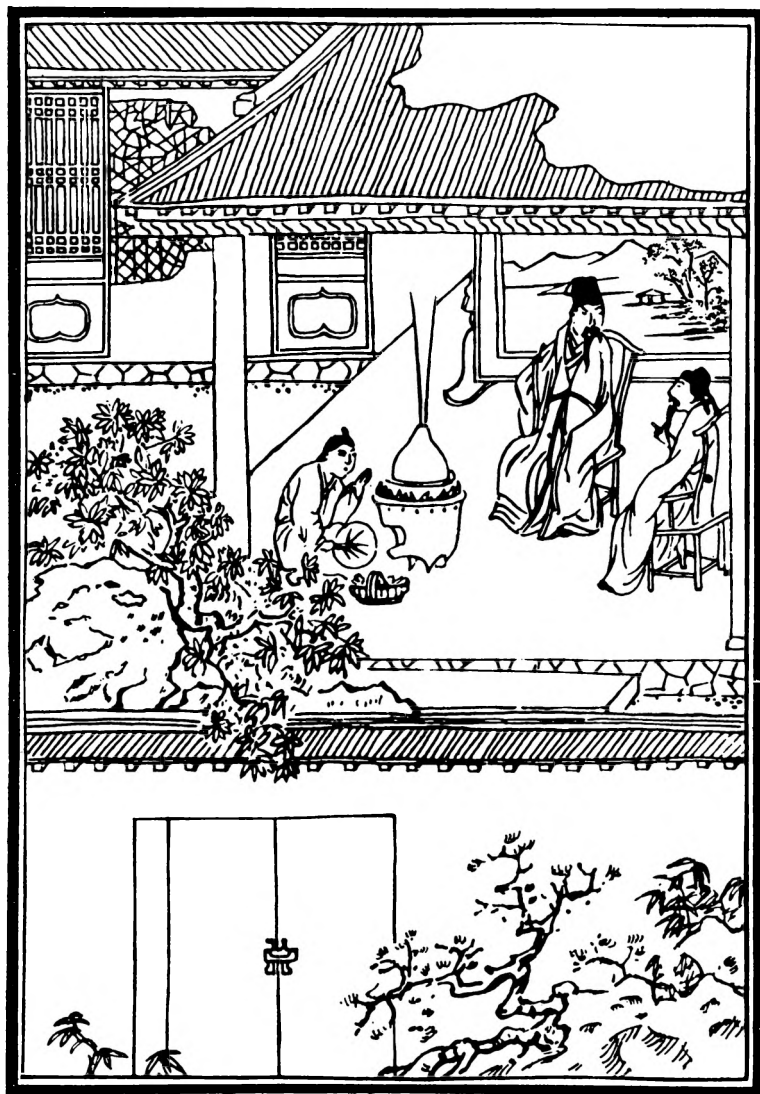
*Лицемерный всегда лишь с подобным себе
дружбу легко заведет,
И понявшего звук разве станет искать
тот, кто кичится собой.
Не увидит уж больше Боя Чжун Цзыци —
мир он покинул навек,
А преданье о том, как он цитру разбил,
тысячу лет все живет.*

Алхимики,
хвастающиеся
своим искусством,
похищают
серебро

*Сами в изношенных шапках,
старых, протертых халатах,
А встретят людей — уверяют,
что золото плавить умеют.
Что ж для самих-то себя
хотя бы чуть-чуть не наплавят,
А тем лишь живут, что за деньги
воду таскают с реки?*

Эти строфы написаны *цзеюанем *нашей династии — *Тан Инем. Действительно, есть на свете такие люди. Именуют они себя алхимиками да изощряются в разных хитростях, чтобы надуть жадных и доверчивых людей: уверяют, будто умеют добывать из лекарственных трав философский камень, могут превращать свинец в золото, ртуть — в серебро, что, мол, называется это искусством *«желтого и белого» или «тигельным делом». Им только бы заполучить серебро, якобы служащее «серебром-матерью», а потом при первом удобном случае они скрываются вместе с денежками, и называется это у них «захватить тигель».

Однажды некий *даос, предлагая свое искусство Тан Иню, пристал к нему:

— В вас, уважаемый цзеюань, есть что-то от небожителей и бессмертных, и вам удалось бы это дело.

— Послушай, ты ведь ходишь в одних лохмотьях, и раз уж ты владеешь таким искусством, почему бы тебе не выплавить хоть немного серебра для себя самого? Что ж тут о других заботиться! — не без ехидства ответил ему Тан Инь.

— У меня только и есть что мое искусство, — говорил монах, — а природа меня ничем не одарила. Вот я и ищу человека, которому на роду было бы написано большое счастье, чтобы вместе с ним работать. У меня

такого счастья нет, и в одиночку я ничего сделать не смогу. Вам, я вижу, уготовано счастье, потому и прошу вас присоединиться ко мне. На нашем языке это называется «найти опекуна».

— Вот что,— сказал Тан Инь,— мне до твоего искусства и вообще до того, о чем ты тут разглагольствовал, дела нет. Могу в помощь тебе дать свое счастье, а получишь золото, поделим пополам.

Монах понял, что Тан Инь издевается над ним, и ушел. Вот по этому-то поводу, желая раскрыть людям глаза, Тан Инь и написал стихи об алхимиках.

Однако среди алхимиков есть до того изворотливые краснобаи, что их подобными ответами не смутить. Почему же?— спросите вы. Они станут уверять, будто чудодейственное искусство алхимии нельзя хранить в тайне; будто найти философский камень можно лишь вместе с человеком, в котором есть нечто от небожителей и бессмертных; будут разглагольствовать о том, что, если внутренний камень готов, готов будет и внешний и так далее, и тому подобное. Само собой, в этих разговорах есть доля истины. Взять хотя бы получение философского камня. Разве это не искусство бессмертных? Однако небожители оставили людям тайну изготовления золота только для того, чтобы помогать им в несчастье. Да и то святой *Люй Чуньян беспокоился, что через пятьсот лет такое золото превратится в исходную материю и подведет людей. Но разве Люй Чуньян когда-нибудь говорил, что эта тайна дается для того, чтобы кто-то мог покупать себе имущество и земли, заводить жен и плодить детей,— словом, для того, чтобы богатеть и процветать? Нет!

Взять, например, *Ду Цзычуня; ведь когда он встречал святого, который нуждался в «опекуне», и стал с ним искать философский камень, они были почти у цели, но дело провалилось только из-за того, что Ду Цзычунь не смог подавить в себе страсти к женщине.

А нынче все эти жадные люди содержат у себя целые гаремы красавиц, покупают дома, земли и только норовят, как бы побольше урвать. Подумать только! При этом они еще рассчитывают с помощью каких-то даосов-чревоугодников все-таки добыть философский камень, поблаженствовать на своем веку да еще оставить кое-что сыновьям и внукам. Нужно же быть такими глупцами! Ведь стоит только призадуматься над

словами: «Когда получится внутренний камень, то получится и внешний». Так можно ли забыть о внутреннем совершенстве и думать только о том, как бы добыть серебро? Да ведь одной этой мысли достаточно для того, чтобы никогда не найти философского камня.

Ты скажешь, читатель, что самый последний глупец и тот должен понять, что получение золота и серебра — пустая трата времени. Но, как ни странно, именно самые умные люди на свете и попадаются на эту удочку.

Я расскажу вам сейчас об одном богаче из *Сунцзяна по фамилии Пань. Молодой человек числился *сюцаем при *Гоцзыцзяне, обладал большими знаниями, незаурядным красноречием и был человеком чрезвычайно интересным. Единственной его слабостью была слепая вера в алхимию. Ну а, как говорится, «рыбак рыбака видит издалека», и не удивительно поэтому, что вокруг него непрерывно вертелись маги-волшебники, на которых он по мелочам истратил порядочную сумму денег и которые раз за разом его надували. Но Паня это нимало не смущало. «Не везет мне, не довелось встретить настоящего алхимика. Ведь в глубокой древности это искусство уже было известно. Значит,— рассуждал Пань,— когда-нибудь и я добьюсь своего. А мои мелкие неудачи — просто пустяки, о которых и говорить не стоит». И он еще больше отдавался алхимии. Между тем «знатоки» философского камня рассказывали друг другу о Пане; вскоре тем из них, кто жил поблизости, и тем, кто подалеку, имя Паня стало хорошо известно, и каждый из них только и помышлял, как бы облапошить молодого человека.

Как-то осенью Пань отправился на прогулку по озеру *Сиху и снял себе комнату в *Ханчжоу. Вскоре он обратил внимание на то, что рядом в садовом павильоне расположился один приезжий. Человек этот прибыл сюда с какой-то женщиной, с целой свитой слуг и с большим багажом. Женщина, весьма привлекательная, как удалось разузнать Паню, была женой приезжего. Сосед Паня каждый день нанимал самую большую и самую красивую джонку. На джонке устраивались роскошные пиры с музыкой и пением. Супруги катались по озеру, услаждая себя вином, напевая песни и играя на выпивку. При этом весь стол был уставлен изящными чарками и винными сосудами, по большей части золотыми и серебряными. Под вечер они сходили на берег, и в павильоне вспыхивали свечи и фонари.

Всех, кто только им ни прислуживал, приезжий щедро одаривал.

Пань, сидя у себя и наблюдая за всем этим, недоумевал: «Я сам не беден, но разве могу себе позволить так сорить деньгами! Не иначе, это богач первой руки, что-нибудь вроде *Тао Чжу или И Дуня».

Восхищенный соседом, Пань спустя некоторое время послал слугу выразить ему свое уважение; затем состоялось их знакомство.

— Нет человека, который мог бы сравниться с вами в богатстве,— обратился Пань к новому знакомому, пользуясь удобным моментом.

— О, это сущие пустяки,— скромничал приезжий.

— Вы столько тратите каждый день! Верно, серебра и золота у вас до небес, иначе давно бы разорились.

— Даже если бы мои богатства достигали небес, и то не трудно было бы истощить их — стоит только начать тратить,— возразил Паню собеседник.— Тут надо знать средство, чтобы деньги не переводились.

Пань насторожился:

— Что вы имеете в виду, говоря о таком средстве?

— Об этом, знаете, не принято говорить так, между прочим.

— Но все-таки, прошу вас,— настаивал Пань.

— Вы можете не понять меня, да и вряд ли поверите,— сказал тот и своим уклончивым ответом еще больше заинтриговал Паня, который стал умолять его рассказать, о чем идет речь.

Наконец собеседник, удалив слуг, прошептал Паню на ухо:

— У меня есть масса «девяти превращений». С ее помощью я могу превращать свинец и ртуть в золото. Стоит мне выплавить философский камень, как золото становится для меня все равно что глиняный черепок. Что же мне им дорожить?!

Когда речь зашла об алхимии, которая была страстью молодого человека, Пань радостно воскликнул:

— Вы, оказывается, знаток в этом деле. А это ведь как раз то, чем я больше всего интересуюсь. До сих пор мне не удавалось найти знающего человека, так что если вы действительно владеете этим искусством, я готов пожертвовать всем своим состоянием, чтобы быть посвященным в тайну.

— Не так-то просто передать этот секрет. Но, если хотите, интереса ради я могу проделать перед вами небольшой опыт,— сказал алхимик и приказал мальчику-слуге развести под тиглем огонь. Расплавив в нем немного свинца и ртути, он вытащил затем из мешочка, который висел у него на поясе, бумажный пакетик, раскрыл его — пакетик был полон какого-то порошка. Алхимик запустил в пакетик мизинец, взял на ноготь чуть-чуть порошка, стряхнул его в тигель, затем наклонил тигель и вылил содержимое: ни свинца, ни ртути — одно сверкающее белизною снега чистое серебро.

Вы скажете, что это неправда, что не может какой-то порошок превратить ртуть и свинец в серебро. Да, это так. А то, что проделал алхимик,— это так называемый способ «сжатия серебра». Серебро подвергают обработке на огне в лекарственных составах и добывают экстракт серебра. Из каждого *лана серебра получается меньше *фэня экстракта. Когда такой экстракт плавят вместе с ртутью и свинцом, масса ртути и свинца впитывает его в себя и принимает вид настоящего серебра. Но серебра в этом сплаве столько же, сколько было его употреблено на добычу экстракта — ни на толику больше. Вот такими фокусами алхимики обманывают людей, а люди им искренне верят, принимая все за чистую монету.

От того, что произошло у него на глазах, Пань пришел в неопишуемый восторг.

«Не удивительно, что этот человек может позволить себе любую роскошь,— подумал он про себя.— Как, оказывается, легко добывать серебро! А я сколько ни пробовал, ничего, кроме убытка, не получалось. На этот раз мне повезло — встретил действительно знающего это дело человека. Обязательно попрошу его помочь мне выплавить серебро».

— Как же у вас получается такой порошок?— спросил Пань у алхимика.

— Способ мой называется «мать-серебро рождает сыновей». Прежде всего необходимо иметь серебро в качестве «серебра-матери» — не важно, сколько его там будет. Серебро надо обработать соответствующими химикалиями, а затем бросить в тигель; там оно будет находиться до тех пор, пока огонь девять раз не охватит металл и пока на нем не образуются желтые росточки, которые постепенно превратятся в белоснежные. Тогда открывается тигель, и вы выгребаете из него образо-

вавшийся порошок философского камня; крупинки с зернышко риса или проса уже достаточно для того, чтобы добывать серебро или золото. А серебро-мать, которое вы положили в качестве заправки, остается совершенно невредимым.

— Сколько же нужно такого серебра-матери?

— Чем больше серебра, тем большей силой будет обладать философский камень. Достаточно выплавить хоть *полгэ такого порошка, чтобы богатства ваши превысили государственную казну.

— Я, правда, не очень богат, но несколько тысяч могу уделить. И если вы сообразовите передать мне свое великое искусство, то буду просить вас поселиться у меня и посвятить меня в истинное учение. Тогда буду считать, что мечта моей жизни осуществилась.

— Мое искусство не так-то просто передать людям, да и делать опыты вместе с другими я не очень склонен,— ответил на это алхимик.— Однако я вижу вашу искреннюю веру в это учение, вижу в вас что-то не от мира сего, и, наконец, я усматриваю волю неба в том, что мы оказались здесь рядом. Что же, попробуем. Скажите, где вы живете, и я при случае посету вас.

— Я живу в Сунцзяне, всего в двух-трех днях пути отсюда. Но раз вы согласны удостоить меня своим посещением, прошу вас отправиться ко мне сейчас же. Ведь если мы теперь расстанемся, кто знает, доведется ли встретиться! Мне не хотелось бы упускать такой прекрасный случай!

— Я сам из *Чжунжоу, и дома я оставил престарелую мать. Сюда я приехал ненадолго со своей *второй женой полюбоваться красотами *Улиня. Выехал я с пустыми руками, но средства черпаю из моего тигля и так хорошо проводил здесь время, что слишком задержался. От такого друга и человека единых со мной устремлений, как вы, я, конечно, не стану скрывать свой секрет, но теперь мне необходимо прежде всего проводить домой жену, навестить мать, и только после этого я смогу к вам приехать.

— У меня в саду есть уединенный павильон, где может расположиться ваша почтенная супруга. Почему бы вам вместе с ней не остановиться у меня? Я, конечно, не смогу устроить вам должного приема, но, само собой разумеется, что ни вы, ни ваша супруга не будете испытывать каких-либо стеснений или неудобств. Про-

шу вас переехать ко мне — этим вы окажете мне милость, и я буду вам очень признателен.

— Хорошо,— сказал алхимик, кивнув головой.— Раз вы так настаиваете, я согласен. Разрешите только предупредить жену и собраться в дорогу.

Пань был счастлив. Тут же он написал приглашение, в котором просил алхимика завтра отправиться вместе с ним отобедать, совершая прогулку по озеру. На следующий день, принимая алхимика на джонке, Пань оказывал ему всевозможные знаки внимания. Они без устали говорили и говорили, выкладывая друг перед другом свои знания, и сожалели о том, что им не довелось встретиться раньше. Расстались они очень довольные друг другом. Молодой жене алхимика Пань в тот же вечер послал полный стол отборных вин и изысканных яств.

На другой день алхимик устроил ответный пир. Все было обставлено с еще большей роскошью, чем у Паня. Нечего и говорить о том, что вся посуда, чарки и винные сосуды были из чистейшего золота и серебра.

Вволю насладившись прогулками по озеру и общением друг с другом, они договорились, что вместе поедут в Сунцзян. Наняли две большие джонки, перенесли туда весь багаж и отправились в путь. Жена алхимика, которая с мужем ехала на соседней джонке, время от времени смотрела в окошко из-за занавески. Пань украдкой поглядывал на нее — она была удивительно хороша собой, прекрасно сложена,— и молодой человек невольно сожалел о том, что их разделяла вода и что о чувствах приходилось молчать. В уме невольно всплывали стихи, преподнесенные *Пэй Ханом госпоже Фань:

Вместе плыву с ней в лодке одной,

Но мною владеет тоска —

Лишь через шторку издали вижу

феи небесной глаза.

Если бы только мог повстречаться

в милой обители с ней,

Был бы готов за птицей прелестной

вдаль унести, в небеса.

Но что поделаешь, Пань был на другой джонке, откуда он мог только смотреть на красавицу, скорбя о том, что не с кем передать ей записку с выражением своих чувств.

Через несколько дней они прибыли в Сунцзян. Пань первым направился домой и вскоре попросил алхимика сойти на берег. Он проводил его к себе и, угостив гостя чаем, сказал:

— В этом доме живет вся моя семья, и здесь слишком много народу. Неподалеку отсюда моя усадьба, и я хотел бы предложить вам с супругой расположиться там, вам там будет удобно. Сам я тоже могу жить в усадьбе, в моем отдельном павильоне-кабинете. Это уединенное и тихое место, где нас никто не потревожит и где можно будет спокойно заняться опытом, как вы находите?

— Самое главное для наших алхимических опытов — это полное уединение, посторонние могут помешать нам,— ответил тот.— К тому же я не один, а с женой, и с этой точки зрения тоже лучше быть подальше от посторонних взглядов. Так что, я думаю, самое удобное воспользоваться вашим предложением.

Они тут же вернулись на джонку, и Пань приказал лодочникам плыть к усадьбе. Сойдя на берег, они рука об руку направились к дому Паня. На воротах висела доска с надписью: «Сад соприкосновения с прекрасным». Они вошли в сад:

*Вековые деревья касаются неба,
Молодым бамбуком сжаты тропинки.
Резные просветы в решетчатой кровле,
Разбросаны всюду
 беседки и башни для луны и для ветра.
Уединенность тихих молелен,
Куда ни посмотришь —
 кабинеты, покои в укромных местах.
На много саженой
 вздымаются вверх горы из каменных глыб —
 там можно упрятать библиотеку ученого мужа;
В несколько ярусов
 расположились пещеры в высоком обрыве —
 не сложены ль там священные тексты бессмертных?
Если песню здесь заиграть —
 фениксы могут слететься,
Если здесь заглядишься на шашки —
 просто обитель *Ланькэ.*

— Прекрасное место!— радостно воскликнул алхимик.— Как раз то, что нам нужно, да и жене моей здесь будет удобно. Тут я смогу со спокойной душой работать. Вам действительно очень везет.

Пань послал на джонку слуг за женой алхимика. Вскоре роскошно одетая молодая женщина в сопровождении двух служанок, которых звали Чуньюнь и Цююэ, грациозной походкой вошла в сад и подошла к дому. При появлении женщины Пань собрался было удалиться.

— Теперь мы с вами близкие люди, свои, так что пусть представится вам,— остановил его алхимик и приказал жене поклониться хозяину.

Взглянув теперь вблизи на женщину, Пань убедился, что она действительно одна из тех красавиц, при виде которых *«рыбы уходят на дно и птицы падают наземь», «луна затмевается и цветам становится стыдно». На свете нет богачей, которые не были бы падки до денег и до женской красоты, и теперь, глядя на красавицу, Пань таял, словно снежный ком в огне. Мысли об алхимии отошли на задний план.

— Здесь у меня много внутренних покоев,— обратился Пань к алхимику,— так что ваша почтенная супруга сможет выбрать себе то, что ей придется по вкусу. А если прислуги окажется недостаточно, я предоставлю в ее распоряжение несколько служанок.

Алхимик с женой отправился выбирать помещение, а Пань тем временем поспешил к себе, отобрал пару золотых шпилек, пару золотых браслетов и поспешил в сад преподнести их алхимику.

— Прошу вас в знак моего глубочайшего уважения к вашей супруге передать ей эти безделушки,— сказал он, протягивая гостю драгоценности.— Надеюсь, вы не пренебрежете таким скромным подношением.

Видя, что безделушки золотые, алхимик стал отказываться:

— Тронут вашим вниманием, но не посмею принять: ведь мне добыть золото ничего не стоит, а для вас это будет большой утратой.

— Знаю, почтеннейший, что для вас эти вещи не представляют ценности,— возразил Пань, огорченный отказом.— Я хотел только выразить мое глубочайшее уважение к вашей супруге; надеюсь, что вы примете во внимание мои самые искренние чувства и не откажетесь взять эти вещицы.

— Ну что ж, отказаться — значит пренебречь вашими лучшими чувствами. Хорошо, я приму их и приложу все силы, чтобы добыть философский камень и тем самым отблагодарить вас.

Алхимик, улыбаясь, вошел в дом, позвал служанку, велел ей отнести подарки и пригласить госпожу, чтобы та поблагодарила хозяина. А Пань, чтобы лишний раз увидеть красавицу, готов был и не на такие дары.

«Везет же человеку!— думал он про себя.— Знает секрет философского камня, да еще имеет такую красавицу жену. Счастье обладания его секретом, раз он согласился проделать здесь свой опыт, скоро ожидает и меня, а вот выпадет ли мне удача в другом... ведь под боком такая красавица! Хорошо, если б повезло и с нею. Надо будет только оказывать ей почтение и внимание, не торопиться, а тем временем заниматься алхимией».

— Раз вы любезно согласились заняться опытами, то скажите, когда нам лучше приступить?— спросил Пань у гостя.

— В любой день, лишь бы было серебро-мать.

— А сколько его нужно?

— Чем больше, тем лучше. Больше будет серебра-матери — больше получите философского камня и меньше хлопот для вас в дальнейшем.

— Тогда я дам на заправку две тысячи ланов. Сегодня подготовлю, что следует, а завтра перенесу все сюда, и мы сможем приняться за дело.

В этот вечер Пань угощал алхимика в садовой беседке, и они прекрасно провели время. Само собой разумеется, что Пань не забыл послать угощение и на женскую половину.

На следующий день Пань собрал ровно две тысячи и отослал их алхимику, затем к гостю были перенесены тигель, различные инструменты и прочие вещи — хорошо знакомый с алхимией, Пань имел у себя все необходимое для опытов.

— Вы очень внимательны,— поблагодарил его алхимик, осматривая инструменты.— Но я делаю это не так, как другие. У меня свой, особый секрет превращения. Начнем плавить — увидите.

— Его-то я как раз и хотел бы постичь,— заметил Пань.

— Мой философский камень называется «камнем девяти превращений». Каждое превращение требует девяти дней. Так что через восемьдесят один день, когда мы откроем тигель, магический камень уже будет готов, и для вас наступит день великого счастья.

— Полностью полагаюсь в этом на вас!

Алхимик позвал слугу, приказал ему разжечь огонь и постепенно загрузил в тигель все серебро. Затем, показав Паню свой рецепт, он посыпал серебро какими-то порошками, и над металлом поднялся пятицветный дым. Затем он тут же, при Пане, закрыл тигель.

Далее он позвал слуг, которые сопровождали его в поездке, и распорядился:

— Я задержусь здесь месяца на три, а вы поезжайте домой сообщить об этом матушке и возвращайтесь.

Следуя приказу хозяина, слуги отправились в Чжунчжоу. При алхимике остался только тот, который был приставлен к тиглю. Мальчик день и ночь следил за огнем, а сам алхимик только время от времени заходил взглянуть на печь, но тигля не открывал. В свободное время алхимик с Панем беседовали, пили вино, играли в шахматы. Гость и хозяин были очень довольны обществом друг друга.

Пань частенько посылал жене алхимика подарки, чтобы снискать ее расположение, и иногда в ответ получал от нее в знак благодарности изящные безделушки. Так прошло более двадцати дней, как вдруг какой-то человек в трауре, весь взмокший, ворвался в сад. Оказалось, что это один из тех слуг, которых алхимик в свое время отправил в Чжунчжоу. Упав перед хозяином на колени, слуга сквозь рыдания проговорил:

— Старая госпожа скончалась, вас просят немедленно вернуться, чтобы заняться похоронами.

Алхимик изменился в лице, упал на землю и в отчаянии зарыдал. Пань, встревоженный, склонился над ним и стал его утешать:

— Срок жизни, дарованный вашей матушке, пришел к концу: убиваться и скорбеть бесполезно. Успокойтесь, не терзайте себя!

Между тем слуга не переставал торопить алхимика:

— Дом остался без хозяина. Прошу вас, не теряйте времени!

— Я хотел сделать для вас доброе дело и тем самым отблагодарить за вашу любезность,— обратился алхимик к Паню, сдерживая слезы.— Кто мог предполагать, что случится такое несчастье! О, горе мне! Задерживаться здесь я не могу, а опыт наш не закончен и оборвать его невозможно. Право, не знаю, как поступить. Разве что жена... Она хоть и простая женщина, но давно уже со мной, знает, как и что, и было бы хорошо оставить ее здесь следить за тиглем. Но слишком уж

она молода, и мне не хотелось бы оставлять ее здесь одну без присмотра — не совсем это удобно.

— Почтенный, мы ведь с вами теперь такие близкие друзья, что же тут такого?— возразил на это Пань.— Вы вполне можете оставить ее здесь. В помещение, где стоит печь, никто из посторонних не заходит; я представлю в ее распоряжение несколько надежных служанок, которые все время будут находиться при ней; если вам будет угодно, ночевать она может у моей жены, а я расположусь здесь и сам буду следить за тиглем в ожидании вашего возвращения. О каких неудобствах тут может быть речь? Ну а что касается еды и подобных вещей, тут, естественно, я не посмею допустить небрежения.

Алхимик задумался.

— Теперь у меня все помутилось в голове,— сказал он наконец.— Я знаю, в древности были случаи, когда люди доверяли своих жен и дочерей друзьям. Ну что ж, раз вы так добры, я охотно принимаю ваше предложение и оставляю здесь жену наблюдать за опытом. Как только справлюсь со всеми делами, сразу же вернусь и сам открою тигель. Так я выполню свой долг и по отношению к вам, и по отношению к покойной матушке.

Услышав, что алхимик согласился оставить жену, Пань готов был хоть полнеба пообещать ему и с просиявшим от радости лицом заявил:

— Если вы поступите так, значит, дело будет доведено до конца.

Алхимик пошел к жене, сообщил ей о том, что случилось, сказал, что хочет оставить ее следить за тиглем, дал ей подробные указания, а затем привел ее, чтобы она поклонилась хозяину.

При этом он ей строго наказывал:

— Только следи как следует за огнем и ни в коем случае не открывай тигля без меня. Если что сделаешь не так, сожалеть будет поздно.

— А если вы запоздаете с возвращением и приедете позже, чем через восемьдесят один день, как быть тогда?— осведомился Пань.

— Чем дольше пролежит сплав в тигле после того, как огонь охватит его девять раз, тем больше вы получите философского камня, так что лишние несколько дней не повредят.

Поговорив еще о чем-то наедине с женой, алхимик уехал.

Пань решил, что раз алхимик оставил здесь жену, то долго он, конечно, не задержится и о философском камне можно не беспокоиться. «Но вот пока его здесь нет, пока я живу с ней вместе в саду,— думал Пань,— мне представляется великолепная возможность попробовать прибрать ее к рукам, и случай этот упускать нельзя».

Молодой человек совсем потерял голову и думал теперь только о том, как лучше подойти к красавице. И вдруг однажды, как раз тогда, когда он размышлял об этом, к нему является ее служанка Чуньюнь и докладывает:

— Моя хозяйка просит господина пойти с ней взглянуть на тигель.

Пань поспешно привел в порядок платье, поправил шапку и кинулся к покоям молодой женщины.

— Ваша служанка передала мне, уважаемая госпожа, чтобы я пошел с вами взглянуть на тигель,— сказал он, остановившись возле дверей ее комнаты.— Жду вас здесь, чтобы отправиться вместе.

— Прошу вас пойти впереди, а я последую за вами,— промолвила молодая женщина голосом нежным, как щебетание ласточки, и вышла из комнаты, приветствуя Паня.

— Госпожа, вы моя гостья, посмею ли идти впереди вас! — возразил Пань.

— Я ведь женщина, как могу я забывать об этом!

Так они скромничали, уступая друг другу дорогу, и хотя не позволили себе никакой фамильярности, однако они уже разговаривали, глядя друг другу в лицо, обменивались любезностями, и во всем этом уже было что-то обещающее. Женщина в конце концов прошла вперед, обе ее служанки шли за ней следом. «Действительно, *«каждый ее шаг рождает лотос!»— думал про себя Пань, глядя на походку молодой женщины.— Как тут останешься равнодушным!»

Когда они подошли к помещению, где стоял тигель, женщина обернулась к служанкам и распорядилась:

— Обождите меня за дверью, здесь не должно быть посторонних. Со мной пройдет только господин.

Обрадованный, чуть ли не вприпрыжку, Пань вошел за ней в помещение, лишь мельком бросил взгляд на печку и уставился на красавицу. Глазами он пожирал молодую женщину так, словно готов был живьем проглотить ее. До того ли ему было, чтобы смотреть, какой

огонь под тиглем — синий там, красный, черный или белый. Очень некстати здесь был мальчик, который следил за огнем. При нем Пань мог только с восхищением смотреть на нее, но не решался сказать ей лишнего слова. Лишь выходя из помещения, он расхрабрился и обратился к ней:

— Извините, затруднил вас тем, что вам пришлось идти сюда. Теперь, когда ваш муж в отъезде, вам, должно быть, тоскливо возвращаться домой.

Та ничего не ответила и лишь едва заметно улыбнулась. На этот раз Пань ничего не добился и, не торопясь, отправился к себе. Но страсть его после этой встречи еще больше разгорелась.

«Если бы сегодня никого в комнате не было, все было бы в порядке. Какая досада, что этот слуга торчит здесь! — размышлял он. — Надо будет завтра что-нибудь придумать, чтобы от него избавиться и договориться с ней опять пойти смотреть тигель, вот тогда я смогу действовать свободно». В тот же вечер он приказал слуге:

— Завтра приготовь вина и закуски и угости мальчишку, который следит за огнем. Скажи ему, что я решил угостить его за усердие, но сделай так, чтобы он был мертвецки пьян.

Весь вечер Пань провел в одиночестве за вином, думая о красавице и перебирая в памяти события этого дня. Охваченный сильным душевным волнением, он стал слагать стихи:

*Знаменитого сада прелестный цветок
в эту дикую глушь пересажен
И не знает о том, что его красотой
пленился ветер весенний.*

Потом он направился к павильону, в котором жила молодая женщина, и, приблизившись к нему так, чтобы его могли услышать, несколько раз подряд проскандировал эти стихи. В это время из комнаты вышла служанка Цююэ, поднесла Паню чашку чая и сказала:

— Моя хозяйка слышала, что вы скандируете стихи, подумала, что, может быть, вы захотите пить, и распорядилось, чтобы я предложила вам чашку чая.

Пань просиял от счастья и рассыпался в благодарностях. Не успела служанка уйти, как из внутренних покоев донесся нежный голос:

*Славный цветок — кто его повелитель?
Ветер весенний его подхватил.
Коль сжалится солнце — владыка востока,
все будет, как сердце хотело.*

Пань понял намек, но тут же ворваться к ней не посмел. К тому же он услышал, как запираются двери внутренних покоев, и ему ничего не оставалось, как вернуться к себе, лечь спать и дожидаться утра.

На следующий день с самого утра слуга Паня, как ему было приказано, пригласил мальчика, следившего за огнем, и стал угощать его. У того глаза разгорелись при виде вина. Ему уже надоело изо дня в день сидеть возле тигля, и он так наелся и напился, что тут же заснул.

Как только Пань узнал, что мальчика уже подпоили, он сам направился во внутренние покои попросить жену алхимика пойти с ним посмотреть за тиглем. Та не заставила себя ждать, и они, как и в прошлый раз — она впереди, он позади, пошли туда вместе.

Когда они подошли к помещению, служанки, сопровождавшие жену алхимика, остались ждать свою хозяйку у входа, а Пань вошел за ней. Оглядевшись, молодая женщина заметила, что мальчика в комнате нет.

— Почему здесь никого нет? Как вы могли допустить, чтобы огонь погас?!— с притворным испугом воскликнула жена алхимика.

— Я сам хочу разжечь огонь,— сказал Пань, улыбаясь,— и потому сказал слуге, что пока обойдусь без него.

— Огонь должен гореть непрерывно,— возразила женщина, делая вид, что не понимает намека.

— Настоящий огонь загорится ярким пламенем тогда, когда сольются наши противоположные начала. Лицо красавицы приняло суровое выражение.

— Человек занимается алхимией, ищет путь истины, а сам позволяет себе говорить такое!

— Когда ваш муж был здесь, он вместе с вами ложился и вместе с вами вставал. А ведь он тоже занимался алхимией. Неужели же вы были супругами во всем, кроме лишь одного?

Не найдя, что возразить, молодая женщина с упреком промолвила:

— Такое серьезное дело, и устроить такое безобразие!

— Нам с вами предопределено судьбой принадлежать друг другу — это тоже серьезное дело,— сказал в ответ Пань, упал к ее ногам и обнял ее колени.

— Мой муж придерживается в семейной жизни самых строгих правил, и я никогда не осмеливалась поступать так, как сама захочу, тайком от него,— сказала женщина, поднимая его с колен.— Только признательность за ваше внимание заставляет меня забыть о самой себе. Поэтому я разрешаю вам прийти ко мне сегодня вечером побеседовать.

— Умоляю вас одарить меня своей любовью сейчас же — этим вы и докажете свою признательность. К чему ждать до вечера!

— Но сюда может кто-нибудь войти, что вы!

— Все предусмотрено. Надеюсь на свидание с вами, я позаботился о том, чтобы мальчика, который следит за огнем, задержали, а больше никто сюда не посмеет войти; да и помещение это находится в таком отдаленном месте, что никто ничего не узнает.

— Нет, ни в коем случае: здесь стоит тигель, и если мы испортим опыт с философским камнем, то тут уж ничем не поможешь!

Какой там тигель! Какой философский камень! Пань весь пылал от страсти. Крепко обняв красавицу, он взмолился:

— Я готов даже жизни лишиться! Сжальтесь, прошу вас!

Больше Пань ничего не хотел слушать...

Теперь он был наверху блаженства, счастлив, как в раю.

— Благодарю, что вы не пренебрегли мною,— промолвил Пань немного погодя, оправляя одежду.— Но счастье было слишком коротко. Хотелось, чтобы вы подарили мне ночь наслаждения.

И он снова опустился перед нею на колени. Красавица тут же подняла его с колен.

— Я ведь обещала, что приму вас вечером, но вы оказались слишком уж нетерпеливы. Зачем было устранять такое здесь, возле тигля?— упрекала она Паня.

— Боялся упустить случай, чтобы потом не раскаиваться. Чем раньше исполнилась моя заветная мечта, тем лучше.

— Вечером мне прийти к вам или вы придете ко мне?— спросила красавица.

— Как вам угодно.

— Со мной спят две служанки, и вам приходится неудобно. Сегодня я постараюсь незаметно уйти, а завтра придумаю, что сказать им, и вы сможете прийти ко мне.

Вечером, когда все уснули, красавица вышла в сад, где ее давно уже поджидал Пань. Они прошли в его кабинет и предались нежным ласкам. С тех пор они встречались беспрепятственно то у нее, то у него.

Пань считал это чудеснейшим случаем в своей жизни и мечтал, чтобы алхимик исчез навсегда. Опыт с философским камнем его мало тревожил.

Более десяти вечеров провели они в любовных утехах, и вдруг в какой-то день привратник докладывает: «Вернулся алхимик». Пань испугался. Поздоровавшись с Панем, алхимик прежде всего прошел к жене, долго с ней о чем-то говорил, затем вернулся к Паню.

— Моя жена сказала, что тигель не открывали,— обратился он к Паню.— Срок девяти превращений уже истек, так что порошок уже должен быть готов. Сегодня не будем торопиться, а завтра принесем жертву духам и откроем тигель.

В ту ночь Паню пришлось обойтись без любовных усад, но он утешал себя тем, что вернулся алхимик, что утром откроют тигель и тогда наконец сбудется его надежда на получение философского камня.

На следующий день, после жертвоприношения, Пань и алхимик вместе вошли в помещение, где стоял тигель.

Алхимик сразу же изменился в лице.

— Странно, странно! Что-то тут в воздухе не то...— пробормотал он, тут же открыл тигель и заглянул внутрь.— Пропало, все пропало!— закричал он, топая ногами в гнев и отчаянии.— И философский камень не получился, и даже серебро-мать превратилось в шлак. Не иначе, как здесь занимались разворотом и все погубили!

Пань позеленел от испуга. Он молчал. Слова алхимика попали не в бровь, а в глаз, и он совсем растерялся.

Алхимик в бешенстве скрежетал зубами.

— Кто еще входил сюда?— накинулся он на мальчика-слугу.

— Только хозяин и ваша супруга заглядывали сюда каждый день. Больше никто не заходил,— ответил слуга.

— Почему же тогда опыт провалился?— кричал алхимик.— Быстро позвать сюда госпожу, сейчас ее спросим.

Мальчик побежал за женой алхимика.

— Чем ты тут занималась, когда следила за печью?— заорал алхимик, едва она появилась.— Философский камень испорчен!

— Мы каждый день приходили с господином взглянуть на огонь,— ответила она.— Понятия не имею, в чем дело,— тигель мы не трогали...

— Тигель не трогали?! Тебя вот трогали! — бросил алхимик жене и тут же спросил слугу:

— Ты всегда был здесь, когда жена и хозяин приходили?

— Один раз только не был. Это случилось, когда господин Пань велел угостить меня за мое усердие — я хватил лишнего и сразу заснул. Вот тогда они были здесь без меня.

— Так, так! Ясно!— пробурчал алхимик. Тут же он бросился к своим вещам, вытянул оттуда плеть и хлестнул ею жену.— Это ты натворила, подлая тварь!— закричал он и снова замахнулся плетью.

Та увернулась от удара и сквозь слезы пробормотала:

— Я ведь говорила... нельзя! О господин Пань, вы погубили меня!

Пань стоял молча, вытаращив глаза, и готов был сквозь землю провалиться.

— Чего же стоят все заверения и обещания, которые ты давал мне перед моим отъездом?!— с гневом обрушился алхимик на Паня, глядя на него в упор.— Не успел я уехать, как ты совершил такую подлость! Пес ты гнусный и свинья. Ведь надо же быть таким бессовестным человеком! И ты еще мог думать, что тебе удастся опыт с философским камнем! Сам я виноват: не умею разбираться в людях. Но эту тварь я убью! Не нужна она мне! Позор моей семьи!

Тут алхимик снова кинулся на жену, размахивая плетью. Молодая женщина в испуге бросилась бежать к дому. На ее счастье, обе ее служанки преградили алхимику дорогу, пытаясь остановить его и умоляя простить хозяйку. Каждая получила по хорошему удару плетью, и плеть переломилась пополам. Алхимик разошелся так, что его было уже не удержать.

Тогда Пань стал перед ним на колени.

— Во всем виноват я,— говорил он.— Все испорчено из-за меня. Я готов смириться с пропажей денег, лишь бы вы меня простили.

— Что ж, ты получил по заслугам! Сам виноват, что остался без магического камня. Я здесь ни при чем. Но ты опозорил мою жену, как с этим прикажешь быть?! Убью ее! За это ты же будешь в ответе!

— Я готов искупить свою вину,— промолвил Пань, тут же приказал слугам принести два серебряных слитка *юаньбао и, ползая на коленях, просил прощения.

— Что мне деньги, для меня это пустяк,— сказал алхимик, не глядя на серебро.

Пань, не переставая кланяться, прибавил к слиткам еще двести ланов.

— Этих денег вполне хватит на то, чтобы вы выбрали себе новую, достойную вас жену. Все произошло по моей вине. Умоляю вас, ради нашей прежней дружбы, пощадите вашу супругу!

— Хорошо, пусть ущерб послужит тебе уроком,— ответил алхимик.— Мне твои деньги не нужны, я раздам их бедным.

Алхимик спрятал все триста ланов в сундук, позвал жену, созвал своих слуг, распорядился, чтобы его багаж сейчас же перенесли в джонку, на которой он накануне приехал, и покинул дом, негодуя:

— Нанести человеку такое оскорбление! Какой позор! Какой стыд!

Так, с бранью, алхимик сел в джонку и вместе с женой уехал.

Пань был страшно напуган всем происшедшим, опасаясь, как бы на него не состряпали дело. И хотя он поплатился деньгами, но считал, что ему еще повезло и что он легко отделался. Что до неудавшегося опыта с серебром, то Пань и вправду полагал, что осквернил место и этим все испортил. «Слишком я поторопился,— сокрушался он.— Ничего не стоило подождать, пока образуется философский камень, оставить их погостить подольше, а тем временем добиваться своего. Тогда и одно и другое получилось бы как нельзя лучше. Наконец, просто не следовало такими делами заниматься именно в том помещении, тогда, возможно, все обошлось бы. Да, по собственному недомыслию и опрометчивости загубить столько денег! И это бы ничего. Но вот встретить наконец настоящего алхимика и не получить философского камня — досадно! Очень досадно!

С другой стороны, чего тут раскаиваться, — утешал он себя. — С такой красавицей провести время в свое удовольствие — это же было истинное наслаждение!» Так думал Пань, не ведая, что он жертва обмана и что мнимый алхимик действовал по заранее намеченному плану.

А дело обстояло так. Когда он был на озере Сиху, он уже знал, что Пань должен приехать в Ханчжоу. Все, что «алхимик» там поначалу проделывал, было рассчитано на то, чтобы задурить Паню голову; а когда дошло до того, что Пань пригласил его к себе домой, он сделал вид, что не торопится и может пробыть у него до конца опыта. Затем, когда прибыл человек и доложил ему о смерти матери, он поспешно укатил, прихватив две тысячи, предназначенные для опыта. Женщина, которую он выдавал за жену, была умышленно оставлена в доме Паня, чтобы у него не возникало подозрений и чтобы соблазнить богача. Вся эта грязная история была разыграна у Паня под носом, да рассчитана так ловко, чтобы Пань не посмел и рта раскрыть, считал бы виновным самого себя и не успел бы опомниться и потребовать возмещения убытков. Богачу Паню просто суждено было попасться на удочку и поплатиться деньгами. Он считал, что человек тот действительно обладает несметным богатством, а раз так, значит, должен знать секрет философского камня. Пань не ведал того, что вся посуда у алхимика была из вызолоченной меди и посеребренного свинца. Да и кому придет в голову вечером, при свете фонаря, сидя за вином, проверять, настоящее это золото или нет. Вот на такую коварную хитрость и попался богач Пань.

Но и этот случай не открыл Паню глаза — он по-прежнему считал, что сам виноват, сам упустил возможность, и его еще больше влекло к алхимии.

Как-то раз Паню опять попался какой-то алхимик; зашла речь об алхимии. Новый знакомый так понравился Паню, что он пригласил его к себе. Беседуя с ним, он поделился тем, что с ним произошло:

— Недавно я встретил человека, который действительно мог превращать простой металл в золото. Он при мне проделал это и уже начал плавить для меня философский камень, но, к сожалению, я обидел его, и он ушел, так и не закончив опыта!

— Это и я могу сделать, — заявил алхимик.

Тут же было приказано разжечь тигель. Точно так же, как прежний обманщик, алхимик бросил немного порошка на сплав ртути и свинца... И, точно,— весь сплав превратился в серебро.

— Великолепно! Великолепно!— воскликнул Пань.— Прошлый раз не удалось. На этот раз удастся.

И он дал алхимику тысячу ланов на опыт. Алхимик позвал двух-трех своих людей, чтобы они помогли ему в опыте. Пань видел собственными глазами, как легко этот алхимик превратил свинец в серебро, потому полностью доверился ему и совсем за ним не присматривал. А он как-то ночью «захватил тигель», и на следующий день его и след простыл.

На этот раз у Паня были украдены последние деньги. От былого его богатства не осталось ничего. Гнев и досада охватили его.

«Сколько стараний я приложил, сколько лет на это потратил,— размышлял он.— Прошлый раз сам был виноват, на этот раз думал, что все будет в порядке, а меня опять надули. И не поинтересовался даже, не спросил, откуда он. Что ж, наверняка занимается этими делишками где-нибудь в другом месте. Попробую его поймать. А не найду его, может быть, встречу настоящего алхимика, который все-таки поможет мне получить магический камень». И, собрав небольшой багаж, Пань отправился на поиски.

Много мест он объездил и однажды в Сучжоу, близ ворот *Чанмэнь, лицом к лицу столкнулся с шайкой, которая его в последний раз обокрала. Как только те увидели его, лица их расплылись в улыбке, словно они встретили старого друга или земляка. Пань собирался было обрушиться на них с бранью, но они не дали ему рта раскрыть и тут же потащили в винную лавку.

— Мы тогда злоупотребили вашей добротой и вашим доверием и чувствуем себя очень неловко перед вами,— начал извиняться один из шайки.— Но не осуждайте нас, таков уж наш путь. Сейчас у нас есть возможность возместить ваши убытки, поэтому мы хотим поговорить с вами, чтобы уладить дело.

— Что за «возможность»? — удивился Пань.

— Видите ли, ваши деньги мы сразу же тогда растратили, и нам сейчас, собственно, нечем вернуть вам долг. Но на днях мы договорились с одним богачом из провинции Шаньдун, что сварим ему серебро, и теперь ждем только нашего учителя; но он путешествует сей-

час далеко отсюда и не скоро приедет. Так вот, если бы вы согласились представиться богачу под видом учителя и получить от него серебро, мы смогли бы тотчас вернуть вам деньги. Как видите, это не труднее, чем ладонь повернуть. А то что толку разыскивать нас и требовать с нас деньги, когда их нет? Что вы на это скажете?

— А кто ваш учитель?— спросил Пань.

— Буддийский монах. Поэтому вам придется только остричь по-монашески волосы, и мы доставим вас в Шаньдун со всеми подобающими почестями.

Паню не терпелось вернуть свои деньги, поэтому он согласился, чтобы ему остригли волосы и облачили в монашеское одеяние. Относились эти люди к нему с большим уважением и, когда прибыли в Шаньдун, представили Паня богачу как своего учителя. Богач пригласил Паня в гостиную и завел с ним беседу об алхимии. Пань прекрасно разбирался в этом деле, к тому же был человеком образованным, и его рассуждения произвели на богача самое лучшее впечатление. Хозяин проникся уважением и доверием к гостю, в тот же вечер вручил Паню две тысячи ланов серебром и договорился с ним завтра же начать опыт. После этого он пригласил Паня выпить вина, угощал его всякими яствами, а когда Пань захмелел, помог ему подняться с места и уложил спать. На следующий день люди из шайки стали обсуждать, где и как установить тигель, и занялись приготовлениями. Хорошо знакомый с алхимией, Пань давал им кое-какие указания. Наконец серебро было заложено в тигель, и люди, выдававшие себя за учеников алхимика, стали следить за огнем. Хозяин то и дело приходил за советами и указаниями к Паню, приглашал его побеседовать и выпить вина. Паню неудобно было отказываться. И вот однажды люди, с которыми приехал Пань, воспользовались удобным моментом, «захватили тигель» и скрылись, оставив Паня одного. Хозяин ничего не подозревал: он считал, что раз Пань с ним, то все должно быть в порядке. Но когда на следующий день обнаружилось, что вся шайка скрылась, богач велел схватить Паня и собирался отправить его в *ямэнь, чтобы схватили и других из этой шайки. Пань слезно взмолился:

— Я житель Сунцзяна, моя фамилия Пань, и я ничего общего с этими людьми не имею. Эти же бандиты, пользуясь моей страстью к алхимии, недавно обворова-

ли меня самого. После этого я случайно встретил их в дороге, они сказали мне, что должны провести здесь опыт с превращением серебра и смогут тогда вернуть мне мои деньги. Они остригли меня и просили представиться вам в качестве их учителя. Я хотел только получить свои деньги и меньше всего предполагал, что они оборуют и вас, а меня оставят здесь одного.

Тут Пань громко разрыдался. Богач стал расспрашивать Паня и убедился, что Пань — тот самый зажиточный человек из Сунцзяна, о котором он уже давно слышал. Он не сомневался уже, что Пань действительно сам был обманут, и, не желая причинять ему дальнейших неприятностей, отпустил его.

Оставшись без гроша, Пань отправился на родину пешком и, пользуясь своим монашеским видом, жил подаяниями. Когда он очутился в городе *Линьцин и шел по набережной, в глаза ему бросилась большая джонка, стоявшая у пристани. Из-за оконных занавесок каюты выглядывала какая-то женщина. Она показалась Паню знакомой. Он внимательно взгляделся в ее лицо и нашел, что она была как две капли воды похожа на ту, которую когда-то привез с собой алхимик и с которой он провел немало приятных ночей.

«Каким же образом она оказалась на этой джонке?» — подумал про себя Пань и поспешил подойти поближе и навести справки. Оказалось, что джонка принадлежит какому-то *цзюйжэню из провинции Хэнань, что он едет в столицу держать экзамен, и с ним на джонке известная *гетера. «Неужели тот алхимик все-таки продал ее? Или это другая женщина, только похожая на нее?» — думал Пань и все ходил по берегу, не в силах оторвать взора от красавицы. Тем временем из каюты вышла служанка.

— Госпожа велела спросить, не житель ли вы Сунцзяна? — крикнула она Паню.

— Да, я именно из Сунцзяна, — ответил Пань.

— Не Пань ли ваша фамилия? — продолжала спрашивать та.

— Да, но откуда вы знаете мою фамилию? — удивился Пань.

Пань услышал, как женщина в каюте распорядилась:

— Пусть поднимется сюда!

Пань подошел к каюте и услышал голос из-за занавески:

— Я та самая женщина, которую алхимик выдавал за свою жену. На самом деле я гетера из Хэнани. Когда я жила у вас, я действовала по приказанию того мошенника и не смела его послушаться. Но все же я чувствую себя виноватой перед вами. А вы, как вы здесь очутились? Да еще в таком виде!

Пань с горестным видом поведал ей историю о том, как его последний раз обокрали и почему он очутился в Шаньдуне.

— Не могу остаться равнодушной к вашей судьбе,— промолвила гетера.— Я дам вам на дорогу, и возвращайтесь поскорее домой. Встретите еще алхимиков — никогда им не верьте! Мне с ними приходилось иметь дело, и я хорошо знаю их проделки. Если вы поступите так, как я вам советую, буду считать, что отблагодарила вас за вашу любовь ко мне.

Сказав это, красавица велела служанке принести три лана серебром и передать их Паню. Тому ничего не оставалось, как с благодарностью принять деньги. Только теперь Пань узнал, что красавица, с которой приехал тот алхимик, была гетерой, действовавшей с ним заодно.

На деньги гетеры Пань сумел благополучно добраться домой. Он хорошо запомнил наставления гетеры и не верил больше в философский камень. Только волосы его еще не отросли, и ему было стыдно за себя. История Паня стала предметом веселых разговоров среди его родственников, друзей и всех тех, кто слышал о нем. Пусть же она послужит предостережением для тех моих современников, которые увлекаются алхимией.

*Душу очистив от мыслей греховных,
берись за магический камень!
Искусство, доступное только бессмертным,
со скверной нельзя сочетать.
Надеясь выплавить камень чудесный,
погрязнув в развратных желаньях,
Не все ли равно, что в вонючей дыре
искать лебединое мясо?!*

Чудачества
Тан Иня

*Ночью рог трубит, барабан стучит,
а наутро — кричит петух.
То солнце восходит на небеса,
то луна нисходит к земле.
Время года сменяется: осень, зима,
весна — и лето опять.
Путь повозок и лодок — на север, на юг,
путь иных — на запад, восток.
Глянешь в зеркало — возраст увидишь свой,
свой постаревший лик;
В этом мире земном перепутано все —
не найдешь порядка ни в чем.
И если хочется между дел
найти тишину и покой,
Овощами солеными закуси
кувшин молодого вина.*

Стихи эти написаны одним талантливым писателем из *Усяни. Фамилия его Тан, имя Инь, *второе имя Бо-ху. Ума он был исключительного, эрудиции необычайной. Одинаково искусен был он и в *каллиграфии, и в живописи, и в музыке. Стоило ему взять в руки кисть — ария или ода, стихи или проза тотчас ложилась на бумагу. Человек вольнолюбивый, он был выше предрассудков, гордо глядел на мир и пренебрегал почестями и богатством.

Родился он в городе *Сучжоу, а потом семья его переехала в местечко Уцуй.

Когда Тан Инь был еще *сюцаем, он в подражание стилю *«нанизывания жемчуга» сочинил «Напевы о цветке и луне». В них больше десяти стихотворений, и в каждом стихе, в каждой строчке есть слова́ цветок и луна. Например:

*В широких просторах тень шелохнулась,
цветок кивает луне.
Люди давно возвратились в покои,
луне не расстаться с цветком.
Смотрит луна из-за тучки украдкой
на нежную прелесть цветка.
Ночью глубокой цветок засыпает,
сияньем луны озарен.*

Стихи эти вызвали общее восхищение. Цао Фэн, градоначальник Сучжоу, прочитав эти стихи, высоко оценил талант их автора. Как раз случилось так, что государственные экзамены в области должен был принимать Фан Чжи, инспектор школ. Цао Фэн рекомендовал ему Тан Иня как одаренного и достойного человека. Надо сказать, что Фан Чжи был ярим противником поэзии, подражающей древним стилистам. Когда ему стало известно, что Тан Инь позволяет себе вольности и часто не считается с правилами этикета, он собирался вынести Тан Иню порицание и даже наказать его; воздержался он от этого только благодаря настояниям Цао Фэна. Тан Иню, таким образом, удалось избежать неприятностей, но до экзаменов он допущен не был. Лишь перед самыми экзаменами Цао Фэн добился своего. И хотя имя Тан Иня последним значилось в списке *«пропущенных талантов», но, как бы то ни было, он стал *цзеюанем.

К тому времени, когда Тан Инь прибыл в столицу для сдачи экзаменов на высшую ученую степень, слава о его незаурядных талантах еще больше возросла. Вельможи и князья, не считаясь со своим высоким положением, старались подружиться с поэтом и почитали за честь знакомство с ним.

В то время столичными экзаменами ведал *Чэн, управляющий делами наследника престола. Преследуя свою личную выгоду, он часто практиковал продажу тем экзаменационных сочинений. Теперь, побаиваясь людских пересудов, он искал человека, давно известного своими талантами. Чэн надеялся, что заслужит всеобщее одобрение, если в списке выдержавших экзамен на первом месте будет значиться фамилия действительно достойного человека. Поэтому, узнав, что в числе экзаменующихся находится Тан Инь, Чэн очень обрадовался и собирался провести его как первого кандидата, выдержавшего экзамен на степень *цзиньши.

Тан Инь знал об этом и как-то, по простоте душевной, за вином похвастался:

— Могу сказать определенно, что в этом году первым на экзаменах пройду я!

Многие уже знали о том, что Чэн небезупречен в делах, да тут еще и чувство зависти к талантам Тан Иня, и люди подняли шум, повсюду рассказывая о несправедливости главного экзаменатора. Об этом был подан доклад императору. Вскоре появился указ, по которому Чэна сняли с поста экзаменатора и разжаловали; кроме того, и его и Тан Иня посадили в тюрьму.

Когда Тан Инь был освобожден и вернулся в родной город, он окончательно отбросил мысль о карьере и славе и всецело предался вину и стихам. Все величали его Тан-цзеюань. Каждым листочком с его каллиграфией, каждым его рисунком и стихом дорожили, как драгоценностью.

Тан Инь в это время особенно увлекался живописью. Какие бы чувства ни овладевали им — радость или гнев, печаль или блаженство — все они находили отражение в его рисунках. Любой его рисунок брали нарасхват, не считаясь с ценой. У Тан Иня есть стихотворение «О сокровенном», где именно об этом говорится:

*Бессмертия эликсир не варю,
созерцанию не предаюсь;
Торговля совсем не моя стезя,
хлеборобом также не стал.
В вольном порыве шелк распишу,
рисунок продам знатокам,
Но этот труд ничуть не сочту
делом, что кормит меня.*

Но поведу свой рассказ дальше. Из шести ворот Сучжоу: Фэнмэнь, Паньмэнь, Сюймэнь, Чанмэнь, Лоумэнь, Цимэнь — Чанмэнь самое оживленное место: сюда стекаются лодки, экипажи. Поистине:

*По лестницам то вверх, то вниз
три тысячи зеленых рукавов снуют.
Миллионы золотых монет плывут,
стекаются сюда со всех сторон.
Уж близится рассвет. Когда ж конец придет
для той торговли шумной?
Повсюду слышен гул людской толпы
и разговор на разных языках.*

Как-то раз Тан Инь очутился в районе Чанмэнь. Он сидел на борту большой прогулочной джонки в окружении литераторов, которые пришли поприветствовать знаменитого поэта и протягивали ему свои веера, чтобы он нарисовал или написал им что-нибудь на память. Тан Инь сделал тушью несколько набросков и написал несколько четверостиший. Между тем слух о том, что здесь сидит знаменитый поэт, распространялся, и все больше и больше народу сходилось на берег. Тан Иню все это наскучило, и он приказал слуге подать большой кубок вина. Опершись на окно, он принялся за вино, как вдруг его взору представилась разрисованная джонка, которая, покачиваясь на волнах, плыла мимо. Блестящее убранство джонки бросалось в глаза. Молодая служанка с очаровательным лицом и стройным тонким станом стояла у окна каюты. На женщине было синее платье. Выглядывая из окна, она пристально смотрела на Тан Иня и улыбалась, рукой прикрывая ротик. Джонка проплыла мимо. Приведенный в душевное смятение прекрасным обликом служанки, Тан Инь стал расспрашивать лодочников, не знают ли они, кто хозяин джонки. Оказалось, что владелец ее — ученый Хуа из *Уси. Тан Инь решил тотчас отправиться в погоню и стал громко кричать, надеясь, что удастся подзвать какую-нибудь маленькую лодку. Но ни одной лодки поблизости не оказалось. Поэт был в полном отчаянии; он собирался было послать слугу на поиски, как увидел, что из города выплывает какая-то джонка. Мало заботясь о том, свободна ли она, Тан Инь стал громко кричать и махать руками, призывая джонку к себе. Когда джонка подошла к берегу, из каюты вышел какой-то человек.

— Боху, куда это тебе вдруг так срочно понадобилось? — спросил он, обращаясь к Тан Иню.

Тан Инь взглянул на говорившего: это был не кто иной, как его близкий друг *Ван Яи.

— Тороплюсь навестить одного друга, который приехал издалека, поэтому и спешу. А ты куда держишь путь?

— Я с родичами направляюсь в *Маошань возжечь в храме свечи. Через несколько дней вернемся.

— Я тоже собирался съездить туда, но все не было попутчиков. Раз я тебя сегодня встретил, уж воспользуюсь случаем.

— Ну если хочешь ехать, отправляйся поскорее домой и собери все, что нужно. Я здесь причаю и буду тебя поджидать.

— Незачем мне заходить домой. Сразу и поедем.

— Надо же взять ароматические свечи и *прочее.

— Приедем в Маошань, там все куплю.

Тан Инь отослал домой слугу и, не попрощавшись с людьми, которые ожидали, пока он им что-либо напишет или нарисует, прыгнул в джонку приятеля. Едва успев обменяться приветствиями с Ван Ян и его попутчиками, Тан Инь закричал:

— Отчаливайте поскорей!

Лодочники, услышав, что новый пассажир — это Тан Инь, не посмели ослушаться и тут же взялись за багры и весла.

Вскоре Тан Инь увидел впереди ту самую разрисованную джонку и тотчас приказал лодочникам идти за ней следом. Никто не знал, с чем было связано такое распоряжение, но возражать Тан Иню не стали. На другой день приехали в Уси. Заметив, что джонка, которую он преследовал, входит в город, Тан Инь обратился к своим спутникам:

— Было бы непростительно, попав сюда, не захватить с собой *хуэйшаньской воды. Прикажете лодочникам: пусть они поедут туда набрать воды из источника. Мы их здесь подождем и завтра двинемся дальше. А пока сойдем на берег и прогуляемся по городу.

Лодка отчалила, а Тан Инь и его друзья сошли на берег и направились в город. В самом оживленном и многолюдном месте Тан Инь отстал от друзей и, оказавшись в одиночестве, стал разыскивать разукрашенную джонку. Не зная города, он метался то туда, то сюда, но джонки и следа не было. Наконец он вышел на какую-то широкую улицу и вдруг услышал крики: «Дорогу! Поберегись!»

Тан Инь остановился. Справа приближался роскошный паланкин, который несло человек десять, за ним толпой следовали служанки.

С древних времен говорят: «Коль суждено, так встретишь и на краю света» — среди сопровождавших паланкин девиц была та самая служанка в синем платье, которую он увидел у ворот Чанмэнь.

Обрадованный, Тан Инь не выпускал паланкин из виду.

Процессия остановилась у большого здания. Женская прислуга вышла приветствовать прибывших, и вскоре все скрылись за воротами. Тан Инь узнал от прохожих, что дом этот принадлежит ученому Хуа и что в паланкине приехала его жена.

Собрав эти сведения, Тан Инь расспросил, как пройти к реке. На условленном месте его уже поджидала джонка, вернувшаяся из Хуэйшаня. Вскоре подошли Ван Яи и вся компания.

— Куда же это ты пропал?— спрашивали Тан Иня приятели.— Заставил нас искать тебя по всему городу.

— Сам не знаю, как это случилось,— ответил тот.— Как только мы попали в толпу, я вас потерял. Города я совсем не знаю, полдня потратил на то, что расспрашивал дорогу, и вот только теперь сумел добраться сюда.

О том, что было на самом деле, Тан Инь ни словом не обмолвился. Посреди ночи, во сне, Тан Инь начал вдруг кричать не своим голосом. Перепуганные друзья разбудили его и стали расспрашивать, что с ним.

— Только что во сне мне явилось божество в золотой кольчуге с золотой палкой в руках. Оно обрушилось на меня с палкой, ругая за то, что я отправился возжечь курения без должного благочестия. Я пал ниц перед божеством, молил о прощении и обещал, что месяц буду жить в уединении и поститься, а затем отправлюсь с покаянием в Маошань. Завтра с рассветом вы поедете дальше, а я вернусь на некоторое время домой. Придется нам расстаться.

Все поверили рассказу Тан Иня.

Когда рассвело, около них как раз оказалась небольшая лодка, которая, как выяснилось, держала путь в Сучжоу. Тан Инь простился с друзьями и пересел в нее. Проехав немного, он сказал лодочнику, что забыл кое-какие вещи и должен возвратиться в город. Лодка повернула и вскоре причалила к набережной.

Расплатившись с лодочником, Тан Инь отправился на постоялый двор. Там он распорядился, чтобы ему принесли старое платье и поношенную шапку, переоделся во все это и стал похож на бедняка. В таком облачении он пришел в закладную лавку, которую содержал при своем доме господин Хуа, сделал вид, что собирается заложить свои вещи, и заговорил с управляющим лавкой. При этом он держал себя очень скромно, говорил тихо.

— Фамилия моя Кан, имя Сюань, я уроженец уезда Усянь,— представился Тан Инь управляющему.— Я неплохо умею писать и жил тем, что учительствовал в одном месте; а вот недавно у меня умерла жена, я потерял место и теперь остался совершенно один, без средств к существованию. Я бы хотел попасть в услужение в какой-нибудь знатный дом и работать переписчиком. Не нужен ли такой человек, как я, вашему хозяину? Если он возьмет меня, я буду очень благодарен и никогда этого не забуду,— сказал в заключение Тан Инь, *вытащил из рукава листочек, на котором было написано несколько строк образцовым почерком, и передал его управляющему.

Увидев, что иероглифы написаны очень красиво и аккуратно, управляющий сказал Тан Иню:

— Сегодня вечером я буду у хозяина и скажу ему о тебе. Зайди завтра за ответом.

Действительно, в этот же вечер управляющий показал хозяину образец письма случайного посетителя.

— Хорошо написано,— хвалил ученый, рассматривая листок.— Не похоже на почерк простого грамотея. Пусть завтра придет ко мне.

Когда на следующее утро Тан Инь явился в закладную лавку, управляющий провел его к хозяину. Тан Инь приветствовал ученого низким поклоном. Поглядев на посетителя, господин Хуа понял, что имеет дело не с простолудином. Он узнал фамилию, имя и родину пришельца, а затем спросил:

— Приходилось ли вам когда-либо заниматься *классическими книгами?

— В детстве я сдавал экзамены за начальную школу, но дальше этого дело не пошло,— ответил Тан Инь.— Классические книги, правда, я еще до сих пор помню.

— Какие, например?— поинтересовался ученый.

Тан Инь изучал *«Книгу исторических деяний» и фактически хорошо разбирался во всем «Пятикнижии», но поэт знал, что ученый интересуется *«Книгой перемен», и поэтому ответил:

— «Книгу перемен».

Ученый очень обрадовался.

— Писцов и переписчиков у меня хватает, но я могу вам предложить состоять при моем сыне и следить за его занятиями,— сказал он.

Затем господин Хуа спросил у Тан Иня, каковы его условия.

— Ни о каком вознаграждении я не осмелюсь просить. Хотел бы только получить кое-какие вещи, чтобы приодеться, и, если потом я смогу вам угодить, просил бы женить меня на хорошей женщине. Этого мне было бы вполне достаточно.

Такой ответ еще больше обрадовал ученого. Он тут же приказал управляющему подыскать в закладной лавке для Тан Иня подходящее платье и дал Тан Иню * новое имя, Хуа Ань. Тан Иня провели в комнату для занятий, где представили сыну господина Хуа.

Молодой человек давал Тан Иню переписывать рукописи, и Тан Инь, замечая ошибки в иероглифах или фразах, всегда исправлял их.

— Вы, оказывается, прекрасно разбираетесь в литературе,— сказал Тан Иню сын хозяина, просмотрев его исправления и удивившись тому, как хорошо все сделано.— Когда же вы бросили учиться?

— Я все время занимался, и только нужда заставила меня идти в услужение.

Хозяинский сын был очень доволен Тан Инем и попросил его исправлять его ежедневные уроки. Тан Инь делал это с большим усердием и так искусно, что в его руках, как говорится, железо становилось золотом. Иногда, если тема сочинения была непонятной и трудной, Тан Инь объяснял ее. Когда у Хуа-сына что-либо не получалось, Тан Инь писал за него сам. Учитель молодого Хуа, видя, как преуспевает его ученик, как-то раз похвалил его перед хозяином. Тогда господин Хуа попросил принести последние сочинения сына.

— До этого мой сын сам не мог дойти,— произнес вслух Хуа, покачивая головой, когда проглядел сочинения.— Если все это не списано, то безусловно сделано за него кем-то другим.

Он велел позвать сына и стал расспрашивать его. Тот не посмел скрывать и признался, что все это результат исправлений Хуа Аня.

Ученый был немало удивлен; он приказал позвать Хуа Аня, дал ему тему и предложил тут же написать на нее сочинение.

Нисколько не задумываясь, Тан Инь взялся за кисть, и сочинение тотчас было готово. Когда он протягивал свое сочинение ученому, тот заметил, что у него нежные руки, но на левой руке шесть пальцев. Хуа стал

читать сочинение: и стиль, и мысли в нем были прекрасны; по иероглифам можно было судить об искусном каллиграфе. Все это привело хозяина в восхищение.

— Раз ты так искусен в современном литературном стиле, то, наверно, знаком и с произведениями древности,— сказал Хуа и взял Тан Иня к себе в качестве секретаря.

Когда надо было написать какое-нибудь письмо или доклад, Хуа лишь излагал новому секретарю свои соображения, а зачастую просто поручал ему писать вместо себя; ему же поручили вести книги в закладной лавке. В бумагах, написанных секретарем, ученому никогда не приходилось что-либо добавлять или отбрасывать. С каждым днем хозяин все больше доверял Тан Иню и достаивал его своими милостями и наградами куда больше, чем остальных служащих. Тан Инь обычно на хозяйские наградные покупал вино или какие-нибудь яства, щедро угощал других, работавших в кабинете ученого, и не было в доме человека, кто не полюбил бы нового секретаря. Вот почему Тан Иню удалось без особого труда разузнать кое-что о молодой служанке в синем платье, которую он впервые увидел в джонке. Ее звали Цюсян, и прислуживала она самой госпоже Хуа, ни на минутку не отлучаясь от своей хозяйки, так что повидать ее не было никакой возможности.

Был как раз конец весны, и Тан Инь на мотив «Песни об иволге» сложил стихи, в которых изливал свою тоску:

*Ветер и дождь провожают весну,
*Тоскует кукушка,
В вихре кружатся цветов лепестки.
Ворота богатого дома закрыты,
Мхом зарастает заброшенный двор.
Поник, обгорев, одинокий светильник,
Полупущен незанятый край одеяла,
Со мной лишь моя одинокая тень,
И капают, капают горькие слезы.
Не сбылись надежды вернуться домой,
Напрасно мечтал я о встрече с любимой,
Весенние грезы — за гранью небес.*

Как-то раз, случайно зайдя в комнату Тан Иня, господин Хуа увидел на стене эти стихи. Он понял, что сочинил их его секретарь, и стал еще больше расхваливать его. Однако ученый тогда не предполагал, что его

секретарь в своих стихах имеет в виду кого-то определенного, и считал тоску одиночества вполне естественной для молодого человека в полном расцвете сил.

Случилось, что в это время управляющий закладной лавкой заболел и умер. Господин Хуа временно поручил своему секретарю исполнять его обязанности. Больше месяца Тан Инь заведовал лавкой. К своим обязанностям он относился очень добросовестно и честно. Господин Хуа собирался окончательно передать ему эту должность, но считал, что на холостяка нельзя полагаться в делах так, как на женатого. Посоветовавшись по этому поводу с женой, ученый позвал сваху и попросил ее подыскать для нового управляющего лавкой подходящую жену.

Тан Инь дал свахе три *лана серебра и попросил передать от его имени госпоже Хуа, что он отлично понимает, что господин и госпожа благодетельствовали ему и что та милость, которую они ему теперь оказывают, собираясь его женить, безгранична, как земля и небо. Он просил также передать, что хотел бы получить в жены какую-либо служанку из дома Хуа; иначе, мол, если ему в жены подберут женщину из другого дома и она не будет знакома с обычаями и нравами семьи Хуа, то это окажется не совсем удобным.

Сваху все это передала госпоже, а та — мужу.

— Ну что ж, — сказал господин Хуа, — так не только ему, но и нам будет удобнее. Однако не следует забывать, что, когда Хуа Ань нанимался к нам на работу, он не требовал никакой платы и только выразил надежду, что ему подберут хорошую жену. Сейчас он у нас в доме доверенное лицо и лучший работник, и потому, если жена придется ему не по душе, трудно быть уверенным в том, не примет ли он какого-либо иного решения. Думаю, лучше всего позвать его в гостиную, собрать туда всех служанок и предложить ему самому выбрать одну из них.

— Ты прав, — ответила госпожа Хуа, кивнув головой в знак согласия.

В тот же вечер госпожа Хуа сидела в главном зале, ярко освещенном свечами. По обе стороны, выстроившись в ряд, стояли служанки — человек двадцать, — разодетые в самые лучшие платья. Все это выглядело так, будто *богиня Запада сидит в Яшмовом дворце, окруженная своими феями.

Госпожа приказала позвать управляющего закладной лавкой.

Войдя в зал, Тан Инь низко поклонился хозяйке, и та сказала:

— Господин говорил, что ты усерден в работе, и мы решили сосватать тебя. Так вот, выбирай из этих служанок любую.

С этими словами она приказала старой мамке взять свечу и осветить управляющему, чтобы он мог лучше разглядеть каждую из них.

Тан Инь оглядел всех служанок: многие были хороши собой, однако Цюсян среди них не оказалось. Тогда он отошел в сторону и стал там, не говоря ни слова.

— Спроси Хуа Аня, которая ему понравилась?— приказала госпожа мамке.— Пусть он ту себе и берет.

Тан Инь продолжал молчать. Госпоже Хуа это не понравилось.

— Уж слишком ты требователен и разборчив!— сказала она Тан Иню.— Неужели из всех этих служанок нет ни одной, которая пришлась бы тебе по вкусу?

— Я благодарен госпоже за исключительную милость и за то, что мне самому дозволено выбрать себе жену. Как я, ничтожный человек, смогу отблагодарить за все это, право, не представляю. Но здесь еще не вся личная прислуга госпожи. А коли уж госпожа столь добра, то я хотел бы видеть их всех.

— Ты, пожалуй, думаешь, что мне жалко тебе их показать,— засмеявшись, сказала госпожа Хуа.— Ладно, позовите и тех четырех с моей половины,— распорядилась она.— Пусть посмотрит, пусть будет так, как он хочет.

Надо сказать, что те четыре служанки — каждая имела свои обязанности и звали их Чуньмэй, Сяцин, Цюсян и Дунжуй. Чуньмэй ведала головными украшениями, румянами и белилами; в ведении Сяцин находилось приготовление ароматов и чая; Цюсян отвечала за платья всех четырех времен года; на обязанности Дунжуй лежали вина, фрукты и сладости.

Поспешив на зов госпожи, служанки не успели переодеться и пришли каждая в чем была. На Цюсян было прежнее синее платье.

Мамка ввела служанок в зал, и они стали за спиной своей хозяйки. В зале ярко горели свечи, и было светло как днем. Тан Инь сразу же заметил среди них ту, которая покорила его своей красотой, но продолжал сто-

ять, не раскрывая рта. Догадливая старая мамка подошла к нему сама и спросила:

— Ну, кого же ты выбрал?

Тан Инь отлично знал имя своей избранницы, но не посмел назвать его и, указывая на нее пальцем, прознес:

— Если бы вон ту, в синем платье, я был бы вполне удовлетворен.

Госпожа Хуа оглянулась на Цюсян и улыбнулась. Затем она попросила управляющего покинуть зал.

Тан Инь вернулся в лавку с радостью и тревогой на душе. Он был доволен тем, что все так хорошо складывалось, но боялся, как бы дело не сорвалось. И вдруг он случайно бросил взгляд на луну, яркое сияние которой освещало все вокруг, как днем.

Шагая взад и вперед по комнате, он стал *скандировать стихи:

*В зелени тополя ветер стихает,
птицы на ветках находят приют;
Думы мои, безнадежные думы
позднею ночью уснуть не дают.
Высказать думы и чувства мои
трудно мне тем, кто меня окружает,—
Ясной луне я поведаю их,
синее небо пусть их узнает.*

На следующий день госпожа Хуа рассказала обо всем мужу. Для Тан Иня была отведена брачная комната, приготовлены кровать с пологом, различная мебель, утварь, — чего только там не было. Кроме того, вся прислуга без конца несла Тан Иню, как будущему управляющему, подарки, и его комната выглядела теперь так, словно на парадной разукрашенной открытке.

Был выбран *благоприятный день для свадьбы. Господин Хуа с супругой взяли на себя обязанность главных распорядителей брачной церемонии. В парадном зале совершили торжественный обряд, а затем молодых под звуки музыки ввели в их новую комнату. Там Тан Инь и Цюсян *«соединили чаши» и стали мужем и женой.

Нечего здесь и говорить о том, как они были счастливы.

Ночью Цюсян сказала Тан Иню:

— Ваше лицо мне очень знакомо. Где же я вас видела?

— Подумай сама,— ответил Тан Инь.

Прошло несколько дней, и однажды Цюсян спросила мужа:

— Не вас ли я видела в большой прогулочной джонке возле ворот Чанмэнь?

— Да, это был я,— с улыбкой ответил Тан Инь.

— Если так, то зачем же вы нанялись в этот дом? Вы ведь не простолюдин?

— Я не мог забыть улыбки, которой ты одарила меня, проезжая мимо на джонке. Поэтому мне и пришлось так поступить, чтобы снова тебя встретить.

— Из своей лодки я заметила, что вас окружали молодые люди, которые протягивали вам свои веера и наперебой просили вас написать или нарисовать им что-нибудь. А вы, не обращая на них никакого внимания, облокотились на окно и стали пить вино так, будто возле вас никого и не было. Тогда-то я и поняла, что вы не из простых людей, и невольно улыбнулась.

— Если ты сумела в простом человеке признать ученого,— ответил ей Тан Инь,— то тебя поистине можно сравнить с *Хунфу и *Вэньцзюнь.

— Затем,— продолжала Цюсян,— я как будто еще раз видела вас уже здесь, на улице Наньмэнь.

— Ну и острые у тебя глаза!— с улыбкой заметил Тан Инь.— Действительно, это так.

— Если вы не простолюдин, то кто же вы на самом деле? Могу ли я узнать вашу настоящую фамилию и имя?

— Я — Тан Инь из Сучжоу. Сама судьба подарила мне нашу встречу, и все получилось так, как я хотел. Теперь я тебе все объяснил, и ты понимаешь, что оставаться я здесь больше не могу, а с тобой я хотел бы прожить вместе до самой старости. Так скажи, согласишься ли ты уехать со мной отсюда?

— Если вы, знатный и ученый человек, ни с чем не посчитались и решили снизить до меня, простой служанки, как осмелюсь я поступить против вашей воли и не последовать за вами?

На следующий день Тан Инь взял книгу расходов по лавке, подвел все итоги и написал подробный счет, затем составил счет на платье и украшения, полученные от хозяина, включив сюда также и постель с пологом и всю утварь, которая ему была дана при женитьбе. Другую опись он составил на все подарки, которые ему

были преподнесены в этом доме. Ни одной ниточки не хотел он унести с собой из дома ученого.

Все три счета Тан Инь сложил в книжный шкафчик, ключ от которого оставил в замке. Затем он написал на стене следующие стихи:

*Решив однажды на досуге побродить,
поехал я в *пещеры Хуаяна,
Но с полдороги вдруг обратно повернул
в погоне за красавицей прелестной.
Повсюду следовать хотел я за Хунфу
и с ней одной делить уединенье.
Посмел просить у благородного *Чжу Цзя
пристанища усталому бродяге.
Уж раз добился я успеха своего,
так можно ли смеяться надо мною!
Хотя и бросил дом ничтожнейший слуга,
но полон он стыда за свой поступок.
И если, сударь, вам захочется узнать,
как называюсь я на самом деле —
«Навес» в фамилии от знака «процветанье»,
и «крышка» в имени от знака «повеленье».*

В тот же вечер Тан Инь нанял маленькую лодку, велел подать ее к дому Хуа и ночью, когда все спали, запер свою комнату и покинул дом ученого. Вместе с Цюсян они сели в лодку и отправились в Сучжоу.

Утром слуги нашли комнату Тан Иня запертой на замок и тотчас побежали доложить об этом хозяину. Когда по приказу Хуа комната была открыта, хозяин увидел, что все в ней осталось так, как было; в книжном шкафчике он нашел три счета, составленные с предельной точностью.

Ученый задумался: он не мог понять, что бы все это могло означать. Подняв голову, он увидел стихотворение, написанное на стене. Стихи ясно говорили ему, что его слуга в действительности был не Кан Сюанем, как он отрекомендовал себя вначале, но никак не мог понять, что же в конце концов заставило этого человека так долго пробыть в его доме. В честности секретаря хозяин не сомневался, так как у него не пропало ни гроша. Не мог он понять и того, как Цюсян согласилась убежать вместе с ним; не знал, где находятся теперь беглецы.

«Не беда, что пропала служанка, — думал про себя господин Хуа. — Но надо бы хоть выяснить, в чем тут дело».

Поразмыслив, хозяин велел своим слугам позвать людей из областного управления, изложил им все, как было, дал денег и поручил найти Кан Сюаня и Цюсян. Те разыскивали их повсюду, но так и не попали на их след.

Прошло больше года, и господин Хуа почти забыл об этом происшествии. Однажды он случайно оказался в Сучжоу, куда поехал навестить друга. Когда он проходил мимо ворот Чанмэнь, слуга, сопровождавший его, обратил внимание на какого-то ученого, который в книжной лавке рассматривал книги. Лицом и всем своим обликом ученый очень походил на Хуа Аня. На левой руке у него было шесть пальцев. Слуга поспешил доложить об этом хозяину. Тот, не поверив, снова послал его в лавку и велел внимательно присмотреться к этому человеку и узнать его фамилию и имя.

Когда слуга подходил к лавке, ученый, разговаривая с кем-то, уже спускался к выходу. Пронырливый слуга решил не упускать случая и тихонько последовал за ними. Те направились к воротам Тунцзымэнь и сели там в лодку. С ними было четверо или пятеро слуг. Внимательно разглядев ученого, слуга окончательно убедился в том, что это не кто другой, как Хуа Ань. Для верности слуга вернулся в книжную лавку и спросил хозяина, кто это сейчас рассматривал у него книги.

— Это почтенный цзеюань Тан Боху. Сегодня он пирует у *Вэнь Хэншаня на лодке.

— Значит, тот человек, который с ним вместе вышел отсюда, и есть господин Вэнь Хэншань,— поинтересовался слуга.

— Нет, это *Чжу Чжишань, тоже известный ученый.

Слуга в точности передал все своему хозяину. Крайне удивленный, Хуа призадумался:

«О Тан Ине, его проделках и легкомыслии я давно слышал. Неужели Хуа Ань — это он?! Завтра же отправлюсь к нему с визитом, чтобы убедиться, так это или нет».

На следующий день господин Хуа отослал Тан Иню свою визитную карточку, а затем сам отправился в Уцюй, где жил поэт. Хозяин поспешил выйти навстречу гостю. Обменявшись приветствиями, хозяин и гость уселись друг против друга. Господин Хуа, еще и еще раз внимательно присмотревшись к поэту, окончательно убедился в том, что это Хуа Ань.

Когда Тан Инь стал угощать гостя чаем, господин Хуа обратил внимание на белые, как яшма, руки хозяйна и на шестой палец на его левой руке. Хуа хотел было расспросить его обо всем, но как-то затруднялся начать разговор.

После чая Тан Инь пригласил гостя посидеть у него в кабинете. Господин Хуа, сомнения которого еще не были разрешены, охотно согласился. В кабинете все было аккуратно прибрано, во всем был виден порядок.

Вскоре было подано вино, за которым гость и хозяин просидели немало времени. Наконец господин Хуа завел разговор на интересовавшую его тему.

— В вашем уезде,— начал он,— живет некий Кан Сюань. Человеку этому не удалось окончить свое образование. Несмотря на это, он прекрасно разбирается в литературе. Не знаете ли вы его?

— Н-да,— как-то неопределенно протянул Тан Инь.

— В прошлом году,— продолжал Хуа,— он нанялся ко мне секретарем. Я назвал его Хуа Анем. Первое время он занимался с моим сыном, потом я поручил ему ведать перепиской в моем кабинете и в конце концов сделал управляющим закладной лавкой. Так как он не был женат, я предложил ему на свой вкус выбрать в жены какую-либо служанку. Он выбрал Цюсян. Через несколько дней после свадьбы он со своей женой бежал, не взяв никаких вещей, так что я никак не мог понять причину его исчезновения. Я разослал в разные места людей, чтобы навести о нем справки, но его так и не нашли. Может быть, вам что-нибудь известно об этом?

Тан Инь опять пробурчал что-то невнятное.

Было ясно, что хозяин не хочет ничего вразумительного ответить, и господин Хуа не выдержал.

— Человек этот был очень похож на вас; на левой его руке тоже был шестой палец,— заявил Хуа.— Не кажется ли вам странным такое совпадение?

И на это Тан Инь ничего определенного не ответил. Через какой-то миг он вдруг поднялся с места и вышел из кабинета. Хуа тем временем стал рассматривать книги, лежавшие на столе. В одной из них гость нашел листок со стихами. Это оказались как раз те самые стихи, которые господин Хуа прочел на стене в комнате управляющего.

И тут в кабинет вернулся Тан Инь.

— Эти стихи,— сказал господин Хуа, протягивая ему листок,— сочинены Хуа Анем. В почерке, которым

они написаны, я узнаю его руку. Как вышло, что они оказались здесь, в вашем кабинете? Ведь не случайно же все это. Очень прошу вас объяснить мне, в чем дело, и рассеять мои сомнения.

— Позвольте об этом рассказать вам немного позже.

— Если вы мне все расскажете, я посижу,— сказал терявшийся в догадках гость,— в противном случае разрешите откланяться.

— Ответить на ваши вопросы нетрудно, прошу вас только отведать еще вина.

Хуа выпил еще. Затем Тан Инь преподнес гостю большой кубок.

— Это уж слишком,— ответил захмелевший Хуа.— Больше я не в состоянии пить. Очень прошу вас разрешить мои сомнения. Это единственное, чего бы мне хотелось, и больше мне ничего не надо.

— Прошу вас съесть хоть чашку риса,— не унимался Тан Инь.

После еды был подан чай. Незаметно наступили сумерки. Слуга зажег свечи. Совершенно сбитый с толку, господин Хуа наконец поднялся и стал прощаться.

— Прошу вас, почтенный, еще немного задержаться,— остановил его Тан Инь.— Сейчас я отвечу на ваши вопросы и рассею ваши сомнения.

Приказав слуге посветить, хозяин провел гостя во внутренние покои, где ярко горели свечи, и позвал жену. Господин Хуа увидел, как в сопровождении двух служанок в комнату легкими *лотосовыми шажками» вошла молодая женщина. Ее лицо было скрыто жемчужной бахромой головного убора.

Господин Хуа, смущенный появлением молодой женщины, хотел было удалиться, но Тан Инь удержал его за рукав.

— Это моя жена. Почтенному другу моей семьи она обязана поклониться, так что незачем вам стесняться ее.

Слуги расстелили ковер, молодая женщина подошла к гостю и четырежды земно поклонилась ему. Господин Хуа поспешил ответить на приветствие. Но Тан Инь остановил его и просил не обременять себя церемониями. Гость, не без стеснения, ответил женщине только двумя обычными поклонами и чувствовал себя чрезвычайно неловко.

Когда церемония была закончена, Тан Инь подвел молодую женщину к гостю и с улыбкой сказал:

— Прошу вас посмотреть хорошенько. Только что вы говорили, что я похож на Хуа Аня. Не признаете ли вы в этой женщине Цюсян?

Посмотрев внимательно на жену Тан Иня, господин Хуа громко рассмеялся и, поспешив еще раз ей поклониться, стал просить извинения.

— Это мне следует просить у вас прощения,— заметил Тан Инь.

Хозяин и гость вернулись в кабинет. Тан Инь приказал снова подать вино и закуски. Кубки осушались и снова наполнялись.

За вином гость попросил, чтобы хозяин посвятил его во всю эту историю. Тогда Тан Инь подробно рассказал ему все, что с ним случилось, начиная с того дня, когда он впервые возле Чанмэнь увидел в лодке служанку, и кончая побегом. Гость и хозяин, хлопая в ладоши, громко смеялись от удовольствия.

— Теперь я уже, конечно, не смею смотреть на вас как на секретаря,— шутил господин Хуа,— придется вам приветствовать меня как тестя.

— Боюсь, что тогда вы будете вынуждены снова потратиться на приданое,— заметил Тан Инь, и оба расхохотались.

Необычайно довольный проведенным вечером, господин Хуа простился с Тан Инем.

Возвратясь к себе на лодку, Хуа вынул из рукава листочек со стихотворением Тан Иня, положил его перед собой на стол и стал перечитывать, вдумываясь в каждую строку:

«В самом начале сказано: «Решив однажды на досуге побродить, поехал я в пещеры Хуаяна»,— здесь говорится о том, как он поехал в Маошань возжечь в храме свечи.

Далее: «Но с полдороги вдруг обратно повернул в погоне за красавицей прелестной». Тут явно говорится о встрече с Цюсян и о том, что эта встреча заставила поэта бросить все остальные дела.

Теперь дальше: «Повсюду следовать хотел я за Хунфу и с ней одной делить уединенье. Посмел просить у благородного Чжу Цзя пристанища усталому бродяге». Значит, когда Тан Инь поступал ко мне в услужение, он уже помышлял о браке с Цюсян и о бегстве с ней.

Третья пара строк: «Уж раз добился я успеха своего, так можно ли смеяться надо мною! Хотя и бросил дом ничтожнейший слуга, но полон он стыда за свой поступок». Ну, здесь все понятно.

Наконец, последняя пара строк: «И если, сударь, вам захочется узнать, как называюсь я на самом деле — «навес» в фамилии от знака «процветанье» и «крышка» в имени от знака «повеленье». У иероглифа «процветание» и у иероглифа «тан», являющегося фамильным знаком Тан Иня, верхние части совершенно одинаковы; знак «повеленье» имеет наверху точно такую же «крышку», как и знак «инь», которым пишется его имя. Так что под этой иероглифической шарадой скрывались его фамилия и имя — Тан Инь. А я-то сам не сумел во всем этом разобраться!

Ну что ж, хоть поступок его и похож на безумство, но из моего дома он не взял ничего даже из тех вещей, что были ему подарены, а это одно уже свидетельствует о его исключительной порядочности. И все же не зря его называют ветреником».

Дóма господин Хуа рассказал о случившемся жене, которая в свою очередь немало была всем этим поражена. Господин и госпожа Хуа собрали для своей бывшей служанки богатое приданое стоимостью около тысячи ланов и отослали его со старой мамкой господину Тан Иню.

С тех пор обе семьи породнились, и члены этих семей постоянно поддерживали добрые отношения друг с другом.

Приключения Тан Иня, описанные здесь, до сих пор еще являются излюбленной темой рассказов в провинции Цзянсу. До нас дошла песня Тан Иня «Я свечи возжигал в молчании смиренном», в которой он говорит о своих сокровенных чувствах и мыслях. Очень хорошо написано! Вот что в ней сказано:

*Возжигаю курения, молча сижу
и в себе разбираюсь само;
Обращение к буддам бормочут уста,
размышления в сердце моем.
Есть ли речи такие в устах у меня,
что могли бы людей обмануть?
Есть ли мысли подобные в сердце моем,
что кому-то представлятся злом?
Почитание старших, надежность и честь
появляются только тогда,*

Когда люди умеют заставить уста
быть созвучными сердцу во всем.
Все другие достоинства слишком малы,
и когда кто-то следует им,
Как бы он ни старался себя отточить,
не сравнится со мною ни в чем.
Люди веткой цветущей украсят главу,
в руки винную чашу возьмут;
Любят люди смотреть на танцующих дев,
слушать — отроки песни поют.
Об утехах с красотками да о пирах
мы слышали от древних мужей,
И сегодня, согласно их мудрым речам,
все такое постыдным зовут.
Но бывает и так, что в сердцах у людей
то же самое, что на устах:
Без конца замышляют других обмануть,
не по правилам Неба живут.
Иль дела неблагогие творят в темноте,
отрекаясь от них на свету,
Только пользы от этого им никакой,—
вот уж, право, нестоящий труд.
Так послушайте вы, кто собрался сюда,
я сегодня поведаю вам:
Житель мира сует непременно умрет,
если был он однажды рожден.
Коль умершему перед владыкой *Яньло
от стыда не придется краснеть,
Вот тогда убедиться сумеем мы в том,
что был мужем достойнейшим он¹.

¹ Перевод Л. Меньшикова.

Ли-небожитель,
пьяный,
пишет письмо,
устрашившее варваров

*То время зависти достойно:
поэт и небожитель Ли
Стихи слагал за чаркой винной,
и за строфой лилась строфа.
Умом и глубиной познаний
унизил он временщиков.
В руках не кисть, а вихрь и тучи —
искусством древних превзошел.
*Бохай и дальние заставы
он в страх поверг своим письмом
И ту, что *«государства рушит»,
воспел и песнею пленил.
Не думай, что талант великий
теперь исчез для нас навек.
Вблизи *Цайши при лунном свете
его увидим мы всегда.*

Говорят, что в эпоху *Тан, во времена императора *Сюань-цзуна, жил талантливый человек по фамилии Ли, по имени Бо, *второе имя его было Тайбо. Это был уроженец области Цзиньчжоу, что в провинции Сычуань, внук в девятом поколении Ли Хао, императора *Западной Лян. Однажды матери Ли Бо приснилось, что звезда Чангэн упала ей на грудь, и она зачала. Звезду, которую она видела во сне, называли еще и «Тайбо», так что и *первое, и второе имя мальчику дали исходя из названия этой звезды. Ли Бо от рождения был красив и изящен, телосложения удивительно правильного, а в его манерах и во всем его облике было что-то от мира бессмертных. В десять лет он уже прекрасно разбирался в *классических книгах и династийных историях, а из уст его так и лились поэтические строфы. Все хвалили его и говорили, что у него *«уста узорчатые и ум цветист»; были даже такие, которые счи-

тали его бессмертным духом, спустившимся на землю. Поэтому его и прозвали «Ли-небожитель».

Стихи, которые в честь него написал *Ду Фу, свидетельствуют обо всем этом:

*Был гость у нас недавно безрассудный,
Его все величали «небожитель».
Опустит кисть — трепещут дождь и ветер,
Стих сложит — плачут демоны и духи.
Талантом редким он себя прославил,
Всех современников затмил.
Его стихи узорами богаты,
Останутся в веках его творенья.*

Сам Ли Бо называл еще себя «отшельником из *Цинляни». Всю жизнь он любил вино и, нисколько не стремясь к служебной карьере, мечтал только о том, чтобы обойти всю страну, побывать на всех знаменитых горах и перепробовать все лучшие вина на свете. Сначала он поднялся на горы *Эмэй, потом поселился на *Юньмэне; жил отшельником в Чжуци, что в горах *Цзулайшань, где с *Кун Чаофу и другими — всего их было шестеро — дни и ночи пил вино. Всех их так и прозвали «шесть отшельников из Чжуци». Кто-то сказал Ли Бо, что самое лучшее вино в области *Хучжоу, в Учэне, и он направился туда, не посчитавшись с расстоянием в тысячу *ли. Там, в винной лавке, он дал себе волю и пил, не обращая ни на кого внимания. Как раз в это время мимо проезжал помощник начальника области. До его слуха донеслась громкая песня, и он послал одного из своей свиты узнать, кто поет. Ли Бо ответил стихами:

*Изгнанник неба — а теперь отшельник,
живет в Цинляни,
Скрывается от славы в винных лавках
уже лет тридцать.
Помощнику начальника Хучжоу
зачем он нужен?
Цзиньсу — мир осчастливившего Будды
прямой потомок.*

— Уж не сычуаньский ли это Ли-небожитель? Давно слышан! — воскликнул помощник начальника области, удивленный таким ответом, и тут же пригласил Ли Бо к себе.

Десять дней они вместе пили. Расставаясь, помощник начальника щедро одарил поэта и на прощанье сказал ему:

— С вашим высоким талантом получить *синий или бордовый шнур у печати не трудней, чем подобрать с земли былинку. Почему бы вам не поехать в *Чаньань и не принять участие в *столичных экзаменах?

— При нынешних правителях, — ответил Ли Бо, — в государственных делах царят беспорядок и хаос, честность и справедливость совершенно исчезли; те, кто низкопоклонничает, поднимаются на высокие посты; тот, кто дает взятки, получает ученую степень. Если не прибегнуть к этим средствам, то, обладай ты мудростью *Мэна и *Куна или талантами *Чао и *Дуна — все равно ничего не достигнешь. Поэтому я предался поэзии и вину — по крайней мере не придется терпеть обид от невежд-экзаменаторов.

— Все это, конечно, так, — заметил помощник начальника области, — но кто вас не знает? Стоит вам только приехать в Чаньань, а там, несомненно, найдутся люди, которые о вас позаботятся.

Последовав его совету, Ли Бо отправился в Чаньань. Однажды, прогуливаясь по двору Полярной звезды, он повстречался с придворным ученым *Хэ Чжичжаном. Каждый назвал свою фамилию и имя. Новые знакомые очень понравились друг другу. Хэ Чжичжан пригласил поэта в винную лавку, снял там с себя соболью шапку, украшенную золотом, и обменял ее на вино. Пили они до самой ночи. Затем ученый пригласил поэта к себе и оставил у себя ночевать. Новые знакомые настолько сблизились, что решили побрататься. На следующий день Ли Бо перенес свои пожитки к Хэ Чжичжану. Ежедневно друзья беседовали о стихах и пили вино. Хозяин и гость получали истинное наслаждение от общения.

Время летело быстро, и незаметно подошел срок столичных экзаменов.

— Этой весной, — сказал Хэ Чжичжан, — главным экзаменатором будет *Ян Гочжун, старший брат *Янгуйфэй и наставник императора, а надзирателем — президент Военной палаты Гао Лиши. И тот и другой падки до денег. И если у вас, дорогой брат, не найдется золота или серебра, чтобы подкупить их, то пусть ваши познания достигают небес — все равно не удастся вам повидать императора. И тот и другой мне знакомы; по-

пробую написать им письмо, чтобы предупредить о вас и попросить их покровительства: может быть, они почитаются с моей просьбой.

И хотя Ли Бо не нуждался в покровительстве, так как был человеком необычайно талантливым, ему все же пришлось согласиться с предложением друга — таков был век; к тому же ему не хотелось перечить человеку, который всей душой желал ему помочь. Хэ Чжичжан написал письмо и послал наставнику императора Ян Гочжуну и президенту Военной палаты Гао Лиши. Те прочитали и возмутились.

— Хэ Чжичжан сам получил от Ли Бо деньги, а нам посылает пустое письмо и хочет за наш счет быть добрым,— холодно усмехнувшись, заметил один из них.— Ладно, возьмем себе на заметку: если среди экзаменационных сочинений попадется подписанное Ли Бо, сразу же отвергнем его, какое бы оно там ни было — хорошее или плохое.

В третий день третьего месяца широко раскрылись ворота императорского дворца, куда собрались все таланты Поднебесной, чтобы представить свои сочинения. Ли Бо, превосходивший других своими знаниями и способностями, не отрывая кисти, мигом написал свое сочинение и первым сдал его. Ян Гочжун, увидев на нем имя Ли Бо, даже не стал читать сочинения, перечеркнул все и сказал:

— Такой ученый годится разве только растирать мне тушь!

— Куда там! Ему впору только сапоги с меня стаскивать!— добавил Гао Лиши и приказал вытолкать Ли Бо вон. Действительно: правду говорят: «Не стремись, чтобы твое сочинение угодило Поднебесной, а стремись, чтобы твое сочинение угодило экзаменаторам».

Ли Бо, до предела возмущенный подобной несправедливостью, вернувшись домой, поклялся: «Если в конце концов мне удастся добиться своего, непременно заставлю Ян Гочжуна растирать мне тушь, а Гао Лиши стаскивать с меня сапоги. Только тогда успокоюсь».

— Не стоит волноваться!— уговаривал его Хэ Чжичжан.— Оставайтесь пока у меня. Через три года снова будут экзамены; сменят экзаменаторов — и вы, безусловно, выдержите.

Друзья целыми днями пили вино, сочиняли стихи, и незаметно — день за днем, месяц за месяцем — прошел целый год.

Случилось так, что однажды в столицу прибыли с письмом послы из далекой страны. К Хэ Чжичжану был послан гонец с высочайшим приказом от императора встретить иноземных послов и сопроводить их в гостиницу. На следующий день ведающий приемами иноземных послов принял от них письмо. Сюань-цзун приказал созвать всех ученых, состоящих при императорской Академии. Послание распечатали, но никто не мог ничего в нем понять.

— Все письмо написано знаками, которые не что иное, как *отпечатки лап животных и птиц. Наши познания слишком ничтожны, и мы не можем разобрать ни одного слова, — доложил императору один из придворных ученых, отбивая поклоны перед *золотыми ступенями.

Тогда император велел позвать главного экзаменатора Ян Гочжуна и приказал ему прочитать письмо. Тот уставился на письмо, но тоже ничего не мог понять. Тогда император опросил все гражданские и военные чины при дворе, но не нашлось никого, кто мог бы прочитать грамоту, и оставалось неизвестным, добрые или злые речи содержатся в послании. Император пришел в ярость и обрушился на придворных:

— Что толку, что при дворе полно гражданских и военных чинов, если среди них нет ни одного настоящего ученого, который мог бы вывести своего императора из затруднительного положения! Если не сумеем прочесть письма, то как ответить, с чем отпустить послов? Только опозорить себя и стать посмешищем для варварской страны. В пренебрежении к нам она еще дерзнет поднять щиты и копья, чтобы напасть на наши границы. Что тогда будет? Даю три дня. Если за этот срок никто не сможет прочесть послание варваров, все будут лишены жалованья; если за шесть дней никого не найдется, всех лишу должностей; если и за девять дней никто не прочтет, все будут строго наказаны, а посты займут другие — мудрые и достойные, которые смогут быть опорой государства.

Чиновники безмолвствовали, никто больше не осмеливался ни о чем докладывать. Император был в отчаянии.

Хэ Чжичжан, вернувшись с аудиенции, рассказал обо всем Ли Бо. Выслушав друга, Ли Бо с усмешкой заметил:

— Жаль, что в прошлом году мне не повезло на экзаменах — не пришлось получить чина, и теперь я не могу облегчить положение нашего императора.

— Значит, ученость и таланты моего брата столь велики, что он может прочесть это послание?!— немало удивленный, воскликнул Хэ Чжичжан.— Непременно доложу о вас императору.

На следующий день во время аудиенции Хэ Чжичжан вышел вперед из рядов придворных и обратился к императору со следующими словами:

— Докладываю вашему императорскому величеству, что у меня в доме живет *сюцай по фамилии Ли, по имени Бо. Это талантливый и знающий ученый, и если кто может разобрать письмо варваров, то это именно он.

Император тут же послал к Хэ Чжичжану гонца с высочайшим повелением Ли Бо явиться во дворец.

— Я простолюдин из далеких краев, без талантов и знаний,— ответил Ли Бо императорскому гонцу.— Ныне при дворе императора много чинов, и все они люди глубокоученые. Что же обращаться к такому невежде, как я? Я не осмелюсь явиться ко двору — боюсь, как бы не оскорбил этим знатных сановников.

Словами «боюсь, как бы не оскорбил этим знатных сановников» Ли Бо намекал на Ян Гочжуна и Гао Лиши.

Посол вернулся во дворец и доложил обо всем императору.

— Скажите, почему же Ли Бо не пожелал выполнить приказ и явиться во дворец?— спросил император у Хэ Чжичжана.

— Я знаю, что Ли Бо превосходит любого своими талантами, а глубине его познаний приходится лишь изумляться. Но вот в прошлом году на государственных экзаменах его сочинение было отвергнуто экзаменаторами, а его самого позорно вытолкали за дверь. И сегодня, когда вы послали за ним, ему, конечно, было стыдно в одежде простолюдина явиться ко двору. Прошу вас, ваше императорское величество, оказать милость и послать за ним какого-нибудь знатного сановника. Не сомневаюсь, что он тогда явится.

— Принимаю во внимание ваш доклад и жалую Ли Бо степень *цзиньши,— произнес император.— Пусть он явится на аудиенцию в *фиолетовом халате, при золотом поясе, в шапке из тонкого шелка, имея при себе дощечку из слоновой кости. А вас,— продолжал император, обращаясь к Хэ Чжичжану,— попрошу лично отправиться за ним и привести его во дворец. Надеюсь, что вы не откажетесь.

Вернувшись домой с императорским указом, Хэ Чжичжан попросил Ли Бо прочесть указ, а затем рассказал ему, как искренен император в своем стремлении иметь мудрых людей при дворе. Ли Бо надел платье, пожалованное ему императором, поклонился в сторону дворца, сел на коня и, следуя за Хэ Чжичжаном, отправился во дворец.

Сюань-цзун, сидя на троне, ожидал прихода Ли Бо.

Приблизившись к золотым ступеням, Ли Бо по всем правилам церемониала пал ниц перед императором, пожелал ему многих лет жизни, поблагодарил за оказанную милость и замер в поклоне.

Увидев Ли Бо, император обрадовался так, словно бедняк обрел богатство, словно слепец увидел свет, словно голодный получил еду, словно над высохшей землей появились дождевые облака. Сюань-цзун раскрыл свои царственные уста и обратился к поэту:

— К нам прибыло послание из чужеземной страны, но нет человека, который смог бы прочесть его. Поэтому я специально послал за вами, достойнейший, чтобы вы вывели нас из затруднения.

— Знания мои так ничтожны, что я даже не прошел на экзаменах: наставник императора отверг мое сочинение, а президент Военной палаты приказал вытолкать меня за дверь,— отвечал Ли Бо, низко кланяясь императору.— Теперь, когда получено это письмо, можно было приказать экзаменаторам ответить на него, и тогда не пришлось бы задерживать чужестранных послов. Я всего лишь отвергнутый сюцай, и если я не угодил экзаменаторам, то смею ли надеяться, что смогу угодить самому императору?

— Я знаю все о вас, достойнейший. Не отказывайтесь!— возразил император и приказал одному из придворных подать Ли Бо послание. Пробежав его взглядом, Ли Бо ухмыльнулся и, обращаясь к императору, стал переводить послание. Читал он плавно, без запинок:

*«Великий кэду страны Бохай посылает письмо правителю танского государства. Когда ты занял *Когурё, ты подступил вплотную к нашей стране, и твои пограничные войска не раз нападали на мои владения. Не сомневаюсь, что все это делалось по твоей воле. Не желаю больше терпеть этого и посылаю сановников договориться по-хорошему. Отдай нашей стране сто семьдесят шесть городов Когурё, и я подарю взамен много хороших вещей: лекарственные травы с горы *Тайбо, холст из Наньхая, барабаны из Чжачэна, олени из Фуюя, свиньи из Мосе, кони из Шуайбиня, хлопок из Вочжоу, карпы из реки Мэйто, сливы из Цзюду, груши из Лоюя — все это ты будешь иметь. Если и на это не согласишься, я подыму войска, и будем сражаться — посмотрим, кто кого победит!»*

Когда чтение письма было закончено, чиновники невольно переглянулись друг с другом и в ужасе забормотали: «Как они посмели?!» Лицо императора стало грустным, он долго вздыхал и наконец обратился к придворным:

— Страна эта намерена поднять войска и идти на Когурё. Что же нам следует предпринять, чтобы дать отпор?

Придворные в ряду гражданских и в ряду военных чинов стояли как истуканы, никто из них не осмеливался ответить. Тогда Хэ Чжичжан обратился к императору:

— Император *Тай-цзун трижды ходил войной на Когурё. Невесть сколько народу погибло тогда, победы не одержали, а государственная казна опустела. Хорошо еще, что *Гай Сувэнь умер, а его сын Наньшэн, поссорившись из-за власти со своим младшим братом, стал нашим проводником; и хотя тогда император *Гао-цзун послал миллион отважных солдат во главе с прославленными генералами Ли Цзи и Се Жэньгуем, победить удалось лишь после сотни мелких и крупных сражений. Теперь, когда наше государство уже давно находится в состоянии мира, когда, можно сказать, нет ни генералов, ни солдат, трудно поручиться за безусловную победу, если копья и щиты снова придут в действие. Война повлечет за собой лишения и бедствия, которым неизвестно когда настанет конец. Хотелось бы, чтобы ваше величество приняло это во внимание.

— Если так, то какой же ответ послать им?— спросил император.

— Попробуйте, ваше императорское величество, спросить Ли Бо,— посоветовал Хэ Чжичжан,— он, безусловно, сумеет ответить как надо.

Император подозвал к себе Ли Бо и обратился к нему с тем же вопросом.

— Почтительно докладываю императору,— произнес Ли Бо,— пусть это дело не тревожит вас. Прикажите послам завтра прийти во дворец. Я при них же напишу ответ на их языке. В этом ответе я так унижу и устыжу иноземцев, что их кэду будет вынужден смиренно покориться.

— А кто это такой —«кэду»?— спросил император.

— У бохайцев принято называть своего князя кэду,— ответил Ли Бо,— все равно как уйгуры называют своего князя *кэхань, *туфани — цзаньпу, *лу чжао — чжао, а *хэлины — симо. Каждый — по-своему.

Обрадованный столь обстоятельным ответом, император в тот же день произвел Ли Бо в члены Придворной Академии. Во Дворце золотых колокольчиков в честь Ли Бо был устроен пир. Мелодии *гун и шан сменяли друг друга, цитры и гусли звучали в гармонии; наложницы императора подносили вино, красавицы служанки передавали кубки.

— Пейте вволю, не церемоньтесь,— сказал император, обращаясь к Ли Бо.

Ли Бо пил, не стесняясь, и, незаметно охмелев, совсем ослабел. Тогда император приказал евнухам проводить Ли Бо в соседний зал и уложить его спать.

На следующий день в пятую *стражу император вышел в зал аудиенции. *Плеть тишины ударила три раза, гражданские и военные чины выстроились по обе стороны трона.

Ли Бо еще не успел протрезвиться, а евнухи уже топтали его на аудиенцию. После того как была закончена церемония приветствия, Сюань-цзун подозвал к себе Ли Бо. Заметив, что лицо поэта все еще носит следы опьянения и глаза полусонные, он приказал одному из придворных слуг распорядиться, чтобы в императорской кухне приготовили кислый рыбный суп, отрезвляющий от вина. Вскоре придворный слуга на золотом подносе принес чашку рыбного супа. Из чашки шел пар. Тогда император царственной своей рукой взял *палочки из слоновой кости, помешивая ими, дол-

го студил суп, а потом сам поднес его Ли Бо. Ли Бо опустился перед императором на колени, выпил суп и сразу же почувствовал себя бодро и легко. Видя, до чего дошел император в своей благосклонности к Ли Бо, чиновники удивлялись и радовались. Их удивляло, что император нарушил правила этикета, а радовало то, что он нашел нужного человека. Только Ян Гочжун и Гао Лиши были мрачны, и на их лицах отражалось недовольство.

Император приказал ввести послов. Те вошли, совершили обряд приветствия императора. Ли Бо, в своем фиолетовом платье, в шапке из тонкого шелка, взял послание бохайского князя и легкой походкой, словно небожитель, плывущий на облаках, отошел в сторону, стал возле колонны и начал читать. Прочел он все письмо громко, без запинки, не ошибаясь ни в одном знаке.

Послы были ошеломлены.

— Ничтожное государство ваше вышло из рамок приличия,— обратился Ли Бо к послам, закончив чтение.— Но великодушие нашего мудрого императора широко, как небо, и он соизволил не обратить на это внимания. Вам будет дан ответ. Извольте его смиренно выслушать!

Послы, трепеща от страха, опустились на колени перед ступенями престола. Император распорядился поставить рядом с тронем небольшой столик для письма, украшенный драгоценными металлами и редкими камнями, принести тушечницу из *хотанской яшмы, *кисть из чжуншаньской кроличьей шерсти с ручкой из слоновой кости, палочку ароматной туши, пятицветную бумагу, разрисованную золотыми цветами. Когда все это было приготовлено, император пригласил Ли Бо приблизиться к трону, занять место на парчовом табурете и набросать ответное послание.

— У вашего слуги запачканы сапоги, и он не смеет осквернить сиденье вблизи вас,— доложил Ли Бо.— Прошу вас оказать величайшую милость и разрешить мне снять сапоги и подвязать чулки, лишь тогда я осмелюсь занять приготовленное мне место.

Император, вняв просьбе Ли Бо, приказал младшему евнуху снять с Ли Бо сапоги.

— Ваш слуга еще хотел бы сказать слово,— снова обратился Ли Бо к императору,— но я решусь говорить

лишь в том случае, если ваше величество заранее простит мне мою дерзость.

— Говорите, почтеннейший, я не стану вас винить,— пообещал император.

— Когда в свое время я вошел в *Весенние дворцовые ворота, чтобы держать экзамен, наставник императора Ян отверг мое сочинение, а президент Военной палаты Гао прогнал меня прочь. Теперь, когда я вижу, как эти два человека возглавляют придворных вашего величества, мне очень не по себе. Прошу вас приказать Ян Гочжуну держать для меня тушечницу и растирать тушь, а Гао Лиши снять с меня сапоги и подвязать чулки. Только тогда слуга вашего величества воспрянет духом, уверенно поднимет кисть, набросает ответ, достойный нашего императора, и сможет оправдать доверие моего владыки.

Император, нуждаясь в Ли Бо, не решился ему перечить и потому был вынужден приказать Ян Гочжуну держать тушечницу, а Гао Лиши снять с поэта сапоги. Оба сановника отлично понимали, что Ли Бо, пользуясь временным расположением императора, решил таким образом отомстить им за оскорбление, нанесенное ему на экзаменах. Но делать было нечего — послушаться императорского приказа они не смели: оставалось только, как говорится, гневаться, но молчать. Вот уж поистине:

*Старайся не заводить вражды —
вражде потом не будет конца;
Других оскорбишь —
тебя оскорбят;
Других оболжешь —
тебя оболгут.*

Ли Бо, радостный и торжествующий, наспех подтянул чулки, вступил на коврик и сел на парчовый табурет. Ян Гочжун густо растер тушь и стал подле Ли Бо, как слуга, держа в руке тушечницу. Вы скажете, положения их так неравны: как же могло получиться, что ученый Ли сидел, а наставник императора Ян, стоя, прислуживал ему? А это потому, что устами Ли Бо должен был сейчас говорить сам император, и император одаривал поэта исключительной милостью. И раз император приказал наставнику Яну растирать тушь, не разрешая ему сесть, то ему ничего другого не оставалось, как стоя прислуживать поэту.

Самодовольно погладив бороду, Ли Бо взял кисть из кроличьей шерсти и безостановочно стал водить ею по пятицветной бумаге. Мгновение — и письмо, устроившее варваров, было готово. Знаки были написаны ровно, один к одному, и без малейшей ошибки. С почтением положил Ли Бо письмо на стол перед императором. Тот взглянул на письмо и изумился: все оно было написано на языке варваров, и ни одного знака он прочесть не мог. Он передал письмо придворным. Те тоже были поражены. Тогда император приказал Ли Бо прочесть письмо вслух.

Тут же, перед тронем, громко и четко Ли Бо начал читать свой ответ по-китайски:

*«Император великой Танской империи, правящий под девизом *«Кай-юань», высочайше повелевает бо-хайскому кэду.*

*Никогда еще яйцо не соперничало с камнем, и не змее сражаться с драконом. Волею неба династия наша правит страной, распростертой от моря до моря. Полководцы наши отважны, воины сильны, панцири крепки, оружие остро. Союзу с нами когда-то изменил *Сели и был пленен. *Лунцзань нам клялся в верности и лебедя литого подарил. *Силла хвалы нам шлет на вытканной парче; из Индии мы получаем птиц, владеющих людскою речью; из Ирана — змей, ловящих крыс; а Византия шлет нам в дар собак, что запрягают вместо лошадей; белых попугаев нам доставляют из Хэлина; жемчуг, сверкающий в ночи, нам шлет *Линьи; прославленных коней дарят нам *куруканы; отборные яства получаем из Непала. И это потому, что перед силой нашей все трепещут, но, зная о милости нашей, желают обрести покой, стремятся к миру с нами. Когда Когурё воспротивилось воле верховной, двинулись силы империи усмирить непокорных, и династия, правившая девять столетий, оказалась тут же повергнутой в прах. Пусть это послужит зеркалом примера для тех, кто идет против нас, и пусть знают, что кара ждет тех, кто против власти небесной восстанет! Вы же всего-навсего небольшая заморская страна, прилипшая к Когурё. В сравнении с нашей Срединной империей вы не больше чем малый удел, не обладающий и тысячной долей войска, боевых коней и запасов продовольствия нашей империи. На гнев кузнечика найдет управу коршун! И коли двинутся войска империи, прольется кровь на много*

тысяч ли. Вы, кэду, как и Сели, окажетесь у нас в плену, а вашей стране не избежать судьбы Когурё. Но великодушные наше безбрежно, широко, и мы склонны простить безрассудную дерзость вашу. Спешите же раскаяться, предотвратите беду и быть усердным в том, что должно вам как нашим данникам исполнить. В противном случае вы навлекете на себя беду и станете посмешищем для всех.

Трижды подумайте об этом! Таков мой указ».

Император был чрезвычайно доволен таким ответом. Он приказал Ли Бо прочесть письмо бохайским послам, а затем распорядился, чтобы к посланию приложили императорскую печать и упаковали его.

Ли Бо велел Гао Лиши надеть ему сапоги и только после этого, сойдя со ступеней, приказал послам выслушать ответ императора. Ли Бо читал внушительным и громким голосом.

Послы Бохая с землистыми от страха лицами замерли, безмолвно слушая Ли Бо. Затем, когда Ли Бо кончил, они откланялись, отвесив низкий поклон императору, и покинули дворец. Академик Хэ Чжичжан провожал послов до ворот столицы.

— Кто это только что читал приказ императора? — спросил один из послов у Хэ Чжичжана.

— Это знаменитый ученый по фамилии Ли, по имени Бо, член императорской Академии, — ответил Хэ Чжичжан.

— Как же высок должен быть его чин, если президента Военной палаты заставили снимать ему сапоги, а наставника императора — держать тушечницу! — удивлялись послы.

— Видите ли, наставник, конечно, знатный вельможа, президент Военной палаты — приближенный императора, но и тот и другой не больше, чем самые знатные чины среди людей, — ответил на это Хэ Чжичжан. — А ученый Ли — это бессмертный, спустившийся на землю, чтобы помочь нашей небесной династии. Кто же с ним может сравниться?

Послы понимающе кивнули и, простившись с Хэ Чжичжаном, покинули столицу Танской империи. На родине они рассказали своему князю, как все происходило при танском дворе. Напуганный письмом танского императора, князь Бохая стал держать совет со своими людьми. И они порешили, что раз небесной империи

помогает бессмертный святой, то устоять в борьбе с ней им не удастся. Танскому императору тут же была послана грамота, в которой кэду объявлял о своем смирении, о готовности из года в год присылать дань и раз в год являться на поклон ко двору. Но оставим это и вернемся к нашему рассказу.

Глубоко уважая Ли Бо, Сюань-цзун хотел предоставить ему высокую должность при дворе.

— Я не желал бы никакой высокой должности,— сказал Ли Бо императору,— я хотел бы только не знать никаких забот, быть вольным, делать что мне вздумается и, как *Дунфан Шо, служить императору.

— Если вы не желаете служить, то вашему выбору предоставляю все, чего вы только ни пожелаете: золото, белый нефрит, редчайший жемчуг, драгоценные камни и прочее, чем я владею сам.

— Ни золота, ни яшмы я тоже не хочу,— ответил Ли Бо.— Я бы желал только быть возле вас и ежедневно иметь возможность выпивать тридцать кубков лучшего вина. Больше мне ничего не надо.

Император знал, что Ли Бо был выше славы и почестей, и потому не стал принуждать его.

С этих пор Сюань-цзун часто удостаивал Ли Бо приглашениями на пиры, оставляя поэта ночевать во Дворце золотых колокольчиков, советовался с ним в делах управления государством и с каждым днем все больше удостаивал его своими милостями.

Как-то раз Ли Бо ехал верхом по улицам столицы и вдруг услышал звуки гонгов и грохот барабанов. Это приближалось шествие охранников и палачей, окружавших арестантскую повозку. Ли Бо остановил процессию и спросил, кого везут. Оказалось, что это военачальник из *Бинчжоу, осужденный за неудачу в военных действиях, и сейчас его везут казнить на главную площадь. Человек в арестантской повозке показался Ли Бо бравым и полным достоинства мужчиной, и он попросил арестанта назвать себя.

— Фамилия *Го, имя Цзыи,— ответил тот голосом, подобным звуку колокола. Примечательная внешность этого человека говорила о том, что он из тех, кто безусловно мог бы стать надежным столпом государства.

— Подождите!— приказал Ли Бо конвоирам.— Я лично отправлюсь ходатайствовать перед императором.

Ослушаться никто не посмел. Все знали, что это член императорской Академии Ли, небожитель, которому сам император царственной рукой размешивал рыбный суп.

Ли Бо повернул лошадь и поехал прямо во дворец. Добившись аудиенции и получив указ о помиловании, он вернулся на главную площадь, сам зачитал высочайшее повеление, открыл арестантскую повозку и освободил Го Цзыи, которому было разрешено искупить вину будущими подвигами. Го Цзыи поклонился Ли Бо, поблагодарил его за спасение и поклялся, что не преминет *отблагодарить его, как говорится, «с кольцом во рту» или «с лассо из травы».

Однако оставим пока Го Цзыи.

В то время при дворе больше всего ценили пионы, привезенные императору в дар из *Янчжоу. В императорском дворце их было четыре куста, и цвели они каждый своим цветом: ярко-красным, темно-фиолетовым, бледно-розовым и чисто-белым.

Сюань-цзун велел пересадить эти цветы к Беседке ароматов. Как-то раз, когда он здесь любовался цветами вместе со своей фавориткой Ян-гуйфэй, а музыканты из *Грушевого сада исполняли при этом различные мелодии, император заметил:

— Что же мы здесь, перед Ян-гуйфэй, любимемся новыми цветами, а слушаем старые мелодии?

Император тут же приказал распорядителю Грушевого сада Ли Гуйняню найти Ли Бо и привести его во дворец. От одного из евнухов Ли Гуйнянь узнал, что Ли Бо пошел на чанъаньский рынок в винную лавку, и он прямым путем направился туда. Не успел он подойти к площади, как услышал, что наверху, в одной из винных лавок, кто-то поет:

*Три кубка — постигаю *путь великий,
А выпью ковш — с природою сливаюсь.
В вине я обретаю наслажденье,
Которого понять не может трезвый.*

«Кто же это, если не Ли Бо?» — подумал Ли Гуйнянь и стремительно стал взбираться по лестнице. Наверху он увидел Ли Бо, одиноко сидящего за маленьким столиком; на столике стояла ваза с веточкой лазоревого персикового цветка. Поэт пил, любуясь цветком. Он был уже совсем пьян, но все еще не выпускал из рук огромного кубка.

— Император сейчас в Беседке ароматов и ждет вас там. Идите скорей!— сказал Ли Гуйнянь, подойдя к Ли Бо.

Услышав, что речь идет об императорском приказе, посетители винной лавки повскакали с мест и подошли посмотреть, в чем дело. Не понимая, что происходит, Ли Бо приоткрыл глаза, пьяным взором обвел Ли Гуйняня и проскандировал ему строфу из стихотворения *Тао Юаньмина:

*Я пьян, я спать хочу.
Идите прочь!*

Затем он закрыл глаза и задремал. Но Ли Гуйнянь твердо решил добиться своего. Он подал знак из окна своим людям, и человек семь-восемь мигом поднялись наверх. Без всяких разговоров они тут же взяли Ли Бо на руки, понесли его к выходу, посадили на пегую лошадь и двинулись в путь, поддерживая поэта.

Ли Гуйнянь, подстегивая лошадь, ехал сзади. У Башни пяти фениксов их уже ожидал евнух, посланный императором специально, чтобы поторопить Ли Бо. Поэту было высочайше разрешено въехать во дворец прямо на лошади. Тогда Ли Гуйнянь, не заставляя Ли Бо сходить с коня, вместе с евнухом препроводил поэта через внутренние покои, мимо Пруда процветания и радости, к Беседке ароматов. Увидев, что Ли Бо сидит на лошади совершенно пьяный, с крепко сомкнутыми глазами, император велел евнухам рядом с беседкой расстелить цветной ковер, снять поэта с лошади и уложить немного отдохнуть. Потом он сам подошел взглянуть на Ли Бо и, увидев слюну, текущую по лицу поэта, стер ее своим рукавом.

— Говорят, если холодной водой sprыснуть лицо, то это отрезвляет,— сказала Ян-гуйфэй.

Тогда император приказал, чтобы евнух зачерпнул воды из Пруда процветания и радости, а одна из придворных девиц набрала бы этой воды в рот и побрызгала ею лицо поэта.

Ли Бо очнулся. Перед ним был сам император. Не на шутку перепугавшись, поэт пал перед императором ниц и произнес:

— Я заслуживаю смерти и десять тысяч раз смерти! Но вино — это моя стихия, и я прошу вас простить меня.

Император сам поднял Ли Бо с колен и сказал:

— Сегодня мы любуемся прекрасными цветами, и хотелось бы слышать новые песни. Я призвал вас, уважаемый, чтобы вы написали три строфы на размер *«Чистых и ровных мелодий».

Ли Гуйнянь подал поэту бумагу с золотыми цветами. Ли Бо, все еще хмельной, взмахнул кистью — и три стихотворения тотчас были готовы. Первое из них гласило:

** В облаке вижу я платье твое,
лицо твое — в нежном цветке.
Ветер весенний перила обмел,
ты как цветок, окропленный росой;
Если не встретить тебя на *Куньлуне
яшмой в толпе красавиц,
Знаю, увижу тебя при луне
у *Изумрудных террас.*

Второе гласило:

*Редкой красы ароматный цветок
запах нежный сгущает в росе.
Мыслью о тайном свиданье с тобой
душу напрасно терзаю.
В *ханьских дворцах, разрешите спросить,
кто бы сравнился с тобой?
Только *Летящая ласточка та
в новом наряде своем.*

Третье гласило:

** Крушащая царство и славный цветок
улыбкой друг друга дарят:
Знают, что сам император сейчас,
улыбаясь, смотрит на них.
Нет у меня ни беспечных забот,
ни бесконечной тоски.
Я в Ароматов беседке, в тени,
стою, опершись на перила.*

— С таким талантом как не превзойти всех ученых из Академии! — сказал Сюань-цзун, просматривая стихи и не переставая хвалить их прелесть. Затем он приказал Ли Гуйняню переложить стихи на музыку. Музыканты из Грушевого сада заиграли, император вторил им на флейте. Когда песнь была окончена, Ян-гуйфэй поправила на голове вышитый узорчатый платок и не-

сколько раз поклонилась императору в знак благодарности.

— Не меня следует благодарить, а нашего ученого!— сказал ей император.

Тогда она взяла драгоценный кубок, наполнила его *силянским виноградным вином и приказала своей служанке поднести Ли Бо. Император дозволил Ли Бо свободно гулять по дворцовому парку и распорядился, чтобы его постоянно сопровождал евнух с лучшим вином, дабы поэт мог пить, когда и сколько ему будет угодно.

С тех пор император часто приглашал Ли Бо на пиры, которые устраивались в гареме. Ян-гуйфэй тоже оценила и полюбила поэта.

Гао Лиши, который всей душой ненавидел Ли Бо за историю с сапогами, ничего теперь не мог против него предпринять. Но однажды, когда фаворитка императора пела куплеты «Чистых и ровных мелодий», сочиненные Ли Бо, и, опершись на перила, вздыхала от восхищения, Гао Лиши подошел к ней и, убедившись, что поблизости никого нет, воспользовался удобной минутой и сказал:

— Ничтожный раб ваш сначала предполагал, что, как только вы услышите эти куплеты Ли Бо, обида и негодование переполнят ваши чувства. Почему же получилось наоборот?

— Что же в них могло меня обидеть?— удивилась фаворитка.

— «Только Летящая ласточка та, в новом наряде своем»,— процитировал Гао Лиши строку из «Чистых и ровных мелодий».— Ведь Летящая ласточка,— продолжал он,— это Чжао, жена Чэн-ди, императора династии *Западная Хань. И теперь на картинах рисуют воина с золотым подносом в руках; на подносе изображена женщина, она танцует, и в танце развеваются ее рукава. Это и есть та самая Чжао, Летящая ласточка. У нее была тонкая и гибкая талия, а поступь такой изящной и легкой, что казалось, это не женщина идет, а цветок дрожит на веточке. Любовь к ней Чэн-ди, милости, которыми он ее удостаивал, были ни с чем не сравнимы. Но оказалось, что Летящая ласточка тайно встречалась с неким Янь Чифэном и прятала его у себя в тайнике. Однажды, когда Чэн-ди вошел в ее покои, он услышал чей-то кашель за занавесом, нашел Янь Чифэна и казнил его. Хотел казнить и Летящую ласточку,

но ее младшая сестра Хэдэ спасла ее. До конца своей жизни Летящая ласточка больше не входила во дворец. И вот теперь Ли Бо сравнил вас с Летящей ласточкой — ведь это явное оскорбление. Как вы об этом не подумали?

Дело, собственно, в том, что Ян-гуйфэй в то время усыновила чужеземца *Ань Лушаня. Он пользовался правом свободно входить во дворец и тайно встречался с Ян-гуйфэй, находясь с ней в любовной связи. Во дворце об этом знали все, в неведении оставался лишь один Сюань-цзун. Своей историей о Летящей ласточке Гао Лиши уколол Ян-гуйфэй в самое сердце. Теперь она при каждом свидании с императором с затаенной злобой твердила, что Ли Бо со своим легкомыслием, сумасбродством и пьянством утратил всякое понятие о должном поведении подданного перед монархом. Почувствовав, что Ян-гуйфэй недолюбливает поэта, император перестал приглашать его на пиры и оставлять ночевать во дворце. А Ли Бо, догадываясь, что император отдаляет его от себя в результате наговоров Гао Лиши, стал просить у императора разрешения покинуть столицу. Император не дал согласия, и Ли Бо стал еще больше предаваться вину. Другьями его по чарке стали Хэ Чжичжан, *Ли Шичжи, Ван Цзинь, Цуй Цзунчжи, Су Цзинь, Чжан Сюй и Цзяо Суй. Современники называли эту компанию «восемь бессмертных пьяниц».

Следует сказать, что император Сюань-цзун на самом деле любил и ценил Ли Бо и несколько отдалил его от себя лишь из-за того, что гаремная часть дворца относилась к поэту не совсем дружелюбно. И вот после того как Ли Бо уже в который раз просил у императора разрешения вернуться на родину, давая понять, что не лежит у него сердце к придворной жизни, император обратился к поэту со следующими словами:

— Вы мечтаете уйти от света; что ж, разрешаю вам, уважаемый, на некоторое время удалиться, с тем что по первому моему зову вы снова явитесь ко двору. Но после неоценимых услуг, которые вы мне оказали, я не могу отпустить вас с пустыми руками. Скажите, в чем вы нуждаетесь, и я вам дам все.

— Нужды ни в чем у меня нет, — ответил Ли Бо, — мне лишь бы иметь при себе немного денег, чтобы раз в день обрести опьянение, — и все.

Тогда император подарил Ли Бо золотую дощечку с надписью, которая гласила:

«Высочайше пожаловано Ли Бо звание беспечного и свободного ученого, вольно странствующего сюэца. В любом винном заведении страны Ли Бо вправе требовать вино, а в государственной казне — деньги: в областном управлении связку в тысячу монет, в уездном — в пятьсот. Военные, гражданские чины и простолюдины, не оказавшие ученому должного уважения, будут рассматриваться как нарушители высочайшего указа». Сверх того, император подарил поэту тысячу *ланов золота, парчовый халат, яшмовый пояс, лошадь из императорской конюшни, украшенное золотом седло и дал ему свиту из двадцати человек. Ли Бо, земно кланяясь, благодарил императора за милость. На прощание Сюань-цзун подарил поэту два *золотых цветка и поднес три кубка дворцового вина. На глазах императора Ли Бо сел верхом и покинул дворец. Всем придворным был дан отпуск, чтобы проводить Ли Бо. Поэта провожали целых десять ли от самой Чанъани; шли они, беспрестанно наполняя и поднимая прощальные чарки вина. Только Ян Гочжун и Гао Лиши, ненавидевшие поэта, не участвовали в проводах. Семь друзей по вину во главе с Хэ Чжичжаном провожали Ли Бо за сто ли от столицы и расстались с ним только через три дня.

В собрании Ли Бо есть стихотворение «Возвращаясь в горы, расстаюсь с друзьями по *Золотым воротам».

Есть в нем и такие строки:

*Указ получил я,
украшенный фениксом красным,
И вдруг разошелся
меня застилающий дым.
Но как-то с утра
от ворот с золотыми конями
Летучей полынью
помчался я, вихрем гоним.
От дел удалившись,
*«Мотивы Дунъзу» напеваю,
Но в песне короткой
не вылиться чувствам моим.
Я эти стихи
написал, чтоб проститься с друзьями,
Теперь на челне
к рыбакам отправляюсь простым¹.*

¹ Перевод Л. Меньшикова.

Ли Бо, в парчовом платье, в шапке из тонкого шелка, сел на коня и отправился в путь. В дороге его называли «молодым сановником в парчовой одежде». Казна отпускала ему деньги, и он пил вино в любой встречавшейся ему на пути лавке.

Так в конце концов Ли Бо добрался до родных мест в области Цзиньчжоу, где свиделся со своей женой, госпожой Суй. Когда в областном управлении стало известно, что академик Ли вернулся на родину, все стали являться к нему с поклоном и поздравлениями, и не проходило дня без вина. Так текли дни, за ними месяцы, и незаметно прошло полгода.

Однажды он сказал жене, что хочет побродить по стране и полюбоваться красотами. Переодевшись простым сюцаем и прихватив с собой золотую дощечку, дарованную ему императором, он сел на осла и в сопровождении слуги направился куда глаза глядят. В каждой области, в каждом уезде по золотой дощечке он получал вино и деньги. Однажды, когда Ли Бо подъезжал к границам уезда *Хуаиньсянь, до него дошли слухи, что начальник уезда жаден до денег и наживается за счет народа. Ли Бо решил проучить его. Подъехав к уездному управлению, он велел слуге отойти прочь, а сам сел задом наперед на осла и стал так разъезжать туда и сюда перед самыми воротами управления. В это время начальник уезда сидел в зале присутствия и разбирал дела.

— Безобразие! Какое безобразие! Как смеет он насмеяться над *«отцом и матерью народа»?— закричал начальник, когда увидел эту картину, и тотчас приказал своим подчиненным задержать бесчинствующего человека и привести на допрос. Ли Бо притворился пьяным и ни на один вопрос не отвечал. Тогда начальник уезда приказал тюремщику взять Ли Бо под стражу и препроводить в тюрьму, с тем чтобы, когда он протрезвится, как следует допросить арестованного и решить это дело. Тюремщик привел его в тюрьму. Увидев там начальника тюрьмы, Ли Бо погладил бороду и громко рассмеялся ему в лицо.

— Сумасшедший он, что ли, или взбесился?— произнес тот вслух.

— И не сумасшедший, и не взбесился,— сказал Ли Бо.

— Раз ты не сумасшедший и не бешеный, изволь дать подробные показания: кто ты такой и как посмел

разъезжать здесь на осле и оскорблять достоинство нашего начальника?— заявил начальник тюрьмы.

— Хочешь моих показаний, так подай бумагу и кисть!

Тюремный надзиратель положил на стол бумагу и кисть.

— Ну-ка, отойди немного,— сказал Ли Бо, отталкивая начальника тюрьмы в сторону,— дай я буду писать.

— Посмотрим, что напишет этот сумасшедший,— ухмыльнулся начальник.

Ли Бо написал:

*«Дает показания человек из Цзиньчжоу по фамилии Ли, по имени Бо. В двадцать лет он уже был полон литературных талантов; взмах его кисти заставлял содрогаться небо и ад. Он из числа чанъаньских «восемь бессмертных» и «шести отшельников из Чжуци». Он написал письмо, устранившее варваров, и слава о нем разнеслась по вселенной. Не раз приезжала за ним колесница самого императора, а императорский дворец служил ему ночным кровом; его величество собственной рукой размещивал ему суп и своим рукавом отирал ему слюну. Сапоги с него снимал президент Военной палаты Гао Лиши, а наставник государя Ян Гочжун растирал ему тушь. Сам *сын неба позволял ему въезжать на лошади прямо во дворец, а в уезде Хуаиньсянь ему не разрешают разъезжать на осле! Прошу прочесть надпись на золотой дощечке: она объяснит все».*

Окончив писать, он передал листок начальнику тюрьмы.

Тот прочитал, и душа у него ушла в пятки.

— Уважаемый ученый!— взмолился он, низко кланяясь Ли Бо.— Пожалейте глупого, ничтожного человека, который только выполняет чужие приказания и не свободен в своих поступках. Возлагаю все свои надежды на то, что вы будете великодушны и простите меня.

— Ты тут ни при чем,— ответил Ли Бо.— Передай только начальнику уезда, что я приехал сюда, имея при себе золотую дощечку с распоряжением от самого императора, и хочу знать, за какую вину меня подвергли аресту.

Начальник тюрьмы с поклоном поблагодарил Ли Бо, поспешил представить его показания начальнику уезда

и сообщил, что у Ли Бо есть золотая дощечка с повелением императора. Начальник уезда в этот момент напоминал собой дитя малое, которое впервые слышит гром и не знает, куда спрятаться. Ему ничего не оставалось, как последовать за начальником тюрьмы и представиться Ли Бо. Земно кланяясь поэту, он стал жалобно просить его:

— У ничтожного чиновника хоть и есть глаза, а горы *Тайшань не узнал, поступил так опрометчиво, так необдуманно! Умоляю вас пожалеть и простить меня.

По городу разнесся слух об этом происшествии, и все местные чиновники пришли к Ли Бо с поклоном. Они попросили поэта пройти в присутственный зал и занять там главное место. Когда церемония представления всех чиновников была закончена, Ли Бо достал золотую дощечку с императорским указом, дал ее прочесть присутствующим и сказал:

— Здесь написано: *«Военные, гражданские чины или простолюдины, не оказавшие ученому должного уважения, будут рассматриваться как нарушители высочайшего указа»*.— Какого же наказания вы заслуживаете?

— Тысячекратной смерти!— говорили они, склонив головы, кланяясь поэту и смотря на него жалким, умоляющим взором.

Глядя на них, Ли Бо с насмешкой произнес:

— Ведь все вы получаете казенное жалованье, за чем же ради собственного обогащения грабить и терзать народ? Я вам прошу, если вы пообещаете прекратить свои безобразия и исправиться.

Чиновники смиренно сложили на груди руки и обещали больше никогда не совершать ничего подобного. Затем в зале присутствия устроили большой пир и угощали Ли Бо. Три дня подряд пили они с поэтом и только тогда расстались. С этих пор начальник уезда, как говорится, «омыл сердце, очистил ум» и стал добрым правителем. А когда об этом случае прослышали в других областях, то стали поговаривать, что Ли Бо специально послан императором из столицы для тайных наблюдений за нравами и обычаями в стране, за порядком управления, и все правители и чиновники, как один, из жадных превращались в бескорыстных, из жестоких — в добрых.

Ли Бо объездил уделы *Чжао, Вэй, Янь, *Цзинь, *Ци, *Лян, *У и Чу, и не было ни одной живописной го-

ры или речки, которую бы он не посетил и где бы он, вдохновленный вином, не отдавался поэзии.

В стране в то время восстал Ань Лушань, и император пребывал в Сычуани; в войсках был казнен Ян Гоцжун, а в буддийском монастыре задушили фаворитку Ян-гуйфэй. В эти тревожные дни Ли Бо скрывался в горах *Лушань. Именно в это время князь *Ли Линь, занимавший пост военного губернатора юго-восточных провинций страны и замышлявший, пользуясь удобным моментом, захватить престол, прослышал о незаурядных талантах Ли Бо, заставил поэта, как говорят, *«покинуть горы» и предложил ему у себя должность сановника. Ли Бо отказался, но князь держал его при себе и никуда не отпускал. Вскоре в городе *Линьфу на престол вступил *Су-цзун. На должность главнокомандующего императорскими войсками был назначен Го Цзыи, и через некоторое время *обе столицы были возвращены. Когда до Су-цзуна дошли слухи о мятежных планах Ли Линя, он приказал Го Цзыи двинуть армию на изменников. Войска князя были разбиты. Воспользовавшись этим, Ли Бо бежал из плена. Ему удалось добраться до устья реки *Сюньянцзян, где на заставе он был схвачен как мятежник и доставлен к главнокомандующему императорскими войсками Го Цзыи. Увидев перед собой Ли Бо, Го Цзыи велел солдатам отойти прочь, сам снял с Ли Бо веревки, усадил его на почетное место, поклонился ему до земли и сказал:

— Если бы тогда в Чанъани вы, милостивейший государь, не спасли мне жизнь, разве могла бы сейчас произойти эта встреча?

Затем он приказал подать вино и устроил пир в честь поэта. Этой же ночью Го Цзыи написал доклад императору. В докладе он доказывал, что Ли Бо был жертвой клеветы, напомнил о заслугах поэта перед тронном, когда он написал письмо, устроившее варваров, и рекомендовал Су-цзуну использовать талант Ли Бо на службе трону.

Вот пример воздаяния за совершенное благодеяние. Правильно говорят:

*Сбитые ливнем листок и былинка
В море окажутся, где б ни упали.
Так вот и люди: скитаясь по свету,
Где только в жизни не встретят друг друга!*

Теперь уже Ян Гочжун был казнен, а Гао Лиши сослан в далекие края. Сюань-цзун вернулся из Сычуани в столицу и жил при дворе как отец правящего императора. Сюань-цзун тоже говорил сыну об удивительных талантах Ли Бо, и в конце концов император Су-цзун призвал поэта на должность советника. Ли Бо находил, что человек, отдавший себя службе и вовлеченный в пучину придворной жизни, лишается независимости, и потому отказался от должности.

Простившись с Го Цзыи, он на маленькой лодке поплыл по озеру *Дунтинху к *Юэяну. Оттуда направился к *Цзиньлину и однажды причалил возле скал Цайши. Луна в эту ночь сияла так ярко, что кругом было светло как днем. Распивая на лодке вино, Ли Бо вдруг совершенно отчетливо услышал звуки музыки, исходившие откуда-то сверху и постепенно все приближавшиеся. Никто из лодочников этих звуков не слышал, слышал их один лишь поэт. Вдруг над рекой пронесся сильный ветер, поднялись громадные волны, и из воды, шевеля усами, показалась рыба кит длиной в несколько *чжанов.

И тут к Ли Бо подошли два бессмертных отрока с бунчуками в руках.

— Верховный владыка приглашает владыку звезд занять свое прежнее место, — сказали они, обращаясь к поэту.

Лодочники со страху попадали с ног; через какое-то мгновение они пришли в себя и увидели, как Ли Бо, сидя на спине кита, взвился в воздух и стал удаляться. Звуки музыки сопровождали его. На следующий день об этом происшествии рассказали Ли Янбину, начальнику уезда *Дантусянь, а тот написал по этому поводу доклад императору. По приказу императора на горе Цайши был выстроен Храм небожителю Ли. Два раза в год — весной и осенью — приносились в нем жертвы.

При династии *Сун в годы под девизом *«Тай-пин син-го» какой-то ученый в лунную ночь плыл на лодке по реке возле скал Цайши и заметил приближающийся с запада парчовый парус. На носу лодки виднелась белая дощечка с надписью: «Дух поэзии».

Тогда ученый громким голосом произнес стихи:

*Кто это там, на реке,
«Поэзии духом» назвался?
Дал бы узорчатый стих
хотя бы разок прочитать?*

Человек в лодке сразу откликнулся:

*Даже четверостишья
в ночной тиши не пишу я —
А вдруг от испуга в реку
Небесный Ковш упадет?*

Ученый был крайне удивлен таким ответом. Только собрался он подъехать к лодке и поговорить с поэтом, как лодка причалила к берегу. Из нее вышел человек в парчовом платье, в шапке из тонкого шелка; легкой и свободной, как у небожителя, походкой он направился прямо в Храм небожителя Ли. Ученый вошел в храм за ним, но там не оказалось и следа человека. Лишь тогда ученый понял, что отвечавший ему поэт был Ли Бо.

До сих пор, когда говорят «Пьяница-бессмертный» или «Дух поэзии», то в первую очередь имеют в виду именно Ли Бо.

*В письме, что в трепет Бохай привело,
был виден небесный талант.
Ему император суп остудил
и собственной подал рукой.
Однажды Ли Бо оседлал кита
и въехал на нем на небо.
Течет река по скалам Цайши,
оплакивая поэта.*

КОММЕНТАРИИ¹

Ань Лушань (? — 757) — тюрк по происхождению, награжденный императором Сюань-цзуном княжеским титулом; был военным губернатором нескольких провинций; в 755 г., замыслив занять престол, поднял мятеж, захватил обе столицы (Лоян и Чанъань) и провозгласил себя императором. В 757 году Ань Лушань был убит, а само восстание подавлено лишь в 763 г.

«Ба гу» — в переводе «восемь частей» — обязательный литературный стиль восьмичленных сочинений, представлявшихся на старых государственных экзаменах (см.).

Барабан и колотушка. — Требуя справедливости, в исключительных случаях можно было вызвать начальника в присутствие ударами колотушки по барабану, который стоял перед воротами или во дворе ямэня (см.).

«Белый лотос» — тайное религиозное общество, основанное в III в. и не прекращавшее своей деятельности вплоть до XIX в. Проповедовало догмы буддийского учения; его требования были близки беднякам-крестьянам и мелким производителям, — в результате чего антифеодальные движения нередко возглавлялись его членами.

Би Гань (IX в. до н. э.) — сановник, согласно преданию, казненный императором за то, что постоянно призывал его не проявлять жестокости и насилия в отношении подданных.

Били в барабан, громко пели и пили вино. — Любоваться распускающимися бутонами под бой барабана было одним из

¹ Расположены в алфавитном порядке. В тексте перевода перед комментируемым словом или выражением стоит звездочка.

развлечений собиравшихся за вином любителей природы и поэзии.

Бинтованные ножки.— В Китае примерно с X—XI вв. и вплоть до начала XX в. было широко распространено бинтование женских ног. Начиная с четырех-пяти лет девочкам ежедневно стягивали бинтом стопу, поджимая под нее четыре меньших пальца; в результате примерно через год стопа переставала расти, деформировалась и приобретала форму вытянутого треугольника. Маленькие ножки, обутые в крохотные туфельки, были одним из критериев женской красоты.

Бинчжоу — область на территории провинции Шаньси.

Бить в барабан и жаловаться — см. «Барабан и колодушка».

Бичжэн.— Согласно преданию, Бичжэн и Цзяолян были разлучены после помолвки на долгие годы и неожиданно встретились в удивительных обстоятельствах.

Благоприятный (счастливый) день.— Согласно старинной традиции, для начала любого важного дела (посев, открытие торговли, заключение брака, поездка и пр.) существовали благоприятные или неблагоприятные дни. Их узнавали по гаданию или находили в специальном календаре.

Блюда на угольках.— Чтобы еда не остывала, в Китае различные блюда иногда подают к столу в специальных котелках с тлеющими под ними угольками.

Богиня Запада — см. «Си ванму».

Бои и Шуци — два брата, якобы жившие в XII в. до н. э.; благородные, преданные своему правителю люди, они были доведены до крайней бедности и умерли с голоду, не пожелав служить правителю новой династии.

Бохай — государство (698—926), занимавшее в период своего расцвета полностью или большую часть территории советского Приморья и Приамурья, Северо-Восточного Китая и Северной Кореи.

Бошаньская курильница — разновидность дорогих курильниц; верхняя ее часть, куда помещается ароматическое вещество, имеет форму горы, в нижнюю наливают горячую воду. Курильница напоминает гору Бошань в море; отсюда и название «бошаньская».

Брачные чаши — см. «Соединили чаши».

Бумажные деньги — специальные жертвенные деньги, которые сжигались при жертвоприношениях божествам и духам умерших. Считалось, что, сгорая, они принимают свой настоящий облик и служат божествам и духам усопших в загробной жизни.

Бумажный фонарик — в данном случае небольшой фонарик со свечой внутри; низ его, где устанавливается свеча, деревянный; пламя предохраняется от задувания бумажным абажуром, открытым сверху. Такой фонарик обычно держится на цепочке, к которой крепится ручка.

Бяньлян (ныне Кайфэн) — одна из столиц Северной династии Сун (см. «Сунская династия»).

Ван Девятая — см. «Люй Второй».

Ван Мэй. — В заведении девицы получали фамилию хозяйки (в данном случае — Ван), одновременно им давали новое имя (Мэй — в переводе: Прекрасная).

Ван Яи (он же Ван Чун; 1494—1535) — поэт и каллиграф.

Великий срок — то есть конец жизни.

Весенние дворцовые ворота — часть императорского дворца, где раз в три года происходили государственные экзамены на высшую чиновную степень.

Вестники — те, кто первыми сообщали экзаменовавшимся или их близким о результате экзаменов. Обычно такие люди получали за свой труд вознаграждение.

Ветерок, цветы, снег и луна — образно: обстановка для любовных свиданий.

Визитная шкатулка — небольшой продолговатый ящик, предназначенный для визитных карточек или подарков.

Вино тут же было подогрето. — В Китае вино пили подогретым: пить холодное вино считалось вредным для здоровья.

Високосный месяц — тринадцатый месяц в високосном году по китайскому лунно-солнечному календарю.

В облаке вижу я платье твое. — Все это стихотворение, восхваляющее красоту Ян-гуйфэй, Ли Бо (см.) пишет от лица императора.

Восемь периодов года — по старому китайскому лунно-солнечному календарю: начало весны, весеннее равноденствие, начало лета, летнее солнцестояние, начало осени, осеннее равноденствие, начало зимы и зимнее солнцестояние.

Воюющие царства — период острой борьбы удельных княжеств (403—221 гг. до н. э.).

Врач щупал его пульс. — В Китае, так же как в Греции, Индии и арабских странах, врачи с древних времен уделяли особое внимание изучению пульса: на основании данных пульсации ставился диагноз болезни, определялись ее прогноз и методы лечения.

Встретились снова мечи.— Согласно легенде, в глубокой древности одновременно были выкованы два парных меча, впоследствии утраченных; много веков спустя из реки Яньпинцинзнь вылетели два дракона и взвились к небесам,— это были вновь соединившиеся знаменитые мечи, которые воплотились в драконов.

Вторая жена.— В старом Китае человек мог одновременно иметь несколько жен; при этом женщины жили вместе с мужем в одном доме. Первая жена считалась старшей, хозяйкой дома; ее первенец был законным наследником семейного имущества и пользовался всеми привилегиями, вытекавшими из патриархальных родовых обычаев.

Второе имя.— В старом Китае у человека, как правило, было несколько имен. Первое — маленькое (детское, или молочное) имя ребенок получал при рождении, и оно сохранялось за ним обычно до школьного возраста; для детских ласкательных имен чаще всего подбирались поэтические слова. Когда ребенок поступал в школу, отец или учитель давали ему официальное (книжное, большое, или школьное) имя, которое сохранялось за человеком на всю жизнь и употреблялось во всех официальных случаях. Кроме того, друзья, учителя и родители давали юноше, когда он становился взрослым, второе имя. Образованный человек обычно имел и литературное прозвище. Ученые-литераторы нередко подбирали себе еще и литературный псевдоним, используя для него поэтические слова, обозначающие благородство, силу, красоту и т. п.

Человек, продавший себя в рабство или поступивший в услужение, обычно не только получал от хозяина новое имя, но и принимал его фамилию.

Второй год правления под девизом «Чэн-хуа» — то есть 1466 г.

Выбрать день — см. «Благоприятный (счастливый) день».

Вытащил из рукава.— Удлиненная часть низа широкого рукава китайского халата или немного сшивалась по направлению к кисти, или просто сужалась к кисти, и таким образом в нижнем углу рукава получался своеобразный карман.

Вэй — река Вэй (Вэйхэ). Берет начало в провинции Хэбэй и течет на восток.

Вэй Гао (745—805) — крупный сановник и полководец.

Вэнь-ван находился в заключении в Юли.— Вэнь-ван, который, по конфуцианской традиции, считается достойнейшим государем древности, был удельным князем западных земель. Недовольный возросшим авторитетом Вэнь-вана среди

удельных князей, Чжоу Синь (см.) заключил Вэнь-вана в тюрьму в Юли, а сына его Бо Икао велел живьем сварить и поднести на обед отцу.

Вэнь Хэншань (он же *Вэнь Чжэнмин*; 1470—1559) — ученый, художник и каллиграф.

Вэньцзюнь.— Речь идет о Чжо Вэньцзюнь, красавице-жене знаменитого поэта Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.); известна также как поэтесса. В китайских исторических хрониках, в биографии Сыма Сянжу говорится о его любопытной встрече с Вэньцзюнь. Однажды Сыма Сянжу оказался в городе Линьцун на пиру в доме местного богача Чжо Вансуня, отца Вэньцзюнь. В разгар пира Сянжу попросили сыграть на цитре. Зная, что у Чжо Вансуня есть дочь, женщина молодая, недавно овдовевшая, и что она любит и понимает музыку, Сянжу стал исполнять мелодии, которые могли бы тронуть ее сердце. Вэньцзюнь, плененная игрой, стала подглядывать за играющим. Сам Сянжу настолько ей понравился, что ею овладело несбыточное, как ей казалось, желание выйти за него замуж. Кончив играть, Сянжу велел прислуге щедро одарить служанок Вэньцзюнь, с тем чтобы те довели до сведения их хозяйки о его уважении и почтении к ней. В ту же ночь Вэньцзюнь вместе с Сянжу бежала из отчего дома в Чэнду, где им пришлось жить в крайней бедности. В конце концов отец Вэньцзюнь, который отказался от сбежавшей дочери, простил ее, подарил молодым сто слуг, миллион монет, отдал Вэньцзюнь ее приданое, и тогда Сянжу и Вэньцзюнь поженились и зажили богато.

Гай Сувэнь — Цюаньгай Сувэнь (по-корейски: Енгэ Со-мун; ?— 666), военачальник королевства Когурё (см.), которое в союзе с Пэкче неоднократно нападало на империю Тан и королевство Силла. Танская империя трижды (644, 647 и 660 гг.) посылала свои войска против Когурё на помощь Силла. После смерти Цюаньгай Сувэня его сыновья начали враждовать между собой, и его старший сын бежал в империю Тан просить помощи. В 668 г. танские войска взяли Пхеньян, и король Когурё капитулировал.

Гань Ло.— Источники свидетельствуют, что Гань Ло (III в. до н. э.) двенадцатилетним мальчиком уже служил Лю Бу-вэю, министру удела Цинь; был направлен им послом в уезд Чжао и за успешно выполненную миссию награжден высоким титулом. Министром, как об этом говорится в рассказе «Старый сючай...», Гань Ло не был.

Гао.— Имеется в виду поэт Гао Ци (1336—1374).

Гао Пянь (? — 887) — полководец, губернатор многих

провинций; имел титул князя области Бохай. Известен и как поэт.

Гао-цзун — годы правления: 650—683.

Гао-цзун переправился... на глиняном коне. — Существует легенда, что во время преследования чжурчжэнями принца Кан (впоследствии императора Гао-цзуна, правил в 1127—1162 гг.), тот вскочил на коня и конь перенес его через реку Янцзы. Только на другом берегу принц обратил внимание на то, что конь не движется и что он сделан из глины.

Гетера. — К периоду Тан (618—907) уже сложился институт гетер; для IX в., по-видимому, можно говорить о зарождении института частных гетер, в современном понимании — публичных домов; в XII в. в столице сунского Китая — городе Бяньляне — существовали целые кварталы таких домов.

Как правило, гетеры были образованными женщинами, хорошими певицами и танцовщицами, играли на музыкальных инструментах, иные обладали и поэтическим даром. В качестве красивых и приятных собеседниц их нередко приглашали на пиры, составить компанию в загородной прогулке и т. п.

Го, имя Цзыи — Го Цзыи (697—781) — прославленный поководец, отличившийся главным образом в борьбе с иноземными племенами, вторгшимися на территорию Китая.

Горячее вино — см. «Вино тут же было подогрето».

«Государства рушит» — см. «Крушащая царство».

Государственные экзамены были введены в Китае в 121 г. и просуществовали вплоть до 1905 г. Экзамены на первую ученую степень (сюцай) проводились в уездном городе, на вторую (цзюйжэнь) — в области, на третью и высшую (цзиньши) — в столице. С 973 г. после столичных экзаменов устраивался экзамен при дворе, где экзаменатором был сам император. С 1375 г. трое лучших из выдержавших этот экзамен зачислялись в Придворную Академию (Палату ученых). Сдать такие экзамены, а следовательно, получить ученую степень, которая обеспечивала соответствующее положение в обществе и материальные блага, всегда было заветной мечтой образованного человека. Осуществить эту мечту было далеко не просто: надо было затратить не один год, чтобы подготовиться к экзаменам (следовало хорошо знать и классические книги древности, и старинную поэзию, обладать изящным слогом и каллиграфическим почерком); приходилось нести и большие материальные затраты, связанные с переезда-

ми и жизнью вне дома, с приобретением книг и многими другими расходами. В минский период система государственных экзаменов, по существу, вырождается: тщательный отбор абитуриентов по их социальному происхождению, взяточничество и продажность среди экзаменаторов приводили к тому, что, как правило, лишь представители господствующего класса имели к ним доступ и возможность их благополучного прохождения.

Гоцзыцзянь.— Так называлось высшее государственное училище в столице.

Грушевый сад.— Так называлась труппа певцов, музыкантов и актеров при дворе императора Сюань-цзуна. Образование этой труппы считалось началом театра в Китае.

Гуаньинь — одно из наиболее популярных в Китае и Японии божеств буддийского пантеона. Милосердный бодхисаттва Гуаньинь чаще всего изображается в Китае после XIV в. в виде женщины. Культ милосердной богини, чадоподательницы Гуаньинь был одним из самых распространенных в Китае, а изображение ее на картинах, смотрящей на отражение луны в воде, является классическим изображением Гуаньинь в иконографии буддизма.

Гуань Лунпан (XVII в. до н. э.).— Источники говорят о нем как о преданном стране, бескорыстном и честном сановнике; был казнен императором-тираном Цзе, которого он упрекал в пьянстве, разгуле, небрежении государственными делами.

Гуаньшэн — в переводе: «учащийся из чиновников». Так именовались дети и родственники высших чиновников при прохождении первых государственных экзаменов (см.) в уезде. Выдержавший экзамен гуаньшэн получал особые привилегии при назначении на должность.

Гуань Юй (III в.) — прославленный полководец эпохи Троецарствия, один из героев романа Ло Гуаньчжуна (ок. 1330 — ок. 1400) «Троецарствие»; посмертно получил титул князя, а в 1594 г. был канонизирован и объявлен богом-покровителем войны — Гуаньди; считается также духом-покровителем литературы и торговли. В честь Гуаньди в Китае воздвигнуто множество храмов.

Гуань Юй, отправлявшийся на пир в Лукоу.— Эпизод из истории Троецарствия (III в.). Когда правитель царства У — Сунь Цюань потребовал от правителя царства Шу — Лю Бэя возвращения района Цзинчжоу, Лю Бэй согласился, рассчитывая на то, что Гуань Юй (см.), охранявший Цзинчжоу,

откажется выполнить его приказ. Так оно и случилось. Тогда один из военачальников Сунь Цюаня решил устроить пир в Лукоу и пригласить Гуань Юя, дабы уговорить его пойти на уступки. В случае отказа решено было его убить.

В рассказе настроение У Восьмого сравнивается с воинственным настроением Гуань Юя, направлявшегося на пир в Лукоу.

Гун и шан — обозначение двух первых тонов китайской гаммы.

Гунсунь Хун (?—121 г. до н. э.) — главный советник при императоре У-ди (годы правления: 140—87 гг. до н. э.).

Гуншэн — в переводе: «рекомендованный учащийся». При старой системе государственных экзаменов (см.) в период Мин (1368—1644) было введено положение, по которому из числа обучавшихся (по-кит.: «шэн») в областных, окружных и уездных училищах отбирались и рекомендовались (по-кит.: «гун») лучшие. Критериями к отбору были успехи в учении, поведение, возраст и т. д. Гуншэн получал право на поступление в государственное училище (Гоцзыцзянь) в столице, мог быть выдвинут в кандидаты для сдачи дворцовых экзаменов или же в кандидаты для получения незначительной должности.

Поскольку среди критериев отбора для присвоения звания гуншэна был и возрастной, в училище устанавливалась очередность, учитывающая этот критерий. Учащийся, не пожелавший по той или иной причине воспользоваться правом быть гуншэном в положенный для него возрастной срок, мог уступить свою очередь следующему.

Гунъе Чжан — один из учеников Конфуция (см.); был несправедливо обвинен в краже и посажен в тюрьму. После освобождения Гунъе Чжана Конфуций выдал за него свою дочь.

Дамин — в провинции Хэбэй.

Дантусянь — уезд в провинции Аньхой, где происходило описанное происшествие.

Даос — последователь даосизма, древней китайской философской системы, основоположником которой считается Лао-цзы. В основе даосизма лежит понятие «Дао» — «Пути» (истины) как абсолютного начала Вселенной. Дао порождает все многообразие мира, рассматриваемого как бесконечный поток естественного развития вещей. В I—II вв. возникла даосская религия, которая эклектически соединила в себе основные принципы древнего философского даосизма с ша-

манством, колдовством, демонологией и астрологией, а также с древними китайскими верованиями и элементами буддизма.

Даосский — см. «Даос».

Девиз.— С III в. до н. э. по 1911 г. царствование каждого императора обозначалось определенным девизом (имя самого императора запрещалось не только произносить, но и писать), символизирующим его правление и выраженным в высокопарных словах типа «Великая добродетель» («Да-дэ»), «Вечное процветание» («Юн-син»), «Божественный феникс» («Шэнь-фэн») и т. п. Иногда по той или иной причине девиз менялся несколько раз на протяжении правления одного императора.

День осеннего полнолуния — см. «Праздник осеннего полнолуния».

День поминанья предков.— Речь идет о празднике весны (см.).

Ду Му (803—852) — известный поэт и литератор; занимал высокие должностные посты.

Дун.— Имеется в виду Дун Чжуншу (см.).

Дунтинху — одно из самых больших и живописных озер Китая (в провинции Хунань).

Дунфан Шо (154—93 гг. до н. э.) — поэт и приближенный императора У-ди; был известен острым умом и веселым нравом. В своих шутках обличал несправедливость и порицал недостатки правления.

Дун Чжуншу (II в. до н. э.) — известный литератор и государственный деятель.

Ду Фу (712—770) — один из крупнейших поэтов средневековья.

Ду Цзычунь.— История с Ду Цзычуном взята из фантастической новеллы IX в., где повествуется, как некий богач Ду Цзычунь, промотавший свое состояние, встретил святого старца, который предложил ему отправиться в горы и заняться там поисками философского камня. Старец предупредил Ду Цзычуна, что опыт удался, если Ду Цзычунь поборет в себе все мирские чувства: гнев, радость, ненависть, любовь и т. д. Ду Цзычунь проделал ряд магических опытов, но не сумел подавить в себе любви к женщине, и потому получить камень ему не удалось.

Дэн Тун (II в. до н. э.) — крупный сановник, приближенный императора Вэнь-ди. Император пожаловал Дэн Туну богатые медью горы и право отливать монеты; Дэн Тун скопил на этом огромное богатство, и в дальнейшем имя его стало нарицательным для богача.

«Желтое и белое»— образно: о золоте и серебре.

Жемчуг вернулся в Хэпу.— Образ этот связан с преданием о некоем Мэн Чане (II в.), бескорыстном правителе области Хэпу. Жадные до денег и продажные предшественники Мэн Чана довели свой народ, который жил добычей жемчуга, до полного разорения, и жемчуга в Хэпу в конце концов не стало. Мэн Чан в корне изменил существовавшие до него порядки, и не прошло и года, как жемчуг снова появился в Хэпу.

Жугао.— В древней летописи «Цзочжуань» (IV—III вв. до н. э.) говорится о некоем Цзя Жугао, человеке с уродливой внешностью, женившемся на красавице. Жена Жугао не разговаривала с мужем и не улыбалась ему. Лишь через три года, когда Жугао подстрелил фазана, красавица заговорила с ним и улыбнулась. Здесь намек на желание Чжуаньчжи обратить на себя внимание женщины, вызвать у нее улыбку.

Жуньчжоу, Сучжоу, Чанчжоу — в провинции Цзянсу.

Западная Лян (400—420) — одно из шестнадцати царств, существовавших в IV—V вв. на территории Северного Китая и образованных иноземными племенами разного этнического происхождения. Китайское царство Западная Лян (в западной части провинции Ганьсу) было основано Ли Хао.

Западная Хань — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 25 г. н. э.

Запятав в рукав — см. «Выташил из рукава».

Зацеп.— В китайских домах на окнах (вместо стекла) и у входа в комнату (вместо двери) часто вешали занавес — матерчатый или из свисающих нитей с нанизанными на них бусинками. Прикрепленный неподвижно в верхней его части, занавес откидывался в сторону (или в стороны, если он состоял из двух половин) на серпообразный крюк-зацеп (или два зацепа) и им (ими) зажимался.

Звук ударов по медной пластине.— Ударяя маленькими молоточками по круглой медной пластине (атрибут профессиональных гадателей-слепцов), гадатель дает знать о своем появлении.

Золотой отрок — один из прислужников небожителей.

Золотой цветок.— Имеется в виду золотой цветок, который носили на головном уборе лица, получившие степень цзюйжэнь и цзиньши (см. «Государственные экзамены»).

Золотые ворота (или Ворота золотого коня) выстроены императором У-ди (140—87 гг. до н. э.) перед император-

ским дворцом рядом с основанной им же Академией ученых. Поэтому последнюю часто называли Золотыми зор-тами.

Золотые лотосы.— Имеются в виду маленькие ножки китаянки (см. «Бинтованные ножки»). Этот образ традиция возводит к одному из удельных князей V в., который якобы, предложив своей наложнице пройти по вырезанным из золота цветам лотоса, произнес: «Под каждым ее шагом рождается цветок лотоса».

Золотые ступени.— Прилагательные «золотой», «драконовый», «яшмовый» являлись в старой китайской литературе обычными эпитетами по отношению к императору и ко всем предметам, с ним связанным.

И — денежная единица и мера веса в Древнем Китае, равнялась примерно 740 г.

Ивы и цветы — иносказ.: гетеры из веселых домов.

Изумрудные террасы — намек на обитель небожителей и фэй.

Имя.— Имеется в виду официальное имя (см. «Второе имя»).

«Каждый ее шаг рождает лотос»— см. «Золотые лотосы».

Кай-юань.— Этим девизом (см.) обозначалась первая половина царствования императора Сюань-цзуна (713—741 гг.).

Каллиграфия высоко ценилась китайцами во все времена как особый вид искусства. Часто ученый был одновременно поэтом, художником и каллиграфом. Надписи, выполненные каллиграфическим почерком, висели в домах образованных людей; красиво написанными иероглифами украшались веера, изделия из фарфора, лака и т. д.

Канга — деревянная колодка, которую надевали на шею преступнику.

Кисть из чжуншаньской кроличьей шерсти названа по местности Чжуншань (в провинции Аньхой), с древности славившейся своими кистями.

Кисть из шерсти зайца — лучший сорт писчей кисти из тонкого волоса белого зайца.

Классическая музыка.— Согласно Конфуцию, музыка, построенная по строгим классическим канонам, благотворно влияет на человека, а нарушающая их — развращает людей.

Классические книги — девять канонических книг, состав-

ляющих основу конфуцианской учености: «Книга перемен» («Ицзин»), «Книга песен» («Шицзин»), «Книга исторических деяний» («Шуцзин»), «Книга обрядов» («Лицзи») и «Летопись Чунью» («Чунью»), известные в китайской литературной традиции под общим названием «Пятикнижие»; «Великое учение» («Дасюэ»), «Учение о середине» («Чжунъюн»), «Беседы и суждения» («Луньюй») и «Мэн-цзы», вошедшие в литературу под общим названием «Четверокнижие».

«Книга исторических деяний» («Шуцзин»).— Время ее составления неизвестно, но источники утверждают, что в VI в. до н. э. Конфуций (см.) ее правил. Книга повествует о событиях и героях легендарного периода китайской истории, рассматриваемого конфуцианством как «золотой век». См. также «Классические книги».

«Книга обрядов» («Лицзи») — одна из канонических книг, записанная учениками Конфуция (см.), считавшими основным в его учении теорию «ли» (обряды, правила приличия и благопристойности), требовавшую строжайшего соблюдения установленного порядка поведения и должных отношений между людьми (отцом и сыном, старшим и младшими в семье, государем и подданными и т. д.). См. также «Классические книги».

«Книга перемен» («Ицзин») — первая из основных конфуцианских канонических книг «Пятикнижия». Первоначальный ее текст относят к IX — VII вв. до н. э. На «Книге перемен» базируется древнекитайская натурфилософия и исчисление древнего китайского календаря. См. также «Классические книги».

«Книга песен» («Шицзин») — древнейшая книга китайской поэзии, содержащая свыше трехсот стихотворений, гимнов и песен, в большинстве своем народных, а также придворных и ритуальных, по преданию, выбранных Конфуцием (см.). См. также «Классические книги».

Когурё.— В древние времена на территории нынешней Кореи находились три самостоятельных и постоянно враждовавших между собой государства: Когурё (занимало всю северную часть полуострова), Силла (восточную часть остальной территории) и Пэкче (западную ее часть). В VII в. Пэкче и Когурё пали под ударами Силла, которому помогали китайские войска, и весь полуостров был объединен в одном государстве Силла, установившем с Танской империей дружественные отношения. Таким образом, в период, о котором идет речь в рассказе, Китай мог непосредственно угро-

жать государству Бохай, ранее граничившему на юге с Когурё.

Конфуций (551—479 гг. до н. э.).— Под этим именем известен Кун Цю (он же Кун Чжунни), основатель древнекитайской этико-политической школы философов. Конфуцианство, развиваемое и пропагандируемое многочисленными учениками Конфуция, сыграло огромную роль в формировании китайской культуры и со времен династии Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.) стало основной идеологией господствующих классов феодального Китая.

Короб — большой короб с крышкой, предназначенный для переноса в нем приготовленной пищи. Вплоть до настоящего времени в таких коробах носили заказанную на дом еду, например, из ресторанов.

Коромысло.— Китайцы пользуются коромыслом для переноса тяжестей; в отличие от нашего, оно не изогнутое и не громоздкое.

Красный.— Красный цвет в Китае — цвет радости: в красное одевалась невеста, в красном паланкине она отправлялась в дом жениха, на красной бумаге писались свадебные приглашения и т. д.

Круги и точки.— При чтении какого-либо сочинения, написанного по правилам китайского письма вертикальными строками, было принято особо удачные места (в смысле изящности слога, образности выражения, глубины мысли, а также хорошей каллиграфии) отмечать сбоку у текста точками или кругами, которые чаще всего писались красной тушью.

Крушащая царство — иносказ. о красавице. Этот образ связывают со стихотворением Ли Яньняня (II в. до н. э.), где воспевается красота женщины:

*На севере живет красавица,
Нет равной ей, она одна такая.
Раз взглянет — город сокрушит,
Два взглянет — свергнет царство.*

Кун.— Имеется в виду Конфуций (см.).

Кун Чаофу и другие — друзья Ли Бо: Кун Чаофу, Хань Чжун, Пэй Чжэн, Чжан Шумин и Тао Мян.

Куньлунь — см. «Сиванму».

Курыканы — по названию племени, жившего в танский период в Прибайкалье.

Кэхань — китайская имитация слова «каган», «хан».

Лай Цзинчэнь — см. «Чжоу Син».

Лан — слиток серебра, служивший с древних времен вековой денежной единицей.

Ланькэ.— В провинции Чжэцзян есть живописные горы Ланькэ (в переводе: «Горы, где истлело топорщице»), славящиеся своими гротами и пещерами. По преданию, в древности (III — V вв.) некий Ван Чжи пошел в горы за дровами и в одной из пещер увидел двух отроков, игравших в шашки. Ван Чжи стал следить за игрой. Отроки угостили его чем-то вроде финиковых косточек, после чего Ван Чжи не испытывал чувства голода. Когда Ван Чжи собрался в обратный путь, он увидел, что топорщице его истлело. Оказалось, что он провел в горах несколько сот лет. Никого из его родных и знакомых уже не осталось в живых, и Ван Чжи снова ушел в горы, где стал святым.

Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.) — древнекитайский философ; считается основоположником философии даосизма (см. «Даос»).

Летящая ласточка.— Так за выдающиеся качества танцовщицы называли фаворитку императора Чэн-ди (правил с 32 г. до н. э. по 6 г. н. э.).

Ли — мера длины, около 0,6 км.

Ли Бо (701—762) — крупнейший поэт китайского средневековья.

История о том, как продажные царедворцы Ян Гочжун и Гао Лиши, даже не взглянув на сочинение Ли Бо, не пропустили его на столичных экзаменах и как впоследствии Ли Бо прославился, когда прочел послание от страны варваров, ярко передана в рассказе «Ли-небожитель...» (см. в наст. сб.).

Ли Линь (678 — ?) — сын императора Сюань-цзуна.

Ли Линьфу (?—752) — министр при императоре династии Тан (см.) Мин-хуане. Жестокий и хитрый, Ли Линьфу, пользуясь неограниченной властью и влиянием на императора, расправлялся со всеми, кто стоял у него на пути; по его доносам погибло немало честных и преданных родине людей. В народе про Ли Линьфу говорили: «На устах мед, а в сердце меч».

Линьфу — в провинции Нинся.

Линьи — ныне Вьетнам.

Линьцин — город в провинции Шаньдун.

Литературное прозвище — см. «Второе имя».

Ли Шичжи, Ван Цзинь, Цуй Цзунчжи, Су Цзинь, Чжан Суй, Цзяо Суй — поэты и литераторы.

«Лотосовые шапки» — см. «Золотые лотосы».

Ло Фу (V — IV вв. до н. э.) — жена управляющего-эконома при князе удела Чжао; известна как красавица и целомудренная женщина.

Лоян — город в провинции Хэнань, одна из двух столиц Танской (см. «Тан») империи.

Лунцзань (следует читать — Сронцзан) — туфаньский (см. «Туфани») вождь (правил до 650 г.), за которого была выдана дочь императора Тай-цзуна. По случаю успешного похода Тай-цзуна на Когурё (см. «Гай Сувэнь») Сронцзан послал ему в подарок золотой винный сосуд в форме лебедя.

Лу Цзя — см. «Суй Хэ и Лу Цзя».

Лу чжао — букв.: «шесть чжао» — общее название группы некитайских племен, обитавших при танской династии в западной части провинции Юньнань и юго-западной части Сычуани.

Лушань — горы в провинции Цзянси.

Лю. — Имеется в виду известный литератор Лю Чжэнь (?— 217).

Люй Второй. — В старые времена было принято называть человека по порядку его рождения в семье.

Люй Чуньян (он же *Люй Дунбинь* или *Люй-цзу* — Патриарх *Люй*) — один из «восьми бессмертных», наиболее популярных в народной религии китайцев божеств даосского (см. «Даос») пантеона; считается лицом историческим. Согласно преданию, ученый, живший в VIII в., который постиг суть даосской магии и обрел бессмертие. С его именем связано много легенд.

Люй Шан (он же *Люй-ван*) — первый министр при дворе Вэнь-вана — отца У-вана, основателя династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.). По преданию, Вэнь-ван во время охоты увидел удающего на берегу реки Вэй восьмидесятилетнего старца *Люй Шана*, пригласил его отправиться вместе с ним ко двору и назначил его первым министром. *Люй Шан* прослужил на этом посту двадцать лет, прославившись мудрым правлением.

Лян — мера веса, около 31 г.

Лян — удел в провинции Шэньси.

Лян Хао (913—1004) неоднократно терпел неудачу на экзаменах; степень цзиньши (см.) он получил только на семьдесят первом году жизни. *Лян Хао* дожил до глубокой старости, и о нем сохранилось предание, что в восемьдесят два года, держа экзамены в императорском дворце, он получил почетное звание первого среди выдержавших.

Малый траур длится тринадцать месяцев после похорон.

Маошань — живописные горы на юге провинции Цзянсу.

Молитвенное обращение.— В нем значились фамилия, имя и местожительство просителя, а также излагалась сущность его просьбы, обращенной к духам. Перед тем как буддийский или даосский монах совершал моление за просителя, молитвенное обращение сжигалось или зачитывалось, а потом сжигалось (см. также «Бумажные деньги»).

Молодая является в дом жениха... и обнаруживается, что она уродлива...— В средневековом Китае, где браки обычно совершались по предварительному сговору между родителями жениха и невесты, жених, как правило, впервые видел свою нареченную лишь в день бракосочетания.

«Мотивы Дунъю»— название песни, которая в древности была популярна в Шаньдуне; Дунъю — местность в Шаньдуне. Поэт говорит в ней о том, как с молодых лет он принимал участие в военных походах, а в старости ушел в отставку и проводил дни, гуляя по Дунъю. Поэт не сожалеет об ушедших почестях и славе и только с любовью думает о своем императоре. Настроение этой песни совпадает с настроением Ли Бо, который, уйдя от государственных дел, странствовал по восточному Шаньдуну.

Му — мера площади, 0,06 га.

Мэй — обычно переводят как «китайская слива». Прелесть цветения мэй часто воспевается в китайской поэзии и является одним из излюбленных мотивов китайской живописи.

Мэйнян.—«Нян» («девица», «барышня») часто, как, например, в данном случае, употребляется в качестве ласкательного суффикса при женских именах.

Мэн.— Имеется в виду Мэн-цзы (он же Мэн Кэ, IV — III вв. до н. э.) — китайский мыслитель древности, последователь конфуцианской (см. «Конфуций») школы; ему приписывается авторство «Мэн-цзы», одной из книг конфуцианского канона (см. также «Классические книги»).

«Нанизывание жемчуга».— В произведениях, написанных в этом древнем стиле, основная мысль выражается намеком, причем одна фраза настолько тесно связана с другой, что читатель должен внимательно разбирать фразу за фразой, как бы «нанизывая» их друг на друга.

Нань Чживэй.— Существует предание о том, как в период Воюющих царств (V — III вв. до н. э.) князь царства Цзинь взял себе в наложницы Нань Чживэй, уроженку княжества

Чу. Плененный ее красотой, князь три дня подряд предавался любви с ней, забыв о государственных делах. Опомившись, он был вынужден отослать ее обратно. Впоследствии имя Нань Чживэй, так же как имя Си Ши (см.), стало нарицательным для выражения притягательной силы женской красоты, способной «сокрушить царство».

Наньчунские апельсины — сорт, названный по уезду Наньчун (пров. Сычуань).

Наша династия.— Речь идет о династии Мин (1368—1644).

Небо тридцати трех — по буддийским верованиям, небо, учрежденное Буддой Индрой и его тридцатью двумя спутниками.

Немало таких, кто цитры сжигал или варил журавлей — то есть людей, которые не ценят прекрасное и для которых нет ничего дорогого, священного.

Не Чжэн (IV в. до н. э.) — уроженец удела Хань, прославился отвагой. Князь удела Хань, поссорившись со своим министром и желая отомстить ему, поручил Не Чжэну, о храбрости которого был наслышан, убить министра. Не Чжэн выполнил поручение князя и затем покончил с собой. Предварительно он изувечил себя до неузнаваемости, чтобы его труп не опознали и не пострадала его семья в случае, если будет установлена его причастность к убийству.

Никто не знал, кого назначит полководцем ханьский Гаоцзу — см. «Сян Юй не уничтожен, еще Лю Бан не сел на трон...».

Новое имя — см. «Второе имя».

Но камень даст ли дэвица тому, кто ищет брод? — Подразумевается учащийся. По легенде, некий путешественник, плывя по реке, увидел на берегу девушку, вручившую ему на память в знак своей благосклонности каменное колечко от вертена.

Обе столицы — Чанъань и Лоян.

Облавные шашки считались игрой образованных людей, стратегов. Шашки в виде белых и черных пуговиц, количеством 180 штук, ставились в точках пересечения линий (общее число таких точек-позиций равнялось 361). Суть игры состояла в том, чтобы окружить («обложить облавой») шашки противника. Тогда они считались уничтоженными, позиции занятыми. Выигрыш определялся количеством занятых позиций.

Освидетельствование трупа.— Практика судебной экс-

пертизы по освидетельствованию трупов существует в Китае с древних времен. Первый трактат об этом был написан в 1247 г. и является самым ранним произведением по судебной медицине.

Отблагодарить... с «кольцом во рту» или «с лассо из травы».— Выражение «отблагодарить человека с кольцом во рту» означает отблагодарить кого-либо при жизни за оказанное благодеяние и идет из старой притчи о том, как ученый-отшельник Ян Бао (I в. до н. э.— I в. н. э.) подобрал в горах раненого птенца, выходил его, а потом выпустил на волю. В ту же ночь птенец в виде юноши в желтом платье явился к нему назвался посланцем богини Запада (см. «Сиванму») и преподнес ему четыре яшмовых кольца. «Берегите их,— сказал юноша ученому,— они помогут четырем поколениям ваших потомков быть такими же чистыми и незапятнанными, как вы сами, и достичь высоких чинов и славы». Предсказание юноши сбылось. Выражение «отблагодарить с лассо из травы» означает отблагодарить человека, оказавшего милость, после своей смерти. Оно идет из рассказа о том, как некий Вэй Кэ (VI в. до н. э.), главнокомандующий армией княжества Цзинь, спас от смерти любимую фаворитку своего отца, которую последний приказал живьем закопать вместе с ним после его смерти. Позже, когда Вэй Кэ сражался с войсками государства Цинь, ему удалось взять в плен предводителя циньской армии благодаря какому-то старику, вдруг появившемуся на поле сражения. Старик сплел из травы лассо, набросил его на противника Вэй Кэ и, таким образом, дал Вэй Кэ возможность выиграть сражение. Этот же старик явился Вэй Кэ во сне и сказал: «Я отец спасенной тобой женщины, теперь я отблагодарил тебя».

Отец и мать народа.— Так величали правителей областей и уездов.

Отпечатки лап животных и птиц.— Имеются в виду примитивные иероглифические знаки.

Отпускная — свидетельство о возвращении жены ее родителям после развода.

Отчетный срок давался мелким служащим ямэня (см.) для выполнения поручения начальника. Если по истечении срока поручение оказывалось невыполненным, служащего подвергали наказанию, и срок его отчета продлевался.

Пайбань — музыкальный инструмент; состоит из двух бамбуковых пластинок и напоминает собой кастаньеты.

Палочка — атрибут власти. В руках служителя ямэня она свидетельствовала о том, что он действует не самовольно,

а выполняет приказ начальника, и обязывала людей беспрекосно подчиниться требованиям служителя.

Палочки.— Тонкими палочками (из бамбука, слоновой кости или серебра) китайцы пользуются при еде: две палочки зажимаются между пальцами правой руки, и ими, как щипцами, достают из блюда кусочки мелко крошенной еды, мясо, лапшу, рис и т. д.

Пань Ань — см. «Сун Юй и Пань Ань».

Пастух встречается с Ткачихой — см. «Седьмой день седьмого месяца».

Первое и второе имя мальчику дали исходя из названия этой звезды.— Бо — первое (официальное) имя поэта — является вторым слогом в названии звезды Тайбо (в переводе «Утренняя звезда»), его второе имя — Тайбо — пишется так же, как название звезды.

Перерождение.— По буддийским представлениям, живые существа, в зависимости от своего поведения при жизни, после смерти перерождаются в одном из шести царств, на которые делится мир живых существ: небожителей, титанов, людей, животных, голодных духов и чистилище. После новой смерти следует новое перерождение; и до тех пор, пока в результате морального самоусовершенствования личность не освободится от всякой скверны, она не сможет выйти из этого потока перерождений и успокоиться в нирване, то есть в вечном блаженстве.

Персик на древе священном — персиковое дерево; по преданию, плодоносит раз в три тысячи лет; вкусивший его плод обретает долголетие и бессмертие (см. «Сиванму»).

«Песни Мао».— Имеется в виду «Книга песен» (см.).

Пещеры Хуаяна — два грота в горах Маошань (см.).

Плеть тишины — одна из регалий императора. Троекратным ударом такой плети призывали к тишине, возвещая о начале или окончании аудиенции.

«Покинуть горы» — выражение, означающее покончить с жизнью отшельника и принять участие в государственных делах.

«Покуда отец и мать живы...» — Здесь и далее в разговоре цитируется классическая книга «Беседы и суждения», приписываемая Конфуцию.

Полгэ.— Гэ — мера сыпучих тел, около 90 г.

Полотенце — своеобразный пояс-полотенце; используется одновременно и как пояс, и как полотенце для утирания пота.

Поминальная табличка — покрытая лаком деревянная

дощечка, обычно высотой в 25—30 см., на одной стороне которой пишется посмертное имя умершего (то есть имя, которое употребляется при упоминании покойного вместо его прижизненного имени), а также имя лица, установившего эту табличку (обычно — сына покойного); на другой — имя, звание, дата рождения и смерти покойного. Считается, что в такой табличке пребывает душа умершего. Поминальная табличка заполняется при соблюдении соответствующего ритуала и устанавливается в домашнем алтаре. В определенные дни перед табличкой зажигают свечи, возжигают курения, приносят жертвы и читают молитвы.

Последний месяц осени — девятый месяц по китайскому календарю.

Почему бы не поженить их теперь же, учитывая сложившиеся обстоятельства?— В старину в период траура запрещалось совершать свадьбы. Дозволялось это в исключительных случаях, но и тогда сразу же после обряда бракосочетания молодые снова облачались в траур.

Праздник весны приходится по европейскому календарю приблизительно на начало апреля. В этот день совершают загородные прогулки, а также, по установившемуся издревле обычаю, поминают усопших родственников, приводят в порядок их могилы.

Праздник осеннего полнолуния (или Праздник середины осени) отмечается пятнадцатого числа восьмой луны. Этот вечер обычно проводят под открытым небом, любуясь луной.

Праздник фонарей — кульминационный момент новогодних праздников: падает на пятнадцатое число первого лунного месяца, когда наступает полнолуние. Ночь с пятнадцатого на шестнадцатое отмечается шумными гуляниями при ярком сиянии луны в свете фонарей самых различных форм и размеров.

Праздник цветов считался днем цветения всех цветов и отмечался как народный праздник.

Прическа.— После того как женщина в публичном доме принимала первого гостя, она вместо обычных для нее кос делала прическу, закладывая волосы узлом.

«Пропущенные таланты».— Сунский император Тай-цзун, в надежде выявить «пропущенные таланты», в 988 г. ввел повторные экзамены для лиц, не выдержавших столичные экзамены. Впоследствии такие экзамены устраивались и в области для тех, кто не смог держать экзамен в назначенный срок.

Прочее.— Подразумеваются различные предметы из бумаги, предназначенные для сожжения в храме (см. «Бумажные деньги»).

«Пруд дракона» и «бассейн феникса».— Имеются в виду большое и малое отверстия на цитре.

Путь великий — Путь истины, Дао (см. «Даос»).

Пэй Хан — герой фантастической новеллы VIII — X вв. Оказавшись случайно в одной лодке с госпожой Фань и плененный ее красотой, он преподнес ей в подарок стихи.

«Пятикнижие» — см. «Классические книги».

Пять музыкальных тонов.— Лады китайской музыки основаны на пятизвучковой системе.

«Разложены украденные яшма, благовонья...»— В строке заключены два намека. Первый связан с историей одного бедного молодого человека по фамилии Чжэн, похитившего драгоценную яшму, чтобы добиться брака с любимой девушкой. Второй — с историей о дочери вельможи III в. Цзя Чуна, которая влюбилась в Хань Шоу. Она похитила у отца и передала тайком Хань Шоу курения, пожалованные ей императором и предназначавшиеся для того, кто станет ее мужем. Когда обман открылся, отцу ничего не оставалось, как выдать дочь за Хань Шоу.

Расклеить на улицах уездного города.— В старину было принято жалобы на обидчика с указанием его имени и описанием его преступления расклеивать на домах и заборах.

«Рыбы уходят на дно, и птицы падают наземь» — довольно распространенный образ: «Она так красива, что при ее появлении, пораженные ее красотой, рыбы уходят на дно и птицы падают на землю».

Рыцари рек и озер — см. «Рыцарь».

Рыцарь.— Так называли того, кто во имя справедливости приходил на помощь обиженным и обездоленным. Люди эти искусно владели оружием, могли быстро бегать, взбираться по отвесным скалам, необычайно высоко прыгать. Часто им приписывали сверхъестественные способности. Иногда странствующие рыцари, а также разбойники именовали себя «рыцарями рек и озер».

Священные птицы — аисты. Аист — птица не стайная, в китайской литературе является символом уединения и эпитетом отшельника.

С гусем последним он шлет свой привет...— В китайской литературе, где «дикий гусь» иносказательно обозначал

«письмо», часто встречается выражение «послать весть с диким гусем».

Сдал дела и грамоту.— При вступлении в должность или отстранении от нее чиновник был обязан сдавать в местное управление грамоту о назначении.

Седьмой день седьмого месяца.— В этот день, когда, по старинной китайской легенде, встречаются Пастух и Ткачиха, женщины занимаются рукоделием, молятся об удаче, ниспослании им детей, умении шить, ткать, вышивать и т. д.

Один из вариантов легенды о Пастухе и Ткачихе таков. Ткачиха (дух звезды «альфа» из созвездия Лиры) была в наказание изгнана с небес на землю. Там она встретила Пастуха (духа звезд «бэта» и «гамма» созвездия Орла), вышла за него замуж, и они жили счастливо. Когда кончился срок ее изгнания, Ткачиха вернулась на небо. Пастух хотел последовать за ней, но Небесная Река (Млечный Путь) преградила ему дорогу. С тех пор им дозволялось видеться раз в год — в седьмую ночь седьмой луны. В этот день на Млечный Путь слетались сороки и образовывали мост, на котором и встречались любящие супруги.

Сели — каган туфаньского (см. «Туфани») каганата. В 630 г. его войска, вторгшиеся в Китай, были разбиты, а сам он взят в плен.

Семнадцатый год правления императора Ши-цзуна под девизом «Цзя-цзин» — то есть 1538 г.

Семьдесят два периода года.— По старому китайскому лунно-солнечному календарю год делится на 72 пятидневных периода.

Семь статей, дающих повод для развода.— В одной из канонических книг конфуцианства (см. «Конфуций») оговорены семь причин, по которым муж может отказаться от жены: если она не родит сына; если беспутна и развратна; если не служит свекру и свекрови; если невоздержанна на язык; если нечиста на руку; если она ревнива; если больна дурной болезнью.

Сиванму — «Мать-королева Запада», богиня, возглавляющая всех фей и небожительниц; живет на далеком Западе, на сказочной горе Куньлунь. Ее Яшмовый дворец стоит у Яшмового пруда, на берегу которого растет божественное персиковое дерево, цветущее раз в три тысячи лет и дающее плоды бессмертия.

Силла — см. «Когурё».

Силянское виноградное вино.— Названо по местности Силян (в провинции Ганьсу), где оно изготовлялось.

Синий или бордовый шнур у печати — принадлежность парадного одеяния знатного чиновника. Печать (в зависимости от ранга — золотая, серебряная или медная), довольно большая по размеру, с выгравированными на ней названиями чина и должности, подвешивалась к поясу и, помимо прямого назначения, служила символом чиновной власти. Согласно уложению ханьского периода (III в. до н. э. — III в. н. э.), князья первой и второй степени получали право подвешивать к поясу свои большие печати на бордовом шнуре, а сановники первой степени — на синем.

Сиху — озеро в г. Ханчжоу, славящееся своими островами и живописными берегами со старинными памятниками архитектуры.

Си Ши — знаменитая красавица древности. Существует предание о том, как князь Юэ (V в. до н. э.), потерпевший поражение от князя соседнего удела У, решил прибегнуть к хитрости и подослал к победителю свою наложницу — красавицу Си Ши. Пленившись ее красотой, князь удела У забросил государственные дела, предался любовным утехам и праздным развлечениям, и вскоре его войска были разбиты князем удела Юэ. Таким образом, красота Си Ши послужила причиной гибели целого княжества.

«*Сиши*». — Названы так в честь Си Ши (см.).

Скандировать. — Старые китайские стихи часто декламировались нараспев на самые различные мелодии.

Служить ему с совком и метелкой — то есть быть женой-хозяйкой.

«*Соединили чаши*» — один из элементов старого свадебного обряда: новобрачные пили вино из специальных парных винных чаш, сделанных из половинок одной тыквы. Выражение «соединить чаши» стало художественным образом бракосочетания.

Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего. — Культ предков являлся одним из основных элементов народной религии Древнего Китая. Люди верили, что душа умершего обладает способностью воздействовать на изменение их судьбы в зависимости от степени их забот о ней. С этим представлением были связаны сложнейшие обряды похоронных церемоний, поклонение предкам и принесение жертв душам усопших.

Похоронный обряд состоял из трех основных элементов: панихиды, самих похорон и установки на домашнем алтаре поминальной таблички (см.). В зависимости от достатка семьи, панихида длилась от трех до сорока девяти дней (число дней должно было быть нечетным). Все эти дни гроб

с телом покойного оставался в доме или около него в специально отведенном для этого помещении. На жертвенном столике перед гробом устанавливалась поминальная табличка. Во время панихиды близкие умершего, его друзья и знакомые приходили или приезжали издалека поклониться усопшему.

Сочинения с заклеенными фамилиями и именами.— На государственных экзаменах (см.) на вторую и высшую ученые степени, во избежание злоупотреблений, сочинения экзаменовавшихся переписывались специальными переписчиками; на оригинале и на его копии фамилию экзаменовавшегося заклеивали. Только после того, как переписанный экземпляр сочинения был оценен экзаменатором, по шифру и номеру, которыми помечали переписанный вариант и оригинал, находили конверт с оригиналом и устанавливали автора.

Со Юаньли — см. «Чжоу Син».

Спрятал свертки в рукав — см. «Вытащил из рукава».

Старшая жена — см. «Вторая жена».

Стихи о южном ветре — стихи, в которых воспеваются южный ветер, олицетворяющий собой мягкосердечность и благородство мудрого правления или заботу родителей о детях. Традиция приписывает сочинение этих стихов императору Шуню (см. «Яо и Шунь»).

Столичные экзамены — см. «Государственные экзамены».

Стража.— В древности в Китае с семи вечера до пяти утра каждые два часа сменялись ночные стражи; смена стражи отмечалась ударами в барабан, а иногда стуком колотушек. Отсюда двухчасовые отрезки времени стали именовать «стражей». Первая стража — от семи до девяти часов вечера; вторая — от девяти до одиннадцати; третья — от одиннадцати до часу ночи; четвертая — от часу до трех; пятая — от трех до пяти часов утра.

Суй Хэ и Лу Цзя (оба III — II вв. до э.) — выдающиеся дипломаты, известные своим красноречием, тонкостью аргументации, умением убеждать собеседника в споре.

Сун — см. «Сунская династия».

Сунская династия правила в Китае с 960 по 1279 г. В начале XII в. чжурчжэни (см.) начали войну с Китаем; в 1127 г. они захватили его столицу — Кайфэн, увели в плен почти всю императорскую семью, а затем завоевали весь Северный Китай. Китайский народ во главе с прославленным полководцем Юэ Фэем оказал чжурчжэням героическое сопротивление, но сунский двор заключил с чжурчжэнями позорный мир,

уступив завоевателям северную часть страны. С этого времени власть империи Сун стала распространяться только на юг Китая, куда была перенесена и ее столица. Отсюда и традиционное деление сунской династии на два периода: династия Северная Сун (960—1127) и Южная Сун (1127—1279).

Сунцзян — город в провинции Цзянсу.

Сун Юй (IV в. до н. э.) и Пань Ань (IV в.) — поэты древности, славившиеся своей красотой; имя того и другого стало нарицательным для красивого мужчины.

Сунь Бинь и Сыма Цянь подверглись позорному наказанию. — Сунь У (или Суньцзы, VI—V вв. до н. э.), по прозвищу Сунь Бинь (в переводе: «Сунь Безногий») — известный полководец и стратег. Завидовавший его талантам генерал Пан Цзюань оклеветал Сунь У, и последний был подвергнут позорной казни: ему отрубили ноги (казнь эта называлась «бинь») и сделали клеймо на лице.

Сыма Цянь (II в. до н. э.) — известный китайский историкограф и блестящий стилист; заступился за опального генерала Ли Лина и был оскроплен.

Су, Хан — сокращенно: название городов Сучжоу и Ханчжоу. Сучжоу — административный центр, крупный порт и один из самых живописных городов Китая (пров. Цзянсу); Ханчжоу — административный центр: славится своими живописными местами (пров. Чжэцзян). С 1134 по 1275 г. (во время династии Южная Сун) Ханчжоу являлся столицей Китая и был переименован в Линьань.

Су-цзун — сын императора Сюань-цзуна; годы правления: 756—762.

Су Цинь — см. «Су Цинь все оставался Су Цинем».

«Су Цинь все оставался Су Цинем». — Это выражение восходит к глубокой древности. Су Цинь (IV в. до н. э.), дипломат и государственный деятель, в молодости был беден. Начал с того, что предложил свои услуги князю удела Цинь, но князь от его услуг отказался. Су Цинь вернулся на родину, где многие, даже близкие, стали относиться к нему пренебрежительно. Впоследствии Су Цинь организовал и возглавил союз шести княжеств для борьбы против всемогущего княжества Цинь, и тогда имя его стало широко известным. Вернувшись в родные края уже знатным вельможей, он проявил великодушие ко всем, кто в свое время отверг его, и в связи с этим о нем стали говорить: «Су Цинь все тот же Су Цинь, только платье на нем новое, а сам он остался таким же».

Сучжоу — см. «Су, Хан».

Счастливы́й день — см. «Благоприятный день».

Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.) — известный поэт (см. также «Вэньцзюнь»).

Сын неба — то есть император. По древним поверьям, император получал от небесного владыки инвестиру на управление страной.

Сюань-цзун — правил в 713—755 гг.

Сюньянцзян — один из притоков реки Янцзыцзян (пров. Цзянси).

Сюцай — первая ученая степень (см. «Государственные экзамены»); сюцаями (то есть талантливыми) иногда называли и людей начитанных, хорошо знакомых с классической литературой, но не обязательно выдержавших первые экзамены. Начиная с династии Сун (X — XIII вв.) сюцаями (студентами) называли также лиц, обучавшихся в государственных училищах.

Сюцай-учащийся — см. «Сюцай».

Сюз Тао (768—831) — известная поэтесса, оставившая после себя большое поэтическое наследие.

Сян Юй не уничтожен, еще Лю Бан не сел на трон. — В 205 г. до н. э., когда Лю Бан, основатель династии Хань (см.), собирался идти походом на восток и начать борьбу со своим противником Сян Юем, он, ко всеобщему изумлению, передал командование армией никому ранее не известному Хань Синю. При этом следует иметь в виду, что только император мог назначать главнокомандующего, а Лю Бан, еще не став им, велел воздвигнуть помост, собрать всех военачальников и в их присутствии совершил церемонию возведения Хань Синя в ранг главнокомандующего.

Сяо И. — По преданию, Сяо И, сын легендарного императора У-дина (XIV в. до н. э.), рано потерял мать. Мачеха оклеветала его перед отцом, и У-дин, поверив ее наветам, сослал сына. Сяо И погиб в изгнании.

Тайбо. — Это и остальные географические названия в тексте данного письма относятся к территории, которую занимало само государство Бохай, или к районам, находившимся под его протекторатом.

Тай-пин син-го. — Этим девизом (см.) обозначались 976—983 годы правления императора Тай-цзуна.

Тай-цзу — годы правления: 960—976.

Тай-цзун — годы правления: 627—649.

Тайшань не узнал(а) — китайская поговорка, означаю-

щая: не суметь распознать мудрого, благородного, выдающегося своими достоинствами человека; Тайшань (в переводе: «Великая гора») — одна из наиболее высоких гор в Шаньдуне, входит в число пяти прославленных гор Китая.

Тан — династия, правившая в Китае с 618 по 907 г.

Тан Инь (1470—1523) — известный живописец, каллиграф и поэт.

Танский — см. «Тан».

Тао Чжу — см. «Тао Чжу или И Дунь».

Тао Чжу или И Дунь. — Тао Чжу — имя, которое принял министр Фань Ли (V в. до н. э.), служивший в различных княжествах; он не раз отказывался от своих богатств и неизменно снова их приобретал. И Дунь, живший, по преданию, в эпоху Чуньцю (VIII — V вв. до н. э.), скопил несметные богатства на торговле солью. Имя того и другого стало нарицательным для богача.

Тао Юаньмин (Тао Цянь; 365—427) — знаменитый поэт, оказавший огромное влияние на поэтов последующих эпох.

Тиин. — По преданию, во времена императора Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.) некий Чуньюй И, начальник уезда, за совершенный им проступок был препровожден в столицу, заключен в тюрьму и приговорен к телесному наказанию. Его дочь Тиин последовала за ним в столицу и стала молить императора о прощении отца, предлагая себя в рабыни, чтобы ценой своей свободы искупить его вину. Растроганный император освободил Чуньюй И и отменил наказание.

Тоскует кукушка. — Крик кукушки — образ начала лета.

Трещали петарды, пылали сосновые ветки. — По народному обычаю, в канун Нового года люди у себя во дворе разводили огромные костры из веток сосны или бамбука и пускали трещащие петарды. Обычай этот связан с поверьем, что треск бамбука и горящих сосновых веток отгоняет нечистую силу.

Три судебных органа — Палата наказаний, Цензорат и Высший суд.

Туфани — государство Туфань (Тибет); занимало в танские времена территорию провинции Цинхай и Сикан-Тибетское плато. Вождя своего племени туфани называли «гялбо» (в китайском произношении «цзаныпу»).

Ты жаждешь повстречать Сянжу — намек на чувства Вэньцзюнь (см.) к Сыма Сянжу.

Тыква-горлянка — особый сорт тыквы, по форме напоми-

нающий сосуд с горлышком. Такая тыква, освобожденная от содержимого и высушенная, употребляется как сосуд для вина.

Тянь-бао.— Этим девизом (см.) обозначались 742—755 гг. правления императора Сюань-цзуна.

У-ван шел походом на Чжоу.— Речь идет о походе У-вана, основателя династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.), против Чжоу Синя, последнего императора предшествующей династии Шан.

У и Чу — уделы в провинции Цзянсу.

Улинь.— Так часто именуют Ханчжоу (см. «Су, Хан») по названию расположенных там живописных гор Улинь.

Уложение в гроб — см. «Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего».

Умереть с закрытыми глазами — то есть умереть спокойно. По народным поверьям, открытые глаза у покойника свидетельствуют о том, что душа его испытывает беспокойство.

Уси — город в провинции Цзянсу.

«Уста узорчаты и ум цветист»— образно: о человеке тонкого ума и мастере слова.

Усянь — уезд и город в провинции Цзянсу.

Уточек пару словно боится спугнуть... двуглавое пламя жаль ей иголю смахнуть.— Речь идет о вышитых на подушке селезне и утке, символизирующих, как и двуглавое пламя, любящих супругов.

Фаньян.— Во времена императора Сюань-цзуна Ань Лушань (см.) занимал должность военного губернатора области Фаньян (пров. Хэбэй).

[В] *фиолетовом халате... при золотом поясе, в шапке из тонкого шелка, имея при себе дощечку из слоновой кости* — необходимые принадлежности парадной одежды знатного чиновника.

Фу Си — первый легендарный император Китая, правивший якобы в XXVIII—XVII вв. до н. э.

Фэн Цзин (1021—1094) или Шан Лу (1414—1486) — крупные сановники и государственные деятели; согласно источникам, оба первыми выдержали все три экзамена: в уезде, в области и в столице.

Фэнь — мера длины, равная 0,32 см.

Фэнь — денежная единица, равная одной сотой доли лана (см.).

Ханчжоу — см. «Су, Хан».

Хань — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

Ханьские дворцы — дворцы императоров династии Хань (см.).

Холодное вино — см. «Вино тут же было подогрето».

Хотанская яшма — один из лучших сортов яшмы; назван по реке Хотан (Синьцзян), где она добывается.

Хуаиньсянь — в провинции Шэньси.

Хуайнань-цзы. — Под этим именем известен ученый и поэт II в. до н. э. Лю Ань.

Хуан Чунгу (X в.). — История о том, как талантливая девица, сирота Чунгу, выдавала себя за мужчину и состояла на службе в канцелярии министра, легла в основу известной пьесы XVI в. «Дева-чжуанъюань» («чжуанъюань» — почетное звание для лица, лучше других выдержавшего экзамен при дворе).

Хун-у. — Этим девизом (см.) обозначались 1368—1398 гг. правления императора Тай-цзу.

Хунфу — красавица, фаворитка знатного придворного и богача Ян Су (? — 606). Как передает традиция, случайно встретившись с бывшим в то время в немилости ученым и государственным деятелем Ли Цзином, она сумела распознать в нем благородного и талантливого человека, влюбилась в него и бежала с ним из дома Ян Су.

Хучжоу — область, занимавшая часть территории нынешней провинции Чжэцзян.

Хуэй-цзун — правил в 1101—1126 гг.

Хуэйшаньская вода — кристально чистая вода трех знаменитых прудов Хуэйшаньцюань в горах Хуэйшань (пров. Цзянсу, бывш. уезд Уси); употреблялась для изготовления особого сорта вина.

Хуэйшаньское вино — см. «Хуэйшаньская вода».

Хэлины — жители небольшого государства, существовавшего в период Тан на территории Вьетнама. Правителем этого государства одно время была женщина по имени Симо.

Хэ Чжичжан (659—744) — ученый, государственный деятель и поэт; член Придворной Академии.

Хэ Янь (190—249) — государственный деятель и поэт.

Цайши — скалистая местность на реке Янцзы (пров. Аньхой).

Цао. — Имеется в виду Цао Чжи (192—232, второе имя — Цзыцзянь), знаменитый поэт, мастер экспромта.

Цао Цао с сыном.— Цао Цао (155—220) — талантливый полководец при императоре Сянь-ди, последнем императоре династии Хань (см.); был назначен первым министром. Находясь на этом посту, Цао Цао захватил в свои руки фактическое управление страной, расправляясь со всеми неудобными. Образ деспота-феодала, жестокого и вероломного царедворца Цао Цао, которого рассматривали в народе как узурпатора законной власти ханьского дома, запечатлен в романе «Троецарствие». Сын Цао Цао — Цао Пэй в 220 г., после смерти отца, низложил Сянь-ди, объявил себя императором царства Вэй и основал новую династию Вэй, просуществовавшую до 264 г.

Цао Цзыцзянь — см. «Цао».

Царство веселья.— Имеются в виду публичные дома.

Цветок гортензии на шапке.— Белый цветок гортензии на головном уборе — признак траура.

Цветочек или ива — иносказ.: женщины легкого поведения, девицы-гетеры веселых домов.

Цзеюань — сюацй, первым выдержавший экзамен на степень «цзюйжэнь» (см. «Государственные экзамены»).

Цзе Юй — жил в период «Чунью» (VIII—V вв. до н. э.); не желал служить, в связи с чем притворялся юродивым. По преданию, Цзе Юй однажды встретил Конфуция (см.) и спел ему песню, в которой иронизировал над ним и предостерегал его от опасностей служебного пути.

Цзи Ань не захотел склониться перед генералом.— Намек на историю с Цзи Анем (II в.), правителем одной из областей; в отличие от прочих знатных сановников и вельмож, встречавших некоего Вэй Цина, назначенного на пост главнокомандующего армией, земным поклоном, как это и подобало, Цзи Ань ограничился лишь наклоном головы и сложением рук в знак приветствия.

Цзин Кэ (III в. до н. э.) — уроженец княжества Ци. Во время пребывания его в уделе Янь царевич этого удела, гостеприимно принявший Цзин Кэ и окруживший его роскошью, поручил Цзин Кэ убить князя удела Цинь (будущего основателя династии Цинь), который посягал на земли княжества Янь. Цзин Кэ совершил покушение, но оно оказалось неудачным. Цзин Кэ, который не убил князя, а только ранил его, был схвачен и казнен.

Цзинь — китайский фунт, равный приблизительно 0,6 кг.

Цзинь — уезд в провинции Шаньси.

Цзиньлин — уезд на севере провинции Цзянси.

Цзиньши — высшая чиновная степень (см. «Государственные экзамены»).

Цзиньян — столица древнего княжества Цзинь.

Цзисянь — в переводе: «Собрание талантов».

Цзулайшань — горы в провинции Шаньдун, славящиеся обильно растущими по их склонам соснами и кипарисами.

«*Цзыгао драконов любил, но разве любил настоящих?*» — Намек на экзаменаторов, которые притворялись, что любят знающих и талантливых, или не умели распознать истинно талантливых людей. История с Цзыгао идет от древней притчи о некоем Шэ Цзыгао, который так любил драконов, что увесил их изображениями весь дом; однако, когда в его доме оказался настоящий дракон, Цзыгао насмерть перепугался.

Цзюйжэнь — вторая ученая степень (см. «Государственные экзамены»).

Цзюньцин — в переводе: «Способностью и умом выдающийся».

Цзя. — Имеется в виду Цзя И (II в. до н. э.), известный ученый, философ, поэт, эссеист.

Цзяннань — район к югу от реки Янцзы.

Цзянсу-чжэцзянский дух. — Подразумевается высокая культура, обширные знания и талант. Провинции Цзянсу и Чжэцзян были экономическими и культурными центрами страны, где сосредоточивалась большая часть интеллигенции. Многие знаменитые ученые, поэты и писатели были уроженцами именно этих двух провинций.

Цзянькан — в провинции Цзянсу.

Цзяолянь — см. «Бичжэн».

Цзясин и Хучжоу — в провинции Чжэцзян.

Цзя-цзин — 1522—1566 гг. правления императора Шичзуна.

Ци — в провинции Шаньдун.

Цин — мера площади, равная приблизительно 6,5 га.

Цинлянь. — Некоторые источники указывают на местечко Цинлянь (пров. Сычуань) как на место рождения Ли Бо.

Цинь — китайский музыкальный инструмент, обычно переводимый как «цитра».

Цинь Куай (1090—1155) — министр при императоре сунской династии (см.) Гао-цзуне; вошел в историю как изменник родины. Когда в Китай вторглись племена чжурчжэней, Цинь Куай возглавил капитулянтскую клику и жестоко расправлялся с теми, кто стоял за сопротивление врагу.

Цунь — мера длины, около 3,2 см.

Цюй Юань на озере печали предавался.— Цюй Юань (340—278 гг. до н. э.) — великий поэт и государственный деятель, уроженец удела Чу, занимал важные государственные посты. Цюй Юань требовал от своего князя объединения с другими уделами в борьбе против княжества Цинь, которое угрожало безопасности Чу. Однако все планы и предложения Цюй Юаня были отвергнуты, а сам он оклеветан, отстранен от должности. Вторую половину жизни поэт провел в изгнании. Известное стихотворение Цюй Юаня «Отец-рыбак», в котором поэт поведал встретившемуся рыбаку о причинах своего изгнания и о своем отношении к жизни, начинается так: «Когда Цюй Юань жил в изгнание своем, он блуждал по затонам реки и бродил, сочиняя стихи, у вод великих озер».

Цянь — старая весовая денежная единица; составляет десятую часть лана (см.).

Цяньху — начальник воинского подразделения в тысячу человек.

Чайник вина.— В Китае вино обычно подается в чайниках.

Чанмэнь — одни из восьми ворот города Сучжоу (пров. Цзянсу).

Чанъань (соврем. Сиань) на протяжении многих веков была столицей Китая.

Чао.— Имеется в виду Чао Цо, главный наставник императора Вэнь-ди (годы правления: 179—157 гг. до н. э.), заслуживший своим умом прозвище «Мешок мудрости».

«Чашу к бровям подымать»— иносказ.: с большим уважением относиться к мужу. Выражение это связано с именем Мэн Гуан, жены некоего Лян Хуна (I в.), которая, подавая мужу еду, высоко поднимала чашу в знак глубокого уважения к нему.

«Четверокнижие»— см. «Классические книги».

Чжан — мера длины, около 3 м.

Чжан.— Имеется в виду начальник Уголовной палаты Чжан Шичжи (II в. до н. э.); был известен своей строгостью и справедливостью.

Чжан Лян (III в. до н. э.) — уроженец княжества Хань. Когда император Цинь Шихуан, проводивший объединение страны, захватил княжество Хань, Чжан Лян, как гласит предание, продал все свое имущество, а вырученные деньги отдал надежному человеку, который согласился уничтожить Цинь Шихуана. Покушение состоялось в Боланша, но не удалось.

Чжао, Вэй, Янь — уделы в провинции Хэбэй.

Чжаоцзюнь. — С именем Ван Чжаоцзюнь (Ван Цян) связана широко известная легенда. Чжаоцзюнь, красавицу из гарема императора Юань-ди (I в. до н. э.), император никогда не призывал к себе, так как каждый раз выбирал очередную подругу по портретам, а придворный художник, не получив от нее, как от других девиц, взятки, изобразил ее уродливой. Как самую некрасивую император и отдал ее в жены вождю гуннов-сюнну. О красоте Ван Чжаоцзюнь император узнал лишь на прощальной аудиенции, устроенной по случаю отъезда вождя, и тут же влюбился в нее. Но договор был заключен, и Ван Чжаоцзюнь пришлось уехать на север, где она вскоре умерла, тоскуя по родине.

Чжоу Син — так же, как Лай Цзинчэнь и Со Юаньли, — чиновники периода Тан (см.), известные жестоким отношением к осужденным.

Чжоу Синь — последний правитель династии Шан (годы царствования: 1154—1122 гг. до н. э.).

Чжуань — один из древних стилей написания китайских иероглифов.

Чжугэ Лян — известный полководец и народный герой эпохи «Троецарствия» (220—280), образ которого ярко обрисован в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие». В знаменитых докладах Чжугэ Ляна, написанных им перед выступлением в поход, Чжугэ Лян призывает императора держаться справедливости, рекомендует ему верных людей и ратует за активную борьбу с завоевателями.

Чжунчжоу — город в провинции Хэнань.

Чжурчжэни — кочевые племена тунгусской этнической группы, населявшие в XII в. территорию Монголии и Северо-Восточного Китая. После ряда успешных войн с другими племенами, главным образом с киданями, чжурчжэни начинают войну с Китаем и завоевывают весь Северный Китай (см. «Сунская династия»).

Чжу Цзя (III — II вв. до н. э.) прославился тем, что охотно помогал людям в беде, часто рискуя при этом собственным благополучием. Так, по преданию, Чжу Цзя однажды укрыл у себя храброго воеводу Цзи Бу, в то время как император Гао-цзу давал тысячу ланов золотом за его голову.

Чжу Чжишань (он же Чжу Юньмин, 1461—1527) — ученый, каллиграф и поэт.

Чжэн Гу — годы жизни: ? — 896.

Чжэн-тун. — Этим девизом (см.) обозначались 1436—1449 гг. правления императора Ин-цзуна.

Чжэн Юаньхэ.— В Китае с VII — X вв. был популярен рассказ о талантливом юноше Чжэн Юаньхэ из знатной, богатой семьи и его любви к красавице Ли Ва (в версиях последующих эпох она именуется Ли Ясянь), известной столичной гетере. Истратив все свое состояние на гетеру, юноша дошел до полного разорения и нищенствовал. Из этого положения его спасла Ли Ва, которая приютила его, стала за ним ухаживать и настояла на том, чтобы он готовил себя к государственным экзаменам (см.). Благодаря заботам Ли Ва юноша смог блестяще выдержать экзамены и получил чиновную должность.

История Чжэн Юаньхэ и Ли Ва нашла свое отражение в рассказе известного новеллиста Бо Синцзяня (770?— 816?) «История Ли Ва» и в ряде позднейших драм.

Чи — мера длины, равная 32 см.

«Чистые и ровные мелодии»— один из поэтических размеров: стансы, содержащие каждый четыре семисложные строки.

Чу — древнее княжество, занимавшее полностью или частично территорию провинций Сычуань, Хубэй, Хунань, Цзянси, Аньхой и Чжэцзян.

«Чуньцю»— хроника событий, происходивших в уделе Лу, на родине Конфуция и охватывающая период с 722 по 481 г. до н. э. (см. также «Классические книги»).

Чэн.— Имеется в виду Чэн Миньчжэн (1445—1499), ученый, член императорской Академии.

Чэн Тан сидел в башне Ся.— Как передает традиция, Чэн Тан (XVIII в. до н. э.), основатель древней династии Шан, был заключен в тюрьму «Сятай» (в переводе «башня Ся») сторонниками предшествующей династии Ся.

Шанлинь — название знаменитого парка в Лояне (пров. Хэнань).

Шапка — как и пояс, атрибуты чиновничьей одежды. По различным их формам и украшениям на них, а также по печати, висящей у пояса, судили о чине и должности чиновника.

Шестой год правления под девизом «Тянь-шунь» — то есть 1462 г.

Шуньцинские груши — сорт груш, названный по местности Шуньцин (пров. Сычуань).

Шуя.— Речь идет о Бао Шуя (VII в. до н. э.), министре княжества Ци. Известна легендарная дружба между Бао Шуя и Гуань Иу (или Гуань Чжуном), видным государственным деятелем княжества Ци, который в молодости был беден

и выдвинулся исключительно благодаря поддержке и помощи со стороны Бао Шуя.

Шэнцзе — в переводе: «Смелых превосходящий».

Шэнь Шэн — сын Сянь Гуа, князя удела Цзинь, одного из древних княжеств эпохи Чуньцю (VIII — V вв. до н. э.). Ли Ци, фаворитка его отца, желая возвести на престол своего сына, оклеветала Шэнь Шэна перед Сянь Гуа, уверив последнего, что сын собирается отравить его. Шэнь Шэн был сослан и покончил с собой.

Экзамен для талантливых отроков. — Подобные экзамены проводились уже в эпоху Сун (X—XIII вв.); согласно специальному уложению, местные власти выдвигали одаренных детей, которым давалось право держать такие экзамены; экзаменатором детей мог быть и сам император; выдержавшие получали определенные привилегии.

Эмэй — живописные горы в провинции Сычуань.

Юаньбао — название слитка серебра весом около пятидесяти ланов (см.); было введено во времена монгольской династии Юань (1280—1367).

Юань Чжэнь (779—831) — знаменитый поэт.

Юньмэн — горы Юньмэншань в провинции Шэньси.

Юэян — уезд на севере провинции Хунань.

Ямэнь. — Так в Китае, начиная примерно с X — XI вв. и до 1911 г., обычно называли правительственные учреждения.

Ян Гочжун (?—756) — наставник императора Сюань-цзуна (см.), пользовавшийся неограниченной властью, отличался жестокостью и коварством.

Ян-гуйфэй. — Ян — фамилия, гуйфэй — титул, данный танским императором Сюань-цзуном (см.) его фаворитке Ян Юйхуань. Пользуясь исключительным влиянием на императора, Ян-гуйфэй сумела приблизить к трону членов своей семьи и, возглавив придворную клику, фактически управляла страной через своего двоюродного брата, наставника императора Ян Гочжуна (см.).

Янчжоу — область с центром в г. Янчжоу (пров. Цзянсу).

Яньло — властитель подземного царства, судья умерших.

Янь Хуэй (VI — V вв. до н. э.) — один из талантливых и любимых учеников Конфуция (см.).

Яо и Шунь — легендарные императоры древности (XXIV—XXIII вв. до н. э.), почитавшиеся образцовыми правителями.

Яшмовая дева — фея-прислужница богини Сиванму (см.).

Яшмовый.— Яшма — камень, особо ценимый китайцами за красоту, прочность, нежность на ощупь и ряд других свойств; отсюда прилагательное «яшмовый» стало эпитетом всего красивого, нежного, изысканного, благородного.

Яшмовый пруд — см. «Сиванму».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Циперович. Китайская народная повесть XVI—XVII веков</i>	5
<i>ЦЗЯН СИНГЭ ВНОВЬ ВИДИТ ЖЕМЧУЖНУЮ РУБАШКУ. Перевод И. Циперович</i>	17
<i>ЛИ МЯНЬ В КРАЙНЕЙ БЕДЕ ВСТРЕЧАЕТ БЛАГОРОДНОГО РЫЦАРЯ. Перевод И. Циперович</i>	73
<i>СТАРЫЙ СЮЦАЙ ВОЗДАЕТ ЗА ДОБРО ТРЕМ ПОКОЛЕНИЯМ ОДНОЙ СЕМЬИ. Перевод В. Вельгуса</i>	119
<i>ПРОДАВЕЦ МАСЛА ПОКОРЯЕТ ЦАРИЦУ ЦВЕТОВ. Перевод В. Вельгуса</i>	141
<i>ЛУ НАНЬ, ЛЮБИТЕЛЬ ПОЭЗИИ И ВИНА, НЕ ПОСЧИТАЛСЯ С УЕЗДНЫМ НАЧАЛЬНИКОМ. Перевод И. Циперович</i>	203
<i>ДЕВИЦА-СЮЦАЙ ЛОВКО ПОДМЕНЯЕТ ОДНО ДРУГИМ. Перевод В. Вельгуса</i>	251
<i>ШЭНЬ СЯОСЯ НЕОЖИДАННО ВИДИТ ДОКЛАДЫ ЧЖУГЭ ЛЯНА. Перевод И. Циперович</i>	297
<i>ЮЙ БОЯ, СКОРБЯ О ДРУГЕ, РАЗБИВАЕТ ЦИТРУ. Перевод В. Вельгуса</i>	347
<i>АЛХИМИКИ, ХВАСТАЮЩИЕСЯ СВОИМ ИСКУССТВОМ, ПОХИЩАЮТ СЕРЕБРО. Перевод И. Циперович</i>	369
<i>ЧУДАЧЕСТВА ТАН ИНЯ. Перевод И. Циперович</i>	395
<i>ЛИ-НЕБОЖИТЕЛЬ, ПЬЯНЫЙ, ПИШЕТ ПИСЬМО, УСТРАШИВШЕЕ ВАРВАРОВ. Перевод И. Циперович</i>	417
<i>Комментарии</i>	443

Удивительные истории нашего времени и древности. / Пер. с кит. и коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович.— М.: Худож. лит., 1988.—479 с. (Б-ка китайской лит-ры.)

ISBN 5-280-00367-0

В сборник средневековых китайских повестей вошли наиболее увлекательные и остросюжетные повести XVI—XVII вв.— периода, который по праву считается «золотым веком» в истории развития китайской городской повести. Созданные безымянными писателями в манере популярных в свое время рассказов уличных сказителей-профессионалов, повести эти правдиво изображают различные стороны китайского средневекового быта, нравы и психологию людей, живших в те далекие от нас времена.

у 4703000000-049 173-88
028(01)-88

ББК 84.5Кит

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ДРЕВНОСТИ

Составитель

Ц и п е р о в и ч Изольда Эмильевна

Редактор М. Фишбейн

Художественный редактор А. Моисеев

Технические редакторы Л. Платонова, М. Крюкова

Корректоры Г. Асланянц, И. Шевякова

ИБ № 5148

Сдано в набор 04.05.87. Подписано в печать 04.01.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 26,89. Тираж 100 000 экз. Изд. № VIII-2513. Заказ № 973. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература»

107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

